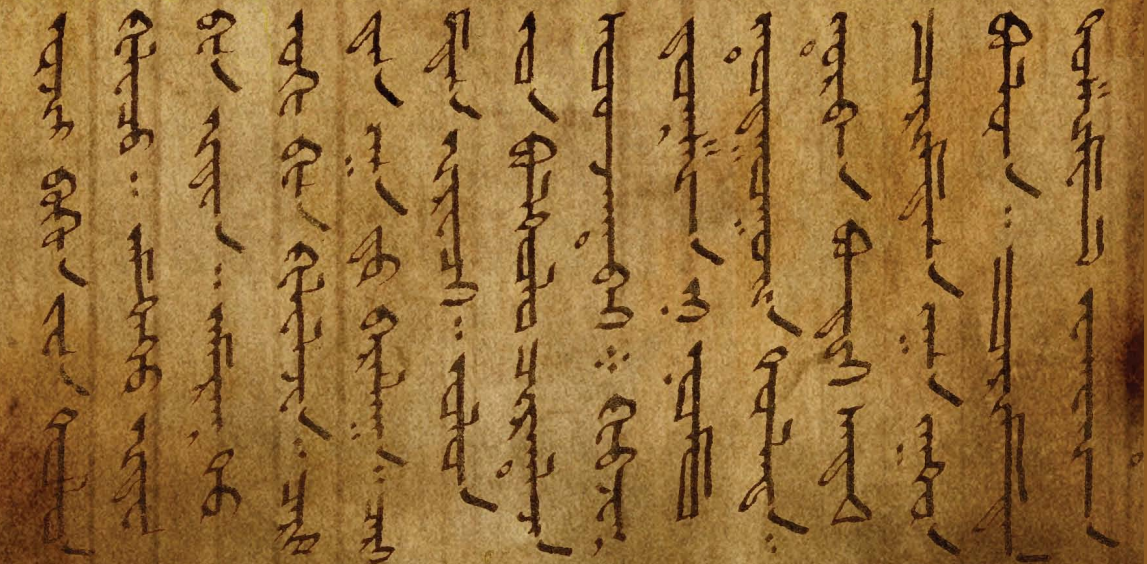
CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM

II

ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ «ИСТОРИИ БЕЛОЙ ТАРЫ»

(«ПОВЕСТИ О НАРАНУ ГЕРЕЛ»)



CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM

II

Серия основана в 2013 году

Редакционная коллегия серии
«CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM»:

Председатель
Л. Болд (Монголия)
Ответственный секретарь
Б. Тувшинтугс (Монголия)

Шалу Ринпоче (Галсантубден Перлейджамцо)

А. В. Бадмаев (Россия), **Ц. Бату** (Китай),
Б. А. Бичеев (Россия), **До. Галдан** (Китай),
О. Самбуудорж (Монголия), **Н. С. Яхонтова** (Россия).

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Решение о публикации памятников ойратской литературы на «ясном письме», хранящихся в научных архивах, библиотеках, частных коллекциях Монголии, России и Китая, в серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM» было принято в 2013 году по инициативе Института языка и литературы Академии наук Монголии.

В научный оборот будут вводиться письменные памятники в виде критических и факсимильных изданий текстов рукописей, ксилографов, литографий и их научных переводов.

Серия готовится и выпускается учеными и специалистами Института языка и литературы Академии наук Монголии, Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук и Кабинета по сбору, каталогизации и изданию письменных памятников национальных меньшинств Отдела религии Управления по делам национальностей СУАР КНР.

В серии увидели свет:

Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»). Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – 248 с.

В серии готовятся к изданию:

«Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ» («Повесть о Нарану Гэрэл»). Факсимиле рукописи. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии А. Г. Сазыкина.

«Волшебный мертвец». Факсимиле рукописи. Издание текста, исследование, перевод с ойратского, транслитерация, комментарии До. Галдана.

АКАДЕМИЯ НАУК МОНГОЛИИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ «ИСТОРИИ БЕЛОЙ ТАРЫ»

(«ПОВЕСТИ О НАРАНУ ГЕРЕЛ»)

Факсимиле рукописей.
Исследование, транслитерация, перевод с ойратского,
комментарии Б. А. Бичеева

УЛАН-БАТОР
2015

ББК 83.3 (0)9 + 5 (Мо)
О 48

Исследование осуществлено в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 15-04-00308

Утверждено к печати Ученым советом
Института языка и литературы Академии наук Монголии

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук

Ответственный редактор
Н. С. Яхонтова

О 48 **Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Нарану Герел»).** Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. – Улан-Батор: ИЯЛ АНМ, 2015. – 256 с.

«История Белой Тары» («Повесть о Нарану Герел») – популярное произведение ойратской старописьменной литературы. Сочинение повествует о событиях жизни Нарану Герел (Цаган Дара эке, Белая Тара), которая, несмотря на все испытания, выпавшие на ее долю, остается верной своим нравственным идеалам. В старописьменной монгольской литературе повесть известна в трех редакциях. Тексты двух ранних редакций были введены в научный оборот российскими и монгольскими исследователями. Третья (поздняя) редакция повести, к которой исследователи относят и ойратский текст, до последнего времени оставалась известной лишь в кратком изложении.

В настоящем издании дан сравнительный анализ содержания ранних редакций монгольской «Повести о Нарану Гэрэл» и ойратского текста «Жизнеописание Белой Тары».

ISBN 978-5-903833-75-7

© Бичеев Б.А., издание текста, исследование,
транслитерация, перевод, комментарии, 2015.
© Институт языка и литературы АН Монголии, 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7
СЮЖЕТ «ВИДЕНИЯ АДА» В ОЙРАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 9
МОНГОЛЬСКАЯ «СУТРА-ПОВЕСТЬ О ЦАГАН ДАРА-ЭХЭ» 23
ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ «ПОВЕСТИ О НАРАНУ ГЕРЕЛ» 35
ЛИТЕРАТУРА 51

«Caγān Dare ekeyin namtar orošibo»
Транслитерация 53
Перевод. «Жизнеописание Белой Тары» («Повесть о Нарану Герел») . . . 83
Перевод. «Цаһан Дара экин намтр оршв» 125
Факсимиле 159

ПРИЛОЖЕНИЯ
«Getülgegči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuγuǰi-un sudur orošiba»
Приложение I. Транслитерация 205
Приложение II. Перевод. «Сутра-повесть о Цаган Дара-эхэ» 211
Приложение III. Перевод. «Гетлһгч Цаһан Дара экин тууҗ судр оршв» . . 219
Приложение IV. Факсимиле 226
Приложение V. Таблица соотношения редакций 244

SUMMARY 253

Светлой памяти
нашей старшей сестры
Любавы Александровны
Гавгаевой (Бичеевой)

ВВЕДЕНИЕ

В первой книге серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM», посвященной введению в научный оборот текста популярного произведения ойратской старописьменной литературы «История Белой Тары» («Повесть о Багамай-хатун»), отмечалось, что среди памятников на «ясном письме» есть два разных по содержанию произведения под одинаковым названием «История Белой Тары». Исследователи, различая их, используют двойные названия этих текстов. Поэтому один из них известен под названием «История Белой Тары» («Повесть о Багамай-хатун»), другой – «История Белой Тары» («Повесть о Нарану Герел»)[1].

Главное отличие одного произведения от другого, по мнению исследователей, заключается в том, что в «Повести о Багамай-хатун» описываются подвиги матери, отправившейся на поиски своего потерявшегося сына, а в «Повести о Нарану Герел» – деяния жены, отправившейся в далекий путь вслед за своим мужем [Сумъяа 2011: 11].

Монгольская «Повесть о Нарану Гэрэл» бытовала только в рукописном виде и была широко распространена под разными названиями: «Повесть о Цаган Дара-эхэ» («*Cayayan Dar-e eke-yin tuγuǰi*»), «Повесть об Унэн-Огулэгчи и Наран-Гэрэл-Дагини» («*Ünen Ögülegči Naran Gerel dageni-yin tuγuǰi*»), «Повесть о Дональджингуа-дагини» («*Donalǰin γou-a dageni-yin tuγuǰi*») и др. [Дамдинсурэн 1959: 247]. Ойратский текст повести также бытовал только в рукописном виде, но известен лишь под одним названием «Жизнеописание Белой Тары» («*Cayān Darē ekeyin namtar orošibo*»).

В старописьменной монгольской литературе «Повесть о Нарану Гэрэл» известна в трех редакциях [Тойм 1977]. Первая (ранняя) редакция повести была опубликована Ц. Дамдинсурэном [Дамдинсурэн 1959: 227–247], вторая – А. Г. Сазыкиным и Д. Ёндоном [Сазыкин, Ёндон 1987: 34–106].

Ц. Дамдинсурэн отмечает, что содержание текста, первой (ранней) редакции и текста второй редакции, идентично, но имеются заметные различия в языке произведений [Тойм 1977: 62]. А. Г. Сазыкин и Д. Ёндон главным отличием первой редакции от второй называют различную степень верификации текста [Сазыкин, Ёндон 1987: 35].

---

[1] В переводах монгольской версии имя героини дается как Нарану Гэрэл, так и Нарангэрэл. В переводе ойратской версии мы предпочли написание Нарану Герел.

Третья (поздняя) редакция, представленная несколькими рукописями на старомонгольской графике[1], известна исследователям лишь в кратком изложении [Тойм 1977: 65–69]. Отмечая особенности поздней монгольской редакции этого сочинения, А. Г. Сазыкин пишет, что «третья, поздняя, редакция «Повести о Нарану Гэрэл»… наряду с некоторыми изменениями в описании прижизненных деяний Нарану Гэрэл обнаруживает наиболее существенные отличия в рассказе о посещении ею царства мертвых» [Сазыкин 2004: 25].

Именно к этой третьей (поздней) редакции относится текст на «ясном письме» под названием «Жизнеописание Белой Тары» («*Cаγān Darē ekeyin namtar orošibo*»). Единственный экземпляр рукописи этой повести, содержание которой все еще остается не известным иследователям, хранится в ойратском фонде Института языка и литературы АН Монголии[2].

Решению этой насущной для современного монголоведения задачи посвящена данная работа, в которой дан сравнительный анализ содержания ранних редакций монгольской «Повести о Нарану Гэрэл» и ойратского текста «Жизнеописание Белой Тары».

Автор благодарит директора Института языка и литературы АН Монголии, академика Л. Болда и ученого секретаря института, профессора Д. Тувшинтугса за содействие в получении копии рукописи «*Cаγān Darē ekeyin namtar orošibo*».

Отдельно хотелось поблагодарить научного сотрудника этого института профессора Д. Сумъяа за возможность ознакомиться с факсимиле монгольской рукописи «Сутра-повесть о Цаган Дара-эхе» («*Getülgegči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuγuǰi-un sudur orošiba*»), оригинал которой хранится в Национальной библиотеке Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Свою глубокую признательность автор выражает директору монгольского фонда Научной библиотеки АОН Автономного района Внутренняя Монголия КНР, профессору Wu Tuoya, которая любезно предоставила копию монгольского ксилографа «История Зеленой Тары» («*Getülgegči Noγoγan Dhar-e eke-yin tuγuǰi*»).

Считаю своим долгом искренне поблагодарить научного редактора данного издания доцента Н. С. Яхонтову (ИВР РАН) за внимание к данной работе и сделанные ею компетентные замечания.

[1] [Каталог 1988: № 328 (F 38), 329 (F 141), 330 (C 4)].

[2] [Gerelmaa 2005: № 688 (23)].

СЮЖЕТ «ВИДЕНИЯ АДА» В ОЙРАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В буддизме, отношение простых верующих к смерти является одной из важнейших особенностей их религиозного мироощущения. Для тех, кто вступает на путь спасения, медитация о неизбежности смерти считается одним из основных методов отречения от привязанности к чувственным объектам этой жизни. Буддийские учителя утверждают, что сначала необходимо прийти к осознанию невечности всего сущего и только потом приступать к постижению других духовных практик.

Медитации о непостоянстве, к примеру, посвящена четвертая глава шастры «Драгоценное украшение Освобождения» («*Tonilxuyin čimeq kemēkü šaštir*»[1]). Автор этой работы энциклопедического содержания патриарх тибетской школы Кагью Дже Гампопа (1079–1153) учит, что первым и обязательным предметом устного наставления Доброго друга[2] должна быть тема непостоянства всего сущего и неизбежности смерти. Само наставление в содержании шастры дано в следующей форме:

Как же это непостоянно? Конец всего собранного – разъединение, конец воздвигнутого – падение, конец встречи – разлука, конец жизни – смерть [Гампопа 2005: 24][3].

Для медитативной практики наставления в тексте шастры дается ряд аллегорических сравнений. Скоротечность земной жизни уподобляется стремительному полету стрелы, необратимому низвержению водопада, неотвратимости пути идущего на казнь.

[1] Текст этой шастры был переложен с монгольского языка на калмыцкий язык старшим бакши Донских хурулов М. Борманжиновым (1855–1919). По его просьбе шастра была включена во второе издание «Калмыцкой хрестоматии», составленной профессором А. М. Позднеевым (1851–1920). Текст переложения был редактирован комиссией калмыцких гелонгов под руководством одного из авторитетнейших калмыцких священнослужителей, старшего бакши Большедербетовского улуса, настоятеля Богдан хурула Очира Джунгруева (Очир-лама, в миру Санджи Яванов-Сахулов). Окончательная редакция текста переложения была сделана А. М. Позднеевым при участии Бакши Денисовского хурула Шарапа Дандоновича Тепкина (1875–1949) и опубликована в указаннной хрестоматии под названием «*Tonilxuyin čimeg kemēkü šaštir*» [Позднеев 1907: III–IV].

[2] Добрый друг (тиб. *dge ba'i bshes gnyen*; ойр. *sayin nökör*) – Учитель-наставник.

[3] В *«Tonilxuyin čimeg kemēkü šaštir»* наставление о непостоянстве всего сущего и неизбежности смерти дано в следующем виде: *Möngkö busuyigi yaγāǰi bišilγaxu gekülē: xurāqsani ecüs baraqdaxu: dabxurlaqsāni ecüs unaxu: učiraqsani ecüs xaγacaxu: amiduyin ecüs ükükü: gadādu saba yirtimči möngkö busu bolōd dotorki üre amitan möngkö busu bui:* [Позднеев 1907: 181].

Что касается первого примера: когда лучник посылает стрелу, то [она] ни на мгновение не остается на одном месте в воздухе, но быстро движется к цели; так же и жизнь не останавливается ни на мгновение, но быстро [приближается к] смерти.

...Второй пример – водопад, низвергающийся с обрывистой скалы; подобно тому, как он, не останавливаясь ни на мгновение, свергается [вниз], так же и человеческая жизнь очевиднейшим образом не способна остановиться.

...Третий пример – преступник, ведомый на плаху; подобно тому, как каждый шаг приближает его к смерти, так же и наша жизнь сходна с тем [Гампопа 2005: 29][1].

Это же наставление в несколько упрощенной форме воспроизводится и в некоторых списках монгольской «Повести о Зеленой Дарь-эхэ»[2]. Его произносит Будда Шакьямуни, обращаясь к героине произведения.

Конец встречи – разлука, после разлуки [будет] встреча. Рождение заканчивается смертью, после смерти [будет] рождение. После посева следует покос, после покоса взойдут [всходы][3].

Буддийское учение о смерти, основы которого изложены в тибетской «Книге мертвых» («Бардо Тхедол»; тиб. *bar do'i thos sgrol*), представляет собой свод универсальной духовной практики, которую предстоит пройти каждому в области промежуточного состояния, прежде чем определится его будущая форма существования. «Книга мертвых» была своеобразным наставлением, помогающим в момент наступления смерти не растерять своей духовности, предписываемой религиозной традицией. Она учит встречать смерть с ясным осознанием неизбежности устранения тела.

[1] В «*Tonilxuyin čimeg kemēkü šaštir*» этот пример дан в следующем виде: *Üligerlekülē: yeke kučitei kümüni xarbuqsan nige sumu aqčim zuura ülü tüdeǰi zöröülüqsen γazartu kürkü metü: mani nasun nige aqčim tedüi ülü tüdeǰi üküküyin oyiroduǰi bayixu: basa üligerlekülē: eres xadāsu urusxu usun nigen aqčim zuura ülü amuraǰi güyikü metü: mani nasun tere kebēr nigen aqčimdu zoqsol ügei üküliyin züqtü oyiroduǰi bayixu: basa üliger-ni: šinǰur ömüsüqsen alaxu kümün nijīd nijīd alxuxu tutum alaxu γazartu oyirodxu metü: mani nasun čigi nige aqčim nöqčikü bolōd nige ödör nöqčikü kigēd nige söni xonoxu tutum üküküdü oyirodoxu:* [Позднеев 1907: 181].

[2] Упомянутая нами во введении к этой работе ойратская «История Белой Тары» («Повесть о Багамай-хатун») в монгольской версии известна под названием «Повесть о Зеленой Дарь-эхэ». См.: [Дамдинсурэн 2003: 164–185]; [Сумъяа 2011]; [Бичеев 2013].

[3] *Амрагийн эцэс хагацдаг биш үү, хагацсаны хойно уулздаг буй. Төрсний эцэс үхдэг буй, үхсэний хойно төрдөг буй. Тарьсаны хойно хаддаг биш үү, хадсаны хойно ургадаг буй* [Сумъяа 2011: 129].

Этой же традиции придерживаются и современные учителя буддизма. Основатель буддийского Университета Наропы (США), один из известных учителей школы Кагью Чогьям Трунгпа Ринпоче (1940–1987) в своих комментариях к «Книге мертвых» пишет: «Находиться в постоянном контакте со смертью и наблюдать за процессом умирания (особенно, когда умирают ваши родственники или близкие друзья) чрезвычайно важно для тех, кто изучает эту традицию, ибо так представление о непостоянстве становится частью живого опыта, а не отвлеченным философским знанием» [Книга Мертвых 2003: 10].

Философское объяснение ада, приводимое в «Книге мертвых», по традиции принято относить к «скрытым сокровищам» буддийского учения. Те адские мучения, которым подвергается человек, согласно теоретическому буддизму, есть лишь ментальное отражение его кармических отпечатков.

«Тебя будут рассекать на части снова и снова, причиняя тебе ужасные муки. Посему не бойся, когда белые камешки будут сочтены, не лги и не страшись Владыки Смерти. Ты сейчас обладаешь ментальным телом, так что если даже тебя убьют и разрежут на части, ты не умрешь. В действительности ты – естественная форма пустоты, так что бояться тебе нечего. И Владыка Смерти – не что иное, как естественные формы пустоты, собственные твои помраченные проекции; и сам ты пустота, ментальное тело бессознательных склонностей» [Книга Мертвых 2003: 150].

Однако теоретические построения философского буддизма о смерти были недоступны для понимания простых мирян, тем не менее, именно они послужили основой для формирования народного представления о смерти. Теоретические установки буддизма были соотнесены с традиционными представлениями и выражены в виде устных и письменных повествований о «хождениях в ад» или «видениях буддийского ада».

Приведенные в таких произведениях описания ада, по мнению исследователей, являются внеканоническими текстами. Однако подлинность изложенного, его наполненность высшим религиозным смыслом никогда не подвергалась сомнению верующими [Гуревич 1981: 207].

Идея о том, что нет ничего, что могло бы помочь от падения в ад, кроме накопления благих заслуг, связана с верой во всемогущество и беспощадность закона кармы. Именно этой теме посвящено наставление (*zarliq*)

гелонга Ики хурула Бага-цохуровского аймака Джинзан-ламы (ум. 1852)[1]. Его сочинение «Наставление ламы калмыцкого народа Джинзан-ламы» («*Halimaq tangγačiyin blama J̌inǰiying blamayin zarliq orošobo*»)[2] адресовано простым верующим неискушенным в учении буддизма (*nom ugei xara kümün nuγudtu*).

Следуя традиции устного разъяснения медитации о непостоянстве – противоядии от привязанности к чувственным объектам этой жизни, Джинзан-лама начинает свое сочинения с наставления о неизбежности и неопределенности времени наступления смерти.

О, все люди без различия на высоких, низких и средних – умрут.

По какой причине? С изначального времени нет никого, о ком было бы сказано, видено или припомнено, что он бессмертен. Все кто был прежде – умерли, это действительно так. Не избежим ее и мы, когда явится Владыка смерти. Нельзя сказать ***[2a]*** *в какое время, это произойдет.*

Каким образом удостоверится в этом? Многие умирают в период между молодостью и старостью. Кто-то доживает до глубокой старости. Некоторые рождаются мертвыми из материнского чрева, кто-то умирает во время рождения. Одни умирают в младенчестве, другие – в отрочестве. Кто-то умирает в молодости, а некоторые в преклонных летах. Исходя из этого, нельзя сказать, когда конкретно наступит время смерти. Но непреложно то, что однажды умрет каждый[3].

[1] Джинзан-лама является автором еще одного интересного сочинения «Ухани толь» («*Uxāni zula buyu oyouni toli boloxu debeter*»), написанного в 1840 г. Рукопись состоит из двух тетрадей и хранится в Научной библиотеке СПбГУ (Шифр: Calm C 12. Xyl F 76). См.: Бадмин Андра. «Ухани толь девтрин» эк бичгин тускар // Теегин герл. 1997. № 8. С. 16–22.

В ЦГИА хранится прошение Джинзан-ламы об оставлении калмыков шабинеров в ведении Ики хурула и дозволении поселить их на берегу реки Ахтубы. Документ датирован 1851 г. См.: Die ethnohistorischen Archivdokumente zu den Kalmücken, Burjaten und Mongolen des Zentralstaatlichen Geschichtsarchives (CGIA) und des Institutsarchives für Ethnographie (AIE) in Leningrad. Zusammengestellt und bearbeitet von Dittmar Schorkowitz. Berlin, 1988. № 857.

[2] Текст сочинения Джинзан-ламы хранится в личном архиве С. Кульдинова (США). Рукопись состоит из 7 листов. В колофоне указан год создания произведения – «*tömör noxai ǰiliyin tuula sariyin namiyin-du bičēd*», т. е. 1850 г. Орфография рукописи отличается некоторыми особенностями. Язык изложения максимально приближен к разговорному стилю, поэтому многие слова имеют нестандартное написание.

[3] *Aya kümün nuγud sayin muu dundu γurbun: yiliγal (ügei) cuq ükükü: yuun učurar gikelei: türün-ēce ükül ugei baqsin kümün: ē gikü üzükü sonusuxu sanaxu-du negen čigi ugei: urduni xamuq ükǰi dusuqsun tere mön bida xamuq ükükü-ēce dabaxu ugei: ükülin ezeyin ireqsin caqtu:: tere caq giǰi* ***[2a]*** *caq bolzoǰi bološi ügei: tüüni yuuγar itigikü gikelei zalu köqšün zabsar daraγin ulum ügei ükükü:: nidün-dü ese üzü=qdüni: köqšürün köqšüritüli bayixu maγad ügei:: tere zarim ekiyin oma dotorosu ükǰün γar=daq: zarim γarči bayiγād ükǰüq: zarim mölköǰi tataǰi bayixin*

Затем Джинзан-лама пишет о том, что в промежуточном состоянии, в котором оказвается каждый человек после наступления смерти, определяется его будущая форма рождения, которая всецело зависит от результатов благих и неблагих деяний, совершенных при жизни.

Невозможно выбрать форму будущего рождения по своему желанию. Сознание не исчезнет подобно сену, сгоревшему в огне. Необходимо будет обрести форму рождения. Поскольку нет возможности самому выбрать форму своего рождения, то она определяется результатом ваших благих и неблагих накоплений [в этой жизни].

В результате неблагих деяний рождаются в аду, претом или животным. Великое накопление неблагих деяний ведет к рождению в аду, среднее – претом, малое – животным.

...Отвращение к страданиям трех неблагополучных форм рождения, размышления об этих страданиях порождают страх. Страх – порождает страдание. Поэтому отрекшись от прегрешений тела, речи и ума, направьте деяния тела речи и ума на благие деяния – корень благоденствия.

Великие накопления благих деяний приведут к рождению в верхнем Мире Форм тенгриев-небожителей. Средние накопления благих деяний приведут к рождению в чувственном мире шести тенгриев-небожителей. Малые накопления благих деяний – к рождению человеком.

Несмотря на то, что три эти формы есть благополучное рождение, но если в результате не обретя мудрости, исчерпав возможности своих благих накоплений полностью лишиться их, то опять родишься в неблагополучной форме. Так поведано Буддой[1].

Именно на осознанное стремление к обретению благой формы рождения, к решительному отречению от греховных деяний, беспрекословному

tüdü caqtain üküdüq: zarim kelǰi ülǰi yoboxu nilxu caqtun ükü=düq: zarim zalu idirtei kürēd üküdüq:: zarim köqšürü=qsüyin caqtin üküdüq:: edener šinǰilkilē keze ükükü-dü caq bolzoǰi bološi ügei:: keze ükükü maγad ügei mön:

[1] *Öbörön durur töröl aba=xu erke ügei: öbüsü γaldu tüleq-sün mete sedkel tere ügei bolǰi odxu ügei: töröl negeni abaxu kereqtei töröl abaxu-du öbörtü erke ügei bolxoli ende üldüqsün buyan nüülin üler abaxu: nülin üler tamu birid adusun γurbun-du törkü: yiki üler tamudu törkü dundu üler erliq bired-tu törkü üčküüün üler adusun-du törkü::... **[4b]** ene γurbun muu zayatan-du törküli zobolong ülü durulun atain zobolong edeleqsini sanxuli ayul törkü: ayul törküli zobolongin ündüsün: tegēd kilinci nüülesü biyi kelen sedkel γurbun sakād: amuγulunggiyin ündüsün caγan buyani ülidü biye kelen sedkel γuru=bun duruduxuǰi::... buyan üldüqsüni ürü erken yikini dere ba[yi]daq dürüstü tenggeriyin oron-du törkü:: dundu buyar küsülün zuruγan tenggertü törkü:: üčükün buyar kümüni züüldü törkü:: ene γurbun töröl dab dere amarin tüdü bolboču: ašidiyin beligi ese oloqsuni tula-du:: buyani ürüyigi edelǰi dusād buyani xoq ügei boloxuli: gederge muu zaya=ten-du törkü geqsen buruxani iši zarliq bayinē::*

соблюдению нравственных обетов здесь в этой жизни, необходимости обретения прибежища в Будде и Трех драгоценностях и были рассчитаны истории о «хождениях в ад» или «видениях буддийского ада».

Все известные произведения такого типа принадлежат к одному виду буддийской литературы и воспроизводят определенный набор образов и понятий. Структура многих сочинений подобного рода выстраивалась по единой схеме:

– смерть главного героя (героини) повествования;
– пребывание в области промежуточного состояния;
– путь к Владыке ада через преддверия и отделения ада;
– сцена суда Владыки ада;
– возвращение героя (героини) в мир живых.

В основной части сюжета таких произведений всегда присутствуют эпизоды, описывающие различные преддверия и отделения ада, страдающих в них людей, сцены суда и наказа-наставления владыки буддийского ада. Среди общих элементов, как правило, присутствующих в структуре таких произведений, следует отметить мотив встречи со старушкой, предлагающей выпить чай, который окончательно лишает находящегося в промежуточной области возможности вернуться в мир живых и мотив появления святого, который уводит вслед за собой тех, кто ожидает своей участи в аду. Естественно, что какие-то элементы структуры могли выпадать или быть обозначенными схематично.

Поскольку в буддизме особое внимание уделялось медитации о непостоянстве всего сущего и неизбежности смерти, то это не могло не сказаться на широкой распространенности произведений, описывающих «видения ада». Такие повествования пользовались популярностью среди представителей разных слоев общества. В научном отчете известного ученого и просветителя Номто Очирова о результатах его экспедиций 1909–1911 гг. по улусам астраханских калмыков указаны названия рукописей из некоторых личных коллекций. В библиотеке хошеутовского нойона Тюменя среди других произведений имелась «История Гусю ламы». Другой список этого же текста хранился в коллекции рукописей дербетовского зайсанга Бочи Талтаева. Среди списка книг калмыка-простолюдина Ахтубы значится «История Чойджид-рагини» [Очиров 2006: 172].

Исследованию этого вида монгольской литературы был посвящен ряд работ известного монголоведа А. Г. Сазыкина, среди которых две монографии: «История Чойджид-дагини» (1990 г.) и «Видения буддийского ада»

(2004 г.). В содержание последней включены транслитерация и переводы пяти наиболее известных текстов сочинений этого жанра. В предисловии к книге автором дан обстоятельный анализ всех известных монгольских и ойратских произведений на сюжет «хождения в ад»[1].

Наиболее популярным произведением этого жанра была «История Чойджид-рагини» («*Čöyijid ragini-yin tuuji*»), которая бытовала на «ясном письме» в рукописном[2] и в печатном виде. Это достаточно объемное произведение содержит описание посмертных ощущений героини повести, выполненных в соответствии с положениями тибетской «Книги мертвых» [Сазыкин 2004: 22]. Центральное событие сюжета – сцены загробного суда, на котором главенствует владыка всех сфер буддийского ада, единоличный властитель царства мертвых Эрлик Номун-хан.

Ойратская версия «Истории Чойджид-рагини», которая долгое время бытовала в рукописном виде, в начале XX века обретает печатную форму, что было связано с активизацией в этот период деятельности по переводу и изданию буддийской литературы. Группа калмыцких священнослужителей под руководством старшего бакши донских калмыков Монке Борманжинова[3] осуществила литографическое издание переработанного и сокращенного варианта этой повести.

Другим не менее широко распространенным произведением была «История о Молон-тойне» («*Moloni toyin ekēn tamu-ēce γarγaqsan sudur orošiboi*») [Яхонтова 1999]. Это легендарное повествование о Молон-тойне (санскр. Маудагальяяна) – одном из ближайших учеников Будды, который вызволил из ада свою грешную мать. Ойратский перевод этого произведения был выполнен в середине XVII века. Он, как считает Н. С. Яхонтова на основании сопоставления содержания монгольского ксилографированного издания и китайских текстов из Дуньхуана, представляет собой

[1] В третьей книге серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM» будут включены предисловие к книге «Видения буддийского ада», а также статья А. Г. Сазыкина «Эсхатологические мотивы в повести о Нарану Гэрэл», факсимиле, транслитерация и перевод текста «Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ» («Повесть о Нарану Гэрэл»).

[2] На сегодня известны две рукописи этого сочинения на «ясном письме». Одна из них под названием «*Erliq xāni zakā orošibo*» хранится в научной библиотеке Восточного факультета СПбГУ. См.: [Сазыкин 1990: 30]. Вторая рукопись под названием «*Erdeni-tü Erliq nomiyin xāni zakā zarliq orošibo*» хранится в собрании ойратских рукописей Института языка и литературы АН Монголии. См.: [Gerelmaa 2005: № 294].

[3] Архимандрит Гурий отмечает, что только за 1911 год под руководством М. Борманжинова было издано двенадцать наименований буддийских произведений на калмыцком языке. См.: Миссионерское обозрение. № 1–4, 1911. С. 412–421.

самостоятельную редакцию, включающую, как эпизоды из монгольской версии, так и текстуальные совпадения с одним из текстов, найденных в Дуньхуане [Яхонтова 1999: 25]. Сильное влияние китайской литературы на это произведение отмечает и А. Г. Сазыкин, который, кроме того, уверен в ее переводном (с тибетского) происхождении [Сазыкин 2004: 11–12].

Согласно традиции буддизма, Маудагальяяна побывал во всех восемнадцати отделениях ада и его преддвериях, в мире людей и животных, стране асуров и тенгриев. Затем по просьбе Будды он воспроизвел все эти миры в виде символического изображения, которое в иконографии буддизма известно под названием «Круг Сансары» (тиб. *'jig rten 'khor ba;* калм. *Сансрин күрд*)[1]. На этой танке Владыка царства мертвых изображен восседающим на золотом престоле в окружении своих слуг-эрликов с устрашающими антропоморфными чертами, держащих различные орудия пыток (железные плети, крюки, клещи, топоры и т.д.). Неизменными атрибутами Эрлик Номун-хана являются зеркало и книга судьбы, беспристрастно отражающие прижизненные деяния всех явившихся к нему на суд, а также весы, на которых взвешиваются греховные и благие деяния каждого человека.

В эсхатологической концепции буддизма ад – это низшая сфера сансары и наихудшее место рождения живых существ. Существует восемь горячих, восемь холодных, а также кратковременные и соседствующие отделения ада [Гампопа 2005: 35–36]. Грешники, попавшие в одно из этих отделений ада, подвергаются не одному какому-то наказанию, а поэтапному переходу из одного отделения в другое. Их рубят, режут на части, стирают в порошок, тычут копьями, заливают им в рот расплавленный металл, заставляют пахать землю отросшими до колен языками, варят в кипящем котле, топят в кровавой реке и т.д.

Весь этот мир «дурной участи» визуально отражен и в иллюстрациях к некоторым монгольским спискам «Истории о Молон-тойне». Взаимосвязь текста и иллюстрации в таких повествованиях оказывала потрясающее психологическое воздействие на простых мирян, вселяла в них уверенность в неминуемой тяжкой каре в ужасающем и хаотичном подземном мире за грехи, совершенные в этой жизни и побуждала их к накоплению положительной кармы для обретения благой формы рождения.

[1] Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Серия «Наше наследие»). Изд. репринтное. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. С. 72.

В фонде Королевской библиотеки Копенгагена (Royal Library of Kopengagen) хранятся два монгольских иллюстрированных списка сказания о Молон-тойне. Один представляет собой рукописную книгу, второй – хромолитографическое издание. В обоих списках текст расположен на верхней (recto), а иллюстрации – на оборотной (verso) стороне листа[1].

В собрании монгольских рукописей Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ) хранятся две иллюстрированные рукописи и ксилограф «Истории о Молон-тойне»[2]. Данные о других списках иллюстрированных рукописей и печатных изданиях этого текста даны в монографии А. Г. Сазыкина [Сазыкин 2004: 12–13].

Парафразом тибетско-монгольских историй о хождениях в ад называет А. Г. Сазыкин монгольский текст «Повести о Гусю-ламе» («*Xutuq-tu Güšü blam-a-yin qamuγ amitan-i tamu-ača tonilγaγsan šaštar orošiba*») [Каталог 1988: С 236 (№ 331)], созданный в Бурятии. «Повесть о Гусю-ламе» переложенная в свое время на «ясное письмо» под названием «*Töbödi-yin xutuqtu Güüsü blama nirvān boluqsani touǰi oršibo*» [Каталог 1988: С 391 (№ 338)] является оригинальным произведением, содержащим ряд элементов сказочного фольклора. Во-первых, образ старушки, встречей с которой начинается и заканчивается повествование. Во-вторых, мотив перехода через пропасть по мосту, который делается толщиной с волос [Sazykin 1997: 33–38].

К числу повествований о видениях буддийского ада А. Г. Сазыкин относит пять рассказов из монгольского литературного сборника о пользе «Алмазной сутры» («*Qutuγ-tu bilig-ün činadu kiǰaγar-a kürügsen vačir-iyar oγtoluγči kemekü-eče: ači ögülekü sudur*») [Сазыкин 2001: Q415 (3905)]. Рассказы этого популярного сборника на конкретных примерах объясняют пользу переписывания, чтения и почитания одного из базовых текстов праджняпарамиты «Ваджрачхеддика сутры» («*Xutuqtu biligiyin činadu küreqsen tasuluqči očir kemēkü sudur yeke külgüni sudur orošiboi*»).

Ойратская версия сборника «О пользе чтения “Алмазной сутры”» («*Xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasuluqči očiriyin ači tusa nomloqson kemēkü orošiboi*») имела широкое распространение, о чем свидетельствует

[1] Баянова А. Т. Особенности иллюстрирования монгольской рукописной книги (на примере «Сутры о том, как Молон-тойн освободил свою мать из ада») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39). Ч. II. С. 23–27.

[2] Гармаева Х. Ж. Об иллюстрированных монгольских списках сутры о Молон-тойне // Тезисы и доклады Международной научно-теоретической конференции «Банзаровские чтения – 2», посвященной 175-летию со дня рождения Д. Банзарова. Улан-Удэ: ИМБИТ РАН, С. 207–211.

большое количество рукописей на «ясном письме», хранящихся в Санкт-Петербурге[1] и Улан-Баторе[2] [Сазыкин 1997: 139–160; Цэвгэ 2003: 62–88].

Православный священник Пармен Смирнов (1824 – 1886), который часто бывал в калмыцких кочевьях, в своих путевых записках пишет: «Я же обратил внимание на родственницу, которая, повертывая *кюрдю*, читала какую-то книгу (*ном*), написанную на отдельных продолговатых листах. На вопрос мой, что она читает, родственница отвечала: “Чудеса, совершенные священною книгою *Дорджи джодба*[3], которых было пятнадцать”» [Смирнов 1999: 76].

Основными действующими персонажами повествований о «видениях ада» являются люди, которые «ушли и вернулись» (тиб. *‘das log;* ойр. *odōd ireqsen*), что буквально означает, ушедший и возвратившийся из промежуточной области существования (тиб. *bar do;* ойр. *zuurduyin oron*) между смертью и новым рождением. Достоверность таких произведений подкреплялась пусть и редкими, но реальными случаями возвращения некоторых людей к жизни после признания их умершими. Один из священнослужителей донских калмыков – эмчи (врач) и переводчик тибетских медицинских трактатов Дамбо Ульянов (1844–1913) в своей книге о путешествии в Тибет описывает следующий «загадочный случай», который произошел в его родной станице.

Внезапно захворала и вскоре скончалась молодая калмычка по имени Онка. Однако к утру умершая женщина начала проявлять признаки жизни и ожила. Придя в себя, она поведала матери следующее:

«О, мама-мама, какой ужас я видела! Внезапно меня взяли под ручку два человека-великана, с двумя рогами каждый на голове и вмиг привели меня в подземное царство. В этом царстве страшно много бедных людей, крайне некрасивых…

Мои два спутника вскоре привели меня в большой дворец, в котором на высоком, красивом седалище пребывал необыкновенной величины человек в одеянии Ламы, с длинными пальцами на руках и с большим открытым лбом. Этот Лама, увидев меня, грозно обратился к двум великанам: “Зачем вы привели Онку, она не должна была прийти!”. Обращаясь же ко

[1] См.: [Сазыкин 1988: С 170 (377), С 176 (378), В 131 (379), С 256 (380)].

[2] Лувсанбалдан приводит шифры 17 рукописей на «ясном письме» из фонда Института языка и литературы АН Монголии. См.: [Лувсанбалдан 1975: 0063]. В каталоге ойратских рукописей Института языка и литературы АН Монголии указано наименование 15 рукописей этого сборника. См.: [Gerelmaa 2005: №№ 421–436].

[3] Краткое название «Ваджрачхеддика сутры».

мне, Лама продолжал: “Ты, Онка, ступай домой! Ваш Бакша Джимба Зунгру бодхисаттва 3-й категории. Если у него возьмешь обет и будешь вести благочестивую жизнь, то доживешь до 77 лет”.

После этих слов Ламы два черных великана вывели меня из дворца и повели к выходу большой ямы, откуда распространялся запах ужасного зловонья. Придя к выходу, они толкали меня спуститься в яму, но я отпиралась и не хотела. Это их как будто рассердило, и они силой толкнули меня в затылок прямо в эту яму… Я не помню, куда попала и что со мною случилось, но только сейчас же проснулась»[1].

Сюжет «видения ада» оставался известным в калмыцкой литературе вплоть до начала XX века. Одним из последних по времени своего появления произведений этого вида литературы следует назвать «Поэму о невечности» («Мөңк бусын учрт»). Сведения об авторе этого текста противоречивы. По одним данным, автором поэмы мог быть калмыцкий лама Чёрик Унков[2]. Об этом пишет представитель калмыцкой эмиграции С. Кульдинов (1911–1996), который опубликовал это произведение в 1977 г. в первом выпуске своего рукописного журнала «Хальимак Туульис»[3].

В 1993 году текст этой же поэмы с некоторыми изменениями и значительным пропуском текста был опубликован в Калмыкии на страницах республиканской газеты «Хальмг үнн». В предисловии к публикации народный поэт Калмыкии Д. Н. Кугультинов (1922–2006) пишет, что о широком бытовании этого текста в 1930-е гг. упоминал патриарх калмыцкой литературы С. К. Каляев (1905–1985). По его предположению, рукопись поэмы, которая в те годы тайно ходила по рукам, могла принадлежать репрессированному в 1930-е гг. талантливому поэту и прозаику Николаю Нормаеву (1904–193?)[4].

Исходя из содержания поэмы, можно предположить, что автор был хорошо знаком с вышеупомянутыми произведениями на сюжет видения ада. Как Чёрик Унков (в силу своего монастырского образования), так и Н. Нормаев (сын учителя калмыцких народных школ) прекрасно знали литературу на «ясном письме».

[1] Ульянов Д. Предсказание Будды о Доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб, 1913. С. 58–60.

[2] Чёрик (Александр) Унков (1898–1958) – уроженец станицы Кутейниковской (Кевюдовского аймака), Сальского округа. Буддийский лама (астролог). Долгое время прожил в эмиграции. Похоронен на русском кладбище Храма Святого Владимира в США.

[3] Хальимак Туульис. Тӳрӳн Дектер. Кольдонга Содман оршива. 1977. Мога джил. С. 12–18.

[4] Мөңк бусын учрт // Хальмг үнн (№ 214), 18 ноября 1993 г.

«Поэма о невечности» разбита на девять небольших по своему объему частей[1] и представляет собой текст, отражающий основные положения буддийского учения о невечности. Во вступительной части дается краткое наставление о неизбежности смерти и обусловленности промежуточного существования.

Үкхнь мөңк бусу гидгтн
Үнн Бурхна зәрлг бәәҗ.
Үкх кемҗә – тертн
Урдын үүләр учрдг санҗ.

Һазад, дотадын әәмсхл тасрхла,
Гешүн хамг көдлхән уурдг санҗ.
Һанцхн әмн-сүмсн бийәрн
Һаза һарч зуурд ордг санҗ[2].

В поэме повествование ведется от первого лица, а потому герой произведения безымянный. В экспозиции развернута тема первого опыта бардо, предшествующая переходу от жизни к смерти. Внутренний конфликт связан с тем, что герой не осознает наступления смерти и не готов к переходу в нереальный мир. Войдя в свой дом, он, подобно героине «Истории Чойджид-рагини», видит на своей кровати лежащую лягушку, которую оплакивают его родные. Его недоуменный вопрос к окружающим остается без ответа. Его не видят и не слышат.

Иигән-тиигән хәләхлә,
Игзәр хутхм цоохр меклә,
Ишкә, улва, девскр мини деер
Ил өрәлнь һарсн кевтҗ.

Эн хамгиг үзн һундад,
Эврә төрсн элгн-садндан
Эргәд ирәд һундлан келхлә,
Эднәс чигн нанд хәрү уга болв.

С этого момента герой поэмы, как и Чойджид-рагини, начинает обретать первый опыт – ощущение физической невесомости своего состояния.

[1] Оригинал текста написан на «ясном письме». При публикации С. Кульдинов переложил его на современную графику и внес правки в текст. «Унков Черик гидек кӱн бичексен бәәджи ене шаштрииге. Терӱӱгинь би абад, йасад-йарад ококсан, халимак епически макталин дӱр ороджи одобо» // Хальимак Туульис. Тӱрӱн Дектер. Кольдонга Содман оршива. 1977. Мога джил. С. 12.

[2] Здесь и далее текст цитируется по: Мӧнгкӧ бусо-ин учирто // Хальимак Туульис. Тӱрӱн Дектер. Кольдонга Содман оршива. 1977. Мога джил. С. 12–18.

Ода би яһсмб гиһәд,
Эврә бийән шинҗләд хәләхлә,
Өрвлһн мини җивр болад,
Өөдән, уру нисәд бәәнәв.

Затем следует описание событий, которые также хорошо известны по содержанию повествования о Чойджид-рагини. Герой насыщается запахом поминальной трапезы, обретает успокоение от чтения монахами сутры «Дорджи Джодба». С этого момента он осознает суть произошедшего – он умер и покинул свое физическое тело.

Хәәртә эңкр элгн-садан
Хамг бәәсн һазртнь оркад,
Хураҗ авсн эдл-ахурсан
Хаяд һарх цаг ирв.

Хамдан экин кевлд ханьцгсн
Халун цогц махмудасн хаһцх,
Хәәртә әмн-сүмсн һанцхарн
Хәрү уга хаалһд орх цаг ирв.

Инфернальная часть произведения начинается с «узнавания» ирреальной действительности, о которой герою было поведано в земной жизни его Учителем-наставником. Следуя за посланником Владыки смерти, он видит различные устрашающие преддверия и отделения ада, в которых томятся живые существа:

Әәмшгтә зуурдын эн бәәдл
Ачта багшин зәрлг хамгар
Әмд цагтан соңсч йовсарн
Алдл уга таньҗ медүв.

В основной части произведения дается описание четырех сцен суда Эрлик Номун-хана. В первой сцене человек, неправедно проживший земную жизнь, по решению Эрлик-хана определяется в одно из отделений горячего ада. Перед тем как быть сброшенным в огненный ад грешник успевает обратиться к тем, кому суждено будет вернуться в мир живых, с просьбой рассказать о неотвратимости наказания за греховные деяния.

Килнц, нүүләс цеерлҗ,
Күүнд хор бичә күргтн!
Кесн үүлин үрәр болхла,
Кезә тоньлхнь медҗ болшго!

С подобной просьбой к присутствующим обращается и человек, которого Владыка ада за совершенные им деяния во благо живых существ, определяет в страну будд.

Буйнта үүлд бийән зарад,
Бусын тусас бичә алзлтн,
Бүгд «Маань Мигзм» кецәһәд,
Буй хурасн үрән эдлх болтха! – гив.

В следующем эпизоде богатый человек, не стяжавший праведных заслуг, обречен родиться претом – одной из трех неблагополучных форм рождения. Четвертым появляется бедный старик с молитвенным барабанчиком и четками в руках. Эрлик Номун-хан дарует ему рождение в драгоценном теле человека для достижения состояния полного просветления.

В этой интересной по содержанию и композиции поэме нет традиционной для такого вида произведений финальной части, в которой герою (героини) «хождения в ад» удается вернуться в мир живых и поведать обо всем увиденном и услышанном в потустороннем мире.

Девятая последняя часть сочинения представляет собой размышления героя до того, как предстать перед судом Эрлик Номун-хана. По сути, это наставление, в котором отсутствует традиционный призыв к отречению от неправедных деяний и совершению благих, но есть восхваление праведного и неизбежного суда Владыки ада:

Байн кишгәр дольҗ өгшго
Баатр хана номин йосн.
Бөк чидләр диилҗ болшго
Бүгдин хана номин йосн.
Хойр көлтсиг хөвәрдг уга
Хуурмг уга номин йосн.
Хөөтк насиг йилһҗ келдг
Хөөтк насна эзн Номин хан.

Таким образом, в текстах, описывающих «видения буддийского ада», выражены основные принципы народной религиозности, которые имеют логическую связь с концептуальными положениями буддийского учения. Основная дидактика произведений на сюжет «видения буддийского ада» свидетельствует о том, что в народном представлении доминировал принцип загробного воздаяния, ставящий посмертную участь в исключительную зависимость от добрых или греховных деяний при жизни.

МОНГОЛЬСКАЯ «СУТРА-ПОВЕСТЬ О ЦАГАН ДАРА-ЭХЭ»

Сюжет «хождения в ад» или «видения ада» получил свое развитие и в повествованиях о различных воплощениях Тары (калм. Дара эке, уст. Дәрк). Как уже упоминалось ранее, в монгольской старописьменной литературе «Повесть о Нарану Гэрэл» известна в трех редакциях. Тексты двух первых ранних редакций монгольской повести разбиты на семь глав. Содержание одной из этих глав, а именно четвертой, под названием «Четвертая часть о том, как Наран-гэрэл судили у Эрлик-хана и как [она] возвратилась в мир живых» («*Naran-gerel Erlig qaγan-du ǰaγalduγsan: amidu yertenčü-dür qariǰu iregsen dötüger ǰüil*»), посвящено посещению героиней загробного мира.

В этой главе представлено шесть эпизодов страдания грешников в аду:
– красномедная собака, охраняющая врата ада;
– крепость, в которой томятся преждевременно умершие люди;
– кровавая река, в которой наказывают женщин;
– ледяная гора, на которой страдают от холода обнаженные грешники;
– ад со столбом, где грешникам отрезают языки;
– огненный ад.

В содержании четвертой главы монгольской повести нет сцен суда Эрлик Номун-хана и эпизода с появлением святого, вызволяющего из ада страдающих существ. Зато в ней описывается встреча со старушкой, угощающей «чаем забвения» и помост, с которого виден мир живых людей.

Эта глава монгольского текста в свое время обрела отдельное от полной версии повести существование. Однако, по мнению исследователей, она не представляет собой отдельную редакцию, поскольку, «инфернальная часть является просто выпиской из полной версии повести» [Сазыкин 2004: 26].

Ойратская повесть «Жизнеописание Белой Тары» («*Caγān Darē ekeyin namtar orošibo*») и монгольские тексты, представляющие третью (позднюю) редакцию, в отличие от двух ранних редакций монгольской повести не имеют разбивок на главы [Тойм 1977: 67; Герасимович 2006: 179]. Один значительный по объему рассказ-эпизод ойратской повести посвящен описанию буддийского ада. Впоследствии этот рассказ-эпизод так же обрел отдельное от полной версии произведения самостоятельное существование под названием «Повесть-наказ Цаган Дара эке» («*Caγān Dare ekeyin tuuǰi zarliq orošiboi*») [Каталог 1988: № 2241].

В свое время Б. Я. Владимирцов отмечал, что ойратская повесть о Таре приобрела «совершенно особую редакцию» [Список монгольских рукописей 1919: 934]. А. Г. Сазыкин опубликовал транслитерацию и русский перевод этой «особой редакции», снабженной такими необходимыми компонентами, как экспозиция и заключительное резюме [Сазыкин 2004: 25–26][1].

Содержание «Повести-наказа Цаган Дара эке» можно разделить на две части. В первой, составляющей большую часть повествования, описываются тринадцать сцен страдания грешников в различных преддвериях и отделениях ада и эпизод со старушкой, предлагающей «чай забвения».

Согласно буддийским представлениям, кроме восьми горячих и восьми холодных, существуют кратковременные и соседствующие отделения ада. Соседствующие находятся по четырем сторонам восьми горячих, а кратковременные отделения представляют собой области, возникшие как результат индивидуальной кармы. Описываемые в ойратской рукописи сцены страдания, по всей видимости, в основном относятся к этим подразделениям, и являются не плодом фантазии автора ойратской редакции, а иллюстрированной с помощью конкретных примеров картиной буддийского ада.

Среди грешников мы видим богатых и бедных, женщин и мужчин, монахов и монахинь. Их деяния, совершенные в земной жизни, соотносятся с понятием трех клеш или омрачений (неведение, вожделение и гнев), которые проявляются в ментальной, эмоциональной и физической деятельности человека.

Вторая часть ойратского сочинения представляет собой краткое описание сцены суда Эрлик Номун-хана, которая в структуре сочинений подобного рода обычно является центральным событием и занимает большую их часть. Здесь же проиллюстрированы только две сцены суда. Первой перед Владыкой ада предстает молодая женщина по имени Цаган Линхуа, которая в силу накопленных ею в земной жизни благих деяний обретает рождение в стране будд. Эрлик Номун-хан силой своей единоличной власти распределяет благодеяния, накопленные ею от начитанных трехсот тысяч раз «мани», между шестью видами живых существ и существами, страдающими в восемнадцати отделениях ада. Образ Цаган Линхуа не

[1] В третьей книге серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM» впервые будет опубликовано факсимиле уникальной ойратской рукописи этого сочинения из собрания Института восточных рукописей РАН.

только отражает идеализированный портрет буддийской праведницы, но и в определенной мере связан с таким концептуальным понятием буддизма махаяны, как бодхичитта.

Во второй сцене суда определяется участь богатой женщины, которая выступает олицетворением неправедности. За свои многочисленные прегрешения тела, речи и ума она наказана вечными страданиями «великого ада» (*očirtu tamu*).

Сцену суда, завершающуюся наставлением Эрлик Номун-хана, адресованного миру живых людей, предваряет обязательный в такого вида произведениях мотив появления святого, который спасает из ада многочисленных страдальцев. В данном случае таким освободителем выступает «хубилган великого индийского созерцателя Дзанадхары»[1].

В заключительном эпизоде Эрлик Номун-хан возвращает героиню повествования в мир живых людей с наставлением поведать им обо всем увиденном в аду.

Следует обратить внимание на два следующих момента в содержании ойратской повести «особой редакции». Во-первых, Владыка ада в своем благопожелании называет Нарану Герел воплощением Белой Тары, что и нашло отражение в названии самого произведения. Во-вторых, сообщение самой героини о том, что Белая Тара может проявлять себя живым существам во многих эманациях, служит своеобразным подтверждением бытования многочисленных устных и письменных историй о Таре.

Как видно из содержания «Повести-наказа Цаган Дара эке» она гораздо объемнее четвертой главы монгольских текстов двух ранних редакций. В ранних монгольских редакциях представлено всего пять эпизодов страдания грешников в аду и, нет ни одного описания сцен суда Эрлик Номун-хана. В содержании ойратского текста «особой редакции» описано тринадцать сцен страдания грешников в различных преддвериях и отделениях ада и две сцены суда[2].

[1] Имя этого святого (*Zana dkar kelemürči*) встречается в содержании ойратской рукописи «*Šajind-du oroxoyin öüden itegeliyin kütölböriyin sedkilge sayin xubitani erel xangγaqči kemēkü orošibo*». См.: [Brief Catalogy 2005: № 637 (46)].

[2] Небольшое расхождение в количестве сцен страдания грешников в аду присутствует в содержаниях рассказа-эпизода, посвященного описанию буддийского ада в ойратском тексте «Жизнеописание Белой Тары» («*Caγān Darē ekeyin namtar orošibo*») и «особой редакции» этого рассказа-эпизода под названием «Повесть-наказ Цаган Дара эке» («*Caγān Dare ekeyin tuuji zarliq orošiboi*»). См.: Таблицу соотношения редакций «Повести о Нарану Герел» в Приложении V к данному изданию.

Еще одно важное отличие содержания «особой редакции» ойратского текста от содержания четвертой главы ранних монгольских редакций, по нашему мнению, заключается в том, что в ойратском тексте у грешников, страдающих в аду, появляется надежда на скорое освобождение. Если в монгольских текстах Нарану Герел просто проходит мимо различных отделений ада и визуально наблюдает за теми существами, которые томятся в аду, то в ойратском – она активно способствует их освобождению, начитывая перед каждым преддверием и отделением ада могущественную мантру Авалокитешвары – «Ом мани пад ме хум».

В «Книге мертвых» говорится, что на шестой день пребывания в промежуточном состоянии перед умершим человеком предстают владыки шести сфер сансары: будда небожителей, будда асуров, будда людей, будда животных, будда претов и будда обитателей ада [Книга мертвых 2003: 67]. Все они суть нирманакаи или магически созданные тела Авалокитешвары. Суть медитативной практики шести слогов мантры заключается в следующем: слог «ом» – освобождает из сансары небожителей; «ма» – избавляет от страданий асуров; «ни» – избавляет людей из мира страданий; «пад» – избавляет от страданий животных; «ме» – избавляет от страданий претов; «хум» – дарует избавление обитателям адских миров [Поповцев 2012: 271–272].

Тем не менее, несмотря на различия четвертой главы двух монгольских текстов ранней редакции и ойратского текста «особой редакции», они, прежде всего, акцентируют внимание верующих на то, что закон кармы господствует во всех мирах сансары, и никто не в силах избежать его.

Таким образом, один рассказ-эпизод из ойратской повести «Жизнеописание Белой Тары» (*«Cayān Dare ekeyin namtar orošibo»*) обрел отдельное от полной версии произведения самостоятельное бытование под названием «Повесть-наказ Цаган Дара эке» (*«Cayān Dare ekeyin tuuji zarliq orošiboi»*). Несмотря на то, что эта «особая редакция» имеет непосредственное отношение своим происхождением к повести «Жизнеописание Белой Тары», тем не менее, она не может рассматриваться как одна из ее редакций. Это законченное произведение, которое обрело свое литературное существование вне контекста повести «Жизнеописание Белой Тары» и связано с ней лишь как одна из историй о многочисленных воплощениях Тары на сюжет «видения ада».

В монгольской старописьменной литературе существует еще одно небольшее сочинение, повествующее о подвигах матери, отправившейся на поиски своего потерявшегося сына. Оно известно под названием «Повесть о Зеленой Дарь-эхэ» («Ногоон Дара эхийн тууж») [Дамдинсурэн 2003: 164–185; Сумъяа 2011]. В ойратской версии этот текст известен под названием «История Белой Тары» («Цаһан Дара экин тууҗ») [Бичеев 2014].

Исследователи отмечают, что описание путешествия героев этой монгольской повести в ад «очень кратко и малопримечательно» [Сазыкин 1990: 14]. Действительно, описание ада не нашло широкого отражения в содержании монгольской версии произведения, но тем не менее сама тема посещения ада и освобождения людей от адских мук является сюжетообразующей. В ходе своего хождения по мирам сансары героиня повести посещает и владыку мира мертвых Эрлик Номун-хана.

Текст одного из вариантов монгольской версии «Повести о Зеленой Дарь-эхэ» («Ногоон Дара эхийн тууж») был опубликован Ц. Дамдинсурэном [Дамдинсурэн 1959: 221–227]. Исследованию всех известных вариантов этого произведения посвящена монография Д. Сумьяа, которая приводит в своей книге факсимиле двадцати пяти монгольских и одной ойратской рукописи из тридцати восьми обнаруженных ею списков. Только в названии трех монгольских текстов имя героини произведения обозначено как Цагаан Дара-эхэ [Сумъяа 2011: 44]. При этом содержание двух из этих текстов идентично ойратской версии произведения.

В содержании текстов монгольской версии, которые приводит в своей книге Д. Сумъяа, повествуется о том, что героиня произведения, прибыв во владения Эрлик Номун-хана в поисках сына и не обнаружив его, освобождает всех существ, томящихся в восемнадцати отделениях ада.

В некоторых списках Ногоон Дара-эхэ, не поверив Эрлик Номун-хану, лично удостоверяется в отсутствии сына в аду, посмотрев в зеркало Номун-хана, которое наряду с книгой судеб и весами является обязательным атрибутом владыки царства мертвых [Сумъяа 2011: 111]. В других списках монгольской версии Ногоон Дара-эхэ вместе с сыном возводит золотую ступу в преддверии ада и с помощью молитв вызволяет всех страдающих существ ада [Сумъяа 2011: 149]

Освобождение страдающих в аду существ также связано и с сюжетом помещения по приказу Эрлик Номун-хана чудесного коня-помощника героини повести сначала в горячее и холодное отделения ада, а затем и заточения его в железную башню [Сумъяа 2011: 211].

Сюжеты значительной части вариантов монгольской версии завершаются встречей Ногоон Дара-эхэ с Эрлик Номун-ханом по его приглашению. В этом финальном эпизоде владыка ада, как правило, выказывает особое почтение Ногоон Дара-эхэ. Например, в одном из вариантов этого произведения Эрлик Номун-хан даже выходит ей навстречу, чтобы совершить подношение, а затем высказывает пожелание в будущем переродиться ее учеником[1].

Таким образом, мотив посещения ада и освобождения страдающих существ героиней монгольской повести – это отражение того, что в народном представлении защитные функции, приписываемые тем или иным эманациям Тары, настолько расширились, что даже Владыка ада Эрлик Номун-хан уже не представляется единоличным властителем судеб в загробном мире.

Третья монгольская рукопись под названием «Сутра-повесть о Цаган Дара-эхэ» («*Getülgegči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuγuǰi-un sudur orošiba*») представляет собой отдельную редакцию, в котором описание адского суда занимает основную часть произведения [Сумъяа 2011: 349–356]. Рукопись этой редакции хранится в Национальной библиотеке Автономного района Внутренняя Монголия КНР (г. Хух-Хот)[2].

Среди всех известных списков монгольской версии «Истории Ногоон Дара-эхэ» нет ни одного текста, близкого по своему содержанию «Сутре-повесте о Цаган Дара-эхэ». Композиционно она состоит из двух

[1] *Даруй даяны үндэс дүүргээд Ногоон Дара эх хөвгүүн хоёр хаан дор очихуй цаг дор Эрлэг хаан тэдний өмнөөс үнэртэн шатааж угтаж, алтан шар ширээн дээр залж, өргөл мөргөл хийж байгаад хаан Дара эхэд айлтгав. «Ээ, Ногоон Дара эхийн адистид хэдий чинээ болов» гэж айлдав. Дара эх... «Эрт урьд цагт Шагжамуни бурхан зарлиг болдог билээ. Ногоон Дара эхийн тууж дуудвас сударномыг уншваас гурван муу заяанд ер унах гэж зарлиг болсон байна» – гэж зарлиг болсон дор Эрлэг хаан өгүүлрүүн: «Ая, тэр үнэн болохул энэ мянган галав нөгчөөдүй цагт би буян хилэнцийг ялгасаар баймуй. Галав нөгчсөн хойно таны шавь болон төрөх минь болтугай» гэж ерөөл тавивай* [Сумъяа 2011: 135].

[2] Монгольская рукопись в форме сшитой тетради (16 л., 11 х 22 см.). Текст написан неразборчивым почерком с элементами скорописи. Многие слова имеют нестандартное написание.

частей. В первой лаконично описывается рождение сына у престарелой Басмани-хатун, его исчезновение и странствие матери по разным мирам в поисках своего сына. Во второй части, составляющей основную часть произведения, воспроизводятся сцены суда Эрлик Номун-хана, на котором присутствуют Басмани-хатун, ее сын Аюха-бодхисаттва и Молонтойн.

Несмотря на то, что сюжет «Сутры-повести о Цаган Дара-эхэ» перекликается с содержанием других вариантов монгольской версии «Повести о Зеленой Дарь-эхэ», в тоже время некоторые ее элементы близки ойратской версии «Истории Белой Тары» («Цahан Дара экин тууж»). Однако в целом это уже отличное как от известных монгольских, так и от ойратской версии произведение. Ее главное отличие состоит в том, что исчезновение сына и его поиски кратко описываются во вступительной части повествования, основное же место в нем занимают сцены суда Эрлик Номун-хана над умершими людьми в аду. Ни в одной из известных списков монгольской «Повести о Зеленой Дарь-эхэ» и ойратской «Истории Белой Тары» нет описаний сцен суда.

В структуре «Сутры-повести о Цаган Дара-эхэ» нет тех явных фольклорных мотивов, которые так сближают монгольскую и ойратскую версии с устной художественной традицией. К примеру, в ее содержании нет чудесной пилюли, которой будды одаривают героиню монгольских повествований, нет плача по исчезнувшему ребенку, выражающему тяжесть потери и глубину печали матери. Так же отсутствует в ней встреча героини с вороном, столь характерная для содержания списков монгольской версии, как и нет чудесного коня-помощника и небесной невесты-рагини, выступающих сюжетообразующими элементами в ойратской версии. То есть фабула, которая в других сочинениях является основой повествования, в этом произведении представляет собой лишь экспозицию к основной инфернальной части сюжета.

Текст «Сутры-повести о Цаган Дара-эхэ» от зачина и до финальной сцены насыщен буддийским содержанием. Вместе с тем в нем опосредованно прослеживается незримая связь с устной художественной традицией, которая обнаруживается в образности языка повествования, в использовании устойчивых выражений, характерных для устной словесности, магталов и благопожеланий.

Все известные тексты монгольской версии «Повести о Зеленой Дарьэхэ» обычно начинаются с устойчивых выражений – «В прежние времена» («*Эрт урд цагт*»), «Прежде в одно славное время» («*Эрт урд нэгэн сайн цагт*»), «В одну из бесчисленных кальп» («*тоолш үгүй нэгэн галавууд*») и др.

В «Сутре-повести о Цаган Дара-эхэ» зачин как бы указывает на определенное, с точки зрения буддийской традиции, время, когда произошло описываемое в тексте событие – «В конце кальпы предшествующих будд, в начале кальпы Будды Шакьямуни» («*Tedeger burqan-u galab-un segül-dü šagǰimuni burqan galab-un teregün-dü*»).

Героиня повествования – матушка Басамани-хатун с шестнадцати лет и до достижения восьмидесяти одного года проводит в беспрестанной медитации. Восьмого числа первого летнего месяца она обращается к Будде и Трем драгоценностям с просьбой даровать ей ребенка. Двадцать пятого числа первого зимнего месяца с благословения будд у нее рождается необыкновенный мальчик: с зубами, подобными драгоценной яшме, с сияющим подобно дереву калпаврикша ликом, с тремя синими пятнами меж двух лопаток, со священными письменами на спине, с именем Аюху-бодхисаттва. На третий день после своего рождения он внезапно исчезает[1].

В содержании этой редакции нет никаких указаний на переживания и плач матери, отправившейся на поиски своего сына, в то время как в других списках повести плач матери по исчезнувшему сыну сопровождает каждую ее неудачную попытку найти его в других мирах сансары. Удостоверившись у шести видов живых существ в том, что его нет в их мире, она отправляется в ад. Не обнаружив сына, она проходит по всем восемнадцати отделениям ада вращая молитвенный барабанчик-кюрде и вдохновенно распевая мантру. В тот же миг все существа ада перерождаются в раю Сукхавати.

Далее следует эпизод, который присутствует только в этой редакции текста. Эрлик Номун-хан узнав, что ад опустел, выходит из своего шестнадцатиэтажного железного дворца, седлает своего синего оленя (быка?),

[1] *Өвлийн тэргүүн сарын хорин таван гэгч өдөрт хас эрдэнэ мэт шүдтэй, галбарвас модны нигуртай [нуруутай] хоёр даландаа тооroop бүтсэн гурван хөх мэнгэтэй ардаа бичигтэй Аюуху [Аюу] бодисадын нэрт хөвгүүн заяаж гаргаад ижийнхээ цагаан сүүнээс гурван хоног хөхөөд үгүй болж одов* [Сумъяа 2011: 136].

берет свой семидесятидвухсаженный аркан и отправляется навстречу матушке Басмани-хатун. Он подносит ей хадак длиною в сажень, называет ее Белой Тарой и просит ради блага всех живых существ даровать шестичленную мантру. При этом владыка царства мертвых изображен несколько гротескно. До того как обратиться к Белой Таре, он, заискивая, «трясет головой», «откашливается» и лишь затем справляется о ее здравии и цели визита. Он жалуется на свою судьбу, называя себя «несчастным владыкой, который вследствие результатов неблагих деяний в течение многих времен вынужден вершить суд над [существами] ста миллиардами миров»[1].

В поисках своего сына Басмани-хатун поднимается в страну Тысячи будд счастливой кальпы, протянув в небе девятицветную радугу. Получив отрицательный ответ, отправляется дальше – в мир небожителей, к Хурмуста-тенгрию. Не обнаружив его среди небожителей, она следует далее и оказывается у пещеры ламы-отшельника, который девяносто девять лет провел в созерцании. По ее просьбе лама определяет с помощью гадания на камнях-шо местонахождение ее сына.

Отшельник восхваляет идеальные признаки тела, речи, ума сына героини. Басмани-хатун в знак благодарности, срезав мясо со своих конечностей, приготовила кушанье-цав, нацедив молока из груди, сварила чай-манз, сделала подношение отшельнику и произнесла ему благопожелание обрести рождение из цветка лотоса в облике Будды Амитабхи[2].

Встреча матери и сына в «Сутре-повести о Цаган Дара-эхэ» не является кульминацией сюжета. Здесь нет того эмоционального акцента, который присутствует в монгольской и особенно ойратской версии произведения. Нет сцены рыданий матери и сына, от которых содрогаются все миры сансары, нет восхваления матери сыном, нет Ваджрапани, насильно разжимающего объятия матери.

[1] *Эрлэг номун хаантан 16 давхар хүрэл байшингаас хөх бугаан хүлэглөж 72 алд цалмаа авч өвд хандаж гарав. Хатан Дара эхийг үзэж болгоогоод тэргүүнээ сэгсэрч хоолойгоо татаж алд цагаан хадаг барьж «Цагаан Дара эх амар байна уу» гэж асуув. «Та хаанаас хайш залран явж байнам» гэж асуув… «Эх Цагаан Дара эх та түдэс хийж хайрла, би нэгэн үг тодгуу өгүүлсүгэй. Би хэзээ цагт эртийн муу үйлийн үрээр зуун живаа ертөнцийн зарга шүүж суудаг ийм их зовлонт хаан билээ. Надор зургаан зүйлийн хамаг амьтны тусын тул зургаан үсэг мааниа хөгжөөж бадруулж хайрла» гэсэнд* [Сумъяа 2011: 136].

[2] *Энэ биенд болбол ерэн есөн жил даяан хийсэн, ерэн есөн хэлийг мэдэх бодисад гэгээн болж төрсөн байна. Эцэс хойт сүнсэнд бадам лянхуа цэцгээс хувилж төрөөд, Авидын биейг олж төрөхүй гэж ерөөл тавиад…* [Сумъяа 2011: 137].

После встречи мать и сын отправляются в ад и перерождают всех существ, страдающих в его восемнадцати отделениях, в раю Сукхавати. В самом страшном аду Дорджинилва остаются 469 женщин и один черный человек. Мать с сыном и Молон-тойн становятся свидетелями суда Эрлик Номун-хана.

Появление Молон-тойна на суде никак не обосновано в самом тексте. По всей видимости, для простых верующих того времени не требовалось объяснений, поскольку Молон-тойн являлся главным персонажем необычайно популярной «Истории о Молон-тойне». В нашем повествовании именно он задает вопросы, интересуясь происходящим на суде Эрлик Номун-хана, в то время как Басмани-хатун и Аюха-бодхисаттва остаются молчаливыми свидетелями происходящего.

В сюжете «Сутры-повести о Цаган Дара-эхэ» воспроизведено шесть эпизодов суда над умершими людьми, в прошлой жизни представителями разных социальных слоев общества (два монаха, три мирянина и чиновник).

Первым перед судом предстает гелонг, который длительное время провел в медитации и питался исключительно крапивой. Тем не менее, даже он оказывается бессильным перед законом кармы. За прегрешение ума, за неумение контролировать свое сознание во время медитации он обретает рождение в мире живых женой простого человека.

Вторым перед Эрлик Номун-ханом предстает врач-гецуль, который утверждает, что с раннего возраста и до самой смерти практиковал врачевание ради блага живых существ. Но и его настигает жестокая кара за то, что он, усвоив тридцать шесть томов наставлений, использовал свое умение составлять лекарство не для того чтобы вылечить человека, а отравить его ядом.

Напротив, семидесятидвухлетний старик, лишивший жизни сто восемь диких коз, пятьдесят одного оленя, триста овец и семь человек, но при этом, осознав свои греховные деяния, прочитавший сто тысяч раз текст «Ваджрачхеддики» и миллионы раз мантру, обретает святость Будды Алтан Дусалту. Простой пастух, который все время читал молитву, удостаивается рождения тенгрием.

Чиновник, явившийся на суд Эрлик Номун-хана, самоуверенно заявляет о своей добропорядочности и законопослушности. Однако, посмотрев в свое золотое зерцало, Владыка ада определяет его в холодный ад на пятьсот перерождений. Такая демонстрация равной ответственности каждого за свои деяния вне связи с его социальным статусом прочно убеждала простых верующих в беспощадности закона взаимозависимого существования.

Образ идеальной непогрешимой буддистки мы видим в лице двадцатидвухлетней девушки по имени Номин Зула. Сам Эрлик Номун-хан встречает ее на расстоянии полудневного пути, подносит ей, преклонив колено, белый хадак в сажень длиною и справляется о ее здоровье. Как итог, Эрлик Номун-хан выносит решение ради блага живых существ переродиться ей ламой-наставником с совершенными признаками, раздающим благословение сонму монахов[1].

В структуре «Сутры-повести о Цаган Дара-эхэ» присутствует и обязательный элемент, связанный с появлением святого в аду. Четыреста шестьдесят девять женщин из отделения ада Дорджинилва, ухватившись за край его накидки-оркомджи, взлетают вместе с ним в небо и обретают рождение в Сукхавати, поскольку во время пребывания в Дзамбутиве они подношением кушанья-цав, чая-манз и монашеского одеяния накопили благие деяния и, приняв у этого ламы обеты, строго придерживались их.

В страшном отделении ада Дорджинилва остается только один человек, которому суждено пребывать в нем до скончания трех кальп, поскольку приняв у этого ламы наставления, он не соблюдал их, оскорблял и унижал монахов и бахвалился, что у него в женах была дакини.

Вслед за этим Басмани-хатун вместе с сыном возвращаются в мир живых и пребывают в полном благоденствии. Далее следует указание на то, что повествование о Цаган Дара-эхэ завершилось.

[1] *Тэгэж байтал хорин хоёр настай Номонзул нэрт хүүхэн баруун гартаа эрхи хурдэт, зуун гартаа Дорж жодва барьж үдийн газар бараа харж* ***(13а)*** *үзээд Эрлэг ном хаан алд цагаан хадгийг барьж, үдийн газар сөгдөж амрыг айлдав. «Аяа, Номунзул дагина хаанаас хааш өөд болж явав» гэж асуув. Мөн өгүүлвэй. «Аяа, дагина буян хилэнц юу хийв» гэж асуув. «Би зуун найман нугнээ сахив. Зуун найман хуврагг орхимж оёж хийж барив. Хувраг хүмүүнийг үдийн газар угтаж нохой* ***(13б)*** *хорьж огч явав. Түүнээр хочилогдож хэлэгдэж явав» гэв. «Энэ хэлсэн үнэнхүү Замбуутивд буцаж төгс номын дээл лагшин төгссөн гэлэн болж мянган хуврагын тэргүүн дээр адис тавьж амьтныг туслаж яв» гэж гаргав* [Сумъяа 2011: 138].

За рамками сюжета «Сутры-повести о Цаган Дара-эхэ» приводится наставление Цаган Дара-эхэ, в котором она призывает шесть видов живых существ проявлять усердие в добрых деяниях, а женщин – особо почитать священнослужителей подношением им цав, манз и материи для монашеского одеяния[1].

Таким образом, к числу известных повествований на сюжет видения буддийского ада следует отнести и монгольский текст под названием «Сутра-повесть о Цаган Дара-эхэ» («*Getülgegči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuγuǰi-un sudur orošiba*»), в котором сюжет «видения буддийского ада» занимает основную часть содержания.

[1] *Эх Цагаан Дара зарлиг болруун залрав. Эх болсон зургаан зүйлийн хамаг амьтан эрх биш буяны явдлыг хичээгтүн. Ялангуя эхнэр хүмүүс минь эрдэмт тойд хувраг нарыг хүндэлж цав манзаа харам үгүй бариад, орхимж баринтаг нар оён бараад огмин Шагжамуний оронд очих ерөөлийг улам их тавигтун хэмээгээд залран одов* [Сумъяа 2011: 138].

ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ «ПОВЕСТИ О НАРАНУ ГЕРЕЛ»

Как уже было отмечено выше, в старописьменной монгольской литературе «Повесть о Нарану Гэрэл» известна в трех редакциях [Тойм 1977]. Первая (ранняя) редакция повести была опубликована Ц. Дамдинсурэном, вторая – А. Г. Сазыкиным и Д. Ёндоном. При этом исследователи, выделяя три редакции монгольской повести, прежде всего, исходили из различия языка этих трех текстов.

Академик Ц. Дамдинсурэн, исходя из языковых особенностей монгольской рукописи «*Naran-u Gerel dageni-yin tuγuǰi*» («*Čaγaγan Dar-a eke-yin tuγuǰi*»), датировал раннюю редакцию повести XVII–XVIII вв. и высказал предположение о том, что текст является не переводным, а оригинальным произведением монгольской литературы [Тойм 1977: 61].

А. Г. Сазыкин и Д. Ёндон, главным отличием опубликованного ими второго текста ранней редакции «Повести о Нарану Гэрэл» от первого текста ранней редакции, опубликованного Ц. Дамдинсурэном, называют различную степень верификации текста сочинения. «Общая доля стихотворного текста в рукописи F 244 не достигает и половины уровня поэтизации текста первого варианта. Причем сравнение верифицированных фрагментов, представленных в обоих вариантах, позволяет говорить и о более совершенной литературной обработке стихов первого варианта» [Сазыкин, Ёндон 1987: 35].

Среди других различий исследователи указывают на некоторые расхождения в передаче имен героев повести и отдельных топонимов.

Обращаясь к сравнительному анализу двух монгольских редакций и ойратского текста повести, который исследователи относят к третьей поздней редакции, мы исходили, прежде всего, из содержания этих текстов, что позволило нам выделить две версии этого произведения. По нашему мнению, к монгольской (ранней) версии следует отнести два идентичных по содержанию, но отличающихся различной степенью верификации текста, опубликованных Ц. Дамдинсурэном, А. Г. Сазыкиным и Д. Ёндоном. К ойратской (поздней) версии нужно отнести текст на «ясном письме», которые исследователи причисляют к третьей редакции.

Для сравнительного анализа содержания ранней монгольской версии повести с ойратским текстом «Жизнеописание Белой Тары» («*Саγān Darē ekeyin namtar orošibo*») приведем краткое содержание рукописи F 244

«*Ünenöggülegči: Narangerel raginis-un tuγuǰi orošiba*» («Повести об Унэн-огулэгчи и Наран-гэрэл-дагини») из собрания монгольских рукописей Института восточных рукописей РАН.

Краткое содержание рукописи

«Повесть об Унэн-огулэгчи и Наран-гэрэл-дагини»[1]

(«***Ünenöggülegči: Narangerel raginis-un tuγuǰi orošiba***»)

1. ***Первая глава о том, как Унэн-огулэгчи взял себе вторую жену***

– В государстве Джин у истоков реки Нань-тай в городе Эй-чаг жил богатый старик Гау со своей старухой. Они были набожными людьми и постоянно возжигали лампадки и курительные свечи. Будды и тенгрии, пожалев их, ниспослали им сына. Родители дали ему имя Унэн-огулэгчи. Когда сын стал взрослым, родители женили его на хорошей девушке по имени Наран-гэрэл и пригласили лучших учителей для обучения сына.

– По прошествие времени богач Гау умер. Сын, мать и сноха стали бедствовать. В это время император государства Джин объявил о конкурсном испытании образованных и способных к государственному управлению кандидатов. Унэн-огулэгчи после уговоров матери, жены и старца Джау отправляется в императорский город, успешно выдерживает испытание и становится нойоном, ведающим внутренними делами страны. Старый и влиятельный нойон Чан-ха-лю заставляет Унэн-огулэгчи жениться на своей дочери Тоналджингуа.

2. Вторая глава о том, как Наран-гэрэл бежала, освободившись из рук разбойников Шан-дай-вана

– Минуло четыре года после отъезда Унэн-огулэгчи. Его мать тяжело заболела. Для того чтобы накормить ее, Наран-гэрэл отрезает мясо от своего тела. Голодная мать просит еще еды. Узнав, что мяса больше нет, разгневавшись, она бьёт невестку. На шум приходит старик Джау и раскрывает ей правду. Вскоре мать умирает.

– Наран-гэрэл, совершив похоронный обряд, отправляется в столицу вслед за своим мужем. По дороге она попадает в руки разбойника Шан-дай-вана, который силой хочет взять ее в жены. Старик и старуха, смотрители казенного дома, хитростью вызволяют Наран-гэрэл из плена.

[1] Написание имен и топонимов сохранено в том виде, в каком они даются в публикации А. Г. Сазыкина и Д. Ёндона.

3. Третья глава о том, как коварный нойон Чан-ха-люубил Наран-гэрэл

– Унэн-огулэгчи и Тоналджингуа втайне от Чан-ха-лю отправляют Хара Лагчана за матерью и женой. Хара Лагчан попадает в руки Чан-ха-лю.

– Прибыв в императорский город, Наран-гэрэл поведала свою историю хозяйке постоялого двора. Старушка отправляется во дворец, чтобы найти Унэн-огулэгчи, но попадает к Чан-ха-лю. Старый министр приглашает Наран-гэрэл в дом дочери и с помощью служанок подсыпает ей яд в напиток. Чан-ха-лю замуровывает тело Наран-гэрэл в глубокий колодец на заднем дворе дома.

4. Четвертая глава о том, как Наран-гэрэл судили у Эрлик-хана и как [она] возвратилась в мир живых

– Два читкура приходят за душой Наран-гэрэл. По пути к владыке ада Наран-гэрэл увидела многочисленные страдания живых существ в различных преддвериях и отделениях ада. Эрлик Номун-хан, посмотрев в книгу судеб, поведал ей о том, что ей суждено прожить до 81 года. Затем повелел двум чоткурам доставить ее к Хонгшим-бодхисаттве.

– Наран-гэрэл, испросив разрешение у владыки ада, увиделась со своей свекровью, которая просит ее по возвращении в мир живых пригласить монахов и совершить по ней поминальный обряд.

– Для возвращения в мир живых Наран-гэрэл необходимо было извлечь тело со дна колодца. Явившись во сне мужу, она поведала ему о смерти матери и обо всем, что произошло с ней. Унэн-огулэгчи, испугавшись нойона Чан-ха-лю, не решается помочь жене.

5. Пятая глава о том, как Хонгшим-бодхисаттва отправил Наран-гэрэл в мир людей и как Наран-гэрэл воскресла и получила святое благословение

– Наран-гэрэл обратилась с мольбой к Хонгшим-бодхисаттве. Тенгрии помогли извлечь ее тело со дна колодца. Хонгшим-бодхисаттва воскресил Наран-гэрэл и наделил ее богатырской храбростью и силой для подавления врагов, мудростью для управления государством, красноречием, верой в учение Будды и милосердием ко всем живым существам.

6. Шестая глава о том, как Наран-гэрэл пленила Дай-вана и как император государства Джин, даровав Наран-гэрэл власть, сделал ее нойоном

– Разбойник Шан-дай-ван, собрав большое войско, нанес поражение войскам императора государства Джин. Император объявляет о поиске богатыря, способного победить разбойника. Наран-гэрэл, выдержав испытание, становится полководцем императорской армии и отправляется в поход. Она одерживает победу над Шан-дай-ваном, призвав на помощь Хонгшим-бодхисаттву. Император назначает ее главным нойоном своего государства.

7. Седьмая глава о том, как Наран-гэрэл прогнала коварного Чан-ха-лю и девиц, отравивших ее, и как Унэн-огулэгчи встретился со своей женой

– Наран-гэрэл встретилась с женой императора и поведала ей историю своей жизни. Император, узнав о случившемся с ней, велит Наран-гэрэл расследовать дело Чан-ха-лю и Унэн-огулэгчи, но при этом просит неподвергать казни старого министра, который прослужил ему тридцать лет.

– По приказу Наран-гэрэл приводят Тоналджингуа и девушек-служанок. Служанки признаются, что отравили ее по указанию Чан-ха-лю. Старого министра и девушек-служанок, наказав плетьми, изгоняют из дома.

8. Восьмая глава о том, как Унэн-огулэгчи и его жены стали монахами

– Наран-гэрэл, Тоналджингуа и Унэн-огулэгчи стали счастливо жить втроем. Наран-гэрэл обратилась к императору с просьбой передать ее золотую печать Унэн-огулэгчи. Император согласился, и Унэн-огулэгчи в течение многих лет обладал высшей властью при императоре.

– Унэн-огулэгчи после долгой службы, получив награду от императора, вместе с женами отправляется в родные края. Там он возводит храм Хонгшим-бодхисаттвы и субурганы в честь родителей. В благодарность за помощь он возвел детей и внуков старца Джау, а также детей и внуков старика и старухи, освободивших ее из плена, в великие нойоны.

– Унэн-огулэгчи и Тоналджингуа по предложению Наран-гэрэл отправляются к хубилгану Анандыи, чтобы получить наставление в учении. Унэн-огулэгчи обретает святость отшельника, а Наран-гэрэл и Тоналджингуа – святость дагини. Вследствие обретенных заслуг Унэн-огулэгчи, Наран-гэрэл, Тоналджингуа, старец Джау со своей женой, старик и старуха, хранители казенного дома переродились в раю Сукхавати.

Академик Ц. Дамдинсурэн, сравнив позднюю редакцию повести с двумя ранними, приводит несколько существенных расхождений в их содержании:

1. Поздняя редакция повести написана в прозаической форме. Большая же часть двух ранних редакций передана в верифицированной форме. Содержание двух ранних редакций разбито на восемь глав. Третья не имеет разбивок на главы, и она гораздо больше по объему.

2. Для языка последней редакции характерен стиль устной речи.

3. В поздней редакции Унэн Огулэгчи после смерти отца по настоянию матери в поисках образованных учителей уезжает на учебу в другой город, в то время как в двух первых он по настоянию отца обучается на дому еще при его жизни.

4. В той же поздней редакции император, узнав об образованности Унэн Огулэгчи, приглашает его во дворец и сам экзаменует его. В двух ранних редакциях Унэн Огулэгчи узнает о конкурсном испытании для желающих получить государственные должности и едет на испытание по настоянию матери, жены и старика Джау.

5. В поздней редакции нет эпизода, связанного с больной матерью, которую невестка кормит мясом, отрезанным от своего тела. В отличие от двух первых редакций здесь мать предстает в образе благочестивой и мудрой женщины.

6. В ранних редакциях Нарану Герел попадает в плен к разбойнику Танху (Шан-дай-вану), из которого ее вызволяют старик и старуха. В поздней редакции эпизода пленения нет, следовательно, в ней отсутствуют старик и старуха, как действующие лица.

7. В ранних редакциях Чан-ха-лю нойон (Люго нойон), отравив Нарану Герел, замуровывает ее тело в колодец. В поздней редакции тело Нарану Герел хранит в особом помещении его дочь Доналджингуа.

8. В ранних редакциях Чан-ха-лю (Люго нойон) заставляет Унэн Огулэгчи жениться на своей дочери Доналджингуа. Он же убивает Ланчага (Хара Лагчана), которого Унэн Огулэгчи посылает за матерью и женой. В поздней редакции сам император женит Унэн Огулэгчи на дочери Люго нойона, поэтому в ней нет Ланчага, как действующего лица.

9. В поздней редакции Нарану Герел и Доналджингуа, проводя вместе время, играют в шахматы, в двух ранних текстах такой эпизод отсутствует.

10. В той же поздней редакции в отличие от ранних дается развернутое описание страданий живых существ, испытываемых ими в различных преддвериях и отделениях ада [Тойм 1977: 67–69].

Далее Ц. Дамдинсурэн пишет, что, несмотря на столь существенные расхождения, нельзя рассматривать эти три текста как три разных произведения, поскольку это три редакции одного произведения. [Тойм 1977: 69]. Л. К. Герасимович считает, что «между вариантами этой повести есть более или менее существенные различия, которые не меняют общего идейно-художественного содержания» [Герасимович 2006: 179].

Однако анализ содержания двух ранних и поздней редакций произведения приводит к мысли о том, что перед нами все же две версии одного произведения. Тем более что Ц. Дамдинсурэн отмечает, что если вторая редакция обязана своим происхождением более ранней редакции, то третья редакция в отличие от первой и второй развивалась самостоятельным путем [Тойм 1977: 69].

По нашему мнению, к монгольской (ранней) версии следует отнести два идентичных по содержанию, но отличающихся различной степенью верификации текста, опубликованных Ц. Дамдинсурэном, А. Г. Сазыкиным и Д. Ёндоном. К ойратской (поздней) версии нужно отнести текст на «ясном письме», которые исследователи причисляют к третьей редакции. Те существенные расхождения между двумя ранними и поздней редакциями, на которые указывает Ц. Дамдинсурэн, в действительности не могут служить основанием для выделения каждой из них их в отдельную версию. Однако значительные расхождения в сюжете и идейно-художественном содержании настолько очевидны, что позволяют выделить ойратский текст поздней редакции в отдельную версию.

Для аргументации высказанного нами предположения приведем краткое содержание текста на «ясном письме» под названием «Жизнеописание Белой Тары» («*Cаγān Darē ekeyin namtar orošibo*»), оригинал которого хранится в рукописном фонде ИЯЛ АН Монголии[1].

[1] Ойр. рукопись, 22 л., 34 × 9.5, 29 стк., бумага русская с рельефным штемпелем «Фабрика Сумкина № 6». См.: [Brief Catalogy 2005: № 688 (23)].

Краткое содержание рукописи
«Жизнеописание Белой Тары»
(«***Cаγān Darē ekeyin namtar orošibo***»)

– В прежние времена у реки Наньди в городе Наньчен жили два богача – Баян-сартаваки и Гоу-баян. Жена Баян-сартаваки и жена Гоу-баяна, совершив обряд обмена молоком и яйцом, договорились о том, что, если родятся у них мальчик и девочка, то они обязательно поженят их. Жена Баян-сартаваки родила мальчика. Ему дали имя Унен Огулегчи. Жена Гоу-баяна родила девочку. Ее назвали Нарану Герел. Когда они достигли пятнадцати лет, родители поженили их.

– Вскоре Баян-сартаваки умер. Унен Огулегчи, последовав наставлениям матери, поехал учиться в другой город. За пять лет он обучился письму и другим наукам. Когда он вернулся, мать и жена обрадовались, узнав о его успехах. В это время император государства Чинг объявил о том, что ему нужен образованный человек, способный руководить обучением войска. Один из его министров посоветовал назначить на эту должность Унен Огулегчи.

– Император сам экзаменовал Унен Огулегчи и, убедившись в совершенстве его знаний, назначил его чиновником по военным делам. Обучив войско в течение пяти месяцев, Унен Огулегчи доложил императору. Проинспектировав и убедившись в готовности армии, император удостоил его звания чиновника третьей степени, подарил ему дворец и выдал дочь Люго нойона – Доналджингуа – за Унен Огулегчи.

– По прошествие нескольких лет заболела мать Унен Огулегчи. Перед смертью она повелела Нарану Герел отправиться к мужу. Похоронив свекровь, Нарану Герел в честь нее построила храм, воздвигла статуи Арьябало Хонгшим-бодхисаттвы и двух Тар. Затем она отправилась к Унен Огулегчи, оставив дом, хозяйство и людей на попечение старца Джоу.

– Сбившись с пути, она со своими сопровождающими остановилась на берегу одной реки. В это время к другому берегу на вороной лошади подъехал человек в сопровождении более ста воинов и стал им угрожать. Это был чиновник, который вел войско хана страны Тангнун на войну с государством Чинг. Нарану Герел, помолившись Хонгшим-бодхисаттве, подавила их, проявив чудотворную силу. Перепуганный чиновник и его люди указали ей верную дорогу и быстро удалились прочь.

– Отправившись по указанной дороге, Нарану Герел прибыла в столицу государства Чинг и отправила своего человека сообщить о своем прибытии. Поскольку в это время Унен Огулегчи находился рядом с императором, то Нарану Герел встретила Доналджингуа. Она повела ее во дворец, посадила на почетное место и стала потчевать разными яствами.

– Люго нойон, узнав о прибытии Нарану Герел и убедившись в ее красоте и мудрости, вместе с девушками-служанками решил ее отравить и поднес ей отравленный напиток в золотой чарке. Нарану Герел умерает. Доналджингуа поместила тело Нарану Герел в особое помещение до полного отправления всех необходимых обрядов.

– Когда Нарану Герел умерла, прибыли два будды-хранителя, которые, взяв ее за руки, повели к Эрлик Номун-хану. Странствуя по миру мертвых, она увидела множество существ, страдающих в разных преддверяих и отделениях ада.

– Поскольку Нарану Герел оказалась у Эрлик Номун-хана в результате козней злонамеренного человека, то он повелел ей возвращаться обратно в мир живых и всячески содействовать благу живых существ. Бодхисаттвы доставили ее в тот момент, когда Доналджингуа собиралась поместить ее тело в гроб.

– Нарану Герел ожила и стала еще прекрасней, чем прежде. Доналджингуа обрадовалась ее воскрешению и привела в гостевой дворец. Нарану Герел поведала ей о страданиях существ в потустороннем мире.

– Услышав о том, что хан страны Тангнун готовит войско для нападения на его страну, император государства Чинг, помолившись буддам-покровителям, лег спать. Ему приснился вещий сон о том, что, если он поставит во главе войска замужнюю женщину, которая десять дней назад въехала в город с юго-западной стороны, то это непременно принесет ему победу над врагом. Император приказал чиновникам найти эту женщину.

– Нарану Герел привели к императору. Убедившись в совершенстве ее признаков, предсказанных буддами-покровителями, он назначил ее предводителем своего войска и присвоил ей титул Бадрулагчи джанджин. Вручив ей шлем, украшенный драгоценностями, кольчугу из металлических колец, оружие, белого скакуна с совершенными признаками, украшенное седло и уздечку, император приказал ей выступить в поход во главе тридцатитысячного войска.

– Выступив в поход, в пути Бадрулагчи джанджин учредила уртоны для быстрой связи. Затем отправила чиновника с пятьюстами воинами к хану страны Тангнун, повелев передать ему, чтобы он подготовил свое войско для битвы и сообщил о месте сражения. Хан Тангнуна испугался и велел своим чиновникам пополнить войско, доведя его численность, до сорока тысяч воинов.

– Встретившись на поле боя, Бадрулагчи джанджин и хан страны Тангнун девятью девять раз вступали в схватку друг с другом, но никто не смог одержать победы. Тогда хан Тангнуна с помощью камня-зада вызвал страшный смерч, который стал срывать камни и деревья с вершин гор. Бадрулагчи джанджин молитвенно призвала на помощь Хонгшим-бодхисаттву. Смерч повернул в обратную сторону и обрушил поток воды, деревьев и камней на войско страны Тангнун.

– Вражеское войско, деморализованное происшедшим, пустилось в бегство. Отправив донесение своему императору о том, что сорокатысячное войско противника разбито, а хан страны Тангнун убит, Бадрулагчи джанджин со своим войском двинулись в Тангнун для приведения его жителей в подданство императора.

– Тем временем пять человек, бежавших в Тангнун после разгрома, подробно рассказали о том, как страшный смерч, вызванный их ханом, повернул обратно и уничтожил их войско. Нойоны и родственники хана, а также все чиновники собрались на совет. Старший чиновник Джоу посоветовал просить подданства у императора государства Чинг. Все согласились с ним и отправили его с двадцатью сопровождающими к Бадрулагчи джанджин с сообщением о принятом ими решении.

– Нойоны и чиновники Тангнуна, выстроились вдоль дороги, в ожидании прибытия Бадрулагчи джанджин. Когда она прибыла, все приветствовали ее в поклоне и просили осуществить их мечту – стать подданными императора государства Чинг. Прибыв в город, в течение двадцати дней она провела проверку и регистрацию всего населения, нойонов, чиновников и войска. Разделив территорию Тангнуна на шестьдесят шесть провинций, распределила служебные обязанности чиновников. Двоим из четырех чиновников, прибывших вместе с нею, она выделила по тысяче солдат и приказала осуществлять управление страной в течение года.

– В то время как она устанавливала правление в Тангнуне, было доставлено послание императора, в котором он утверждал все предпринятые ею действия и просил срочно явиться к нему во дворец. Приказав

войскам походным маршем следовать за ней, она вместе с тринадцатью чиновниками Тангнуна отправилась на аудиенцию. Император щедро одарил ее и повелел расследовать все нерешенные старые и новые государственные дела.

– На следующий день Бадрулагчи джанджин отправилась в дом суда и, посадив Люго по другую сторону занавески, стала его допрашивать. Люго испугался и признался в отравлении Нарану Герел, а также в отравлении чиновника Тоу.

– Бадрулагчи джанджин провела тщательное расследование дела. Когда извлекли останки чиновника Тоу и исследовали их, то подтвердилось, что он действительно умер от яда. Казнь Люго была заменена на изгнание в окраинные земли благодаря празднованию, объявленному императором в честь одержанной победы. Все реквизированные у Люго драгоценности, золото и деньги, имущество и товары, а также сто двадцать три семьи его подданных были распределены между теми, кто проявил усердие в недавнем покорении страны Тангнун. Жену Люго, поскольку она осталась без содержания, передали на попечение ее сыновей.

– Бадрулагчи джанджин советует императору ради блага всех живых существ возвести большой храм. Император выделил из казны пятьсот тысяч ланов и приказал начать строительство храма. У реки Цообу выбрали место и, подготовив все необходимое в достаточном количестве, начали строительство храма. Установили статуи шестнадцати будд трех времен, а также много других статуй, приготовили украшения и совершили подношение. Император, осмотрев построенный храм и статуи будд, восхвалял Бадрулагчи джанджин и одарил ее многочисленными драгоценностями. Вскоре религия широко распространилась, государство укрепилось, люди зажили счастливо и в благоденствии.

– Нарану Герел поведала императору о том, что она мечтает вернутьсяв свой родной город Наньчен и возвести храм Хонгшим-бодхисаттвы. Император разрешил Нарану Герел, Унен Огулегчи и Доналджингуа отправиться в родные края и щедро одарил их драгоценностями и товаром.

– Когда они подъезжали к реке Наньди, большие и малые чиновники Наньчена, а также старик Джоу со своими людьми возвели большой шатер для их встречи. Вскоре, подготовив все необходимое для строительства, они возвели большой храм, установили в нем статуи шестнадцати будд трех времен и множества других будд, пригласили с окрестностей монахов для службы в храме.

– Нарану Герел отправила сообщение императору о том, что ради распространения религии и блага всех живых существ возвела большой храм, в котором установила статуи шестнадцати будд трех времен, множества других будд и утвердила ежедневное чтение молитв. Император назвал его «Чудесным храмом Будды, украшенным неисчерпаемым знанием», пригласил Нарану Герел на аудиенцию и щедро ее вознаградил. Так провела она долгие счастливые годы, временами посещая императора и вновь возвращаясь в свой родной город.

Как видно из приведенного краткого содержания, ойратский текст «Жизнеописание Белой Тары» («*Cayān Darē ekeyin namtar orošibo*») гораздо объемнее монгольских текстов ранней редакции и в нем больше действующих лиц. Зачин «Жизнеописания Белой Тары» разительно отличается от лаконичной вступительной части монгольских текстов ранней редакции. Если в них используется фольклорный мотив – «престарелые родители», которые в силу своей набожности обретают сына и нарекают его именем Унен Огулегчи, то в ойратском тексте наблюдается стремление к развернутому описанию предшествовавших событий.

Жили два богатых человека Баян-сартаваки и Гоу-баян. Их жены, ожидающие появления первенцев, по древней монгольской традиции совершают обряд сватовства (*öndögen xuda*)[1] еще не родившихся детей[2].

По случаю рождения сына Баян-сартаваки «в пятый день месяца» устраивает пир с приглашением огромного количества гостей и нарекает его Унен Огулегчи. Соответствующим образом поступает и Гоу-баян, который созывает пир «двадцать второго числа» в честь родившейся дочери и дает ей имя Нарану Герел. По достижении ими пятнадцатилетнего возраста родители устраивают свадьбу. Завершается вступительный рассказ-эпизод повести описанием богатых свадебных даров.

Ц. Дамдинсурэн отмечает, что в третьей редакции Унен Огулегчи уезжает на учебу в другой город после смерти отца по настоянию матери, тогда как в двух первых лаконично сообщается, что он по настоянию отца обучается на дому еще при его жизни. Обучение героя в ойратской повести – это отдельный рассказ-эпизод, связанный с отъездом героя в дру-

[1] Этот древний обряд сватовства еще неродившихся детей (*öndögen xuda*) все еще бытует среди монгольских народов. См.: *Öndögön xuda-yin učir* // *Tüdübeyin J̌amca. Ögüleliyin tüübüri. Šinǰiyang-giyin surhan kümüǰil-yin keblel-yin xoro*, 2014. С. 416–429.

[2] *Bayan sartavākiyin gergei: Гō bayani ger=geyidu či bida xoyoula šaratai bayinai: čimaēce küüken γarbā=su nadu bere boltuγai: nada-ē=ce küü γarubāsu čimadu kürgen bolγasu: Гō bayani gergei ken ken=ēce küü küüken γarubasu xuda xudaγui bololcoyo: kemēn öndö=gen süi kelelcēd: ger gertēn xaribai:*

гой город на пять продолжительных лет. В экспозиции эпизода мы видим прощание героя с матерью и женой, затем следует описание его поездки, а в основной части лаконично повествуется о его успехах в учебе. В заключительной части рассказа-эпизода герой прощается со старым учителем-наставником и возвращается домой, где его встречают мать и супруга, которая сообщает ему о том, что все эти пять лет она тоже училась грамоте у старца Джоу. Завершает сюжет общая устойчивая формула (*Amtatu idē-bēn iden: amuraqtu üge-bēn kelelcen: ǰirγalcan souxuyin tere caq-tu*), которая с небольшими вариациями присутствует в заключительной части других рассказов-эпизодов этого текста.

В этом начальном эпизоде произведения заложены мотивы, которые находят свое логичное развитие в структуре повествования. Успехи в учебе и, как следствие, уважительное отношение наставников к ученику приводят к тому, что императору рекомендуют призвать именно Унен Огулегчи для назначения чиновником, ответственным за подготовку армии. Следует отметить еще одну важную особенность ойратской версии. В ней нет той прямолинейной отрицательной характеристики Унен Огулегчи, Люго нойона (Чан-ха-лю в монгольских текстах) и хана страны Тангнун (разбойника Танху или Шан-дай-вана в монгольских текстах), которые в ранних редакциях «проявляют себя лишь как носители зла, насилия и коварства» [Герасимович 2006: 180]. Унен Огулегчи в них представлен способным, но малодушным человеком, который, боясь лишиться должности, испытывая страх перед старым нойоном Чан-ха-лю, не решается не только забрать к себе, но и оказывать помощь бедствующей больной матери, отказывает любимой жене в помощи вернуться в мир живых из царства мертвых.

В ойратской версии Унен Огулегчи – это почтительный сын, добрый семьянин и мудрый государственный чиновник. Даже его женитьба на Тоналджингуа, дочери старого нойона Люго, объясняется заботой императора о своем чиновнике, который не может оставаться одиноким, находясь на государственной службе. Пока его первая жена присматривает за его престарелой матерью, рядом с ним должна находиться вторая жена. Это решение императора, о котором сам Унен Огулегчи сообщает в письме домой, его матерью и женой воспринимается как благая весть. Создается впечатление, что в Унен Огулегчи явно проглядывается соответствующий требованиям конфуцианской морали идеальный образ почтительного сына.

Образу Унен Огулегчи соответствуют образы матери и главной героини произведения – Нарану Герел. Мать предстает мудрой и практичной

женщиной, заботящейся о благе сына и невестки. Она наставляет сына в необходимости получить образование, жить в мире с окружающими, воспринимать внимание императора как счастье. Предчувствуя свой скорый конец, она советует невестке после ее смерти уехать к мужу. Поднеся в дар материю на 50 лан старцу Джоу, мать просит его присмотреть за домом, хозяйством и челядью в отсутствие ее сына и невестки.

Нарану Герел в первой части произведения представляет собой образец преданной жены и почтительной невестки. По мере развития сюжета проявляются другие ее качества. Она мужественно противостоит встретившимся на пути врагам и подавляет их, проявив чудесную силу. Ее ум, красота и уважение к окружающим поражают и вместе с тем пугают старого нойона Люго, и он ради благополучия своей дочери решается отравить Нарану Герел.

В текстах ранней монгольской редакции есть такой эпизод, которого нет в ойратском тексте. Нарану Герел, увидев как в одном из отделений ада, томятся преждевременно умершие люди, плачет, испугавшись, что и она может попасть туда. Когда она рассказывает историю своих злоключений Эрлик Номун-хану, он, заглянув в книгу судеб, поведал о том, что ей было суждено испытать три тяжких страдания – отрезать у себя мясо и накормить им свекровь, оказаться в плену у разбойников и умереть от яда Чан-ха-лю.

В ойратской версии Эрлик Номун-хан дает указание сопровождающим Нарану Герел буддам-хранителям (в монгольской версии это читкуры) вернуть ее в мир живых, поскольку она попала к нему в результате действия злонамеренного человека. Затем Владыка царства мертвых обращается к ней с просьбой поведать людям обо всем увиденном в аду[1].

Прямолинейное отражение образов злой свекрови, страдающей невестки, неблагодарного сына не способствовали возможному развитию сюжета ранней редакции повести. Отход от таких установок в ойратской версии позволил изменить художественное наполнение произведения и расширить, к примеру, рассказ о посещении ада, органично включив в

[1] *Erliq Nomiyin xān eyin ayiladuba: Narani Gerel či mini kümüni xour=tu sedkil-yēr nirmeqdeǰu i=reqsen bainā: darui bucaǰu amitan-ni tusāgi üyiledēd: yeren dolōn nasu kürüqsen xoyi=no ireǰi učira: ta xoyor bodhisadv aqšan dotoro küürtüni oroul: bi nigen zakā zaki=su kemēn: činadu inadu xoyor yertüncüyin dunda souǰi: kilince kebüsü tamudu orkiǰi üyile=ni eldebčilen edloulǰi bayiq=či zayātu Erliq Nomiyin xān bi öböriyi ner ke-bēr busu amitan-ni buyan kilincē-gi ilγaǰi sou=tuγai geqsen-yēr: kilγasuni tödüi čü sayin mou üyilē-gi **[23b]**endel ügei ilγaǰi bayixuyigi: Narani Gerel či mini üzeqsen bi=šuu: eyimuyin tulada či nadu yer=tüncüdü ene učiri nigedu nige uxāγulǰi zarlatuγai: kemēn zarliq boluqsan-du: Narani Gerel tegeye kemēn mürgübei:*

нить повествования тринадцать эпизодов страданий грешников в аду, две сцены суда Владыки ада, мотив появления святого в аду и наставление Эрлик Номун-хана. Таким образом, развернутое описание загробного мира в ойратской версии – это не только указание на базовое положение буддийского учения о неотвратимости и беспощадности закона кармы, но и попытка творческого развития образа главной героини.

Ц. Дамдинсурэн отмечает, что в третьей редакции картина ада подобна описанию ада в известных повествованиях о Молон-тойне и Чойджиддагини [Тойм 1977: 69]. Но именно в третьей редакции у грешников в этом, по выражению Ц. Дамдинсурэна, «поистине печальном и злом городе», появляется надежда на скорое освобождение от адских страданий. Если в ранних редакциях Нарану Герел просто проходит мимо различных отделений ада и визуально наблюдает за теми существами, которые томятся в нем, то в ойратской версии она активно способствует их освобождению, начитывая перед каждым преддверием и отделением ада шестичленную мантру Авалокитешвары.

В ойратской версии нет некоторых деталей сюжета, к примеру, замурованных в колодец останков героини, которые необходимо достать для ее возвращения в мир живых. Отсутствует также эпизод с благословением Хонгшим-бодхисаттвы, благодаря которому Нарану Герел обретает богатырскую храбрость и силу для победы над врагами, мудрость для управления государством, красноречие, веру в учение Будды и милосердие ко всем живым существам. В ойратской версии героиня обладает этими качествами изначально. Поэтому вполне логично присутствие в ойратской версии мотива вещего сна императора государства Чинг[1]. Убедившись в совершенстве всех ее признаков, предсказанных ему во сне буддами-покровителями, император назначает ее предводителем своего войска и нарекает ее Бадрулагчи джанджин. Он вручает ей шлем, украшенный драгоценностями, кольчугу, оружие, белого скакуна с совершенными признаками, украшенное седло и уздечку.

По-разному представлены в монгольских текстах и ойратской версии идейные установки деятельности главной героини. Если в монгольской редакции все усилия Нарану Герел направлены на утверждение личного

[1] *Xān šütüq=sen burxan-dan zalbariǰu xono=bāsu: xāni zöüden-dü ene xo=toyin zöün urida zuq-ēce: nigen büse ügei kümüni ene xotodu ireqsēr arba xonoq=san: töüni cerigiyin noyon tal=bīd: mordoulbāsu aqšin doto=ro mayad darumui kemēn zöüde=leǰü xonoqsan=yēn xān örlö erte bosōd: zöüde šinǰelül=bēsü urida kedün udā: tang=nuyin xān-tai dayilaldaxu-du: ken čü mordobāsu daruqdamui: kemēn zöüdeleqsen bile:*

благополучия, то в ойратской версии на первый план выступает ее желание служить императору ради укрепления государства. Поэтому во второй части ойратского текста повествуется о деяниях Нарану Герел после ее возвращения в мир живых во благо укрепления государства и власти императора.

Выступив в поход, Нарану Герел по пути движения войска учреждает почтовые станции-уртоны, для установления быстрой связи с императором. Она не только побеждает хана враждебного государства Тангнун (в ранних редакциях это всего лишь шайка разбойников), но и делает всех ее жителей подданными своего императора, проводит регистрацию всего населения, нойонов, чиновников и войска. Поделив страну на шестьдесят шесть провинций (*muǰi*), Нарану Герел определяет служебные обязанности чиновников, а двоим из прибывших вместе с ней четырех чиновников она выделяет по тысяче солдат и приказывает им осуществлять управление страной в течение года[1].

Покорив врагов и приведя их в подданство своего императора, Нарану Герел укрепление государства начинает с установления строго суда и утверждения религии – строительства храмов, возведения статуй будд и организации монашеских общин. Эти два направления ее деятельности, о которых рассказывается в ойратской версии, связаны с двумя узловыми категориями, на которых у монголов с древности базировалось понятие государственности – «император» («хаγan») и «власть-религия» («törö šaǰin»)[2].

В ойратской версии (в отличие от монгольской) есть вставная притча об отшельнике, образно объясняющая, почему это произведение связано с Белой Тарой. Согласно содержанию притчи, отшельник – это император государства Чинг, Алтан Цецег – Нарану Герел, перерождение Белой Тары, а дьявол – нойон Люго[3]. Здесь просматривается явная связь с джата-

[1] *Tedeni u=lus noyod tüšimed albatu ce-rigüüd-ni xorin xonoq-tu bayicā=ǰu dangsulabāsu ǰiran zuryān muǰi bol=yoǰi emkelen: tüšimeldü-ni tu=šāloloyād daxoulǰi ireqsen dörbün tüšimelēce-bēn xoyor mingyan ceriq-tei soulyaǰu tede=ni törö yosu-ni zakiryaǰi ǰil kürgel ügei tobšidken souyad: xarituyai kemēn tušāyād:*

[2] Бичеев Б. А. Дети Неба – Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2004.

[3] *Erte urida ni=gen caqtu tengdabadara neretu oulayin ayui-du souqsan nige yeke arši bui bölügō: tere arši tarnigi ödör söni ügei (maši) xatou tōloǰu bayixudu šimnu tarniyin küčübēr kōgdeǰi youma olǰu čidal ügei bayiqsan: ter bütēl=či arši tarniyin ecüstü kür=či: cayān sariyin arban tabuni söni öyir söni xayacaxuyin ki=ridu očir dārayin xutugi o=lun geǰi bayitala: küčü xara šum=nu medēd: aršiyin tulē tüyideq očir kemēqče kümüni nayacu axa bolun kürči irēd: arši*

ками о Будде, в основе которых лежит представление о цепи кармических перерождений.

Относительно происхождения монгольской «Повести о Нарану Гэрэл» А. Г. Сазыкин и Д. Ёндон склонны принять в расчет влияние китайской повествовательной литературы, в подтверждение своих доводов они приводят топонимы (Нянча, Джин) и имена (Чан-ха-лю, Шан-дай-ван, Гау, Чжоу) китайского происхождения[1].

Г. И. Михайлов высказал мнение о том, что связь монгольской повести с иностранной литературой очевидна. «Светские сюжеты: испытание претендентов на должность, война правительственных войск с повстанцами и некоторые другие, вероятно, заимствованы у китайских авторов. А все что сязано с “потусторонними” силами пришло из тибетских (возможно, и китайских) духовных повестей» [Михайлов 1969: 97].

Исходя из этого, можно преположить, что и ойратская версия «Повести о Нарану Герел» («*Cаγān Darē ekeyin namtar orošibo*») была создана под влиянием китайской повествовательной литературы и тибетских повествований на сюжет видения буддийского ада, но на основе собственной художественной традиции. Синтез разных художественных традиций способствовал появлению сложного по своей структуре, объемного по содержанию, богатого по языку изложения оригинального произведения, ставшего одним из художественных достижений ойратской старописьменной литературы.

*blamadu mürgüye kemēn očiǰu arši čimayigi xoyino kedüi küčütei bolun: amitani nomoγodxuxuyin čini caqtu bi tödüi küčütei [**40a**] bolǰu xour xomsu kekü mini boltuγai kemēn irōl talbiqsan-du: blamayin zōq güyicüq keǰi bayidaq Caγān Dāre eke-ni ürgülǰi šü=tüqsen altan ceceq küükeni töüni sonusōd: küčütü xara šumnu čimayigi blamayin minu üyilestü xour xomsu kekü-dü aqšan do=toro šüyidkēd tonilγoxu mi=ni boltuγai: kemēn irōl talbiq=san-du: aršiyin nigen öqligüyin ezen odebtu neretu öbögün sonosōd: altan ceceq küüken kezēne yaγā kiǰu bayidaq you bi kemēn čimai tere caq-tu xour kekü mini boltuγai: kemēn irōl talbiqsan-du: altan ceceq tere caqtu bi xara šumnugi šüyid=kēd süüldü činu xara beyē-gi kizar γazar ilegēd: xamuq bai=xu youmāgi činu busudtu edlöülkü mini boltuγai: kemēn irōl talbiq=san: tere caq tere učir-dakini bütēlči arši ödügē mani boqdo xān xayangkhrva-yin xübilγan ene: tere caq učir-dakini altan ce=ceq küüken ödügē Narani Gerel Caγān Dāre ekeyin xübilγan ene: tere caq učir-dakini [**40b**] odebtu sayiki Liüge ene: tere caq u=čir-dakini tülē tüyideq očir ödügē tangnuyin J̌ō tüšimel ke=mēn öčiqsen-dü:*

[1] По мнению профессора Пекинского государственого университета Дулаама (Chen Ganglong), само монгольское имя главной героини повествования Нарану Герел есть калька имени героини китайского повествования, текст которого хранится в маньчжурском архиве.

ЛИТЕРАТУРА

Бичеев 2013 – Ойратская версия «Истории Белой Тары». Факсимиле рукописи, транслитерация текста, перевод с монгольского языка, исследование и комментарии *Б. А. Бичеева*. Элиста: КИГИ РАН, 2013.

Гампопа 2005 – *Гампопа Дже*. Драгоценное украшение Освобождения – исполняющая желания драгоценность истинного Учения. Перевод с тибетского Б. Ерохина, 2-е изд. СПб.: «Карма Йеше Палдрон», 2005.

Герасимович 2006 – *Герасимович Л. К.* Монгольская литература XIII – начала XX вв. (материалы к лекциям). Элиста: АОр «АПП “Джангар”», 2006.

Гуревич 1981 – *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981.

Дамдинсурэн 1959 – *Damdinsürüng Če.* Mongγol uran ǰokiyal-un degeǰi ǰaγun bilig orosibai. Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XIV. Ulaγanbaγatur, 1959.

Дамдинсурэн 2003 – *Дамдинсурэн* Ц. Повесть о Зеленой Дарь-эхэ // Буддизм и литература. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 164–185

Книга мертвых 2003 – Тибетская книга мертвых. Перевод с тибетского и комментарии *Ф. Фримантл*, *Ч. Трунгпа*. М.: Издательский дом «София», 2003.

Луванбалдан 1975 – *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: ШУА ХЗК, 1975.

Позднеев 1907 – Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, состав. *А. Позднеевым*. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1907.

Михайлов 1969 – *Михайлов Г. И.* Литературное наследство монголов. М.: Наука, 1969.

Образцы монгольской литературы 1938 – Образцы монгольской феодальной художественной литературы. М.-Л., 1938.

Очиров 2006 – Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // Живая старина. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 160 – 174.

Поповцев 2012 – *Поповцев Д. В.* Бодхисаттва Авалокитешвара. История формирования и развития махаянского культа. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012.

Сазыкин А. Г., Ёндон 1987 – *Сазыкин А. Г., Ёндон Д.* Ранняя версия «Повести о Нарану Гэрэл» (Рукопись F 244 из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.) // Studia Mongolica. T. XII (20). Fasc. 1–17. Ulan-Bator, 1987. С. 54–106.

Сазыкин 1988 – *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР: в 3 т. М.: Наука, Т. I. 1988.

Сазыкин 1990 – История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи, транслитерация текста, перевод с монгольского языка, исследование и комментарии *А. Г. Сазыкина*. М.: Наука, 1990.

Сазыкин 1997 – *Сазыкин А. Г.* Ойратская версия рассказов о пользе «Ваджраччхеддики» // Петербургское востоковедение. Вып. 9. СПб., 1997. С. 139–160.

Сазыкин 2001 – *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР: в 3 т. М.: Наука, Т. II. 2001.

Сазыкин 2004 – Видения буддийского ада. Предисловие, перевод, транслитерация, примечания и глоссарий *А. Г. Сазыкина*. СПб.: «Нартанг», 2004.

Сумъяа 2011 – *Доржпаламын Сумъяа.* Монгоол Ногоон Дара эхийн тууж. Улаанбаатар: ШУА ХЗХ, 2011.

Сазыкин, Ёндон 1985 – *Сазыкин А. Г.*, *Д. Ёндон*. Ранняя версия «Повести о Нарану-гэрэл» (рукопись F244 из собрания Ленинградского отделения института востоковедения АН СССР) // Studia Mongolica. Ulan Bator, 1885. Т. XII (20), Fasc. 1–17. С. 34–106.

Смирнов 1999 – *Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.

Список монгольских рукописей 1919 – Список монгольских рукописей, приобретенных от *Б. Я. Владимирцова* // Известия Российской Академии наук. Новая серия. Пг., 1919. С. 934 (Приложение к протоколу XIV заседания отдела исторических наук и филологии Российской Академии наук 12 ноября 1919 г.).

Тойм 1977 – Монголын уран зохиолын тойм. Улаанбаатар: ШУАХ, Т. II. 1977.

Яхонтова 1999 – Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод с ойратского, транслитерация, комментарий и приложения *Н. С. Яхонтовой*. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999.

Яхонотова 2010 – Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения *Н. С. Яхонтовой*. М.: Вост. лит., 2010.

Gerelmaa 2005 – Brief Catalogy of oirat manuscripts Kept by Institute of Language and Literature bu *Gerelmaa Guruuchin*. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. Corpus Scriptorum Mongolorum. Tom XXVII. Fas 1. Ulaanbaatar, 2005.

Sazyikin 1988 – *Sazykin A. G.* Mongol and Oirat Versions of the Description of Naranu Gerel`s Descent to the Buddhist Hell // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1988. T. XLII. Fasc. 2 – 3.

Sazyikin 1997 – *Sazykin A.G.* The Oirat (Kalmyk) Version of «The story of Güsülama» // Manuscripta Orientalia. – St. Petersburg; Helsinki, 1997. Vol. 3, NO. 2. June. P. 33–38.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

«Саγān Dāre ekeyin namtar orošibo»

Ойратская рукопись, 22 л., 34 × 9.5, 29 стк., черная тушь,
бумага русская с рельефным штампелем «Фабрика Сумкина № 6»,
Институт языка и литературы АН Монголии
(Шифр № 688 [23])

Условные знаки, используемые в транслитерации текстов:

В квадратные скобки **[ ]** заключены слова или буквы, исправляющие ошибки, имеющиеся в рукописи;

В круглые скобки **( )** заключены межстрочные вставки в тексте рукописи;

Знаком = обозначены переносы в тексте рукописи.

[1a]. Caγān Dāre ekeyin namtar orošibo:

[1b] Om ma ṇi pad me hum: Erte urida nigen caqtu: Nangdi γoliyin dergede Nangǰin balγasuni dotoro Bayan sartavā=ki: Γō bayan kemēn xoyor bayan bui bölügü: Tere Bayan sartavākiyin gergei: Γō bayani gergei-gi kü=mü ilegeǰü cai ou kemēn urin abči irēd zočiloduq bayiši=ngdān soulγan: amatatu idē-bēn talbin: amaraq-tu üge-bēn kelel=cen bayixuyin zabsartu: Bayan sartavākiyin gergei: Γō bayani ger=geyidu či bida xoyoula šaratai bayinai: čima-ēce küüken γarbā=su nadu bere boltuγai: nada-ē=ce küü γarubāsu čimadu kürgen bolγasu: Γō bayani gergei ken ken-ēce küü küüken γarubasu xuda xudaγoi bololcoyo: kemēn öndö=gen süi kelelcēd: ger gertēn xaribai: Bayan sartavāki: gergei ā ene ödür nayir nayirlaǰu sonin you kelelcebe kemēn asuq=san-du: gergei ken-ēce küü γaruba ken-ēce bidani küüken γarudaq bolbolo: xuda xudaγoi bololcoyo kemēn öndögen süi kelelcēču tarxabai kemēqsen-dü: Sartavāki ene tani sayin beleqtei bolǰi **[2a]** gebei: basa Γō bayan gergei=ēce-bēn ene yosōr asoubā=su: gergei mön kelelceqsen-yēn keleqsen-dü ene züyitē sayin kemēgēd souǰu bayitala: Bayan sartavākiyin gergei arban sara döürēd nigen sayin köböün nirai=labai: sartavāki yeke bayarlan: ger=gei ā ene sarayin šineyin tabun sayin ödür tula: ene xotoyin yeke baγa bügüdē-gi cuqluulon nayir nayirlaǰu küü-dēn nere ögüye kemēn yeke baγa bügüde=dü ene sarayin šineyin tabun-du nayirlaǰu küü-dü nere ögüye ke=mēn zarloulbai: mön šineyin tabun=du yeke baγa cuqlan kürči irēd: eldeb züyiliyin idē ǰemis talbin nayirlaǰu: Ünen Ögüüleq=či kemēn nere ögüüd: amuraqtu üge-bēn kelelcen taraxabai: mön darui Γō bayani gergei narani ge=rel tusuqsani adali sayixan üzes=küleng-tei okin nirayilabai: Γō bayan yeke bayarlan: gergei ā xüri=miyin youma beledke kemēgēd yeke baγadā kümü zaroǰu ene xorin xoyortu yeke baγa cuqlan kürči irebēsü eldeb züyiliyin **[2b]** amtatu idē talibin nayir nayirla=ǰi: ečige-ni küüken-dēn Narani Gerel kemēn nere nereyidēd: öl=zöyitü üges ögüülelcen tara=bai: ödüi tödüi on boltolo tus tustān ǰirγalcan soubai: tere caqtu köbüü küüken xoyor=bēn arban <tabu> tabun nasu kürbei: xoyor bayan neyilen amtatu idē iden amraqtu üge kelelcen: basa Bayan sartāvaki mani gergēču=diyin öndögēn süi solilduq=san-yēr beleq mani bütübei: odō sarayin sayin (ödöriyin) ölzöi-gi üzüül=ǰü xoyor küüked-yēn buulγan boqtoloyo kemēn kelelcēd: zu=ruxayičinar-bēr sara ödör-ni sungγon üzüülbēsü: ene sarayin xorin dörbün-dü bere buulγabā=su oki öqbōsü sayin kemēq=sen-yēr: xoyor bayan tuxai tu=xayitaki kereqleliyin youmāgi tökērüülǰi

bayitala: küükeni mordoulxuyin caq kürüqsen-dü: Γō bayan küüken-dēn eldeb züi=liyin erdenis-yēr čimeqsen tergen-dü soulγan: xoyor lousa=du külgülöǰü xorin daxaltatai: eldeb züyiliyin erdenis-ni **[3a]** zoun lousa-du ačin eke-ni nige zoun kümütei kürgün: mön ö=dörtüni buulγaǰu boqtolγon: do=lōn xonoq boltolo nayirlād bucaxu=du eke-du ǰivdamavi erdeni zou lang altan: mingγan lang mönggü el=deb züyiliyin erdenis ed tavar beleq öqbüi: basa kürgeǰü ireq=sen zoun kümün-dü tabi tabin lang=giyin yömbüü nige nigē-gi öqči tarxabai: ödüi tödüi on bolto=lo ǰirγalcan souǰi bayitala: Bayan sartavāki nasun-du güyiceqdeǰi yöüdebei: basa eke-ni köböün=dēn eyin öčibei: ere γaqca kümün-dü er=dem kereqtei er=dem sura kemēqseni: eǰiyin ayiladuqsan ünekēr zöb bayinā daxaǰu suruyā kemēn: dolon xo=noq boltolo kereqleliyin youmā=gi tökēröülün yabuxui-du kür=čü: eke-dēn barālxan yabuxui-gi keleǰü: amur eribēsu či er=dem sayin surči ire kemēn er=deni öqbüi: mürgōd γarči ger=tēn iren: Narani Gereldü oulzan či eǰiyigēn sayin örgüǰi bai: bi erdem (surči) ireye kemēn keleqsen=dü: Narani Gerel tegeyē kemēn (sayin) **[3b]** sayin-yēn erilcen yabuba: Nangčin balγasuni ömnö züqtü dolō xonoǰi kürkü nigen xotodu: o=lon baqšinar bui-yin tere doto=ro: nigen axmud baqšidu ireǰi barālxabāsu: köböün činu nere ken bi: kenei bi nutuq xamiγā bayidaq bi: xayiši yabuba kemēn asuq=san-du: bi Nangdi γoliyin dergede Nangǰin balγasuni dotoro: Bayan sartavākiyin köböün bilē: nere Ü=nen Ögüüleqči: surγuulidu oroyo kemēn ireqsen geǰi me=döülēd: erdeni bariqsan-du er=dem suruqsan sayin: bi zāǰi ö=güyö: darui arban-du zālγa: ene erdenii-gi tende-bēn xadaγalǰi bai: bičiq zālγaxudā bari kemēn bucāǰi ögōd: xoyitu bayišing=du očiǰi soutuγai kemēqsen-yēr: očiǰi soun youmabēn tökērči: mön arban-du ireǰi erdeni-gi barin zāalγabai: tere caqtu Narani Gerel J̌ou öbügün-yēr bičigiyin uxāni medekü erdem zāalγabai: Ünen Ögüüleqči tabun ǰil bolto=lo souǰi bičiq bügüdē-ni surba: baqši-ni erdem bügüdē-gi či üne=kēr sayin surba: öbür zālγaxu **[4a]** bičiq ügei: či bucaǰi eǰii-gēn örgütügei kemēqsen-dü: Ünen Ögüüleqči baqšidān barālxan er=deni barin: bucaxoyin amuγuulang ayiladxabai: baqšini mende yabu=ǰi gertēn sayin küre: xoyino ireǰi zolγoqsōr yabuxu bi=šöü kemēqsen-dü: mörgün yabuǰi mön dolō xonōd gertēn kürči irēd: eke-dēn barālxan amur eribēsü sayin: köböün či sayin mende yabuǰi irebüü: erdem ke=dü činēn surči irebei kemēn asouqsan-du: eǰiyigēn ayiladuq=san-yēr sayin baqšiyin ačibēr: netüle biši surči irebe kemēq=sēn-dü sayin köböün eǰiyičini yeke bayarlabai gebe: soudaq xar=šidan iren Narani Gereltei amur amur-yēn erilcen: Narani Gerel tabun ǰil boltolo yabuǰi erdem kečinēn surči

irebe kemēn as=γuqsan-du: bičiq bügüdē-gi surči irebe kemēn öčiqsen-dü: Nara=ni Gerel J̌ou abuγu-bēr bi čigiyin uxāni erdem surba ke=mēqsen-dü: Ünen Ögüüleqči yeke bayarlabai: amtatu idē-bēn iden: amuraqtu üge-bēn kelelcen: **[4b]** ǰirγalcan souxuyin tere caq-tu: Čing neretü xotodu Čing gü=rüniyin yeke xān: nigen ödör sayid tüšimel-yēn barālxoulun: mini gürüni-dü tüšimel talbiǰu: yeke cerigiyin yosulol-ni zasoul=ǰu: tüšimeliyin erdem bügüdē-gi suruqsan sayin kümün ken bui: tā medenüü kemēn zarliq boluq=san-du: tere tüšimediyin doto=ro nigen yeke axamud tüšimed: Nangǰin balγasuni dotoro Bayan sartavākiyin köböün Ünen Ögüü=leqči: tüšimediyin erdem bügü=dē-gi suruqsan: töüni barāl=xoulǰi (tüšimeliyin) kišigi kürtegēbēsü sayin kemēn: ayiladxaqsan-du: töüni xurdun ireülǰi barāl=xoultuγai: bi šingǰiǰü sayin bögōsü tüšimel talbisu kemēn: zarliq boluqsan-du: Bočing tü=šimel-ni zaruǰi arban xonoq yabuǰi: Ünen Ögüüleqčiyin xaršiyin ōüden-dü kürči ire=meqče: xālγa sakiqsan kümün ye=ke xān-ni zaruqsan tüšimel kür=či irebe kemēn: medē baribā=su Ünen Ögüüleqči uqtaǰi γarubāsu: Bočingtüšimel yeke **[5a]** xāni zarliq-yēr Ünen Ögüü=leqči čimayigi barālxoultuγai kemēn: namayigi zaruqsan bile geqsen-du: Ünen Ögüüleqči mürgüǰi barālxaya kemēn bayarlan: tüšimeliyin γar-ēce barin amur amur-yēn erilcen: zočiloduq bayišing-dān xamtu oron sou=ǰi: amtatu idē-bēn talbin amaraq-tu üge-bēn ödüi tödüi boltolo kelelcen souǰi bayiqsan=ni söüldü: aya yeke tüšimel ce=berlin beledüqsen bayišing-du moriloǰu sou kemēn öčiqsen=dü: γarči očixudu Ünen Ögüü=leqči bayišingdu kürgeǰi soul=γād: bucaǰi ekē-nēn gertü ire=bēsü: eke Narani Gerel xoyoula xamtu bayiγā aqsan-ǰi: Ünen Ö=güüleqči eyin öčibei: yeke xāni zarliq-yēr Bočing tüšimel=ni zaruǰu namayigi barālxoulxu kemēn iriqsen bayinā geǰi öči=besü: eke Narani Gerel xoyor yeke xān barālxa gekü bayituγai: barālxaya gebeči küsekü bolboču oldoxu ügei yeke bayar ene ödör bolbu: γarči youma-bēn tö-kērin darui barālxatuγai kemēqsen-yēr: **[5b]** arban xonoq boltolo youmabēn tökērči döürēd yabuxudu kür=či: ekedēn barālxan Narani Gereli minu asarči tedküǰi soutuγai kemēn zakiqsan-du: eke-ni bi Narani Gereli asaran tedküǰi sou=su: γaqcaku mini nasu nelēdü boluqsan tula: udā souǰi či=daxu ügei buyiza: teyin-kü bol=baču či mini kümüni zergedü o=roǰi yeke xāni kündü kišigi kürteqsen xoyini: bi yaγabači gem ügei: či mini očiǰi o=lon-du ebtei nayirtai souta=γai kemēn surγād: yeke ünetei erdeni öguqsen-dü: Ünen Ö=güüleqči bi odxu bolboču ü=gei bolboču amur eriǰü beleq bičiq bariya kemēn mürgōd amur erin γarči: öböriyin gertēn iren Narani Gereldü eyin-kü ö=güülbei: erteni sayin

irōl-yēr bida xoyor učiraqsan bišou: či mini küqšin eǰiyigēn asar=či sou bi odaxu ülü odaxu=ni medekü ügei tula: beleq bi=čiq ögümeqče kemēn keleqsen=du: Narani Gerel bi küqšin eǰii=gēn xoyor nidüni cecegei-ēce **[6a]** ülemǰi sanaǰi tedküǰi asa=ran sousu: γaqcaku nasu süü=der-ni nelēdü boluqsan tula zo=boniǰu bayinam kemēksen-du: Ünen Ögüüleqči olon bügüdeyin yosu bui tula: buu zobu kemēgēd amur amur-yēn erilcen: Ünen Ögüü=leqči öböriyin medē dörbön kü=mün-yēn daxoulun: Bočing tü=šimeltei xamtu yabuǰi: arban xonogiyin dotoro Čing xo=toyin zöün xālγabēr oron uri=da beye-yin γudumǰiyin: baroun ömnö nigen xaršidu Bočing tüši=meltei xamtu xonōd: mön marγā=ši örlö erte bosči: cai idē ouǰi idēd: mön Bočing tüši=mel daxoulun yabuqsan-du: ene süngdüleǰi bayiγa yeke ordu xar=ši you bile kemēn: tüšimel-ēce asaγobāsu xāni ordu xarši kemēn kelelcen: tende kürün zoučiyin sayid kānar-tu barālxan: Ünen Ögüü=leqči barālxaqsani ulamǰilan ayilad=xabāsu: barālxoultuγai kemēn zar=liq buulγaqsan-du: xān ene ödör ölzöi coqcoloqči ordu-du zalaraǰi bayina barālxa geqsen-dü: daxoulǰu barālxoulbāsu **[6b]** Ünen Ögüüleqči yeke xāni (amur) erin mürgübei: yeke xān či kenē köböün bi: nasu kedü kürübe bičiq xamiγā suruqsan bui: kemēn zarliq boluqsan-du: Nangdi γoliyin dergede Nangǰin balγa=suni dotoro: Bayan sartavākiyin köböün: nere Ünen Ögüüleqči xorin nasutai: erdemi Nangǰin balγasuni urdaki nigen xo=todu baqšinar bui: tende kürči baγa erdem suruba kemēn ayiladxaqsan-du: xān tüšime=diyin erdem bügüdē-gi suruq=san: šinǰi tögüsüqseni ayilad=ču sayišān bayarlan: tüšimeliyin kišiq kürtēd cerigiyin kereq-ni dālγabāsu: Ünen Ögüüleq=či γurban üye sögüdǰi yesün=te mürgōd: γarči soudaq xarši=du iren: cerigiyin xarbuxu nam=naxu buudaxu terigüüteni tabun sara boltolo surγaqsani xān-du ayiladxabāsu xān ceriq-ni bai=cān üzebēsü šilγadaq boluqsan tula bayarlan sayišāǰu güng-yin γurban söürini kišiq-ni kürteq=sen: zöün γudumǰini urida beyeyin xaršini šanganaqsan-du: **[7a]** Ünen Ögüüleqči γurban üye sögüdǰi yesün-te mürgü=bēsü: čimadu gergei bui buyu: kemēn zarliq boluqsan-du bui bi=lē kemēn ayiladxaqsan-du: töü=ni čini abči ireǰi ögüye kemēn zarliq boluqsan-du sö=güdǰü: köqšin eǰiyigen asaran souǰi bayiγā bile kemēn ayilad=xaqsan-du: töüni bayilγayā: tüšimel Liügeyin küüken-ni čimadu gergei bolγosu kemēq=sen-yēr: Liügē-gi barālxul=tuγai kemēksen-dü: Liügē-gi barālxoulbāsu: Ünen Ögüüleq=či mini gürüni-dü tusa bolxu kümün tula: či küüken-yen Ü=nen Ögüüleqči-dü öqtügei: kemēn zarliq boluqsan-du Liügē tegeye kemēn mörgümüqče mön Ünen Ögüüleqči mürgōd xamtu γarabai: Liüge noyon arban xo=noqtu kereqleliyin

youma tökerēd: Ünen Ögüüleqči=dü Donilǰing γō-gi kürgeǰi: buulγan boqtolon gergei bolγo-ǰi ögbei: Ünen Ögüüleq=či Donilǰing γō-gi kürgeǰü buulγan boqtolon gergei bolγo=ǰi öqbei: Ünen Ögüüleq=či Donilǰing γō xoyoula ǰirγalcan soubai: Ünen Ögüüleq(či) **[7b]** eke ba Narani Gereldü bi: ači=tu ekeyin ibēl-yēr xāni ö=röšöl güng=ni γurban söüridü soun xarši bayišing ba: Liügē noyoni Donilǰing γō-bēr šang-noulun gergei bolγon: kišiq kür=ten bayartai souǰi bayinam: ta tende mende souǰi bayinou ke=mēn amur erin: bičiq bičiǰu erdenis-yēr beleq ögbei: ögüqsen daruyidu kürči eke ba Narani Gerel olǰi üzēd: bayarlan ödüi tödüi on bol=tolo ǰirγalcan souǰi bayitala: ekeni ebedbei Narani Gerel em=činer-yēn üzüülǰi em uul=γabāsu: baγa eyetei bolbōču dotoro-bēn eyin sedkin: bi souǰi čidaši ügei eden-dü nigen surγāl surγaya kemēn Nara=ni Gereldü: ene nasun-du Ünen Ögüüleqčidu zolγon ese či=daba xoyitu nasun-du ali ba=yartai-bēr zolγoyo: kemēn irōl talbin ende souǰi čidaxu ü=geyin tula: nada-ēce xoyiši you=ma-bēn J̌ou öbügen-yēr zakirγa=ǰu: Ünen Ögüüleqčiyin xoyino-ēce erke ügei oči kemēn **[8a]** surγād basa J̌ou öbügüni douduulǰi iröülēd bi ende souǰi čidaxu ügei bolba: J̌ou či küükedni-inu xarγalza ilangγuya Narani Gerelii minu youman-du očixu bolbōsu xarši bayišing tarāling terüügeteni sakiǰi souγarai kemēn tabin langgiyin yömbüü ögüksen-dü: tegeye kemēn γarubai: eke-ni γurban xonogiyin süüldü yöüd=ǰi möngkü busu-ni üzüülbei: Narani Gerel xayiran eǰii mini xaribai: yaγaǰi soudaq bilē kemēn ukilaǰi bayitala: J̌ou ö=bügen kürči irēd eyimu yosu=tu büküyin tula: öüni nom buya=ni üyiledkü kereqtei buyiza: kemēn surγaqsan-du J̌ou abuγayin zöb bayinam kemēn: buyan nomiyin youma tökērin: sayin šinǰīči=gi zalaǰi šinǰilüülbēsü xoi=tu arsalang oulayin öbörtü: coq zali delgereqsen γazar talbixu kemēqsen-yēr γorši zandabēr xayircaq kelgiǰü e=keyin küürigi keǰi tere γazar dēre bičixan bayišing barin: geriyin medē kümün-dü mönggü **[8b]** öqči ürgülǰide sakiulbai: basa Narani Gerel J̌ou öbügen=ni nige ödör (urin) iröülēd ačitu eǰiyigēn tuxayidu nigen süme bariyā kemēqsen-dü: J̌ou öbügen sayin kemēn daruyidu sümeyin kereqleliyin youmā-gi zerge zerge beledün: süme bariǰu Arya balo Xongšim bodhi sadv: xoyor Dāre ekeyin beye(ni) bosxon rabnai terigüüten=ni üyiledǰi takiulun bayiza=naǰi bayitala: nigen ödür Narani Gerel daxaltabēr J̌ou abuγai=ni urin iröülǰi: bi ačitu eǰiyigēn ayiladuqsan-yēr: Ünen Ögüüleqčiyin xoyino-ēce očimui: J̌ou abuγai ta Arya baloyin süme ba xarši bai=sing tarālang: geriyin medē u=lus terigüüteni zakirči sou kemēn: mingγan lang-yin erdenis ögüqsen-dü: J̌ou öbügen sedkil γoniqlan ebdereǰi Narani Gereliyin zakiqsani čidan yadan

daxaya kemēged xariba: Narani Gerel arban xonoq kereqleliyin youmāgi tökērin: yabuxuyin caq=tu kürči öbüriyin medē kümün-ēce xorin kümü daxoulan šidar **[9a]** daxouličitai xorin xoyor lousa-du külgülöülen erde=niyin tergen-dü soun: J̌ing ne=retü xotō-gi čiglen ödüi tödüi xonoq yabuǰi: tangnuyin gürüni-(dü) očixu salā zam-yēr en=döüren yabutala: nigen yeke tarā=ling cecerliq-tei γol buyin dergede xonobāsu: manaγār-ni tangnuyin xāni Čing gürüni-tei dayilaldaxu-(yin) tula ceriq abči yabuxā: xara moritoi kirbai xara saxaltai ulān xongγor čirai=tai kümün: zou γaruu kümü daxou=lan: Narani Gereliyin asar küriyē=ni oyiro kürči irēd eyin doudbai: ene kükü kürē asar dotoro: ken geqči bui kemēn asa=γuqsan-du: Narani Gereliyin uxān cecen yeketei: nigen geriyin daru=γa bui aqsan aǰi: tere γarči: Čing xāni yeke tüšimel Ünen Ö=güüleqčiyin xatun kemēn kelebei: xamiγā očinā kemēn asoubasu tüšimel Ünen Ögüüleqčiyin xoyino-ēce očimuu: tüšimel xamiγā bayinai kemēn asouqsan=du: yeke xāni dergede bayinai: ta mani youn-du oyil toyil-du kürtele **[9b]** asouqsan kemēqsen-dü či ene üge-bēn zoqso: ta cōken kü=mün bida olon ulus: tani yaγa=bači čidamui kemēn: keleqsen-dü geriyin daruγa ta olon boloboču ongco ügei: bida cōken bol=buču tani yaγākebeči mani duran kemēn keleqsen-dü: Narani Gerel geriyin daruγā-gi doudulǰi ireǰi: bi šütēn Arya balo Xongšim bodhi sadv-dān zalba=riǰi tedeni nigen sür-yēr da=rasu kemēn: kükü kürē-ni γadana öüden-dü sangdalai zasād: töü=ni dēre souγād: sür ǰibxulang yekeyin tula-da: tüšimel teri=güülen zoun ceriqtei-bēn sür=tü gilbalan dongγodōd: zarim=ni morin-ēce-bēn buun: zarim=ni küsörö unabāsu: Narani Gerel eyimu kümüni čirayigi xaran či=daxu ügei bögötölö youn-du xour=tu üge kelenem ta: kemēn do=torobēn sedkin asar örgē-dēn orobōsu: teden sergēd či yaγa-ba bi yaγaba kemēn asoulcād: zarim-inu narani gerel nidün-dü tusuqsan adali xaran čidaqsan ügei: zarimuud-inu γaldu beye-bēn **[10a]** tüyimerdeǰi bayixuu adali: zarimud-inu olon ceriq el=deb züyiliyin mese barin ayou=xu metü dabšilan kürči ire=küšiq bolba: kemēldün γayixal=dubai: tüšimel ayouxuu metu yeke buyantan tula: bida buyan moutaγār ičöürtü bolbo: bai=tala öün-ēce you bolxu bolzo=ši ügeyin tula: kündöyiken nigen sayin üge keleǰi arγa=bēr zam=yēr yabuya kemēn zar-lād: tüšimel eyin doudaǰi kelekü-inu: tani Čing xāni-du očixu zam ene biši: buruu zam-yēr ireqsen bayina: ta baroun-tē-bēn yabubala zamdān oromui kemēn kelekü geksen=yēn: sürüdüqsen-ni γaruxudu tani xatun mani xāni xatun bolun soubāsu züyitei aqsanǰi: kemēqsen-dü Narani Gerel geriyin daruγabēr doudaǰi keleǰi ilegeqsen-inu: čini xān mini metü-yin zam-yer yabuxu šibeq=čini abxu

teyimu yadamaq γuyiri=či xān buyuu: abuya gebeči zayān ügei aya barmastan γaq=caxan kilaγasuni šilbüüriyin ayi **[10b]** güyicekü buyu ta: bataγana ši=muuliyin bir-ni güyiceküčü ü=gei kōröküüs ta mini: zamāran yabuqtun ketüdēn bolumza kemē-küle: tede buruu dongγoduq=san-yēn medeǰi maši ayouxuyin sedkil töröǰi sem-yēr yabubai: mön Narani Gerel asar kürē-bēn buulγaǰi acālan: čingxa baroun züq-tü yabuǰi zamadu-bēn orōd: ödüi tödüi xonōd yabuǰi J̌ing xotoyin zöün xālγabēr orobā=su: xālγa sakiqsan ulus güyin irēd: kene bi kemēksen-dü: tüšimel Ünen Ögüüleqči gergei bilē: tüšimel Ünen Ö=güüleqči xamiγā bayinā: mani kür=geǰi oči kemēqsen-dü: nigen kümün-yēr kürgüülbei: Narani Ge-rel tere kümüni geriyin daruγa=tai zaruǰi: Ünen Ögüüleqči Doniljing γō xoyoriyin amur erin: namayigi irebe geǰi me=dē öq kemēn zaruǰi yabuulbai: geriyin daruγa xālγa xadaγalaqči kümütei oulzaǰi: Narani Gerel kürči irebe Ünen Ögüüleqči Doniljing γō xoyoriyin amur eri kemēn namayigi zaruqsan bile: **[11a]** kemēqsen-dü tere kümün: Ü=nen Ögüüleqči eyin kü xāni der=gede bile: Doniljin γō-du me=döülüyā kemēn güyin kürči i=rēd: Narani Gerel amur eri kürči ireqseni medē bari kemēn medöülkülē Doniljing γō tere kümüni xurdun ireül kemēqsen-yēr: kümün γarču irēd tani xurudn barālxa gene geǰi daxoulun ireǰi: Doniljing γō-du barālxan: Ünen Ögüüleq=či Doniljing γō amur yu: Narani Gerel sayi kürči ireq=seni medē barālxuulba geqsen=dü: xamiγā kürči irebe oyiro buyu kemēn asouqsan-du oi=ro gekülē: nigen kümüni dou=duljǰi yārabčilan: Narani Gere=liyin amurni eri kemēn zaruǰi yabuulbai: tere kümün geriyin daruγatai xamtu yabuǰi: Narani Gereldü kürči: Doniljing γō: yeke xatun Narani Gere=liyin amur eribe kemēküke: bi mende yabu=ǰi irebē: ta bügüde mende souǰi bayiniu kemēkülē: mende souǰi bayinā kemēgēd: tere kümün uridalxu getele: γayiγui **[11b]** či uridalaxu kerq ügei: mani xamtu yabu gekülē tegeye kemēn xamtu yabuǰi: ünen ögüü=leqčiyin yeke xālaγabēr oron: xoyoduγār xālγayin γadana kür=tele Doniljing γō kürčü ireq=sen: medē-yēr yārabčilan daxalta=nartai güyin kürči irēd sögüdǰi: amur erin zolγobui: bi mendu uabuǰi irebei: ta mendu sou=ǰi bayinuu kemēkülē: mendu souǰi bayinā: abai eyimu oyiro=ēce medē xayiraldaq biluu: ou=ǰim-ēce medē xayiraldaq ügei: beye eyimu bačimaq (boldaq) aǰi: kemēkü=lē Narani Gerel γayiγui kemēgēd: γar γarāsan kötöčin soudaq bai=šing-dān: öndör sayixan debis=ker dēre soulγan: amtatu idē-bēn talbin amaraqtu üge-bēn ke=lelcen souǰi bayixuyin zabsar=tu: Doniljing γō-yin daxalta tabun küüked dotorōn eyin ke=lelcebei: mani Doniljing γō=ni sayixan gedeq bile: öün-ē=ce sayixan kümün bi aǰi kemēn: γayixaldubai:

Narani Gerel Liügē noyoni amur eri kemēn kümün zaruǰi yabuulba: tere kümün Narani **[12a]** Gerel Liügē noyoni amur e=ribē kemēqsen-dü: Narani Gerel amur mörilaǰi irebüü bi mendü souǰi bayinam kemēn: kümün zaru=ǰi Narani Gereliyin amurni eri kemēn zakā zakiǰu yabuulba: tere kümün Narani Gereldü barālxa=ǰu Liügē noyon amur eribe: kedün xonogiyin süüldü küüked=tēn beye=bēr očiǰu zolγoyo: cai bariyā gekü-gi medöülēd γarči ireülbēsü Liügē noyon: mön tere kümün-ēce Narani Gerel sayixan kümün-yu yambar kümün bai=na geǰi asouqsan-du: Narani Gerel-ni adalidaxu kümün ügei: Doniljing γō-gi kedü-bēr sai=xan gebeči Narani Gereliyin kiš=keqsen šoroyidu ču kürkü ü=gei: bi gilban una alda ara=yi geǰi: yārabčilan γarči ire=be kemēn kelebe: Narani Gerel Doniljing γō xoyor-ni šatar mingmen-yēn talbiǰu: kedün xo=noq boltolo ǰirγalcan souǰi bayitala: darui Liüge noyon doto-robēn sedkin: Narani Gerel kemē=qči-inu minu küüken-ēce ülem=ǰi tula: Ünen Ögüüleqči irēd **[12b]** minu küükeni orkixu bolzoši ügeyin tula: ireküyin urid nigen xooro keqsü kemēn: xoyor adalixan xongduγon-du youma kel ügei ceberlen öbör=löbei: basa tabun keseq zemis bōǰi: nige butung-du ariki ke=ǰi daxouluqsan kümün-dü bari=lun: ünen ögüüleqčiyin xar=šiyin oyiro kürči irebēsü: Ünen Ögüüleqčiyin xālγa sakiq=san kümün: Narani Gerel Doniljing γō xoyor-ni šatar mingmen talbi=ǰu bayitala: Liügē noyon mori=loǰi irebe kemēn: medē baribā=su Narani Gerel dotorobēn sed=kin: Doniljing γō=yin ečige tula uqtuǰi γaruya kemēn: bi Liügē noyoni uqtuǰi γaru=ya kemēkülē: Doniljing γō xam=tu daxalcan γarči: Liügē noyon=du amur amur-yēn erilcen: Liügē Narani Gerel namayigi youn-du uqtuǰi γaruba: bi γazariyin xo=lo-ēce ireqsen čimadā zol=γoyo geǰi ireqsen bišiü kemēq=sen-dü: Narani Gerel Doniljing γō bida xoyoriyin ečige ilaγal-tai bišuu bi ečige-bēn irebēsü **[13a]** yākin tesün soun čidaxu bui kemēqsen-dü: narani gereliyin mini zöb: xoyor küüked šatar mingmen-yēn talbiǰi sou kemēn talbiulād: zemis-bēn tabun tabaq=tu keǰi talbiba: basa xorotai xongduγodu ariki keǰi narani gereldü barin: či mini γazariyin xolo-ēce ireqsen tula: čima=dun altan xongduγodu ariki keǰi amur sou kemēn beleqleǰi: altan xongduγu-ni büri ögüye kemēn ögüqsen-dü: Narani Gerel abūd uuxu getele: Doniljing γō talbiǰu ayilad kemēqsen-yēr: Doniljing γō-gi külēǰi sire dē=re talbiba: basa Doniljing γō=du nögōke xongdoγu-du ariki keǰi mini töröqsön küüken bol=bači: yeke xāni tüšimeliyin gergei boluqsan törö-ni kündülen: čima=dān altan xongduγodu ariki ke=ǰi beleqlen: basa altan xongduγu=ni büre öqbe geqči bolun ögüqsen-dü: Doniljing γō dotorobēn sed=kin: minu ečigē-gi xara sanā(tai) ge=deq bile:

narani gereldü minu ariki=duni mou youma keǰi ögüqsen bol=zō ügei kemēn: Narani Gerel mini **[13b]** xongduγutai ariki ta zōqlo: tani xongduγutai ariki-gi bi ouya kemēn: abxu getele Liügē noyon Doniljing γō-gi kilabal=zan: ečige-bēn beleqleči ögüq=sen urum-du nige nige ouγād: xoyitu duγuran-du soliǰi ou=xu ügei buyu kemēqsen-dü: Narani Gerel liüge abuγai-yin zöb ke=mēgēd bulāǰi abxu getele boluq=san ügei zōqloǰi orkīd: mön darui züsü önggü-ni buu-ran: gem ügei bayitala eyimu boluna geǰi sanā ügei bile: tegebeči ketüdēn boluna bui=za kemēn kelēd: Doniljing γō-du minigē tölö buyu zöb darui bayartai učirayā kemēgēd yöüd=bei: Doniljing γō toloγoi=ēce-ni teberin ukilan üsü züsübēn zulaγā: čimini eyimu bolono geǰi ken sanalā: xara sanā=tu šumnu xayiran kȭrökü gi mini eyigedeq biluu kemēqsen=dü: liüge či narani gereliyin giškiqsen šoroi-du kürkü ügei: ünen ögüüleqči irēd čimayigi orkimui kemēqsen-dü: namayigi orkixu bayituγai šibeqčin-yen **[14a]** kenüü xudaldunuu: bi γumu-daxu ügei: xara nüültü čimayigi tegeqseni medöülbeči medöül=kü ese tegebeči: nöül čini darui bolbasuranā xara šumnu-γara ke=mēeqsen-dü: či namai gem ügei bayitala you keqseni medöülkü čini bi: ebečin dayirču üküq=sen kümün tula: darui youman tökēričü küürni γarγa: kemē=külē uridayin čini keqsen gem ügei bolbu: odō yambar sayin bolxu bile xari kemēküle: liüge gemšikü sedkil töröǰi üküd=ken xaribai: Doniljing γō Narani Gereliyin küür-ni nom buyani döürtele: nigen ceberken bai=šingdu talbibai: Narani Gereliyin šütüqsen xoyor burxan bodhi sadv-yin düre-bēr xubilaǰi irēd: xoyor γar-ēce-ni kötölön činaqši yabubāsu: nigen yeke kün=döi xabčal-du tömör mörid u=nuqsan arbād čidkür tömör tašiur bariqsan: oi tümen ami=tani xurāǰi bayixui-gi üzēd: aya xoyor bodhi sadv mini ene yambar youman keqsen amitani ei=geǰi xurāǰi bayidaq bi kemēn **[14b]** asouqsan du: ene zourid=yēr üküqsen amitani eyigeǰi bai=duq kemēkülē zobolongtu amitan zobolong-ē xaγacaxu boltu=γai: Arya balo Xongšim bodhi sadv om ma ṇi pad me hum: kemēn māṇi ungšiǰi töün-ēce činaq=ši yabutala: nigen γalbaras modu=ni eldeb önggüyin öi tümen xoroxoi: ündüsün=ēce-ni kȭ=ǰi xabxayirtala ideǰi üǰüür=tüni yabuxuni üzēd: ayā xo=yor bodhi sadv mini: ene modo=ni olon xoroxoi ildemegi γartala idegči: ene youn bui kemëqsen-dü: ene čölöi=tü yertüncüdü yeke ǰisayin xu=raliyin nirba yabuxudā: amraq sadun terigüüten-yēn bayasaxuyin tula öqči yabuqsan üyile=bēr: üyile-ni edleǰi bayidaq gekü=lē Arya balo Xongšim bodhi sadv om ma ṇi pad me hum: kemēn zalbarin mön činaqši yabu=tala: nigen xonin toloγotoi čidkur nigen bičixan küüked=ni kötölöǰü yabūd: ečige eke čini tere bayinā

kemēn kelēd: ečige eke-dēn zolγo kemēn: **[15a]** abun očibāsu modun ōdö abariǰi γartala: bars ötögü xoyor bolon dēre-ēce-ni samar=doulan: doroqši=bēn unatala tere moduni büčir ǰida xutaγa bolun yasuni γartala xaγa xaγa tatād: maxani keseq keseq aldag-sani üzēd: ayā xoyor bodhi sado mini ene yamar üyiletei küükeni eyigenē kemēqsen-dü: ene amidu caqtan ečige eke=bēn xarān: blama xuvaragi eleq=len doromǰiluqsani üyile=bēr: üyile-ni edleǰi bayixu=ni ene kemēqsen-du arya balo xong=šim bodhi sadv om ma ṇi pad me hum kemēn činaqši yabubāsu: ma neretü balγasun-ni e=meke neretü emegen laxā šina=γa bariǰu süyileqsen ulān cai samarči: küüked mini undās=či irebüü cai xanatula ou kemēn doudabai: Narani Gerel undāsači bayina: ene cai-ē=ce ouya kemēküle: aya xoyor bodhi sado ene cayiγāsa oubala γurban mou zayātan=du unadaqouxu kereq ügei: geküle: arya balo xong=šim **[15b]** bodhi sadv om ma ṇi pad me hum kemēn činaqši yabutala: nigen yeke oi šuγui dotoro eldeb züi=liyin amitad: yekeni baγabēn ba=riǰu idekü ötün šimuuli ter=rigüüten: yekeken-yēn cōlon nüküleǰu idekü: basa zarimni kümüni ačiǰu unaǰi dayiri sör=bi γarγan: oriluulun čirluul=ǰi bayixugi üzēd: ayā xoyor bodhi sado mini ene you keqči eldeb amitan bui kemēkülē: e=ne adousuni oron urida üi=ledüqsen üyilebēn barxu ke=mēn eyimu zobolong edleǰi bayina kemēkülē: Arya balo Xongšim bodhi sadv om ma ṇi pad me hum kemēn zobolong-tu amitad zobo=long-ēce-bēn xaγacaxu boltuγai kemēn zalbarin: činaqši [yabutala] nigen elesütei γobi dayirγa čiluun dabāγar nigen sayixan cecerliq buyin zaxa ködö-düni kilγan süni činēn xōloi-toi geriyin činēn gedüsütei: dersün či=nēn šilbitei kükülbai önggü=töi γo dürsütei: olon ami=tad zarimni tere cecerliq-tü očibāsu: eldeb züyiliyin mese **[16a]** bariqsan erligüüd elden kȭǰü xalγaxu ügei zarim-inu zoloyin erkebēr mou sayin yiu=man olodoxu bolboču iden oun čidaxu ügei: zarimoud-inu ü-čüken idekü bolbaču šinggēn či=daxu ügei: eldeb züyiliyin zo=bolong-yēr nirmaqdaqsan dengse=len γasalaldaǰu bayixuni üzēd: ayā xoyor bodhi sado mini e=ne mouxai dürsütei amitad yambar üyileyin erkebēr eyige=ǰi bayinā kemēqsen-dü: biridiyin oron čölȭ-tü yertüncüdü urida yabuxudān zarimud-inu bi bayita=la ügei кemēn ama aldaǰu yabuq=san: zarimud–inu kümüni ülüü üzeǰi yabuqsan: zarimud–inu bui bayitala yadoudu nige bur=cagiyin tödüi čü youma ögüq=sen ügei yabuqsan: üyileyin er=kebēr eyigeǰi bayinā gekülē: Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum kemēn činaqši: nigen öndör xara oulayin dabā-bēr dabaǰi yabubāsu: ter oulayin bel ši=xamdu: kürün önggütöi noγōn önggütöi kükü önggütöi utān manaran tōsun γarci bayixugi **[16b]** ü=zēd: ayā xoyor bodhi sadv

mini ene xaraqdaqči youbi ke=mēqsen-dü: tende kürtele medeq=dene kemēgēd yabuǰi kürübēsü: γurban kümüni kele-gi γurba γurban alda sungγun γadasu šāγād angdasubēr [γazar] xaγalan tariyā tariǰu bayixuni üzēd: ayā xoyor bodhi sadv mini ene γur=ban kümün yambar üyile bēr ei=geǰi bayidq bui: ene čölō-tü yertüncüdü yabuxudān zarmini xudal keleǰi yabuqsan: zarmini xob keleǰi yabuqsan: eyimü üi=leyin erkebēr eyigeǰi bayidaq gekülē Arya balo Xongšim bodhi sadv mini: om mani padme hum: kemēn činaqši yabutala nige širemün tamuyin xaǰiudu: dörbön kümüni dörbü dörbün möči oqto=lon keleni degē-bēr degēdün: amani angγayilγād xayilaqsan ši=remiyin usuni aman-duni cud=xuulbāsu: yesün nuke-bēr-ni tosu usu čisu sabiran sarǰi=ginan γōǰiǰü bayixugi used: ayā xoyor bodhi sadv mini yambar üyiletü amitad-ni iyigedeq bile gebe: ene čölō-tü yertün=cüdü tüšimel yabuxudān xoyor zar(γutai) **[17a]** kümüni zarγūgi buruutayini kēli öqbōsü töüni zöbtöi bolγoǰi: zöbtöi kümüni kēli ese öqbōsü töüni buruutu bolγoǰi yabuqsan: zarimuud-inu öšītü kümü-ni xoul-yēr šil-taqlan gemtüülǰi yabuqsan: üyileyin erkebēr eyigeǰi bayidaq gekülē Arya balo Xongšim bodhi sadv mini: om mani padme hum: kemēn činaqši yabubāsu nigen (čidkür nigen) kümüni uur-tu kēd nüdübēsü: blama yurban erdeni axa ibēl=tü ečige ekē amraq sadun mini: axa kemēn barkirabāsu tusa bolxu ügei xarin ulam nemeqde=ǰu bayixuni üzēd: ayā xoyor bodhi sadv mini yambar üyile=tü kümüni eyigeǰi tamuldaq-bi gebe: ene čölō-tü yertüncüdü yabuxudān erteni üyileyin er=kebēr ebedōd: amraq sadun-yēn blama yurban erdenidu süzüqlen: blama xuvaragi zalǰi ireye nom gürüm kelgeye kemēqsen-dü tere youn tusa bolxu bayigi üyiler bolumza: kemēn keleqseni üyileyin erkebēr nermeqdeǰi bayinā gekülē: Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: kemēn činaqši yabutala nigen kedün **[17b]** kümüni maxā-gi mou dou γarγan talxa boltolo tataqdād: amidu-ruulun dakiǰi bayixuni used: ayā xoyor bodhi sadv mini ene: yambar üyiletü kümüni eyigeǰi bayixubui gebē: ene čölō-tü yer=tüncüdü yabuxudān: zarimud-inu <inu> kilincetei gekü üyilēgi so=nosuqsan bolbači: medē bayiǰi olon görōqsüni alaqsan: zarimud-inu toqlom nadum=yēr toxourxa=ǰi olon amitani könōqsön üyi=leyin erkebēr eyigeülǰi bayinā kemēkülē: Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: kemēn činaqši yabutala: nigen yeke tamudu nigen blamāgi mouxai du γartala keǰi or=kibāsu bacaq bacaq geǰi šuugi=xu doun tsurxulai-ni dē=r-ēce-ni amidara kemēn doudaxula-ni mön amidaruǰi dakin üyeledči bayixuni ü=zēd: aya xoyor bodhi sadv mini ene youn üyile-tü blamagi eyigeǰi bayinā gebe: ene čö=lō-tü

yertüncüdü yabuxudān yeke dübčin kemēn oloni er=güül mürgüül kelgiqsen ocirtu blama baqši-bēn xouraqsan: **[18a]** nomi xurdu döüreküyin erkebēr xudal xuurmaq ungšiq=san: süzüqteni (ögüqsen) ed idē you=māgi dēqši zöriülül ügei eremkeyilen ideǰi yabuqsan: güǰir üge-bēr oloni zobōǰi: olon tačīl keqsen üyiliyin üre-bēr baraqdaxu ügei: tamud-ni kesēd süüldüni očirtu tamu=du orkimui kemēkülē Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: kemēn činaqši yabutala: nigen šalab xara kümün nigen yeke tamudu orkibāsu kengšüü kirbusu anggilan: mön tereüni amidura kemēn doudabāsu mön dakin ami-durin dakin oroqsor bayixugi üzēd: ayā xoyor bodhi sadv mini ene yambar üyiletü kümün=ni eyigeǰi tamuldaq-bi gebē: ene čölō-tü yer=tüncüdü yabu=xudān: burxani ed xulγuǰi lama xuvaragiyin youmāgi bulān abuq=san: teyimüyin üyile kilince-bēr nermeqdeǰi: basa küyitön tamu=du očimui kemēqsen=yēr Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: kemēn činaq(ši) **[18b]** yabubāsu nige yeke tamudu ni=ge čibaxancāgi erligüüd abūd xayaǰi orkixula: aqšin-do do=toro niš taš geǰi tō tom=ši ügei keseq keseq keldür-ǰi unaxulāni: mön amidura kemēn dēre-ēce-ni doudbāsu mön amiduran dakiuluqsār bayixu=gi üzēd: ayā xoyor bodhi sadv mini ene yambar üyiledü čibaxancāgi eyigeǰi tamuldaq=bi gebē: ene čölō-tü yertün=cüdü zalou eme yabuxu caq=tān: yabudusun kümüni edigi xulγuxu kemēn yabuǰi: γaldu unād köl-yēn šalbarmaqca: xoni yimāgi amidubēr xaγalǰi sebe=seleqsen: čibaxancā boluqsan xoyino-bēn ariun busu yabudal yabuqsan: ere youγān xoyitu yabuqsan emetei yödōri bol=ǰu yabuqsan: nom buyan-du süzüq ügei blama baqši-dān buruu üzel töröqsön: tangγariq-tu nökür=bēn basumǰilaǰi yabuqsan: eyimü eyimüyin üyileyin erkebēr eyigeǰi tamuladaq: öübēr döü=rikü ügei olon tamud-ni kesēd süüldüni očirtu tamu-du orki(mui): **[19a]** öüni kemǰē γalab döürte=le bišiü kemēqsen-yēr Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: kemēn činaqši yabutala: očirtu tamu=du nigen blama uyilin mouxai dou γarun üyilād čimē ügei bo=lun bayixugi üzēd: aya xoyor bodhi sadv mini ene yambar üyile=tü blamayigi eyigeǰi tamulduq bui gebē: ene čölō-tü yertüncü=dü yabuxudān nom erdemdu sayin bögōd xuvaraq toyini nom ülü medekü kemēn basumǰilaǰu yabuq=san: tarniyin nomi buruudu üzeq=sen: baqši blama=bēn doromǰilun üzeqsen: ebteyin xōrundu xob keleǰü xaγacuuluqsan: ekener küüked-ni mou mouxai kemēn ilγamǰilan keleǰü yabuq=san: süzüqteni ed idē-gi öböriyin čidal küčün-yēr bulān medeǰi yabuqsan: eyimu eyimu üyeliyin erkebēr mani dabirǰi ireqči tamud-ni cöm kesöülün: süüldüni očirtu tamudu orkiǰi öüni kemǰē γalab döürtele bišiü

kemēqsen=dü Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: [**19b**] kemēn zalbarin činaqši yabutala: nigen emegeni nigen üyedü zaγa=su bolγon: nigen üyedü amidu beyebēr ulayidxaqsan toγōdu tületele xourād: mön amidaruu=lad dakin xuurči bayixui=gi ü=zēd aya xoyor bodhi sadv mini: ene nigen üye zaγasu bolγn ni=gen üye amidudu ulayidxaqsan toγō-du: xuuraqdaqči youbi kemēksen-du: ene čölō̃-tü yer=tüncüdü yabuxodān xoyor köbüü=tei nigen bayalaq emegen bile: xoni ükereyin maxa gi xatou amta ügei kemēn imaqta zaγasu bariulun: eldeb amtatu youma-bēr xolin xuurun ideǰu yabuq=san: üyileyin erkebēr eyige=ǰi bayinā gekülē: Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: kemēn činaq=ši yabutala: nigen küüken usu bucalaγaǰu bayixu yeke toγōtoi usun-du öbör-yēn oroǰi o=čibēsü: maxani šalbarču oyileyin salki-bēr kō̃qdöǰi yasuni γarūd: küüken bolun maxabēn ideǰü dakin oroǰi bayixugi üzēd: aya xo=yor bodhi sadv mini ene yambar üi=letü küükeni eyigeǰi tamuldaq bi gebe: **[20a]** ene čölō̃-tü yertüncüdü yabuxudān bayan kümüni γaqca o=kin bölügē: ouladu souqsan arši=du eke-ni binavād idē ödör bolγon bariuldaq aqsan aǰi: nigen ödör barīd irekülē-ni arši blamadu kürgel üge-ǰi zoura-bēn souǰi ideqsen bayina: kemēn: eke-ni keleqsen-dü bi ideq=sen ügei: ideqsen bolbxulā maxabēn ideye kemēn ama aldaq=san-ni üyile-bēr maxabēn ide=ǰü bayiγā kemēkülē: Arya balo Xongšim bodhi sadv mini om mani padme hum: kemēn či=naqši [yabutala] nigen daba-bēr dabaǰi nöqsin yabutala: nige yeke dörbön öüdetei tömör xoto bui-yin urida xālγa-bēr oron atala: eldeb önggüyin sayixan bayišing buyin tüb dunda xai=ši xayiši zuryān zuryān dabxur=liqsan: sayixan ordu xaršiyin öüde nēqsen töüni dotoro: Erliq nomiyin xān altan sangda=lai dēre zalarǰi: eldeb züyiliyin dürsütü erligüüd-bēr kürēlöü=lün: sür ǰibxulang ayouxu me=tü: gilabalan bayixugi üzēd: aya Nomiyin xān mini: (kemēn) zalbarīn: **[20b]** činaqši xoyor bodhi sadv kötöl-ǰi abči irēd: orduyin öü=deni zöün xaǰiudu nigen asar dotoro külēlgen souǰi bayita=la xoyor erliq nigen Caγān Lingxu neretü küükeni Erliq nomiyin xān-du barālxuulbai: Nomiyin xān küüken cinu ki=lince yeke: nadu youn kereq=tei irebe kemēn zarliq boluq=san-du: bi arban γurbān nasutai-du ečige eke-ēce xaγacaqsan bile: töün-ēce xoyiši yeke xural xuvaraq-nariyin kürē-dü souǰu: tačāngγui-bēr ami xō=loi-bēn teǰīǰü souqsan bilē: burxan nomdu süzügtei: kü=rē kiyid ni ergen mürgüǰi yabuq=san: nigen söni mingγan māṇi ungšidaq bile: γučin yurban nasu kürkülē barālxaba geqsen=dü: barālxaba kemēn ayiladxaq=sandu: Erliq Nomiyin xān öüni kilincē-gi: erligüüd dangsadu üzen tolidu üze: čingnöür=tu üzüqten kemēn zarliq

boluqsan-du: erligüüd darāγār üzebēsü öüni kilince arilǰi: buyani yeke boluqsan bayinā: ungšiq(san) **[21a]** māṇi γurban gbum kürübei kemēn ayiladxaqsan-du nigen gbum māṇi=gi arban nayiman tamuyin oron=du ögüye: nige gbum māṇiyigi biši zuryān züyiliyin amitan=du ögüye: nigen gbum māṇiyigi čini öböriyin beyedu ögüye: ci ariluqsan burxadiyin oron=du saatal ügei küre kemēn zar=liq boluqsan-du: ayā Erliq nomiyin xān čölō̃-tü yertün=cüdü očixu kümün baibāsu: māṇi ungšiqsan kümün burxan bolbo: māṇi ese ungšiqsan kilince keqsen kümün: arban nayiman tamudu öni udān zobo=long edleǰu bayina: kemēn zaki=xugi γuyin ayiladxaqsan-du: Erliq nomiyin (xān) bi bodoǰi bayinā zakiǰi ilegesü kemēn zarliq boluqsan: Caγān Lingxu oqtor=γui-bēr nom māṇiyin ayalaγabēr solongyo tatuuluqsār nisēd yabubai: Erliq nomiyin xān ayou=xu metü raginiyin beye oluqsan čimadā darui učiraxu boltuγai: kemēn irō̃l talbibai: basa xoyor erliq nigen ekenerni ümüsüqsen zöüqsen-tēgi Erliq Nomiyin **[21b]** xān-du barālxuulbāsu Erliq Nomiyin xān činu kilince yeke nadu youn kereqtei irebe kemēqsen-dü: Erliq Nomiyin xān mini namai bucā: bi urida üi=ledüqsen buyan dēre dakin üyiledkü geǰi bayitala barālxa kemēqsen-dü barālxaba: ene ümüsüqsen zöüqsen-yēr buyan kēd ireye kemēn ayiladxaqsan=du" erligüüd ha ha ha ha kemēn inēldübei: Erliq Nomiyin xān dangsadu üze kemēn zarliq boluqsan-du: erligüüd darāγalan üzebēsü: öün-dü keqsen buyan nigenču ügei aqsan: nige ere=dü očixudān zuryān xoni nige üker alouluqsan: nigen yeke kilince čini tere: basa xoyor=duγār eredu očixudān arban xoni aluuluqsan nigen yeke kilince čini tere: basa γurba=duγār eredu očixudān dörbön xoni nigen üker alouluqsan: nigen yeke kilince čini tere: xoyor udā nüngnē sakixudān ariun busu yabudal keqsen: nigen yeke kilince čini tere: ereyin= **[22a]** ken abāli emetei yödō̃ri bolǰi yabuqsan: nigen yeke kilince čini tere: nom sonosuqsan blama-bēn buroudu üzeqsen nigen yeke kilince čini tere: tangγariqtu nököd-bēn eldeb zöüler-yēr xob keleǰü yabuqsan nigen yeke kilince čini tere: xoyor erliq abā=čiǰu γalab düürtele: očirtu tamudu orki kemēn zarliq boluq=san du: nigen erliq calmadūd: nigen erliq tašiur-yēr: ayā xalaq xoxoi kemēkü mou dou γartala tašar tašar γuyadūd abun yabubā: basa Erliq Nomiyin xāni xaršiyin baroun xoyino-ēce: nigen dingvā=bēn debisüqsen: orkimǰibēn nemürüqsen mingγan tümen ere eme amitani daxoulaqsan: nigen yeke blama nom māṇiyin ayalγubēr dürkeren γarči yabuxu-gi Erliq nomiyin xān sonosču ayiladūd: nigen yeke buyāntani čimē γarbā üzeqten kemēn zarliq boluqsan-du: toli bariqči erliq tolibēn üzēd: enedkegiyin yeke bütēlči yoγočari bui kemēn ayiladxaqsan=du bodhi sado yin

mön činarni oluqsan ayouxu metü čimadūn **[22b]** dariu učirxu boltuγai kemēn irōl talbīd zarliq bolun: yeke buyantan-du xabčiulǰi yabuxu nüültün bui bolzō ügei: calmadaq=tun šüüreqten kemēn zarliq bo=luqsan-du: arsalang toloγōtu bars toloγōtu xoyor taliyin er=liq γarči niǰēd niǰēd calmudabā=su: zou ülüü ere eme calmadu küleqdeǰü irebe kemēn ayilad=xaqsan-du: Erliq Nomiyin xān tamuyin zasaq-tu abāčiǰu üyilē=gi zerge zerge zasaqlaqtun kemēn zarliq boluqsan du: erliqüüd eldeb züyiliyin mouxai douni γarγan cuugiulun curkiruulun šibtu šibtu cokīd abun yābuba: Narani Gerel ayā xoyor bodhi sa=dv mini ene yambar xubitai-ni blamabēn daxan yabuba: yambar mou xubitayini calmadu küliqdeǰi irebe kemēn öčiqsen-dü: blama=yin zarliq-gi yosolan daxaǰu: tangγariq-bēn itegemǰileküyin süzüq-bēr: ene ba xoyitoyin xaγacal ügei daγaxu-yin irōl talbiqsani küčün-bēr: blamaben da-xaǰi tonilbai: blamayin zarligi yosolun daxaqsan ügei: blamabēn **[23a]** buru üzüqsen: tangγariq-bēn ebdereqsen üyileyin üre-dü itegemǰileqsen ügei: batu i=rōl ese talbiqsan gem-yēr cal=madu küliqdeǰi: üyileni edle=küni tere kemēkülē: Aryā balo Xongšim bodhi sadv minu: om mani padme hum kemēn zal=bariǰi yabutala: xoyor bodhi sadv Narani Gerel-ni Erliq Nomiyin xān dergede barālxoulabai: Erliq Nomiyin xān eyin ayiladuba: Narani Gerel čimini kümüni xour=tu sedkil-yēr nirmeqdeǰu i=reqsen bainā: darui bucaǰu amitan-ni tusāgi üyiledēd: yeren dolōn nasu kürüqsen xoyi=no ireǰi učira: ta xoyor bodhi sadv aqšan dotoro küürtüni oroul: bi nigen zakā zaki=su kemēn: činadu inadu xoyor yertüncüyin dunda souǰi: kilince kebüsü tamudu orkiǰi üyile=ni eldebčilen edloulǰi bayiq=či zayātu Erliq Nomiyin xān bi öböriyin erke-bēr busu amitan-ni buyan kilincē-gi ilγaǰi sou=tuγai geqsen-yēr: kilγasuni tödüi čü sayin mou üyilē-gi [**23b**] endel ügei ilγaǰi bayixuyigi: Narani Gerel čimini üzeqsen bi=šuu: eyimuyin tulada činadu yer=tüncüdü ene učiri nigedu nige uxāγulǰi zarlatuγai: kemēn zarliq boluqsan-du: Narani Gerel tegeye kemēn mürgübei: xoyor bodhi sadv Narani Gereliyin küürni: Doniljin γō (tergüülen) xayir=caqlaxu geǰi bayitala: abči ireǰi oroulbāsu Narani Gerel urida-ēce ülemǰi sai=xan önggü züsütei bosxula-ni: Doniljin γō dou aldan nočun teberēd: čimayiγān irenē ge=ǰi ken sanaǰi bayila: ene yer=tüncüdü önggereqsen kümün bos=či ireküni (ügei): sayixan lingxova Narani Gerel minu tungγalaq bolǰi irēd: manigi bayasxan souxu neng ülemǰi bayar kemēn γayuxal=dun: γar γarāsan kötöčin soudaq bayišing=dān abči iren: öndör sayixan debisker dēre soulγan: γašouni yeke-du γurban xonoq (boltolo) niγuur γar-yēn ukāl ügei bayiqsan-yen ukān: ceber=len zasalcan: sayixan xubcasun=yēn ümüsün: zemseq

terigüüten-yēn [**24a**] zöün: amtatu sayixan idē=bēn talbiǰu cai youmabēn barin: Doniljin γō minu šumnu eči=ge arikidu mou youma xoliǰi: bariqsan bolzō ügei kemēn ab=xu getele örösün zōqloǰi orkīd: teyimu zokis ügei boluqsan-ēce xoyiši kedün xonoq-tu tüqšiyin zobolong-du nirmaqdaǰi bayiqsan bolbā=ču: nigen batu irōl talbiqsan-ni medel ügei šütüǰi zalbā=riqsār bayitala: ene ödö=riyin baγa üdeyin caqtu: ei=mu yeke bayar boluqsan-yēn nigen nasun-du martaxu bolbou bi kemēq=sen-dü: Narani Gerel neng či marta=ši ügei sayixan γayixamšiqtu bayar bolbo: liüge abuγai činadu yertüncü teqši ügei üyile=tü bayina: amitan mungxaq-yin erkebēr xoyitu-bēn medel ü=gei kilince kedeq: youman kō-röküü kemēn: Narani Gerel čina=du yertüncüdü yabuǰi üzeq=sen: buyan kilince-dü amitani üyileni edlöülǰi bayixu gi: nigedu nige tōlon öčīd amraq=tu ügebēn kelelcen kedün xonoq **[24b]** boltolo šatar mingmen-yēn tal=biǰu ǰirγalcan soubai::

Tere caqtu Čing xān-tai Tangnuyin gürüne dayilaldaxu kemēn ceriq terigüüten-ni beledke-ǰu bayinā gekü-ni sonosōd: xān šütüq=sen burxan-dan zalbariǰu xono=bāsu: xāni zöüden-dü ene xo=toyin zöün urida zuq-ēce: nigen büse ügei kümüni ene xotodu ireqsēr arba xonoq=san: töüni cerigiyin noyon tal=bīd: mordoulbāsu aqšin doto=ro maγad darumui kemēn zöüde=leǰü xonoqsan=yēn xān örlö erte bosōd: zöüde šinǰelül=bēsü urida kedün udā: tang=nuyin xān-tai dayilaldaxu-du: ken čü mordobāsu daruqdamui: kemēn zöüdeleqsen bile: te=re ünen boluqsan tula: xān sayid tüšimel-bēn barālxoulbā=su ene xotoyin zöün ömnö-ē=ce nige büse ügei kümün (irēd) arba xonoqson ken bui: töüni olǰi barālxoultuγai kemēn zarliq bo=luqsan-du tegeyē kemēn γarči xüyibarieldün ta bügüde mede=nöü kemēn asoulcan: zarim **[25a]** tüšimednar Ünen Ögüü=leqčin yeke gergei ireq=sen gene bilē: zarim tüšimed=nar iresen boboču ketüriq=sen gene bilē: Liüge abuγu öyirör medekü bayiγā kemēn asoubāsu ireqsen gene bilē: darui-du ebečin kürteǰi ö=nggüröqsen gene bile: kemēqsen-du tüšimednar Ünen Ögüü=leqči-ēce asouya kemēn kü=mü ilgeǰi asoulγabāsu i=reqsen ünen kemēn keleǰi ireqsen-dü: nigen tüšimel yārab=čilan Narani Gerel-ni abči iren xān-du barālxoulbāsu: xān činu nutuq xamiγā bui: nere ken bui xāši yabū bi: keni gergei bui kemēn zarliq boluqsan-du: Nangdi γoliyin dergede Nangčin balγa=suni dotoro: tūšimel Ünen Ö=güüleqčiyin gergei bile: xoyino=ēce irēd kedün xonoq ebedōd saya γayiγui bolǰi bayitala barāl=xaǰi geqsen-dü barālxaǰi mürgü=bei: nere Narani Gerel kemēn ai=ladxabai: xān šinǰi tögüsüq-süqsen bögōd: šütüqsen burxan zāǰi bīnggired üzüüleqsen tula: **[25b]**

öüni cerigiyin noyon talbiǰu yabuulsu kemēn: Činadusiyin sür=ni aqšin dotoro daruqči tung=γalaq Narani Gerel badaruuluqči ǰangǰun kemēn colo xayirlād: el=deb züüyiliyin erdenis=yēr öü=deqsen doulxa kō̆ xuyaq abči zer zebseq: šinǰi tögüsüqsen caγān möri erdeniyin emēl xazār=tai šangnād: γurban tümen ceriq abči odči minu dayisuni daruǰi ire kemēn zarliq boluq=san-du: yeke xāni süldedü zalbirin šütüǰi daruyā kemēn: γurban üye sögüdǰi yesün-te mürgō̆d γarču očibai: xoyiγuurni Liüge dotorobēn sedkin: ene Narani Gerel-ni ǰangǰun bolγobāsu namai erke ügei börilgene kemēn se=ǰiqlen ayouǰi güyin kürči i=rēd xān-du barālxan sögüdǰi eyin ayiladxabai: ekener kümün-yēr ǰangǰun talbiǰi yabuulbāsu xolo oyiro-du nere-dü mou bayina: ödüi gürüni-dü nige čidaltai kümün youn-du ese oldoxu aǰi: darui nige sayin kümün sungγon o-lād ǰangǰun talbiǰu yabuulultai-yu: ese bögō̆sü namayigi ilegekü bui=(za): **[26a]** bi xāni süldedü zalbariču čidaxuyin čine-bēr daruǰi ire=ye kemēqsen-dü: či urida üčüü-ken dayisun-du oči geküdü arγa meke kelēd bolduq ügei: ödüge you geǰi eyimu yeke küčütei dayisun-du očiyo gekü či dou=γai bai kemēkülē: Liügē šantarād xariǰi očibai: Badaruuluqči ǰangǰun dörbün tüšimel γurban tü-men ceriq-tu tus tusiyin ceri=giyin yosololni zāǰu surγād yabu=bai: zamdu xonoqson γazar bügüdē-dü: örtö talbiqsār ödüi tödüi xonoq boltolo yabūd: tende-ēce tangnuuyin xān-du medē öq kemēn nigen tüšimelni tabun zoun ceriq-tei zakā zakiǰi: uruqšiluu=lun dobtolγōd: xoyino-ēce-ni alγur-yēr yabutala tede tangnuyin xān-du kürčü: mani Činadusiyin sür=ni aqšin dotoro daruqči tung=γalaq Narani Gerel badaruuluqči ǰangǰun: γurban tümen ceriq-tei činu toloγoi-gi abxu geǰi ai-sui: či odxu ceriq-bēn beledke=gedeq bayiza xamiγā zesenē sed=kel xurdun keleǰi ilege: xoǰim=dubāsu tung ülü bolumui kemēn **[26b]** ayiladxaba geǰi kelēd bucabai: tangnuyin xān maši yeke ayouxu sedkil töröǰi: uridu bi ei=mu ayouxu sedkil töröǰi (üzē) ü=gei bile: ene yambar učir bui doqdolun teqši ügei bolbači: tüšimel-dēn keleǰü urida be=ledkeqsen ceriq dēre=bēn neme=ǰi: dörbün tümen ceriq bolγoǰu tangnuyin xān sayid tüšimēd minu nigen beleqtei üge ögüüle ke=mēqsen-dü zöün beyin sayida: Činadusiyin sür-ni aqšin doto=ro daruqči: tungγalaq Narani Ge=rel badaruuluqči ǰangǰun gekü nerē-gi sonosuxulā ayouxu metü sürkei bayinā: tedeni ireq=sen cerigiyin sür ǰibxulang sayin bayina: mini ceregiyin čirai mou bayinā: kemēkülē tüšimel-yēn buruušaǰi orkid: Badaruuluq=či ǰangǰuni uqtun ödüi tödüi xonoq yabuǰi Badaruuluqči ǰang=ǰun cerigiyin terigüün-dü yabu=xoyin barā xarād: tangnuyin xān-ni dotoro urida-ēce neng yeke ayouxu bolboču bolxu ügei caq boluqsan bögō̆d: učirabāsu Badaruu=luqči

ǰangǰun öšō̆tü mou xān činu **[27a]** toloγoi abxu geǰi irebe kemēn tangnuyin xāni baroun mourn=ēce ula kürtel čabčiba: mön beye-dēn toxoruba: Badaruu=luqči ǰangǰuni zöün mörni ni=gen čabčibāsu dālaγaqsan ügei: yesü yesü čabčildubāsu beye be=yedēn deyileldüqsen ügei: zab-sarni amurči bayitala: tangnuyin xān salkin kürdüni bütēqsen kü=čün-bēr: salki yeke bolγoǰu ou=layin oroyin moduni bulγa bulγa keyiskeǰi bayixugi üzēd: Badaruuluqči ǰangǰun Arya balo Xongšim bodhi sadv axa kemēn zal=baribāsu salkini kürdü buruu=dād: keyisüqsen moduni öbüri=neyin cerigi cokiloǰi darubai: tere dotoro-ēce tabun kümün dutāǰi γaruba: tangnuyin xān γaqcār dutāba: Badaruuluqči ǰangǰun olon cerig-bēn ende buuǰi bai kemēn zakīd: Tangnuyin xāni olon usu modu čiluu te=rigüüteni kesüülen kō̆ǰi yabūd: Badaruuluqči ǰangǰun Tangnuyin xāni dalu xōromduni xarbubai: morin-ēce-bēn unuxulāni tolo=γoi-gi oqtolǰi abūd morin-dēn moncoq keǰi: buuqsan olon **[27b]** ceriq dēre-bēn irebēsū: ce=req-ni Badaruuluqči ǰangǰuni kürē terigüüteni zasūd: tü=šimel terigüülen ceriq bügü=dēr xoyor talabēr ǰiqsālan uq=tuǰi abubai: ǰangǰun örtō̆n=dēn kürči irēd: Tangnuyin xāni toloγoi-gi xayircaqtu kēd xadaǰi tüšimel-dü xadaγala kemēn tušāba: basa ceriq terigüüten-yēn bayicaǰi üzübēsü: nigečü kümün mal gemteqsen ügei-dü yeke bayar γayixan xürim talbi=ču nayir nādum kebei: mön ten=de-ēce ayiladxal ayiladxaxu-inu: xāni süldebēr zalbariču yārabčilan ödüi xonoq yabuǰi Tangnuyin xān-luγa oulzaǰi: dörbön tümen ceriq-tei darūd: mön Tangnuyin xāni toloγoyigi xayircaq keǰi xadād: nige tüši=mel-bēr talbiǰu ireqsen örtō̆=bēr kürgüülüqsen-ni sonos=xu-ēce γadana: Tangnuyin gürü=nei-gi ariudxan ceberleǰi abxubēr činaqši mordomui: angxuni bayariyin ayiladxal kemēn tüšimel-ni talbiǰu ireqsen örtō̆=bēr mörin del degüür **[28a]** dobtolγād mön tende-ēce činaqši yabubai: tabun xonogiyin dotoro tüšimel kürči barālxan ayildxal terigüüteni örgübē=sü: xān ayiladxalni nēlgen üze-bēsü: Tangnuyin xāni dörbön tümen ceriqtei daruqsani ilerkeyilen γaryaǰu ayiladxqsani xān todor-xoi nigedü nige ayiladūd: Ba=daruuluqči ǰangǰuni bayarlan sayišān yeke šang xayiran buul-γan: ireqči tüšilmeldü šang šang=nun: nige tüšilmelni ireqsen tüšilmeltei xamtu zaruǰi mön caq dotoro dobtolγoqsoni tere caqtu: Tangnuyin gürüneyin dutāǰi γaruqsan tabun kümün gürüneyindēn kürči irēd: tüšimel=dēn barālxan: mani xāni salkin kürdü buruudūd keyisüqsen moduni öbörinēn ceriq daru=bai: tere dotoro-ēce bida dutan γarči irebei: kemēn delger me=döülüqsen-dü: xāni töröliyin noyod ba: xatud abuγunar tüši=mel bügüdēr cuqlaǰi kebeyildül=cen: zarim tüšimel xān bidani ese čidaqsani xoyino bida yākin čidaxu bi: tan-du arγa bayinou **[28b]**

kemēldübe: zarim tüšimednār dakin arbān tümen ceriq mor-dobāsu youn-du ese bolxu bui kemēlcebē: ter dotoro nigen axmud J̌ō neretu yeke tüši=mel xān bidani salkin kürdün buruudūd keyisüqsen modun=ni öbörinēn ceriqi daruǰi boluqsan: xoyino bidan yaγāki=bečü čidaǰi sedeǰi sanaši ügei oroǰi ögüye: nigen tüšimel očiǰu oroxuyin medē bari kemēqsen-dü töröliyin noyod ba xatud abuγnar tüšimed bügü=dēr cöm nigen-te buruudaqsan xoyino kedüi-bēr olon ceriq očibāsu γori ügei gekü aǰi: J̌ō tüšimel abuγani-yin keleq=sen-yēr boluya kemēn kelelcēd: biši tüšimednar či oči bi o=či kemēkülē J̌ō tüšimel abai=la ken kentüni bayigi: bi očiyo kemēküle ta očiduq bolbula: tümen ceriqtei očiǰi oro-xuyin medē barixā bui-za kemēn keleqsen-dü: namai olon ceriq abči očibāsu seǰi(q) lekü bolzōši ügei-yin tula: nige zoun ceriqtei yārabčilan očiǰu **[29a]** oroxuyin medē bariyā ke=men nigen zoun ceriq abūd Bada=ruuluqči ǰangǰuni uqtun yabu=bai: tere caqtu Badaruuluqči ǰangǰuni Čō γoldu ireǰi xono=xu geǰi bayitala: uridayin zaruq=san tüšimel dēre zarligiyin bi=čiq šang šangnaxu tüšimel xamtu irelcen: eldeb züyiliyin šang xayiran buulγan ireqseni yeke yosolol-yēr mürgün külēn kür=tēd: šangnaqsan bičigi üze=bēsü sayišīn örösīltü zar=liq buulγaqsandu: bayarlan külen kürteqsen yabudalni sonosaxa ayiladxaliyin bičiq bičiǰi: zarliq-yēr zaruqdaqsan tüši=meldü tušān öqči yabuul=ba: mön marγāšini tendeēce yabuǰi nigen dabā-bēr dabād ni=gen yeke γoliyin zaxadu buu-ǰi xonoxu törö zasaǰu dour-meqce: Tangnuyin gürünei-yin J̌ō tüšimel kürči irēd: Čing gürüniyin yeke cerigiyin kürē-ni baroun xoyitu beyedu buuγād: xorin kümütei dörbön tüšimeliyin tende kürči dörbön tüšimeldü zuulčilan barālxād: **[29b]** tangnuyin gürüniyiki bile: manu=xāni töröliyin noyod ba: xatud abuγunar tüšimed bügüdēr čing gürüni-luγā bayilaldaǰu čidaxu ügei tula: oroǰi bōl bolxuyin medē bari kemēn namai zaruǰi barālxuluqsan bile: üüni er=kim dörbön tüšimed ulamǰilan güyiceldüülkü aǰiyāmui: kemēq=sen-dü ene čini ünen bolbala sayin xudal bolbala teskü ügei bišuu-ta kemēqsen-dü xudal bu=su ünen kemēn medöülüqsendu dörbön tüšimel J̌angǰun-du ayiladxaya kemēn harču J̌angǰun=du barālxād: Tangnu-yin gürüne bügüdēr oroxoyin medē bari kemēn tüšimel zaruqsan-ni delger γarγaǰu ayiladxabāsu: tere tüšimelni iröültügei ke=mēqsen-yēr tüšimel-ni barāl=xoulbāsu J̌ō tüšimel üčüü=ken Tangnuyin gürüni bügüdēr: Čing xāni bōl bolxu-gi küseǰi namai zaruǰi barālxouluqsan bile: yaγākiǰu örösōkü-gi yeke J̌angǰun ayiladumuu kemēn malxāben abči mürgüqsen-dü: tani gürüni bügüdeyin sanā buyu: **[30a]** γaqca čini sanā buyu kemēn asouqsan-du: bi terigüülen mani gürüni bügüdeyin sanā kemēn öčiqsen-du: xān tanu köböün kedüi bui: töröliyin

noyod tayiǰinar olon buyu: či ali zerge tüšimel bui: čima-ēce dēqši tüšimel kedübi: čimatai adali tüšimel kedübi: či=ma-ēce doroqši tüšimel kedü keči=nēn bayina kemēn asouqsan-du: nada-ēce dēqši tüšimel ügei yeke tüšimel geǰi oroloduq=ni bi bile: nadatai adaliču tüšimel basa ügei: doroqši tüšimel zou γarui: üldeqsen ceriq ǰiran tüme bolbu: xān tayiǰi ügei xoyor abuγutai: nayiman xatun-tai töröliyin no=yon kemēqči γurba kemēn öči=bei: ene tani ünen bolbāsu üneker örösīxu: xudal bol=bāsu uqtočiǰu budā term=düqsen metü bolγomui kemēq=sen-dü: xudal busu ünekēr kemēn mörgübei: Badaruuluq=či ǰangǰun J̌ō tüšimel-ni u=ruqšilaǰi očiǰu: tüšimel ceriqtei xamtu očiǰu: gürüni(bēn) **[30b]** caqdan šüürdeǰu xān-nā xaršiyin tende külēlgeǰi bai kemēn tušā=γād γarxulani: tüšimel-γēn tende očiǰu cai uu kemē(qse)-yēr γarūd tende očin cai uun kūsken dēre xariba: marγāšini Badaruuluqči ǰangǰun dörbön tüšimeldü zakā zakiǰu uxāγuulun: tabun mingγan ceriqtei J̌ō tüšimeltei xamtu yabuulūd: mön tendeēce ayilad=xal ayiladxaxu-inu: tangnuyin gü=rüneyin J̌ō tüšimel zoun ceriq=tei ireǰi gürüniyin bōl bolxu=gi küseǰi ireqseni oroulǰi abūd: činaqši yabuqsan yabudalni ilerkeyilen γarγaču xoyoduγār bayariyin ayiladxal kemēn örtōbēr morin del dēgür dobtoloγād: činaqši xoyor tümen tabun mingγan ceriqtei: alaγuur-yēr mörilbai: tere caqtu dörbön tüšimel tabun mingγan ceriqtei-bēn tende kürči oro oroni caqdan šüürden xu=rāmǰilan: xāni xotoyin tende abči iren beledkebe: basa xāni xarši-gi arčin šüürdün ceberleǰi bai=tala: Badaruuluqči ǰangǰun ene ödör oroǰi ireküyin medē kürči irebei: tangnuyin xāni töröliyin **[31a]** noyod tüšimed-nar xoto-ēce γarči ködō asar ger cai idē beledün bayixuyin zabsartu dör=bön tüšimel tangnuyin tüšimeltei Badaruuluqči ǰangǰuni uqtun barālxan tedeni oroni caqdan šüürdeǰi ireqsen učir-bēn tōlon γarγaǰi medöülün öčiqsen-ēce γadana: tangnuyin xāni xatud abγunayir töröliyin no=yod tüšimed bügüdēr amuγuulang-ni ereǰi cai barixu kemēn ende beledkeǰü bayinā kemēqsendü bi medebe kemēn ayiladūd morilo=bai: tangnuyin xāni xatud abaxayinar noyod tüšimed bügüdēr: Badarou=luqči ǰangǰuni γarči ireküyin barāgi xarād uqtuǰi ködō zamiyin xaǰiudu külēǰi bayitala: kürči iremeqce cöm-yēr sögüdčü amu=γoulang-ni erīd: üčüüken bida=nar Čing xāni bōl bolxu-ni küseǰü bayidaqni yeke ǰangǰun güyicel-dülkü aǰiyāmui kemēn mörgübei biyimedebe tani yaγakiya gekü bol=bāsu töüner šidkeye kemēn či=naqši beledkeqsen asar örgēdü buuǰi cai idēn-ēce amasan mor=dōd xotodu oron (xāni) ceberleqsen **[31b]** xaršudu ireǰi soun: tedeni u=lus noyod tüšimed albatu ce-rigüüd-ni xorin xonoq-tu bayicā=ǰu dangsulabāsu ǰiran zurγān muǰi bol=γoǰi emkelen: tüšimeldü-

ni tu=šāl oloγād daxoulǰi ireqsen dörbün tüšimel-ēce-bēn xoyor mingγan ceriq-tei soulγaǰu tede=ni törö yosu-ni zakirγaǰi ǰil kürgel ügei tobšidken souγad: xarituγai kemēn tušāγād: mön ten-de-ēce ayiladxal ayiladxaxu-inu: tangnuyin gürünē-dü kürči caqdan bayicaγaǰu ariudxan oroulǰu abūd zurγān muǰi bolγon xoyor tüšimel xoyor mingγan ceriqtei tedeni törö yosugi xarγalzan yosu zālγaxubēr soulγaqsan ba: basa edeni erkim tüšimel J̌ō tüšimel terigüülēd: yeke baγa tu=šimel neyite arban γurban tüšimeli=gi bi beye-bēr barālxuyin caq-tu: daxuulun abčiǰu kišigi kür=tüülün bucāya gekü-ēce γadana: šiyidkeǰü ayildxaqsan ayilad=xaliyin xariu irekü-gi külēǰi: soubai kemēkü γurbaduγār bayariyin ayiladxal bičiǰu mön örtö-(bēr) yabuulun: **[32a]** tedeni törö yosugi tob=šidken ali sayixan-yēr aji töröü=lün: ǰiryoulun soulγaxuyin caq=tu ayiladxal kürübēsü xān nēlgen üzebēsü: tangnuyin gürüni bügü=dēr bōl boluqsani bayicaγān abuq=sani tō terigüüteni delger ireq=seni xān nigedü nige todorxoi ayiladūd: örösōltü zarliq buul=γaqsan-inu: Badaruuluqči ǰangǰu=ni züdken yabuǰi šiyidkeqsen yosōr bolγo: yeke sanaǰi bayinā xordun ireǰi barālxan kemēqsen zarliq iremeqce: mürgün külēn kürtēd tüšimel-tei xoyor mingγan ceriqtei ǰil kürgel ügei tede=ni törö yosuni mini souqsan keb=yēr souǰi zasād: darui bucamui kemēn (dakin) zakīd: nige tümen nayiman mingγan ceriq-bēn abču alγuur-yēr xoyino-ēce iretu=gei kemēn: tangnuyin arban γurban tüšimel-ni abūd örtōbēr γazar yekebčileǰü yabutala: xān tüši=mel uqtuulun zaruǰi barālxu-tuγai sanaba kemēn zarliq buulγa=ǰi ireqsen-ni mürgün üzēd: ta arban γurban tüšimel nadatai cuq yabuǰi čidaxu ügei tula [**32b**] söüldü beyeyin amur-yēr ire kemēn zakīd: xurdun yabuǰi kürtele: xān yamba yosu yeke tü=šimel-bēr basa olon töröyin tüšimed-bēr kürelüülen uqtu-ǰi irebēsü: Badaruuluqči ǰangǰun šidar öyiri irēd mö=rin-ēce buuǰi ömnö zoqsoxu=lā: xān γurban xongduγudu arki keǰi: Badaruuluqči ǰangǰun ni=ge nige-bēr suburγuǰi öqbösü ouǰi orkin: xongduγugi öbürlöǰi orkīd mörgüǰi amuγuu=lang-ni eribēsü: xān či nadu ači tustai boluqsan tula: zolγo kemēkülē yeke yosulol-yēr mürgü=gēd xāni öbüdügi tüšiǰu barāl=xaba: xān barā bolγon ölzö coqcoloqči ordun-du zalrād: xān nige tabcān dēre zalraba: Badaruuluqči ǰangǰuni nigen san=dalīn-du sou kemēn ayiladuqsan=du: üčüüken bōl bi tesün sou=ǰi čidaxu ügei: kišiqtu mürgü-ye kemēn mürgōd: zoqsoxulā-ni boluqsan ügei zāblan sou kemēn ayiladuqsan-du mörgüǰi soubai: tangnuyin gürünidu yabuqsan učir bükün-yēn ilerkeyilen γarγaǰu: [**33a**] ayiladxabai: xān nigedu nige ayiladūd öböriyin töröqsen küü=men-ēce ülemǰi zayātu mini küü=ken Narani Gerel kemēn sayišān maq=tad

tarxāl talbiǰu: eldeb züüyiliyin šang xayira elbeq delbeq buul=γaqsan-du: yeke yosolol-yēr mürgōd γarču: nigen xaršidu irēd tangnuyin tüšimed-ni xoyor xonuq külēǰi so(u)ǰi bayitala: kürči irēd ǰangǰun-du barālxabasu: xān-du barālxa=(xoyin yosololni zāǰi daxuulun xān-du barāl)-xoulun mürgüülbei: xān tedeni učir-ēce nige kedün zarliq buuǰi tede nige kedün zarliq buuǰi tede nige kedün ayiladxal ayilad=xabai: xān nigede nige ayiladǰi maši yeke bayarlan sayišīn: J̌ō tüšimel-ni tedeni gürüni-gi zakirxu noyon talbība: zurγā=gi yeke tüšimel talbiba: zurγā=gi ded tüšimel talbiba: eldeb züyiliyin erdenis ba ed tavar šangnād bayasxulang-tu ordudu očiǰu: eldeb züyiliyin xürim kürtēd yabuxu-du kürübei: Ba=daraouluqči ǰangǰun xān-du barāl=xun: tangnuyin xān-ni töröliyin noyod ba xatud abaxayinar ten=deki: zoun arban tüšimednar-tu **[33b]** basa tedeni zakiruqsan xoyor tüšimel: xoyor mingγan ceriq=tei ireqsen xoyor tüšimel xoyor tümen nayiman mingγan ce=riq-tu ded ded-yēr šang xayira buulγaxugi küsemüi: kemēn ai=ladxaqsan-du minu küükeni sanu=laqsan üneker zöb: sayin sayixan kemēn zarlig buulγan: tede bügü=dedü ded ded-yēr šang xayira buulγabai: basa tedeni zakiraq=san xoyor tüšimelni zergi deb=šiülün xoyor mingγan cerigtē-ni šang xayira buulγan: tüšimel zaruǰi ayantalabēr Tangnuyin ar=ban γurban tüšimel-ni kürgüülbēi: basa ende ireqsen xoyor tüši=mel-dü zerge debšiülün xoyor tümen nayiman mingγan ceriqtē-ni ded ded-yēr šangnabai: basa xān minu xayirtu küüken či mini šine xoučin daruq=daqsan kereq bui bolbula šüüǰi γarγa kemēn zarliq boluqsan-du: Badaruuluqči ǰangǰun mürgōd γarči öböriyin xarši-du kürküyin šaxamdu: Donilǰing γō uqtun γarči sögüdči amur erin: γar γarasa kütöčin soudaq sayixan bayišing-dān öndör sayixan debisker **[34a]** dēre soulγan: amtatu sayixan idē-bēn talbin: amaraqtu ügebēn kelelcen souxuyin zabsartu Nara=ni Gerel tangnuyin gürüni-dü yabuq-san učir bügüde-yēn tōlon: ke=lēd: Donilǰing γō či mini so=nos: xāni zarliq sine xoučin daruqdaqsan kereq bui bayinā: šöüǰi γarγa kemēn zarliq boluq=san-du: Liügē abuγai erke ügei γarγaxu youman bayinā: öüni yaγākeltei bi arγa youbi ke=mēn asouqsan-du: xara nüültü=gi ken barama gekü bile γarγā minu niγüür xaraǰi kereq ügei: yosu yambar bolbōsu töügēr bol=γo kemēqsen-dü: nige tüšimeli=gi xorin xuyaqtai očiǰu mar=γāši örō erte bariǰi abūd kereq šüükü bayišing-yin γadana Liüge-gi külīlgeǰü bai kemēn tušiγād yabuulbai: mön marγaši=ni Badaruuluqči ǰangǰun kereq šüükü bayišang-du očid uri=duur-bēn küšige tatulǰu Liü=ge-gi küšigeyin cāna barālxulun: Nangdi γoliyin dergede Nangǰin balγasuni dotoro Ünen Ögüü=leqči [yin yeke gergeni] Donilǰing γō-tui šatar **[34b]** migmen talbiǰu soutala yambar kümün

xoro öqböi kemēn asuuq-san-du: tere üyedü bi kereq=yēr orolduǰi čölö ügei yabuqsan medekü ügei bayinā ke=mēn kelebe: tere üyedü Ü=nen Ögüüleqčiyin-dü očiǰu Doniljing ɣō-du zolɣoxu-bēr očiqsun buyu kemēn asoubā=su očiqsun bilöü ügei bilöü bi sayin medekü ügei bayinā ke=mēqsen-dü: Badaruuluqči ǰang=ǰun tegeble xatou asoulɣa=bēr asou kemēn čingɣa dou ɣartala Liüge niültü ünengkü: urida bi nigen tüšimelni ene metü gemtüüleqsen bi=lē: töün-dēn amtašiǰi yabuq=sār araxa ketürbüü bi: kemēq=sen-dü tere tüšimel ken geq=či bi: či tere tüšimeltei (öšötei) bu=yu youn-du xorloqsan bi kemēn asouqsan-du: tere Tou tüšimel gedeq bile: bi töün-dü öš ügei: tere xān-du olon to barālxaǰi kišiq kürteǰü bai=xodu xoyino nada-ēce ülemǰi bolxu bolzoši ügei kemēn mou sanā-bēr nigen ödür cai barixu **[35a]** kemēn mönggü ɣarɣaǰi ögōd: mön tedeni öböriyin cai idē-bēr cayiloulun: arkidun nayirlaǰu souɣād: tere tüšimeligi šēkü kemēn xourči ɣarɣād: beledken nuun abči yabuuqsan xoro-bēn ɣur=ban xongduq-tai erki dēreni üreǰi orkīd: yāran ɣarči šēq=či bolun tüšimeltei xamtu irēd zerge souǰi arkibēn ouǰi orkibu: bi basa arki ouǰi orkibui: tüšimel udal ügei züsu önggü-ni buuran ketürbē: tedeni geriyin ulus terigüüten=ni nāna cāna gekü-dü bi medē ügei soqtoqsan adali bolǰi bayiɣād xourči xariǰi bile kemēq=sen-dü: tere tüšimeliyin köböün bi buyu: tere üyedü xamiɣā bayiq=san bi kemēn asouqsan-du bi bi=lē xürümiyin youman tökērči bayiqsan tula medekü ügei kemēn medüülüqsen-dü: töüni nere ken=bi odō xamiɣā bayidaq-bi kemeq=sen-dü: ödügē Liuxō tüšimel gedeq bile: Čing xotō-gi dāǰi bayiɣā kemēn medöülübe: Badarou=laqči ǰangǰun tüšimed-ēce-bēn Tou nere-tei tüšimel ünen buyu: **[35b]** önggüreqsēr kedün ǰil boluq=san kemēn asouqsan-du zarim tü=šimel bi bayila önggüreqsēr ar=ban tabun ǰil bolba: zarim tüši=mel tere üye-dü nasu baɣa bolod: medekü ügei kemēn medöülüq=sen-dü: Čing xotō-gi Šoi ne=retü tüšimel-ni očiǰu Liuxō tüšimelni xalaǰu: caq möčöyin dotoro ireültügei kemēn tu=šiɣād: Liüge-ni nige tüšimel xorin xuyaq-tai-du sayin xadaɣalǰi bai kemēn tušiba: tere caqtu tangnuyin arban ɣurban tüšimelni kürgeqči tüšimel öböriyin xo=yor tüšimel ba: xatud abaxai=nar töröliyin noyod tüšimed ceriq terigüüteni ded ded-yēr šangnād bucābai: tangnuyin arban ɣurban tüšimed xatud abaxayinar töröliyin noyod terigüüteni bügüdēr cuqlaǰu: nayir xürim keǰu xatud abaxayinar tüšimed-ēce=bēn tere xān yambar tālaltai bui: oroni yambar kebtei oron bui kemēkü terigüüten-ni asouqsan-du: xāni burxani mön činar ayouxu me-tü tüšimed olon: oroni eldeb züyiliyin čimeq ba: nabči delgereqsen **[36a]** ed elbeq delbeq teyimu sai=xan oron bayinā: bas mani guru=ni ebdeqči ter ǰangǰun küüken kümün aqsan

aǰi: xāni töröqsön abaxai-nar-ēce ülemǰi xayirtai örgümel abaxai bayina kemēn kelēq=sen-dü bügüdēr eme kümün tegeǰi yabuba geǰi nigen yeke buyanta mön aqsan aǰi kemēn ɣayixalduba: tere üyedü Šoi neretü tüšimel kürčü Liuxō tüšimelni xalād: caq möčiyin dotoro ireülēd ǰangǰun-du barālxoulbāsu či ken=ni köböün bui: činu nere ken bui kemēn asuuqsan-du: bi Tou tüši=mel geqčiyin köböün nere Liuxō kemēqsen-dü: ečige čini yaɣaǰi üküqsen bui kedün ǰil bolba ke=mēn asouqsan-du: arki ouǰi bayiqsar genete dayirilɣan dayiri=ǰi üküqsen bile arban tabun ǰil bolba kemēqsen-dü: ken=tei uu=ǰu bayiqsan bui či bayiqsan buyu: kemēn asouqsan-du Liüge tüšimel=tei arkidaǰu bayiqsan: bi bayiqsan bolba-ču ondōn bayišing-du idē terigüüteni kelgeǰu bayiqsan bile: yaɣaǰi ükübē geǰi sanaba=ta kemēqsen-dü: tere üye-dü **[36b]** nasun baɣa <baɣa> bolod: aliba kerege uxāl ügei yabuqsan bi=lē: kümüni keleqsen üge-bēr ü=kübele geǰi yabuqsan bile kemēq=sen-dü: čimadu öbör medöül-kü üge bayinuu kemēqsen-dü: üge gekülē Tou tüšimeliyin yasu=ni oudalǰu ɣarɣa: šinǰīči=ner-yēr šinǰilüül kemēn tüšimed-nartu tušaqsan-yēr Tou tüšimeliyin yasu-ni ɣarɣaǰu šinǰilüülbēsü xoro-bēr üküq=sen ünen kemēn medöülüqsen=dü: Liüge-gi abči ireülēd čini šiyidkel alaxu kümün aqsan bile: ɣaqcaku xāni yeke bayar tokīlduqsan tula: čimayigi örösīǰü xamuq bayixučini talād: ɣaqca xara beyē čini kizār ɣazar kürge kemēn tušā=ɣād nige tüšimel xorin xuyaq=tai abūd: xoto xoto-bēr dam=ǰiuloxu-bēr beledkēbei: basa Liuxō tüšimeligi gem-yēr ü=küqsen-ni ečige-bēn kümüni xouram=du oroǰi gem ügei tō=caqsan-ni sanuulun: kereqtü uxamsar ügei: dāngči mungxa=giyin tüyildü kürüqsen tulada: [**37a**] zerge tüšīlni ebdeǰu züdküülkü aqsan bilē: ɣaqcaku xāni yeke bayar tokiyālduqsan tula: čimayigi örösōǰü ɣur=ban ǰil-bēr xaruuldu züdküül kemēn tušaɣād: Liügeyin xamuq bayixu youmāgi šang-du xurālɣa=xübēr bayicaɣaǰu beledküülün: ayiladxaliyin bičiq zokōǰu xoučin šine daruqdaqsan ke=req-ni ɣarɣatuɣai kemēn zarliq buulɣaqsan kicenggüyilen daɣa=ǰu: Liüge Liuxō-nari bayicā=ǰi ɣaraɣaqsani üzekü ba šöü=qsen učira: Liügeyin aliba bayixu eldeb züyiliyin erde=nisiyin altan mönggün ed taba=riyin tō: basa zoun xorin ɣur=ban örke kümüni mönōken tang=nuyin gürünigi ariudxan toq=ton züdküqsen-dü ded ded-yēr bōl bolɣon šangnaya basa Liügeyin gergei tüšiq-ēce xaɣacaqsani tula köböün-nartu öqči asaruul=yēn kemēkü ayiladxal bičīd: be=yeber abāčiǰu xān-du baribāsu nigedu nige todorxoi ayiladād: xayirtu küükeni šiyidkeqsen (maši sayin bolǰi: šiyidkeqsen) yosōr bolɣo kemēn zarliq boluqsan-du: **[37b]** mörgōd ɣarči: uridanayiki bele=deqsen yosōr daraɣayilan šiyid-keǰü yabuulād: öböriyin xarši

bayišing-du kürči irbēsü Do=nilǰing γō γarču iren: γar γarāsan kütöčin soudaq bayišing=dān oron amtatu idē-bēn talbin: emken šiyidkeqsen u=čir=bēn öčibēsü: sonosču bayinā yeke kilinctei kümüün mön aqsan ǰi: büri šiyidkebele bolxu aqsan γaqcaku xāni bayar to=kīlduqsan tula: kündöi γarči bayinā kemeqsen-dü: Donilǰing γō či ačitu ečige-yēn bitegei tege: xarin xoyino-ēce yabuxu ayangtalayin kümün bui bolbala you=man tedküm ilegeǰü öq: kemē-külē uridayin keqsen yabudal-ni üzeqsen bögōd: dāngči sanaqsan γarxu ügei youma ökü bayituγai nereniču bu sonō(s)xu geǰi sanāna: kemēgēd kedün xonoq boltolo šatar miqmēn-yēn talbiǰu nayirlan sou=γād nigen ödür Badaroulaqči ǰang=ǰun xān-du barālxan sögüdčü eyin ayiladxabai: xān ečigeyin tümen ölzöi batudxu ba: šariyin šaǰin telen delgerečü ööni udā orošixu (kigēd) **[38a]** basa eke xamuq amitani tusayin tula-du: nigen yeke süme bariu=lun šaǰin toqtōǰu bolxu bolbuu geqsen-dü: xān eyin zarliq bolun minu xayirtu küükeni süme bariül=xügi sanuulun ayiladxaqsan-inu: üneker maši sayin kereq kemēn: sang-ēce tabin tümen lang mönggü γarγaǰu darui süme bariultuγai kemēn ayiladuqsan-du mürgōd γarču xoyor mingγan uračud-ni abči irēd šilγaǰu xoyituyin xoi=tuki cōbu γoliyin dergede: γazar šinǰin tiq tataǰu zari=muudni modun-du γaraγan modu zōl=gebei: zarimuudni tōsxa-vārtu: zarimuud=ni sümeyin baxana niruγun-du: zarimuudni čiloun-du zarimuud=ni sil(yi)büridü: zarimuudni congxo xālγa terigüüten ali bükün you=magi zerge zerge elbeq delbeq beledkēd: ödüriyin sayini sung=γon üzeülǰi γurban dabxur xo=yor dabxur: dabxur ügei ene zergeyin zerge olon sümesigi ni=gemüsün zerge zerge bayiγoulǰu: γurban cagiyin burxan terigüülen **[38b]** arban zuryān axui šütēn olon züyiliyin šütēd-ni bosxon čimeq takil terigüüteni cöm-ni beledken: lokhi-šv-ra-yin pavdida terigüü=len mingγan xuvaraq-ni soulγaǰu: toqtoniulun Badaroulaqči ǰang=ǰun xān-du barālxan: süme bayiγuu=luqsan lamanarni ireüleqsen terigüüteni delger ayiladxabai: xān kedü xonoqāsan očiǰu üzümüi kemēn zarliq boluqsan=du: Badaroulaqči ǰangǰun xān zalarču ireküyin tula: youma tökērgen tiq yosolol toqtō=ǰu bayitala: xān zalarǰi irēd büküni üzen gegēd γol J̌ou -du zalran: adalidaxši ügei erde=nibēr öüdeqsen: γayixamšiq=tu burxadiyin ordu xarši ke=mēn sayišīn maqtād: rabnai üi=led kemēn Badaroulaqči ǰangǰun=ni barā bolγon zalrād: minu küü=ken xoyor yosun-du ünekēr mergen sayin kemēn sayišīn zar=liq buulγan: eldeb züyiliyin erdenis ba: ed tavar-yēr šang=naqsan-du Badaroulaqči ǰangǰun mürgün kürtēd xaršidān xaribai: xān nige ödör sayid tüšimed-bēn **[39a]** barālxoulun ödügē nigen ba=yar buulγaxu-inu: urida tang=nuyin gürüniyin kedüi üye do=royituulun:

daruqči učir-inu burxan tenggeriyin örösöl ba: boqdo ečige ekeyin ibēl-yēr boluqsan: basa süme barixu šarayin šaǰin delgeröülüqseni sanuulun: nadu yeke ači tustai tula bai=lura čiluun-du ene učir bü=küni (delger) bičiǰü siyilüülün sümeyin öüden-dü bosoxō: basa dele=kei dakin-du darumal daruǰi tügēn tarxā: gürüniyin šine (yeke) baγa tüšimedni ded ded-yēr šangna kemēn zarliq buulγaqsani daraγālan üyiledčü tüšimedni ireülǰu: xān-du barālxan kišiq=tü mürgübēsü xāni bayasxulang=tu ordudu očiǰu nayirlād bucaqtun kemēn zarliq boluqsan=du: tüšimed-nartu bayasxulang=tu ordudu barālxan nayirlaǰu: souxuyin caqtu tere tüšime=liyin dotoro-ēce axamud ni=gen öbögün nomtu tüšimel-dü: ta küüked tangnuyin gürüni urida: mini gürüniyin ceriq-ni kedün üye daruqsan: ödügē Narani **[39b]** Gerel ireǰi daruqči učirtai bišiü ta medenöü kemēn asuuq=san-du: tede bügüder bida medekü ügei bayinā tere yambar učir bui töüni ögüülemüi: bida so-nosayā kemēqsen-dü: tere öbö=gün nomtu tüšimel tobčilon ö=güülesü: ta sayitur sonos šastar kigēd debtertuču bui kemēn ö=güüleqsen-inu: erte urida ni=gen caqtu Tengdabadara neretu oulayin aγui-du souqsan nige yeke arši bui bölügō: tere arši tarnigi ödör söni ügei (maši) xatou tōloǰu bayixudu šimnu tarniyin küčübēr kōgdeǰi youma olǰu čidal ügei bayiqsan: ter bütēl=či arši tarniyin ecüstü kür=či: caγān sariyin arban tabuni söni öyir söni xaγacaxuyin ki=ridu Očir Dārayin xutugi o=lun geǰi bayitala: küčü xara šum=nu medēd: aršiyin tulē tüyideq Očir kemēqče kümüni naγacu axa bolun kürči irēd: arši blamadu mürgüye kemēn očiǰu arši čimayigi xoyino kedüi küčütei bolun: amitani nomoγodxuxuyin čini caqtu bi tödüi küčütei **[40a]** bolǰu xour xomsu kekü mini boltuγai kemēn irōl talbiqsan-du: blamayin zōq güyicüq keǰi bayidaq Caγān Dāre eke-ni ürgülǰi šü=tüqsen Altan Ceceq küükeni töüni sonusōd: küčütü xara šumnu čimayigi blamayin minu üyilestü xour xomsu kekü-dü aqšan do=toro šüyidkēd tonilγoxu mi=ni boltuγai: kemēn irōl talbiq=san-du: aršiyin nigen öqligüyin ezen Odebtu neretu öbögün sonosōd: Altan Ceceq küüken kezēne yaγākiǰu bayidaq youbi kemēn čimai tere caq-tu xour kekü mini boltuγai: kemēn irōl talbiqsan-du: Altan Ceceq tere caqtu bi xara šumnugi šüyid=kēd süüldü činu xara beyē-gi kizar γazar ilegēd: xamuq bai=xu youmāgi činu busudtu edlöülkü mini boltuγai: kemēn irōl talbiq=san: tere caq tere učir-dakini bütēlči arši ödügē mani Boqdo xān Xayangkhrva-yin xübilγan ene: tere caq učir-dakini Altan Ce=ceq küüken ödügē Narani Gerel Caγān Dāre ekeyin xübilγan ene: tere caq učir-dakini Odebtu **[40b]** sayiki Liüge ene: tere caq u=čir-dakini tülē tüyideq Očir ödügē tangnuyin J̌ō tüšimel ke=mēn öčiqsen-dü: tede

bügüdēr üyiliyin üre-ēce ayuuǰi za=rimuud-inu mör kötölbüi: zari=muud-inu nüngne sakiba: zari=muud-inu māṇi ungšiba: zarimuud=inu ami tusalaǰi bacaq-tu oro=bu: ödüi tödüi boltolo xāni šaǰin telen delgerēd: törö batud=ǰi: amitan bügüde amuran sayixan ǰirγaldubai: nigen ödür Narani Gerelni xān barālxuulun eyin zarliq bolboi: mini aču-tu tustai boluqsan xayirtu küüken čimini ende souya genou xamiγān souya gene: mini gürüniyin dotoro xami=γān souya gekü durtai γazar bui bolbola nadu ayiladxa: ayilad=xaqsan yosōr bolγoyo kemēn zar=liq boluqsan-du: Narani Gerel sö=güdčü mürgōd: öröšiltü zarliq buulγaqsani kicēngüyilen daxaǰi: ayuumšiq ügei ayiladaxaxu-inu: amitani itegel xoyor költöni ayouxu metü manglai boluqsan boq=do xān ečige ilete ayiladabai: boqdo ečigeyin kišiq-yēr **[41a]** xamiγān soubči ilaγal ügei bile: γaqcaku nutuq-tu Aryā balo Xongšim bodhi sadv-yin süme bui bilē: töün-yēn šinedken selben taki=ǰu souxu-gi küsedeq bilē kemēn ayiladxqsan-du: bolonō kemēn zar=liq boluqsan-du xān ečige örö=šōbēsü: Ünen Ögüüleqči Donil=ǰing γō xoyor-ni nadatai xamtu xarilcoulaču bolxu bolbau: kemēn ayiladxaqsan-du nadu ači tusatai boluqsan xayiratu küüken minu tula: (youni tula) ese boluna xarin öbör you kereq=lelcebēsü bügüdē-gi güyicedkeye: xoyitu sarayin šine-bēr xarituγai kemēn zarliq boluqsan-du biši youmāgi xoyino ayiladxaǰu kürte=ye kemēn mürgüǰi xaršidān xarīd: Ünen Ögüüleqči Donil=ǰing γō xoyortu xāni örösil-yēr ni=gen sara bolōd xarina bišuu: youmabēn tökērči Nangǰin bal=γasun-du kürtele örtō talbiǰu youmabēn zōlgeǰü döürēd yabu=xuyin caq-tu kürči: γurbaula xān-du barālxan amuγuulang-ni ayiladxabai: xān minu xayiratu küüken či mini ireǰi barālxaqsār bayixu bišou: kereq (bui) bolbolo: **[41b]** ayiladxal ayiladxaǰu bai: bi zarliq buulγaqsār bayiya kemēn ayiladūd: eldeb zūyiliyin erdenis ba: ed tabar-yēr šangnabai: basa Ünen Ö=güüleqči Donil=ǰing γō xoyortu sang xayira buulγabai: γurbuula mürgōd γarči beledkeqsen örtō-bēr yabuǰi: darui nangdi γolani γartala nangčin balγasuni dotoro-ki yeke baγa tüšimed ba: basa J̌ou öbö=gün terigüülen öböriyin medē u=lus-tai asar terigüüteni barin cai beledkeǰü bayitala: kürčü i=rēd amur amur-yēn erilcen beled=keqsen cai idēn-ēce γurbuulan amsad: ta tüšimed bügüdēr öün=ēce amsād tarxatuγai kemēgēd: γurbuulan J̌ou öbögün terigüü=len öböriyin medē ulustai yabu=ǰu xarši-dān irēd: γurbuulan Aryā balo Xongšim bodhi sadv-yin süme=dü mürgün Ünen Ögüüleqči nada-ē=ce xoyiši: eyimu sayixan oron boluqsan bayinā kemēn amtatu idē=bēn iden: amaraqtu ügebēn kelelcen xonoǰu maryāšini ekeyin küürtü γurbuula očiǰu: sang talbin mür=gōd ukilaǰu: bucaxuyin zamdu Ü=nen Ögüüleqči

šinǰi tögüsüqsen **[42a]** γazar bayina kemēn kelelcen yabuǰi xaršidān nayir nādumiyin youma tökērgen nayirlaxu caq=tu: Narani Grel ečigeyin ügei=dü ečige boluqsan: J̌ou abuγai=gi uriǰu ire kemēn ire=lēd nayirlaǰu eldeb-yin üge kelelceǰu souxu-yin zabsar=tu: Narani Gerel Aryā balo Xongšim bodhi sadv-yin ömnö nigen sü=me bayuγuulun: γurban cagiyin burxan arban zurγān axui šü=tēn ekilen: olon züyiliyin šütēd ni bosxoyo kemēn šü=teǰi sanaqsan mini: yambar bai=nā kemēn asouqsan-du bügü=dēr boluna kemēn sayin kelel=cēd: mön daruyidu sümeyin bari=xuyin (tuxayin) kereq(le)liyin youmāgi zer=ge zerge beledkēd: nige yeke süme bayiγulǰu γurban cagiyin burxan ekilen: arban zurγān axui šütēn terigüülēd: eldeb züyiliyin šütēd ni oyiro orčimiyin blamanarni soulaγaǰu nom ungšiulun: ayiladxal ayiladxaxu-inu xān ečigeyin tümen ölzöi batudxu ba: šariyin šaǰin **[42b]** delgerekü kigēd amitani tusa=du nigen yeke süme bayiγuul=ǰu: γurban cagiyin burxan e=kilen: arban zurγān axui šü=tēn olon züyiliyin šütēd=ni bosxon: nom ungšiul-xugi toqtoγād: nere γuyin ayiladxal yabuuluqsan-du: darui kürči xān nēlgen üzebē=sü: süme bariqsan terigüüten-ni nigedü nige todorxoi ayiladud: minu xayirtu küü=keni süme bayiγuulun: burxan bosxoqsani ünekēr maši sayin kemēn: aliba kizālši ügei erdem-yēr maši üzes=küleng-tei boluqsan: γayixam=šiq tai burxan=ni xarši kemēn sayišīn maqtad: yeke šang xayira buulγan yabuulbai: darui-du kürübēsü mürgün küliyēn kürtēd: yosulon mörgün kürteqsen yabudal=ni sonosxon ayiladxabai: ǰil šaxam ǰirγan souǰi bayitala: nigen ödör xān=ni zarligiyin bičiq kürči irebēsü mörgün izebēsü: mini xayiratu küüken xariqsār **[43a]** ǰil šaxam boltolo ire=ǰi učiraqsan ügei tula: maši yeke sanaǰu bayinā: xurdun ireǰu barālxa kemēn zarliq boluqsan bayinā: mön darui=du Narani Gerel ör=tōbēr yabun kürči xān-du barālxan mörgübēsü ači tusa=tai küüken minu zolγoyo kemēn zarliq boluqsan-du: Narani Gerel öbüdüq tüši=jü barālxaba: xān γurban sara boltolo ali zoriγār sayixan soulγād bucaxuyin caqtu uyilād nadu ire=ǰi barālxa: uyilād xariǰi bai kemēn eldeb züüyiliyin šang xayira buulγaqsan-du: Narani Gerel mürgōd zarliq-yēr barālxāqsar bayina kemēn: γarču yabun xaršidān kür=čü irebēsü: Ünen Ö=güüleqči Donilǰing γō-nar uqtun γarču amur amur-yēn erilcen: γar γarāsan kütöčin sou=daq sayixan bayišing-dān oron souǰi: yabuqsan **[43b]** učir bükün-yēn tōlon keleǰü: amtatu idē=bēn iden: amraq-tu üge-bēn kelelcen: zari=mdān xān-du barālxan: zarim=dān ireǰi: olon on boltolo ǰirγalcan soucaxabai::

Kebčeq doqšin=ni nomo=γodxoxuyin tulada: γurban bodhi sadv zarimdān xān xatun bolun: zarimdān tüšimel-eseyin düre-bēr xaγcal ügei amita-ni

nomoγodxodq bui: Ünen Ögüü=leqči Xong=šim bodhi sadv-yin xübil=γān: Narani Gerel Caγān Dāre ekeyin xübilγān: Do=nilǰing γō Noγōn Dāre ekeyin xübil=γān: ene γurbula **[44a]** orčilong xōsur=tolo yambar yambar düri=bēr yabuxu-inu maγad ügei: ene üye-dü Caγān Dāre ekeyin nomoγon ene boloi:: Ölzöi xutuq orošixu boltuγai: sayin buyan del=gerekü boltuγai:: Tümen ölzöi büridüqsen tübšin učirladxu beleqtü sayin irōl mani bütüke boltuγai:: Om ma ṇi pad me hum: om ma ṇi pad me hum: om ma ṇi pad me hum: om ma ṇi pad me hum: om ma ṇi pad me hum: sarva mam gha lam::

ПЕРЕВОД

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БЕЛОЙ ТАРЫ» («ПОВЕСТЬ О НАРАНУ ГЕРЕЛ»)

Условные знаки, используемые в переводе:

В квадратные скобки [ ] заключены слова, уточняющие перевод;

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ БЕЛОЙ ТАРЫ» («ПОВЕСТЬ О НАРАНУ ГЕРЕЛ»)

Ом мани пад ме хум

[1b]. В прежние времена у реки Наньди в городе Наньчен жили два богача – Байин-сартаваки[1] и Гоу-байин. [Однажды] жена Байин-сартаваки отправила человека пригласить на чай жену Гоу-байина и приняла ее в гостевом доме. За вкусным угощением и приятной беседой жена Байин-сартаваки сказала жене Гоу-байина:

– Мы с тобой в положении[2]. Если у тебя родится дочка, пусть будет мне невесткой, если у меня родится сын – станет твоим зятем!

– У кого бы из нас ни родились мальчик и девочка – станем сватами! – согласилась жена Гоу-байина и, упомянув о яйце с молоком[3], разошлись по домам.

Байин-сартаваки спросил [у жены]:

– Жена, о чем интересном вы беседовали во время сегодняшнего застолья?

Жена ответила:

– Мы решили, что, если у кого-то из нас родится мальчик, а у кого-то девочка, то обязательно станем сватами и, упомянув о яйце с молоком, разошлись по домам.

– Это ваше [решение] – хорошее предзнаменование! – сказал [Байин]-сартаваки. **[2a]** Гоу-байин также спрашивал у жены, и она ему отвечала подобным же образом. Он тоже сказал, что это правильное решение.

Прошло время, и жена Байин-сартаваки по истечении десяти месяцев[4] родила мальчика. [Байин]-сартаваки очень обрадовался и сказал:

– Жена, в благословенный пятый день этого месяца соберем всех знатных и простых [гостей], устроим пир и дадим имя нашему сыну!

Разослали всем весть о том, что в пятый день этого месяца состоится торжество в честь наречения сына. В пятый день месяца, когда собрались все знатные и простые [гости], выставили много разных яств и устроили

[1] Сартаваки – санскр. *sārtha-vāha*; тиб. *deddpon* (ведущий); монг. *daruγa* (начальник), *uduriduγči* (ведущий), *qutuγ-tuuduriduγči* (святой ведущий); эпитет бодхисатвы. См.: [Яхонтова 2010: 135].

[2] В тексте оригинала иносказательное выражение «*šaratai bayinai*».

[3] Древний монгольский обычай сватовства еще не родившихся детей.

[4] В традиции монголов устойчивое обозначение срока нахождения плода в чреве матери.

пир. Нарекли [мальчика] именем Унен Огулегчи, высказали благие пожелания и разошлись.

Вслед за этим жена Гоу-байина родила прекрасную, словно освещенную солнечным сиянием девочку. Гоу-байин обрадовался и сказал:

– Жена, готовь все необходимое к празднованию!

Послали человека ко всем знатным и простым [гостям] и двадцать второго числа, когда все собрались, выставили разнообразные **[2b]** яства и устроили пир. Отец нарек дочку Нарану Герел, гости произнесли благодарные речи и разошлись.

В течение некоторого времени жили они обособленно. Когда парень и девушка достигли пятнадцати лет, два богача встретились и, угощаясь вкусными яствами, повели приятную беседу.

Байин-сартаваки сказал:

– Обряд обмена яйцом и молоком, совершенный нашими женами, воплотился в жизнь!

Сговорившись, они решили, определив благополучный день этого же месяца, обручить своих детей. Астрологи, высчитав подходящее время, указали на двадцать четвертый день месяца как на самый благоприятный для выдачи дочери и женитьбы сына. Пока два богача готовили все необходимое, наступил срок отправки невесты [к жениху].

Гоу-баян усадил дочь в повозку, украшенную драгоценностями, запряг в нее двух лусов и приставил двадцать провожатых. **[3a]** На сто лусов он нагрузил драгоценности. В сопровождении ста человек [невесту] доставила мать. В тот же день они обручили [молодых]. На протяжении семи дней продолжался свадебный пир. При расставании матери в дар поднесли драгоценный чиндамани, сто ланов золота, тысячу ланов серебра, различные драгоценности и товары. Каждому из сотни ее сопровождавших раздали ямбу[1] на пятьдесят пять ланов.

* * *

По прошествие нескольких счастливых лет Байин-сартаваки завершил свой земной путь. Тогда мать сказала сыну:

– Мужчине нужно образование, отправляйся учиться!

– Необходимо следовать матушкиным верным наставлениям и получить образование! – подумал он и, за семь дней приготовив все необходимое, собрался в путь. Придя к матери, справился о ее здоровье и сообщил об отъезде.

[1] Ямбу (ойр. *yömbüü*) – вид материи (бязь, миткаль).

– Будь прилежен в учении! – посоветовала она и дала ему драгоценный камень. Он поклонился ей и отправился домой. Прощаясь с Нарану Герел, сказал ей:

– Ухаживай хорошо за матушкой. Я выучусь и вернусь!

Нарану Герел ответила:

– Да, конечно!

Попрощавшись, **[3b]** они пожелали друг другу удачи, и [Унен Огулегчи] отправился в путь.

К югу от города Наньчен на расстоянии семидневного перехода в одном городке проживало много учителей. Когда [Унен Огулегчи] пришел на прием к самому старшему из них, тот спросил:

– Как твое имя, юноша? Чей ты? Из каких ты краев?

– Я сын Байин-сартаваки из города Наньчен, что находится у реки Наньди. Зовут меня Унен Огулегчи. Я пришел учиться! – ответил он и поднес драгоценный камень.

– Учиться – это прекрасно! Я берусь за твое обучение, а затем ты продолжишь учебу еще у десяти [учителей]. Этот драгоценный камень оставь для них. Поднесешь его, когда станешь обучаться письму! – сказал он и вернул ему камень. Отправившись по велению учителя в другое помещение, он стал готовиться к занятиям. Затем, поднеся драгоценный камень десяти другим учителям, он стал обучаться и у них. В тоже время Нарану Герел начала учиться письму у старика Джоу. За пять лет Унен Огулегчи выучился письму и другим наукам. Учителя сказали ему:

– Ты прекрасно овладел всеми науками. Нам больше **[4a]** нечему тебя учить. Отправляйся домой и ухаживай за своей матерью!

Унен Огулегчи отправился к старому учителю, поднес ему драгоценный камень и, сообщив ему о своем возвращении домой, попросил благословения. Учитель сказал:

– Благополучного тебе возвращения домой. Навещай меня!

[Унен Огулегчи] поклонился ему и отправился домой. Через семь дней он был дома. Когда он пришел к матери и справился о ее здоровье, она ответила:

– Все хорошо, сынок. Благополучно ли ты добрался до дома? Как прошло твое обучение?

– По совету матушки и благодаря хорошим наставникам я вернулся, получив хорошее образование.

– Хорошо, сын мой, матушка твоя очень рада этому! – сказала она.

Когда он пришел домой и справился о здоровье Нарану Герел, она спросила:

– Как прошло твое обучение?

– Я обучился письму и другим наукам, – ответил он.

Нарану Герел поведала о том, что она тоже училась у старика Джоу. Услышав об этом, Унен Огулегчи очень обрадовался. Стали [они] вкушать яства, **[4b]** вести приятные беседы и пребывать в благополучии.

* * *

В это время в городе Джинг император государства Чинг в один [прекрасный] день созвал своих министров и чиновников и спросил у них:

– Известен ли вам человек, который получил хорошее образование и был способен управлять подготовкой войска в моем государстве?

Самый старший и старый [по возрасту] из чиновников поведал:

– В городе Наньчен живет сын Байин-сартаваки по имени Унен Огулегчи, который прошел полный курс обучения чиновничьей службе. Хорошо было бы пригласить и ввести его в круг чиновников.

– Пусть без промедления доставят его ко мне на аудиенцию. Я сам испытаю его и, если он действительно хорош, назначу чиновником! – повелел [император]. Отправили за ним чиновника Бочина, определив ему срок в десять дней.

Как только он появился у дверей Унен Огулегчи, охранник доложил:

– Прибыл посланник великого императора!

Унен Огулегчи сам вышел ему навстречу. Чиновник Бочин сказал:

– По велению **[5a]** великого императора я послан передать тебе, Унен Огулегчи, что ты должен явиться на аудиенцию!

– Преклонимся [перед императором] на аудиенции! – радостно сказал Унен Огулегчи и поздоровался с чиновником за руку. Осведомившись о здравии друг друга, они отправились в гостевой дом. Там были выставлены вкусные яства. Некоторое время они вели приятную беседу. В конце угощения Унен Огулегчи сказал:

– О, почтенный чиновник, отдохните в приготовленном [для вас] доме перед отправлением в путь! – и отвел его отдыхать.

Когда он вернулся в дом матери, оказалось, что там вместе с матерью находилась Нарану Герел. Унен Огулегчи сказал:

– Прибыл посланник великого императора чиновник Бочин с повелением явиться на аудиенцию к императору!

Мать и Нарану Герел вместе воскликнули:

– Великое счастье выпало нам в этот день, об аудиенции у императора просто подумать уже счастье, а что уж говорить, когда повелевают явиться! Иди, собирайся и срочно отправляйся на аудиенцию!

[5b] До истечения [отведенных] десяти дней он завершил все приготовления и перед отъездом явился к матери с просьбой:

– Не оставляйте без внимания и заботы мою Нарану Герел.

– Я не оставлю без заботы и внимания Нарану Герел. Одно меня беспокоит – возраст мой высок, наверное, я не проживу долго. Даже если и так, ты, мой [дорогой], окажешься среди тех, кто удостоится внимания великого императора, а что будет со мной – не суть важно. Ты, мой [дорогой], живи со всеми в мире, будь вежлив и обходителен! – сказала ему мать и дала ему драгоценный камень.

– Отправлюсь я или нет, буду справляться о вашем здоровье письменно и присылать подарки,– сказал Унен Огулегчи. Поклонившись, он попрощался с ней и вышел. Придя домой, сказал Нарану Герел:

– Мы обрели друг друга благодаря пожеланию [наших родителей]. Ты оставайся дома и присматривай за моей старенькой матушкой. Отправлюсь я или нет, буду справляться о вашем здоровье письменно и присылать подарки.

Нарану Герел ответила:

– Я буду ухаживать за старенькой матушкой и беречь ее **[6a]** как зеницу ока. Единственное, что беспокоит меня – ее почтенный возраст.

– Это естественное состояние всего сущего, поэтому не надо об этом беспокоиться! – сказал он. Пожелав друг другу благополучия, они попрощались.

Унен Огулегчи взял с собой четырех своих людей и вместе с чиновником Бочином отправился в путь. До истечения десяти дней они добрались до города Джинг по западной дороге и переночевали с чиновником Бочином в одном дворце на ближайшей улице в юго-западной стороне.

На следующий день, встав спозаранку и позавтракав, чиновник Бочин повел его [ко дворцу].

– Что это за большой дворец, что виден вдалеке? – спросил он у чиновника.

– Это императорский дворец, – отвечал он. Так, беседуя, они дошли до дворца.

Представившись министрам и дворцовой страже, Унен Огулегчи сообщил о своем прибытии на аудиенцию. Выдав разрешение, его отвели во дворец Олзей Цогцулугчи, в котором в этот день принимал император. **[6b]** Унен Огулегчи склонился перед императором в приветственном поклоне.

Император спросил его:

– Чей ты сын? Сколько тебе лет? Где обучался грамоте?

– Я сын Байин-сартаваки из города Наньчена, что у реки Наньди. Зовут меня Унен Огулегчи, мне двадцать лет. Недалеко от города Наньчена в [небольшом] городке живут [образованные] учителя, я отправился туда и получил образование, – ответил он.

Император сам экзаменовал его и убедился в совершенстве его знаний. Обрадовавшись, он назначил его чиновником по военным делам. Унен Огулегчи трижды преклонил колена, девять раз поклонился и вернулся во дворец, в котором он остановился.

Обучив солдат [метко] стрелять из луков и ружей за пять месяцев, он доложил [о готовности] императору. Император [лично] проинспектировал войско, убедился в их готовности, обрадовался и удостоил его звания князя третьей степени, подарил ему дворец, что был расположен в начале западной улицы. **[7a]** Унен Огулегчи трижды преклонил колена, девять раз поклонился[императору].

– Была ли у тебя жена? – спросил император.

–Да! – ответил он.

– Доставим ее тебе! – сказал император.

Поклонившись, он ответил:

– Она присматривает за моей старенькой матушкой.

– Пусть присматривает. Выдам за тебя дочь чиновника Люго. Пусть Люго явится ко мне! – приказал император.

Когда явился Люго, император повелел ему:

– Унен Огулегчи принесет много пользы моему государству, ты выдай за него свою дочь!

Люго поклонился и ответил:

– Так и сделаю!

Откланявшись, он удалился вместе с Унен Огулегчи. В течение десяти дней Люго нойон подготовил все необходимое [для свадьбы] и выдал свою дочь Доналджингуа за Унен Огулегчи. Унен Огулегчи и Доналджингуа зажили счастливо.

Унен Огулегчи отправил в подарок матери и Нарану Герел **[7b]** драгоценности и написал: «По воле матушки и милости императора, удостоившись звания князя третьей степени, получив в дар дворец и в жены дочь Люго нойона Доналджингуа, я пребываю в счастливом благополучии. Живы и здоровы ли вы?». Прочитав письмо и получив подарки, мать и Нарану Герел очень обрадовались.

* * *

По происшествие нескольких благополучных лет заболела мать [Унен Огулегчи]. Нарану Герел показала ее врачам, лечила лекарством, и ей стало намного лучше. [Мать] подумала:

– Я не проживу долго, надо дать им [последнее] наставление!

Нарану Герел она сказала:

– Несмогла я в этой жизни [больше] увидеться с Унен Огулегчи. Да будет радостной наша встреча в следующей жизни! Поскольку я не проживу долго, то после меня ты все [хозяйство] поручи старику Джоу, а сама непременно отправляйся вслед за Унен Огулегчи!

[8a] Позвав старика Джоу, она дала ему ямбу на пятьдесят лан и сказала:

– Я не пробуду здесь долго. Джоу, ты присмотри за девочкой. Если Нарану Герел отправится, то присмотри за домом, постройками и посевом!

– Так и поступлю! – сказал старик Джоу и вышел.

Через три дня матушка умерла. Нарану Герел стала причитать:

– Милая моя матушка ушла, как мне бытьтеперь!

Пришел старик Джоу и сказал, наставляя ее:

– Таков закон всего сущего! Надо совершить поминальный обряд!

– Дедушка Джоу, ваша правда! – согласилась она и стала готовить все необходимое для похорон. Позвала хорошего гадателя, который посоветовал похоронить [матушку] на северном склоне священной горы Арслануула.

Соорудили на указанном месте небольшой склеп и поместили туда сандаловый гроб с телом матушки, а для постоянного **[8b]** присмотра наняли человека.

В один из дней Нарану Герел позвала старика Джоу и сказала ему:

– Во благо почитаемой матушки построим храм!

– Хорошо! – сказал старик Джоу и стал готовить все необходимое для строительства храма. Построив храм, они воздвигли статуи Арьябало Хонгшим-бодхисаттвы и двух Тар, совершили обряд подношения и стали пребывать в благополучии.

Как-то Нарану Герел опять пригласила старика Джоу, вручила ему драгоценностей на тысячу лан и сказала ему:

– По велению почитаемой матушки я поеду вслед за Унен Огулегчи. Дедушка Джоу, вы присматривайте за храмом Арьябало, домом, постройками, посевом и домашними людьми!

Старик Джоу растрогался [до слез]:

– Последую сказанному Нарану Герел! – сказал он и отправился домой.

Нарану Герел в течение десяти дней приготовила все необходимое и, когда настало время отправляться в путь, в сопровождающие взяла двадцать человек из своей **[9a]** прислуги, погрузила их на двадцать два мула, села в украшенную драгоценностями коляску и отправилась в сторону города Джинг.

Через несколько дней, сбившись с дороги, они оказались в долине, по которой проходил путь в страну Тангнун, и решили заночевать на лесистомберегу одной реки. На следующий день [на другом берегу реки] на вороной лошади появился краснолицый чиновник с коротко подстриженными черными усами, в сопровождении более сотни людей, который вел войско хана страны Тангнун на войну с государством Чинг. Остановившись напротив большого шатра Нарану Герел, он крикнул:

– Кто остановился в этом большом синем шатре?

У Нарану Герел был очень мудрый домоправитель. Он вышел и ответил:

– Жена Унен Огулегчи, чиновника императора государства Чинг.

– Куда она едет? – спросил он.

– К чиновнику Унен Огулегчи, – ответил домоправитель.

– А где находится чиновник?

– В окружении императора. Что это ты так дотошно **[9b]** расспрашиваешь? – поинтересовался домоправитель.

– Ты прекрати такие разговоры, вас мало, а нас много. В любом случае одолеем вас!

Домоправительответил:

– Хотя вас и много, но [у вас] нет лодок. Хотя нас и мало, но что бы вы ни предприняли, мы будем хозяевами положения.

Нарану Герел позвала домоправителя и сказала ему:

– Я помолюсь защитнику Арьябало Хонгшим-бодхисаттве и подавлю их одним его величием!

Приготовив седалище у входа в синий шатер, она водрузилась на него [и погрузилась в медитацию]. Величие ее было настолько сильным, что ослепленные [исходящим от нее] сиянием чиновник и сто его воинов были так потрясены, что некоторые сошли с коней, а другие так и попадали наземь.

– Будучи, не способным даже взглянуть в лицо человеку, зачем же тогда произносить дерзкие речи?! – подумала про себя Нарану Герел и вошла в свой шатер.

Очнувшись, они стали спрашивать друг у друга, что же произошло с ними. Одни удивленно утверждали, что их ослепил солнечный свет, другим показалось, что их тела были **[10a]** объяты огнем, третьим придвиделось, будто на них наступает неисчислимое вооруженное войско.

– Из-за пугающей [силы ее] великого благодеяния и ничтожности наших деяний невозможно предположить, что может произойти [с нами], поэтому, выразив свое почтение на словах, подобру-поздорову отправимся в путь! – сказал [испуганный] чиновник.

– Вы едете не по той дороге, эта дорога не приведет вас к императору страны Чинг. Поверните на запад и найдете верную дорогу! – крикнул им чиновник. Когда прошел испуг, он добавил:

– Было бы справедливо, если ваша госпожа стала женой нашего хана!

Нарану Герел передала через своего домоправителя:

– Разве твой хан настолько неимущий, что готов взять в жены служанку, подобную мне? Но даже если бы он и согласился, то не судьба ему, ничтожному! Несчастные мои, вы способны произвести лишь звук **[10b]** волосяной плетки и не способны укусить даже как муха! Езжайте своей дорогой, как бы чего не случилось!

Услышав это, они поняли, что произнесли глупость, испугались и осторожно ушли. Тут же Нарану Герел [повелела] свернуть шатер и погрузить поклажу. Направившись в указанную сторону, они вышли на [правильную] дорогу. Через несколько дней они вошли в западные ворота города Джинг. Прибежали стражники и спросили:

– Кто такие?

– Супруга чиновника Унен Огулегчи. Отведите нас туда, где находится Унен Огулегчи! – попросили они и им дали человека для сопровождения.

Нарану Герел отправила с этим человеком своего домоправителя, наказав справится о здравии Унен Огулегчи и Доналджингуа и сообщить им о ее прибытии. Домоправитель, встретившись у ворот с охранником, поведал ему о том, что приехала Нарану Герел и велела ему, **[11a]** справившись о здравии Унен Огулегчи и Доналджингуа и сообщить им о ее прибытии.

– Унен Огулегчи находится рядом с императором. Доложу Доналджингуа! – сказал охранник и, вбежав во дворец, доложил, что пришел человек с сообщением о приезде Нарану Герел и ее пожеланием благополучия. Доналджингуа приказала срочно доставить его.

Вернувшись обратно, человек сказал:

– Вас срочно просят прийти! – и повел его [во дворец].

Представ перед Доналджингуа, домоправитель сказал:

– Во здравии ли Унен Огулегчи и Доналджингуа? Нарану Герел просила передать вам о своем прибытии [в город].

– Где она остановилась? Близко ли? – спросила она.

– Близко, – ответил он.

[Доналджингуа] срочно отправила человека с наказом узнать о благополучии Нарану Герел. Тот человек прибыл вместе домоправителем к Нарану Герел и доложил:

– Доналджингуа просила передать пожелания благополучия старшей госпоже Нарану Герел!

– Я благополучно прибыла. Во здравии ли вы все? – спросила она.

– Все живы и здоровы! – ответил [присланный] человек и хотел уже отправиться обратно.

– Подожди, **[11b]** не уходи, пойдем вместе! – сказала она.

– Хорошо, – ответил он, и они отправились вместе.

Выйдя на дорогу, ведущую к дому Унен Огулегчи, они не успели дойти даже до следующей улицы [и увидели], как Доналджингуа, узнавшая о ее прибытии, спешила вместе со свитой на встречу им. Поклонившись, она справилась о благополучии.

– Я благополучно прибыла. Во здравии ли вы? – спросила [Нарану Герел].

– Все пребывают в благополучии! Абай[1], вы так поздно соизволили сообщить о своем прибытии. Почему вы не сообщили заранее? Все так быстро произошло! – сказала она.

[1] Абай – вежливое обращение к старшей сестре, а также старшего по возрасту к младшему.

– Все хорошо! – ответила [Нарану Герел]. Взяв за руки, [Доналджингуа] повела ее во дворец, усадила на почетное место, угощала яствами. И они стали вести приятную беседу.

Когда они сидели так, пять девушек-служанок стали удивленно говорить меж собой:

– Наша госпожа Доналджингуа считалась самой прекрасной, оказывается, есть кто-то прекраснее ее.

Нарану Герел отправила человека узнать о благополучии Люго нойона. Когда человек передал, что Нарану Герел **[12a]** справляется о его благополучии, Люго нойон ответил:

– Я здоров, благополучной ли была ее дорога?

Он послал человека осведомиться о благополучии Нарану Герел и передал ей письмо. Тот сообщил Нарану Герел о том, что Люго нойон справляется о ее благополучии и через несколько дней сам навестит их, чтобы угостить чаем.

Когда он вернулся, Люго нойон спросил у него:

– Как выглядит Нарану Герел, красива ли она?

– Нет никого, кто мог бы сравниться с Нарану Герел. Насколько прекрасна Доналджингуа, но и она не может сравниться даже со следом ног Нарану Герел. Я едва не лишился чувств от ее сияния и поспешил удалиться! – сказал он.

Нарану Герел и Доналджингуа провели вместе несколько счастливых дней за игрой в шахматы [и беседой].

Все это время Люго нойон находился в размышлении.

– Если Нарану Герел прекраснее моей дочери, то, по всей вероятности, Унен Огулегчи, **[12b]** вернувшись, может ее оставить. Прежде чем он вернется, надо ее отравить, – решил он. Положив за пазуху две одинаковые чарки, собрал в сверток пяток фруктов, наполнил бутан[1] вином и вручил сопровождающему человеку.

Когда он подошел к дому, привратник Унен Огулегчи известил о его прибытии игравших в шахматы Нарану Герел и Доналджингуа:

– Прибыл Люго нойон!

Нарану Герел подумала, что поскольку это отец Доналджингуа, то его надо встретить.

– Я выйду навстречу Люго нойону! – сказала она. Доналджингуа вышла с ней, и они вместе поприветствовали Люго нойона.

[1] Бутан – корчага для вина.

Люго нойон произнес:

– Нарану Герел, не стоило встречать меня, я прибыл с визитом к тебе, прибывшей издалека!

Нарану Герел ответила:

– Между нашими с Доналджингуа родителями нет никакой разницы, как я могу не выйти **[13a]** навстречу отцу.

– Нарану Герел права! Девушки, продолжайте игру в шахматы! – сказал Люго нойон. Положив фрукты в вазу, он налил в отравленную чарку вина и поднес Нарану Герел:

– Тебе, прибывшей издалека, моя милая, подношу вино в золотой чарке. Будь здесь в благополучии! Выпей до дна эту золотую чарку! – сказал он.

Когда Нарану Герел, взяв чарку, собиралась выпить, Доналджингуа сказала:

– Подождите меня!

Нарану Герел, дожидаясь Доналджингуа, поставила чарку на стол. [Люго нойон] налил вина в другую чарку и произнес:

– Хотя ты моя родная дочь, но из уважения к твоему положению жены чиновника великого императора поднесу и тебе вина в золотой чарке!

Доналджингуа, зная, что про ее отца говорят, как о плохом человеке, [и испугавшись того,] что он мог добавить в чарку Нарану Герел что-либо, предложила:

– Нарану Герел, **[13b]** выпейте мою чарку вина, а я выпью вашу!

Когда она собралась было взять ее чарку, Люго нойон рассерженно сказал:

– Выпейте каждая свою [чарку], поднесенную отцом, а в следующий раз можете обменяться!

Нарану Герел сказала:

– Дядюшка Люго прав! – и, несмотря на попытку [Доналджингуа] забрать [ее чарку], выпила. Мгновенно облик ее изменился, и она произнесла:

– Не думала, что со мной, совершенно здоровой, внезапно может такое случиться, но, видимо, иногда так бывает.

Затем она обратилась к Доналджингуа:

– Ты не переживай за меня, в будущем встреча наша будет радостной! – и умерла.

Доналджингуа обняла ее голову, рыдая, стала рвать на себе волосы [и причитать]:

– Милая моя, кто же мог подумать, что такое может случиться с тобой! Лишь зловредный демон мог так поступить с моей милой и дорогой Нарану Герел! Люго, ты не достоин даже пыли, на которой остался ее след! Вот приедет Унен Огулегчи и расправится с тобой!

– Расправившись со мной, он продаст **[14a]** свою [жену] служанку!

– Я не стану печалиться [если так будет]! Не столь важно, поведают ему о том, что ты сотворил, или не поведают, в любом случае грехи твои умножились! Уходи, дьявол! – воскликнула она.

– Что ты собираешься поведать обо мне, если я не виновен [в произошедшем]. Поскольку она умерла от болезни, тебе надо срочно приготовить все для похорон! – сказал он.

– Если в прежних твоих деяниях нет вины, то, что может быть хорошего теперь?! Ступай домой! – сказала она. В Люго пробудилось чувство раскаяния, и опечаленный он отправился к себе.

Доналджингуа поместила тело Нарану Герел в [специальном] доме до полного отправления всех необходимых обрядов.

* * *

Два будды-хранителя Нарану Герел, перевоплотившись в бодхисаттв, прибыли к ней и повели ее за руки.

В одном огромном ущелье она увидела, как примерно с десяток чоткуров на железных лошадях, с железными плетьми в руках, сгоняли бессчетное количество живых существ.

Она спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, что совершили люди, которых **[14b]** так сгоняют?

– Так поступают с умершими прежде положенного срока.

– Да освободятся страдающие существа от страданий! О, Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – произнесла [Нарану Герел] и отправилась дальше.

Потом она увидела, как бессчетное число разноцветных насекомых источает дерево галбарвас от корней до вершины. [Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за что это дерево до самой сердцевины источает такое множество насекомых?

– В мире живых, будучи казначеем большого монастыря, этот человек раздавал [монастырское] имущество своим родственникам для обогащения. Теперь он пожинает результаты своих деяний! – ответили они.

– О, Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – произнесла она и последовала дальше.

Затем [она увидела, как] чоткур с головой овцы вел ребенка и говорил ему:

– Вон там твои родители. Навести отца и мать. **[15a]** Когда [ребенок] взобрался на дерево, сверху на него набросились и стали рвать когтями барс и медведь, когда он падал вниз, ветви дерева, превратившись в копья и ножи, стали рвать его [тело] до костей и кромсать мясо на мелкие части.

[Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают ребенка?

– Пребывая в мире, он проклинал своего отца и мать, а также порочил и унижал хувараков, – ответили они.

– О, Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – произнесла она и последовала дальше.

В городе Ма старушка по имени Эмке, которая большим половником помешивала молочный чай, стала их приглашать [к столу]:

– Дети мои, [наверно] проголодались в дороге, попейте вдосталь чаю!

Нарану Герел молвила:

– Я хочу пить. Выпьем чаю.

Но два бодхисаттвы сказали:

– Кто выпьет этот чай, тот обретет три вида дурной участи. Не следует его пить!

– Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! **[15b]** Ом мани падме хум! – сказала [Нарану Герел] и последовала дальше.

В одном огромном лесу она увидела, как крупные [животные] ловили и пожирали мелких [животных]. Черви и насекомые, подтачивая [тела] крупных [животных], поедали их. На некоторых из них люди ездили верхом и перевозили грузы, оставляя [на их спинах] рубцы и раны. Увидев это, она спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, какие деяния совершило множество этих существ?

[Они] ответили:

– Это сфера животных. Так они наказываются за прежние свои проступки.

– О, Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! Да освободятся страдающие существа от страданий! – с мольбой произнесла [она] и отправилась дальше.

Посреди пустынной местности, на каменистом перевале, она увидела красивый сад, возле которого толпилось множество живых существ неприглядного вида, у которых шея была тонкой, как волос, живот размером с кибитку, ноги подобные ковылю, а тело синюшного цвета. Если кто-то из них направлялся в тот сад, то эрлики с разного рода оружием **[16a]** не пропускали их, [а проникших в сад] преследовали и прогоняли. Некоторые из них, если и добывали что-то, но не могли ни проглотить, ни выпить [из-за тонкой шеи]. Те из них, кому удавалось что-то проглотить [из пищи], не могли переварить ее и страдали от мук, горевали и приходили в отчаяние.

Увидев их, [Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния страдают эти существа неприглядного вида?

[Те] ответили:

– Это область прет. Ими становятся в силу того, что, пребывая в мире живых, некоторые из них, обладая имуществом, клялись, что ничего не имели, а другие – будучи богатыми, не подали нищим даже и горошинки.

– О, Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – молвила она и отправилась дальше. Переходя через высокий горный перевал, она увидела, как по склону той горы поднимались сине-зеленый, **[16b]** коричневый густой дым и пыль.

[Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, что это?

Они сказали:

– Когда дойдем туда, узнаем!

Когда [они] приблизились, то увидели, как три человека, высунув на три маховых сажени языки с насаженными гвоздями, словно плугом распахивали ими землю и засевали [пашню].

[Нарану Гэрэл] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния эти трое оказались в таком положении?

[Они] ответили:

– Будучи в мире живых, некоторые из них лгали, некоторые сплетничали. Из-за этих деяний они находятся в таком положении.

Промолвив:

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – [Нарану Гэрэл] пошла дальше.

В преддверии кипящего ада она увидела, как каждому из четырех людей отрубали четыре конечности, крюками вытягивали им языки, а в раскрытые рты заливали расплавленную жидкость и как у них из девяти отверстий журчащими струйками вытекали маслянистая вода и кровь.

[Нарану Гэрэл] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают этих людей?

– Находясь в мире живых, они, будучи чиновниками, на суде **[17a]** двух судившихся людей невиновным, получив взятку, признавали виновного, а не давшего взятку невиновного человека объявляли виновным. Некоторые из них из мести на суде обвиняли невинных людей.

Промолвив:

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – [Нарану Герел] пошла дальше и увидела, как чоткур в ступе толчет человека, который громко вопил:

– О, мой Лама! О, мои Три драгоценности! Ах, защитники мои, отец и матушка! Родные мои! Ах!

[Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают этого человека?

[Они] ответили:

– Находясь в мире живых, он в силу совершенных прежде деяний заболел. Его родные, веруя в Ламу и Три драгоценности, хотели пригласить лам и хувараков, чтобы совершить молитву и обряд гурюм[1]. На это он ответил отказом и сказал, что от них нет никакой пользы.

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – сказала она и, отправившись дальше, увидела, как тела нескольких человек **[17b]** разрывали на части и толкли в порошок, а они вопили [от боли] страшными голосами, потом их вновь оживляли.

[Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают этих людей?

– Их наказывают за то, что, находясь в мире живых, некоторые из них, зная, что совершают греховное деяние, все же убивали много диких жи-

[1] Гурюм – обряд обмена (калм. дольг).

вотных, некоторые ради увеселения и забавы подвергали насилию живые существа.

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – сказала [Нарану Герел]. Пройдя дальше, она увидела, как в огромный ад ввергали ламу, вопивего страшным голосом. Когда он переставал издавать звуки, его окликали, и он оживал. Так повторялось вновь и вновь.

[Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают этого ламу?

[Они] ответили:

– Пребывая в мире живых, он выдавал себя за великого подвижника учения[1] и совершал в честь себя много молебнов, обманывал своего драгоценного ламу. Дабы быстрее **[18a]** завершить службу, он бегло читал священные книги, подношения верующих не выставлял перед буддами, а забирал себе. Несправедливыми обвинениями подверг многих людей страданиям и совершал греховные деяния. За это он оказался в бесконечном аду, затем его ввергнут в еще более страшный ад.

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – сказала [Нарану Герел], пошла дальше и увидела, как одного совершенно черного человека ввергали в великий ад. Когда появлялся запах гари и грязи, его окликали, он оживал, но его вновь ввергали в ад.

[Нарану Герел] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают этого человека?

[Те] ответили:

– Пребывая в мире живых, он воровал вещи, принадлежавшие буддам, отбирал их у лам и хувараков. За эти греховные деяния он наказан так, еще ему предстоит пройти холодный ад.

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – сказала [Нарану Герел]. Пройдя **[18b]** дальше, она увидела, как эрлики привели монахиню и сбросили в большой ад. В тот же миг она с треском распадалась на бесчисленное множество частей. Когда ее окликали, она оживала, и все повторялось вновь.

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают эту монахиню?

[1] Великий подвижник учения (тиб. *дуб-чэн*; монг. *шидтэн*; калм. *дувчн*) – исторически так называли 84 индийских сиддх-чудотворцев, прибывших из Индии в IX в., в период распространения буддизма в Тибете. См.: Цыбиков Г. Ц. Избранные труды; в 2 т. 2-е изд., перераб. Т. 1. Новосибирск, Наука. Сиб. отд., 1991. С. 159.

[Те] ответили:

– В мире живых, будучи молодой женщиной, она крала вещи у людей. Обжегши ноги, прикладывала потроха, вынутые еще из живых овец и коз [для их лечения]. [Даже] после того как стала монахиней продолжала неправедно жить. Вела себя заносчиво со второй женой своего мужа. Не верила в учение, имела превратный взгляд на своего ламу-наставника, презирала законного мужа. Так наказывают женщин, совершавших подобные деяния. Однако этим не исчерпываются [ее муки], поскольку ей еще предстоит скитаться по многим [отделениям] ада, а в завершение попасть в самый страшныйад. **[19a]** Срок ее страданий продлится до скончания кальпы.

Промолвив:

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – [Нарану Герел] пошла дальше и в аду Очирту увидела, кричащего страшным голосом и рыдающего ламу, который внезапно замолк.

Она спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния наказывают этого ламу?

[Те] ответили:

– Будучи в мире живых, он оскорблял имевших лучшие познания хувараков и тойнов, утверждая, что не они знают дхармы, имел превратное представление о дхарани, презирал своего ламу-наставника. Дружных между собой людей разлучал с помощью сплетен, порочил их жен и детей. Насильно отбирал имущество у верующих людей и был чрезвычайно высокомерен. Из-за таких деяний он долгое время будет блуждать в этом промежуточном аду, пока не попадет в ад Очирту. Срок его страданий продлится до скончания кальпы!

Промолвив:

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – она пошла **[19b]** дальше, читая молитву. Увидев, как одну старушку то превращали в рыбу и жарили в раскаленном тагане, то вновь оживляли, а потом опять [превращали в рыбу и] жарили, она спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, почему [ее] то превращают в рыбу и жарят в раскаленном тагане, то опять оживляют?

Они ответили:

– Она здесь за то, что в мире живых, будучи богатой женщиной с двумя сыновьями, говорила, что баранина и говядина жестки и невкусны.

Постоянно [заставляла] ловить рыбу и готовить ее с разнообразными приправами.

Промолвив:

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – [Нарану Герел] отправилась дальше и увидела, как одна девушка сама залезала в огромный котел с кипящей водой. Когда ее мясо, разварившись, отделялось от костей, скелет вылезал из котла и превращался в девушку, которая съедала мясо. Потом она опять залезала в огромный котел.

[Нарану Гэрэл] спросила:

– О, два бодхисаттвы мои, за какие деяния так наказывают эту девушку?

[Те] ответили **[20a]**:

– В мире живых она была единственной дочерью богатого человека. Ее мать каждый день готовила еду для отшельника, созерцавшего на горе. Однажды, когда она вернулась, [отнеся еду отшельнику], мать спросила [у дочери]:

– Не ела ли ты по пути еду отшельника?

– Нет, не ела! Пустья съем собственное мясо, если я ела [его пищу]! – молвила она и из-за этого теперь поедает собственное мясо.

Промолвив:

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум! – [Нарану Герел] последовала дальше.

Перейдя через перевал, она вошла через южные ворота в огромный город с четырьмя большими железными воротами и множеством разноцветных зданий. Открыв двери огромного прекрасного дворца, находившегося в самом центре за шестью шести рядами стен, она узрела восседавшего на золотом престоле величественного и грозного, испускавшего сияние Эрлик Номун-хана в окружении разного вида эрликов и молитвенно произнесла:

– **[20b]** О, мой Номин хан!

Бодхисаттвы отвели [Нарану Герел] в одно большое здание, там она села в ожидании слева от дверей. Когда она так сидела, два эрлика привели к Эрлик Номун-хану девушку по имени Цаган Линхуа.

Номун-хан спросил:

– Девушка, велики ли твои прегрешения? С чем ты ко мне пожаловала?

[Она] поведала:

– В тринадцать лет я осталась без отца и матери. С тех пор жила в монашеской общине большого монастыря и добывала себе пропитание. Я верила в Будду и Дхарму. Совершала поклонения и обходы монастыря. За ночь тысячу раз начитывала мани. Когда мне исполнилось тридцать три года, мне велено было прибыть сюда на аудиенцию.

Эрлик Номун-хан приказал:

– Эрлики, проверьте все ее грехи по книге, посмотрите в зеркале и взвесьте их на весах.

Эрлики посмотрели по порядку [в книге и зеркале] и доложили:

– Грехи ее очистились. Добродетель ее огромна. **[21a]** Число начитанных ею мани достигает трехсот тысяч.

[Номун-хан] повелел:

– Сто тысяч мани отдайте в область восемнадцати адов. Сто тысяч отдайте шести видам других живых существ. Сто тысяч мани оставим тебе самой. Ты же без задержки отправляйся в Чистую страну будд.

Цаган Линхуа попросила его:

– Если есть человек, отправляющийся в мир живых, то велите ему передать [всем], что человек, читавший мани, станет буддой, а не читавший и совершавший греховные деяния долго будет страдать в области восемнадцати адов.

Эрлик Номун-хан произнес:

– Я подумаю и отправлю [кого-нибудь] с таким посланием.

Девушка Цаган Линхуа в силу [начитанных ею] мани простерла радугу и воспарила [в Чистую страну будд]. Эрлик Номун-хан произнес [ей вслед] благопожелание: «О, обретшая форму грозной дакини, да встречусь я в скором времени с тобой!».

После этого два эрлика привели на аудиенцию к Эрлик Номун-хану разодетую и разукрашенную женщину. **[21b]** Эрлик Номун-хан спросил ее:

– Велики ли твои грехи? Зачем пожаловала ко мне?

Она ответила:

– О, Эрлик Номун-хан, верни меня [в мир живых]! Я приумножала свои прежние добродетели новыми деяниями, но мне приказано было явиться сюда. Все эти свои наряды и украшения я пожертвую на благие дела и вернусь.

– Ха, ха, ха! – засмеялись эрлики.

Номун-хан повелел:

– Проверьте [ее грехи] по книге, посмотрите в зеркале и взвесьте их на весах!

Когда проверили и взвесили, то добрых деяний не оказалось вовсе.

– Когда ты впервые выходила замуж, то велела забить шесть овец и корову, вот твой один большой грех. Когда ты выходила замуж второй раз, то приказала забить десяток овец, вот твой другой большой грех. Выходя замуж в третий раз, ты велела забить четыре овцы и корову, вот твой очередной большой грех. Дважды во время соблюдения обета ты совершала неправедные деяния, вот твой еще один большой грех. [Изводила] ревностью первых жен своих **[22a]** мужей, вот твой еще один большой грех. Имела превратное представление о своем ламе-наставнике, вот твой еще один большой грех. Законного мужа своего порочила сплетнями, вот твой еще один большой грех. Два эрлика, отведите ее в ад Очирту до скончания кальпы! – приказал [Номун-хан].

Один эрлик накинул на нее аркан, другой с криками «ая, халаг хохой!», стал стегать ее плетью по бедрам так, что она завыла страшным голосом.

Эрлик Номун-хан услышал, что с северо-западной стороны к его дворцу под распевы мантр торжественно шествует великий лама, в монашеском одеянии-дингва[1] и в сопровождении десяти миллионов мужчин и женщин.

– Пришла благодатная весть, проверьте! – приказал [Эрлик Номун-хан].

Эрлик, державший зеркало, посмотрелв него и сообщил:

– Это великий индийский практик йогачари!

[Номун-хан] произнес благопожелание:

– Да встречусь я в будущем с устрашающим тобой, **[22b]** обретшим истинную сущность бодхисаттвы!

[Затем] он повелел:

– Нет сомнения, что среди добродетельных [существ] затерялись бессчетные порочные существа. Вылавливайте их арканами и выхватывайте [крюками]!

Тут же явились два эрлика с головами льва и тигра и стали по одному вылавливать [грешников] арканами.

[1] Дингва (тиб. *чой-гой*) – часть учебной одежды монаха, состоящая из трех кусков материи красного и желтого цветов. См.: Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в 2 т. 2-е изд., перераб. Т. 1. Новосибирск, Наука. Сиб. отд., 1991. С. 154.

– Заарканили более ста мужчин и женщин! – доложили они [Эрлик Номун-хану].

Он приказал:

– Отправьте их на муки ада. Пусть их накажут в зависимости от степени совершенных ими [дурных] деяний.

Эрлики, издавая страшные звуки, кричаи ругаясь, стегая их [плетьми] повели [в ад].

Нарану Герел спросила:

– О, два моих бодхисаттвы, кто эти счастливые существа, что ушли вместе с ламой, а кто эти несчастные, что попали в аркан?

Ей объяснили:

– Те, кто неотступно следовал его наставлениям, был верен данной клятве в этом и будущем [рождении] также неотступно следовать за ним, ушли вместе с ламой. Те, кто не следовал наставлениям ламы, имел превратное представление о ламе, **[23a]** кто нарушил клятву, кто не верил в закон кармы, не высказал крепкого пожелания, попали в аркан, и теперь будут пожинать результаты своих деяний.

[Нарану Гэрэл] промолвила:

– О, мой Арьябало Хонгшим-бодхисаттва! Ом мани падме хум!

Пока она так молилась, бодхисаттвы подвели ее к Эрлик Номун-хану.

– Нарану Гэрэл, в результате козней злонамеренного человека ты прибыла сюда [преждевременно]. Немедленно возвращайся обратно и содействуй благу живых существ. Придешь ко мне, когда достигнешь девяноста семи лет. Бодхисаттвы, как можно скорее верните ее обратно в тело. Я же отправлю [с ней] послание. Нарану Гэрэл моя, поскольку ты видела, что я, Эрлик Номун-хан, которому предназначено наказывать грешников за их деяния всяческими адскими муками, различать своей властью благие и греховные деяния, **[23b]** пребывая между тем и этим мирами, выявляю благие и греховные деяния живых существ, не ошибаясь и на ворсинку. Поэтому в том мире ты поведай об этом всем и каждому! – сказал Эрлик Номун-хан.

– Так и поступлю! – ответила Нарану Герел, молитвенно сложив ладони.

Бодхисаттвы доставили ее в тот момент, когда Доналджингуа собиралась поместить ее тело в гроб. Нарану Герел ожила и стала еще прекраснее прежнего.

Доналджингуа вскрикнула, обняла ее и изумленно сказала:

– Кто думал, что ты вернешься! Не было такого, чтобы умерший человек вернулсяв этот мир! Прекрасная, лотосоподобная Нарану Герел моя, ты вернулась [став] еще краше! Твое возвращение стало для нас великой радостью!

Взяв за руки, повела [Нарану Герел] во дворец, посадила на высокое красивое место. Поскольку в течение трех печальных дней они не имели возможности ни умыться, ни выкупаться, то привели себя в порядок, облачились в нарядные одеяния, надели **[24b]** украшения, выставив вкусные яства стали угощаться и пить чай.

Доналджингуа сказала:

– Подумав, что мой отец-дьявол мог подмешать что-нибудь в напиток, я хотела забрать [твой бокал], но сказано было, что нет такого правила [обмениваться бокалами], то каждый выпил свой бокал. Несмотря на то, что после этого несколько дней я провела в тревоге и страданиях, высказав твердое благопожелание, продолжала молиться. И в предполуденное время этого дня случилось то, что невозможно забыть до конца жизни своей!

Нарану Герел ответила:

– Действительно, случилось удивительное событие, которое запомнится тебе на всю оставшуюся жизнь. Деяния дядюшки Люго отзовутся ему в потустороннем мире. Люди в силу своего невежества совершают греховные деяния, не думая о будущем, несчастные!

Нарану Герел поведала о каждом из увиденных ею во время пребывания в потустороннем мире праведных и грешных существ, которые пожинали результаты своих деяний. Потом в течение нескольких дней они вели приятные беседы, **[24b]** играли в шахматы и пребывали в благополучии.

* * *

Услышав [весть] о том, что страна Тангнун готовит войско для нападения на [его] государство Чинг, император, помолившись буддам-покровителям, лег спать. Во сне ему привиделось, что, если он отправит в поход войско во главе с замужней женщиной[1], которая десять дней назад въехала в город с юго-западной стороны, то это в скором времени непременно принесет победу.

[1] Здесь использовано выражение «*büse ügei kümüni*» – букв. человек без пояса, т.е. замужняя женщина.

Встав спозаранку, император стал обдумывать свой сон. Прежде, сколько он ни воевал с ханом Тангнуна, кого бы он ни посылал [во главе войска], всегда ему снилось, что последует поражение, так оно и случалось. Поэтому созвав министров и чиновников, император приказал:

– Десять дней назад с юго-западной стороны в город въехала одна замужняя женщина, кто она? Найдите и приведите ее ко мне!

– Будет исполнено! – сказали они и, выйдя, стали спрашивать о ней друг у друга. Некоторые **[25a]** чиновники утверждали, что [в это время] будто бы приехала старшая жена Унен Огулегчи. Другие говорили, что хотя она и приехала, но будто бы вскоре умерла.

– Дядюшка Люго как близкий родственник должен знать, – решили они и спросили у него.

– Приехала и вскоре, заболев, умерла, – поведал он.

Решив спросить у самого Унен Огулегчи, чиновники послали к нему человека. Когда тот вернулся с подтверждением ее прибытия, то один из чиновников сопроводил Нарану Герел к императору.

Император спросил у нее:

– Где находится твой нутук? Как тебя зовут? Куда направляешься? Чья ты жена?

– Я из городка Наньчен, что находится на реке Наньди. Жена чиновника Унен Огулегчи. Я приехала недавно и несколько дней болела, теперь выздоровела и прибыла по вашему повелению. Зовут меня Нарану Герел, – ответила она.

Император, убедившись в совершенстве признаков, предсказанных буддами-покровителями, **[25b]** назначил ее предводителем своего войска и присвоил ей титул – Мгновенно подавляющая дух врагов непорочная Нарану Герел Бадрулагчи джанджин. Вручив ей шлем, украшенный различными драгоценностями, кольчугу из металических колец, оружие, белого скакуна с совершенными признаками, украшенное седло и уздечку, он сказал:

– Возьми с собой тридцатитысячное войско и подави моих врагов!

– С верой и поклонением духовной мощи императора подавим! – сказала она и, трижды преклонив колено и девять раз поклонившись, вышла.

Между тем Люго подумал, что Нарану Герел, став полководцем, непременно изведет его и, испугавшись, прибежал к императору. Преклонив голову перед императором, он выпалил:

– Если назначить полководцем женщину, то повсюду разнесется нехорошая молва. Неужели не найдется в нашем государстве достойный человека?! Быстрее найдите такого хорошего человека и назначьте его полководцем, если же не найдете, то можете послать меня! **[26a]** Я с верой и поклонением духовной мощи императора сумею подавить их!

– Прежде ты всегда находил повод отказаться от предложения отправиться в поход и на менее сильных врагов. Что же могло произойти такого, что ты согласен выступить против такого опасного противника? – удивился император. Люго [не найдя слов] смутился и отправился домой.

Бадрулагчи джанджин, обучив воинскому искусству каждого из четырех чиновников и тридцать тысяч солдат, отправилась в поход. В пути, там, где устраивались привалы, она учреждала уртоны. По истечении нескольких дней она отправила чиновника с пятьюстами воинами с наказом:

– Передай хану Тангнуна мое послание!

Пока войско двигалось прежним ходом, отправленные вперед [гонцы] прибыли к хану Тангнуна.

– Мгновенно подавляющая дух врагов непорочная Нарану Герел Бадрулагчи джанджин во главе тридцатитысячного войска идет сюда за твоей головой. Она велела тебе подготовить свое войско и срочно сообщить о месте сражения, куда ты должен прибыть **[26b]** без задержки! – известили они и отправились назад.

У хана Тангнуна зародился сильный страх, и он подумал:

– Раньше я никогда так не боялся, чтобы могло бы значить?

И хотя он был в волнении и замешательстве, тем не менее, повелел своим чиновникам пополнить имеющееся войско до сорока тысяч и сказал:

– Министры и чиновники мои, высказывайте ваши предложения!

Министры [сидевшие с] левой стороны ответили:

– [Одно ее] имя – Мгновенно подавляющая дух врагов непорочная Нарану Герел Бадрулагчи джанджин – наводит трепет и страх. Мощь и дух наступающего войска велики, дух наших воинов пал.

Осудив своих чиновников за такие речи, хан выступил навстречу Бадрулагчи джанджин. Вскоре показался авангард ее войска. Хан Тангнуна испытал страх больше прежнего, но время было упущено.

Когда они встретились [на поле боя], Бадрулагчи джанджин, воскликнув:

– Враждебный хан, **[27a]** я пришла за твоей головой! – рассекла хана Тангнуна от правого плеча до пояса, но он тут же сросся. Бадрулагчи джанджин ударила его по левому плечу – не поддался. Девятью девять раз рубили они друг друга, но никто не смог одержать победы.

В перерыве схватки хан Тангнуна вызвал сильный вихрь, который стал срывать деревья с вершины гор. Увидев это, Бадрулагчи джанджин стала молиться:

– Арьябало Хонгшим бодхисаттва!

Вихрь повернул вспять. Поток воды, деревья и камни обрушились и подавили войско [страны Тангнун]. Лишь пятерым удалось спастись от этого [обвала]. Вырвался оттуда в одиночестве и хан Тангнуна. Бадрулагчи джанджин, приказав войскам оставаться на месте, стала преследовать хана Тангнуна, преодолевая много рек, лесов и скал.

Бадрулагчи джанджин выстрелила хану Тангнуну между лопаток. Когда он упал с лошади, она лишила его головы, и прикрепив ее к своему седлу, помчалась **[27b]** к лагерю своего многочисленного войска. Чиновники и солдаты, выстроившись по обе стороны, приветствовали ее.

Джанджин, прибыв в стан, поместила голову хана Тангнуна в ящик и поручила охранять его своему чиновнику. Проверив войско и убедившись, что нет ни одной потери среди живой силы и имущества, она обрадовалась и устроила пир. От тудаже отправила донесение: «С поклонением духовной мощи императора спешно продвигаясь в течение нескольких дней, встретила сорокотысячное войско хана Тангнуна и разбила его. Голову хана, запечатав в ящик, отправляю с чиновникоми прибывшим посыльным».

Кроме этого сообщила о том, что движется дальше для наведения порядкав стране Тангнун. Отправив эту первую благую весть с чиновником, который помчался на быстрых лошадях с уртонов, **[28a]** она последовала дальше.

В течение пяти дней чиновник доставил донесение. Император, ознакомившись с ним и узнав, что хан Тангнуна вместе с сорокатысячным войском разбит, обрадовался и щедро вознаградил Бадрулагчи джанджин. Не остался без награды и чиновник, доставивший донесение. Император в спешном порядке отправил своего чиновника с прибывшим чиновником [с посланием и наградой для Бадрулагчи джанджин].

* * *

Тем временем пять человек, бежавших в Тангнун [после разгрома войска], добрались домой, встретились с чиновниками и подробно поведали им о том, что сильный смерч, вызванный их ханом, повернул обратно и подавил все войско, что спаслись только они. Родственники хана – нойоны, княжны и старшие чиновники – все собрались на совет.

Некоторые из чиновников говорили:

– Если сам хан не смог [одолеть их], то как сможем мы? **[28b]** Есть ли еще у кого такая возможность?

Другие чиновники говорили:

– Если направить стотысячное войско, то почему же не сможем?!

Старший из чиновников Джоу сказал:

– После того как смерч, вызванный нашим ханом, повернул против нас и обрушил деревья [, воду и камни] на наше войско, чтобы мы ни делали, нам недостичь желаемого. Надо просить подданства [у императора государства Чинг]. Следует отправить одного чиновника с нашей просьбой о принятии в подданство.

Некоторые из находящихся в родстве с ханом нойонов, княжон и старших чиновников стали говорить:

– Если ошиблись, то теперь, сколько ни посылай войск, надежды [на победу] нет. Надо соглашаться с предложением старшего чиновника Джоу.

Когда другие чиновники стали препираться, решая, кого из них отправить с известием о принятии подданства, чиновник Джоу сказал:

– Авай, никому из вас не надо ехать, я сам поеду!

– Если вы согласны отправиться с известием о принятии подданства, то может возьмете с собой десятитысячное войско?

– Если я прибуду с большим войском, это вызовет подозрение. Чтобы такого не случилось, отправлюсь в сопровождении ста воинов и извещу их **[29a]** о нашем решении принять подданство, – сказал он и, взяв сто воинов, отправился навстречу Бадрулагчи джанджин.

Когда Бадрулагчи джанджин собиралась устроить привал на реке Цоу, разом прибыли отправленный ею чиновник и чиновник с посланием [императора] о щедром вознаграждении. Она с преклонением приняла пожалованные ей многочисленные награды. В благодарственном послании [императора] было сказано, что он с одобрением и милостью воспринял ее сообщение, что, услышав о совершенных ею деяниях, из-

дал указ [о ее награждении] и отправляет специального чиновника, чтобы доставить ей.

На следующий день все отправились дальше, перейдя через перевал, остановились на берегу одной большой реки. Когда стали готовиться к ночлегу, прибыл чиновник Джоу из Тангнуна. Остановившись в северо-западной стороне от лагеря войска государства Чинг, он в сопровождении двадцати человек отправился к четырем чиновникам. Представившись им поведал:

– Мы из страны Тангнун. **[29b]** Родственники хана – нойоны, княжны и старшие чиновники – решили, что воевать с государством Чинг не могут и отправили меня к вам спросьбой о принятии в подданство [вашей страны]. Прошу уважаемых четырех чиновников приложить усилия [к решению этой просьбы]!

– Если сказанное тобой правда – хорошо, если ложь – вам несдобровать! – ответили они.

–Это не ложь, это правда! – сказал Джоу.

Четыре чиновника отправились на прием к джанджин. Они подробно сообщили ей о том, что прибыл чиновник из страны Тангнунс просьбой о принятии их в подданство [государства Чинг]. Она тут же приказала привести его.

Когда его привели, чиновник Джоу сняв головной убор, поклонился и сказал:

– Меня послали поведать вам о том, что весь народ маленького Тангнуна мечтает стать подданными повелителя государства Чинг. Как поступить с нами, пусть решит великая джанджин!

– Это желание всего вашего народа **[30a]** или только твое? – спросила она.

– И мое желание, и всего народа! – ответил он.

– Сколько сыновей у хана, сколько находящихся с ним в родстве нойонов и тайшей? Какого ранга чиновник ты? Сколько чиновников рангом выше тебя, сколько равных тебе и сколько рангом ниже тебя? – спросила она.

– Я самый старший чиновник, выше меня рангом никого нет. Равных мне по рангу чиновников тоже нет. Чиновников рангом ниже меня – больше ста. Оставшихся войск шестьсот тысяч. Тайшей нет, есть две старшие жены [хана] и восемь нойонш, а состоящих в родстве нойонов всего трое, – поведал он.

– Если это ваше истинное [намерение], то я проявлю милость, но если окажется обманом, то перемолочу вас подобно зерну в мельнице! – сказала она.

– Это правда, это не обман! – сказал он и поклонился.

Бадрулагчи джанджин приказала:

– Чиновника Джоу отправить вперед вместе с чиновниками и войском, прибыв в Тангнун, **[30b]** взять под охрану ханский дворец и ожидать моего прибытия!

По велению чиновников он отправился отведать угощение. Отведав отправился к себе. На следующий день по указанию Бадрулагчи джанджин четыре чиновникаво главе пятитысячного войска вместе с чиновником Джоу отправились [в Тангнун].

Тогда же [Бадрулагчи джанджин] отправила [императору] донесение, в котором подробно изложила о прибытии из страны Тангнун чиновника Джоу со ста воинами с просьбой принять их народ в подданство и предпринятых ею действиях. Назвав это послание второй благой вестью, она отправила его скорой уртонной связью. Сама же, возглавив двадцатипятитысячное войско, неспеша отправилась в путь.

Тем временем четыре чиновника с пятьютысячным войском, добравшись до места назначения, собрали в столице стражников из разных мест и стали их готовить. Когда они приводили в порядок ханский дворец, пришла весть о том, что Бадрулагчи джанджин прибудет в город в этот день. Родственники ханаТангнуна – **[31a]** нойоны и чиновники – возвели за городом большой шатер и приготовили разнообразные яства. Четыре чиновника выехали навстречу Бадрулагчи джанджин и доложили ей о том, что все стражники собраны, что старшие жены хана Тангнуна, его родственники – нойоны и чиновники – хотят справиться о благополучии и угостить ее чаем.

– Я поняла! – ответила она и отправилась дальше.

Старшие жены хана Тангнуна, его родственники – нойоны и чиновники – выстроились вдоль дороги в ожидании прибытия Бадрулагчи джанджин. Когда она прибыла, все приветствовали ее поклоном и просили великую джанджин осуществить их мечту – стать подданными императора государства Чинг.

– Я поняла и решу так, как вы того хотите! – сказала она. Войдя в шатер, отведала приготовленное угощение и отправилась дальше. Прибыв в город, остановилась в подготовленном для нее **[31b]** ханском дворце. В те-

чение двадцати дней она провела проверку и учет всего населения – нойонов, чиновников, армии и подданных. Разделила шестисотшестидесятитысячный народ на шесть провинций и определила обязанности чиновников. Двоим из четырех чиновников, прибывших вместе с нею, она выделила по тысяче солдат и приказала осуществлять управление страной в течение года, до возвращения домой.

Оттуда она отправила [императору] послание, в котором поведала о том, что, прибыв в Тангнун, осуществила проверку и установила шесть провинций, что двум чиновникам с двумя тысячами солдат приказала осуществлять управление страной. По прибытии на аудиенцию к императору она собирается представить старшего чиновника Джоу и еще тринадцать сановников различного ранга. Дождавшись ответа на свое послание и узнав о решении [императора], готова будет вернуться в страну. Назвав его третьим радостным посланием, **[32a]** она отправила его уртоном.

В то время как она устанавливала правление в [Тангнуне], приводила все к благополучию и спокойствию, послание было доставлено [императору]. Узнав из него о принятии в подданство народа Тангнуна, его количестве и другие сведения, император соизволил дать указание по каждому вопросу и повелел:

– Пусть все, что предпринято Бадрулагчи джанджин, останется в силе! Я очень соскучился по ней, пусть немедленно прибудет ко мне!

Приняв с поклоном повеление [императора], она еще раз велела двум чиновникам с двумя тысячами солдат в течение года, до возвращения домой, осуществлять управление страной подобно тому, как делала это она. Приказав восемнадцатитысячному войску походным маршем следовать за ней, сама с тринадцатью чиновниками Тангнуна отправилась в путь на уртонных лошадях. Когда они проехали большую часть пути, встретили чиновника, посланного навстречу ей, с пожеланием императора приехать как можно быстрее, поскольку он соскучился по ней.

– Я не смогу вас взять с собой, **[32b]** поэтому неспеша следуйте за мной! – сказала она тринадцати чиновникам и уже вскоре прибыла [в столицу]. Император встретил ее в окружении государственных чиновников самого высокого ранга и чиновника церемониймейстера. Бадрулагчи джанджин, сойдя с лошади, остановилась перед [императором]. Император наполнил три чарки и поднес ей каждую поочередно. Выпив, она положила чарки за пазуху, поклонилась и приветствовала императора.

Император сказал:

– Ты принесла мне пользу, будь на аудиенции!

Согласно установленной великой традиции, она поклонилась, коснувшись его колена. Он удостоил ее приглашением во дворец Величественного благоденствия. Император воссел на трон и повелел Бадрулагчи джанджин:

– Присядь!

– Как я, ничтожная, могу сидеть, удостоившись счастья поклониться [императору]! – сказала она и осталась стоять.

– Непременно присядь! – повелел император.

Поклонившись, она села на стул и подробно поведала обо всех событиях, **[33a]** связанных с походом в Тангнун. Император повелел оповестить всех и каждого о том, что для него Нарану Герел дороже собственных детей. Так восхвалив ее, он щедро наградил и одарил своей милостью. Согласно установленной великой традиции, она поклонилась и удалилась.

Вернувшись в свой дворец, еще два дня ждала приезда чиновников Тангнуна. По прибытии она ознакомила их с церемонией аудиенции у императора и повела к нему. Император поинтересовался их нуждами, желаниями и, услышав ответы, отдал нужные распоряжения. Чиновника Джоу он назначил управляющим нойоном страны [Тангнун], шестерых определил в главные чиновники, оставшихся шестерых – подчиненными им. Щедро одарив их различными драгоценностями и товарами, удостоил их милости быть на торжественном пиру во дворце Байсхалунгтай.

Бадрулагчи джанджин обратилась к императору с просьбой:

– Прошу не оставить без вашей милости и наградить в соответствии с их рангом родственников хана Тангнуна – нойонов и принцесс, сто восемь тамошних чиновников, **[33b]** а также назначенных мною для руководства [страной] двух чиновников с двумя тысячами солдат и двадцативосьмитысячную армию!

– Очень хорошо, что ты напомнила мне об этом, моя милая дева! – сказал император и повелел наградить каждого согласно его рангу. Двух чиновников повысил в чине и наградил две тысячи их солдат. Тринадцать чиновников Тангнуна он отправил в сопровождении [своего] чиновника. Также повысил чин прибывшим домой двум чиновникам и наградил двадцать восемь тысяч их солдат.

Потом император повелел:

– Моя милая дева, поручаю тебе расследовать все нерешенные старые дела, если таковые есть, и новые!

Бадрулагчи джанджин поклонилась и удалилась. Когда она возвращалась в свой дворец, навстречу ей с приветствием вышла Доналджингуа. Взяв за руку, она повела ее во дворец, посадила на высокое **[34a]** место. Стали они угощаться вкусными яствами и вести приятную беседу, во время которой Нарану Герел подробно поведала обо всех событиях, происшедших во время похода на Тангнун. Затем она сказала:

– Милая моя Дональджингуа, послушай! Император повелел мне расследовать все нерешенные старые дела, если они есть, и новые. Поэтому непременно придется дать ход делу дядюшки Люго. Что я могу сделать [для тебя]?

– Кто же станет выгораживать грешного человека, надо дать ход делу! Не обращай на меня внимание, поступай так, как положено по закону! – ответила она. [Нарану Герел] призвала чиновника и приказала:

– Возьми двадцать латников и задержи Люго. Завтра утром приведите его к дому суда и ожидайте.

На следующий день Бадрулагчи джанджин отправилась в дом суда и повесила перед собой занавеску. Посадив Люго по другую сторону, стала его допрашивать.

– Кто отравил [старшую] жену Унен Огулегчи из города Наньчена, что у реки Наньди, когда она играла **[34b]** в шахматы с Доналджингуа? – спросила она.

– В то время у меня не было времени из-за занятости делами, поэтому я ничего не знаю [об этом], – ответил он.

– Разве в тот момент ты не приходил в дом Унен Огулегчи навестить Доналджингуа? – спросила она.

– Я не помню, ходил я к ней или нет, – ответил он.

Тогда Бадрулагчи джанджин приказала строгим голосом:

– Допросите его под пытками!

Едва услышав [эти слова], Люго признался в преступлении.

– Как-то раз я таким же образом расправился с одним чиновником. Поддавшись искушению, я [незаметно для себя] преступил меру, – сказал он.

– Кто тот чиновник? Ты был с ним во враждебных отношениях? Почему ты отравил его? – спросила она.

– Это был чиновник Тоу. Я не питал вражду к нему. Он очень часто удостаивался аудиенции и милости императора. Я подумал, что со временем он может превзойти меня и стал ему завидовать. **[35a]** Однажды,

выделив деньги, я угощалего своими едой и выпивкой. Когда чиновник вышел по нужде, я подмешал в его чарку тайно приготовленный яд и поспешно, последовал за ним якобы тоже по нужде. Вернувшись, мы сели за стол. Он выпил свою чарку, я тоже. Вскоре чиновник поменялся в лице [и умер]. Когда его домашние люди впали в панику, я, притворившись пьяным, незаметно ушел домой, – поведал он.

– Был ли у этого чиновника сын? Где он находился в это время? – спросила она.

– Был, но он следил за приготовлением еды для застолья, а потому не мог ничего знать, – ответил Люго.

– Как его имя? Где он находится сейчас?

– Его зовут чиновник Лиухоу. Он управляет городом Джинг.

Бадрулагчи джанджин спросила у чиновников:

– Действительно ли был такой чиновник Тоу? Сколько лет прошло с тех пор, как **[35b]** он умер?

Кто-то из чиновников подтвердил, что такой человек был, и прошло уже пятнадцать лет после его смерти. Некоторые чиновники в силу того что были малолетними в то время, затруднились дать ответ. Она приказала чиновнику Шои отправиться в город Джинг и в течение часа обезьяны[1]доставить чиновника Лиухоу, а чиновнику и двадцати латникам [задержавшим Люго] поручила строго стеречь Люго.

Тем временем чиновник, сопровождавший тринадцать чиновников Тангнуна, вручил соответствующие награды двум своим чиновникам, ханским женам, родственникам хана – нойонам и чиновникам, а также солдатам. Тринадцать чиновников Тангнуна пригласили жен и дядей хана, его родственников – нойонов и чиновников и устроили пир. Жены и дяди хана стали расспрашивать о том, какой из себя император, какова его страна.

Они поведали:

– Император – истинный будда, [у него] много строгих на вид чиновников. Это красивая богатая страна, украшенная цветущими садами, **[36a]** где есть множество различных товаров и продовольствия. Там проживает завоевавшая нашу страну дева-полководец, которую император любит больше, чем родных ему женщин.

Все удивлялись и говорили, что только женщина, обладающая великими благодеяниями, могла достичь такого положения.

[1] Время суток от 16-00 до 18-00 часов.

Тем временем чиновник Шои добрался [до города] и поставил в известность чиновника Лиухоу. Тот прибыл в течение часа обезьяны к джанджин.

– Чей ты сын и как тебя зовут? – спросила она.

– Я сын чиновника по имени Тоу. Мое имя – Лиухоу.

– Как умер твой отец? Сколько лет прошло?

– Во время застолья его внезапно хватил удар. С тех пор прошло пятнадцать лет, – сказал он.

– С кем он пировал, присутствовал ли ты при этом?

– Они были вдвоем с чиновником Люго. Я был там, но находился в другом доме, следил за приготовлением еды.

– Что, по-твоему, послужило причиной смерти?

– В то время **[36b]** я был совсем молодым человеком и не придал этому значения. Поверил в то, что говорили другие о его смерти.

– Можешь ли поведать еще о чем-нибудь?

– Нет, – ответил он.

– Пусть извлекут останки чиновника Тоу и обследуют их! – приказала джанджин чиновникам. После того как извлекли останки чиновника Тоу и обследовали, подтвердилось, что он умер от яда.

Когда привели Люго, она объявила ему приговор:

– Ты должен быть казнен, но благодаря празднику, объявленному императором, по его милости будешь амнистирован. Поэтому, конфисковав все твое имущество, тебя одного отправят на окраинные земли.

Услышав приговор, чиновник с двадцатью латниками увели его и стали готовиться к тому, чтобы провести Люго через все города и поселения, встречающиеся на пути следования.

Также она объявила:

– Чиновнику Лиухоу напомнить о том, что он вслед за всеми стал говорить о том, что отец его умер естественной смертью, хотя он был отравлен. За то, что он не проявил в этом деле рассудительности и укрепился в невежестве, **[37a]** следует лишить его звания и должности. Однако в честь праздника, объявленного императором, он по его милости будет амнистирован и на три года отправлен в службу караула.

Все имущество Люго изъяли в пользу казны.

[Бадрулагчи джанджин] подготовила донесение [императору] о том, что, проявленное усердие в расследовании нерешенных старых и новых дел позволило раскрыть и принять решения по делу Люго и Лиухоу. Все

реквизированные у Люго драгоценности, золото и деньги, имущество и товары, а также сто двадцать три семьи его подданных она предложила распределить между теми, кто проявил усердие в недавнем покорении страны Тангнун в соответствии сих статусом. Жену Люго, поскольку она осталась без содержания, передать на попечение ее сыновей. Это донесение она лично вручила императору. Внимательно ознакомившись, он одобрительно высказался по каждому ее предложению.

– Принятые тобой меры верны, милая моя. Пусть будет так, как ты решила! – сказал он. **[37b]** Она поклонилась и вышла.

Претворив все согласно принятому прежде решению, она вернулась в свой дворец. Навстречу ей вышла Доналджингуа. Взявшись за руки, они отправились во дворец, где стали угощаться вкусными яствами. Нарану Герел поведала ей о подготовленных и принятых ею решениях.

– Исходя из того, что я услышала, [мой отец] действительно грешный человек, надо было неприменно наказать его! Спас его только праздник, объявленный императором.

– Доналджингуа, не надо так говорить о почитаемом родителе. Потом, если получится, посылай ему продукты и вещи с оказией.

– Не скоро забудут его деяния те, кто знал его. Не только посылать ему что-либо, даже имя его слышать нет желания! – ответила она.

Так провели они некоторое время за игрой в шахматы и приятной беседой.

* * *

Однажды Бадрулагчи джанджин, будучи на приеме у императора, поклонилась ему и сказала:

– Ради укрепления десяти тысяч благоденствий нашего императора-отца, распространения желтой религии, **[38a]** ради блага всех живых существ надо возвести большой храм-сюмэ и утвердить религию!

Император сказал:

– Моя милая дева, это хорошо, что ты напомнила мне о строительстве храма-сюмэ. Пусть выделят из казны пятьсот тысяч ланов и как можно скорее начнут строительство храма!

Услышав повеление [императора, Бадрулагчи джанджин] поклонилась и вышла.

Доставленных двух тысяч мастеров проверили, у реки Цообу выбрали место [под строительство] и сделали планировку [храма]. Одних [мастеров] отправили на заготовку леса, других поставили обжигать кирпичи, третьих – на изготовление деревянных колонн и перекрытий. Кого-то определили тесать камни, некоторых – в резчики и граверы, кого-то – изготавливать окна, ворота и двери. Подготовив в строгом порядке все необходимое и в достаточном количестве, выбрали благополучный день и одновременно начали строить трех, двух и одноэтажный постройки храма. Возвели статуи шестнадцати **[38b]** будд трех времен, а также много других статуй, приготовили все украшения и подношения. Пригласили в храм тысячу монахов во главе с Локешварой-пандитой.

Учредив храм, Бадрулагчи джанджин отправилась на прием к императору и подробно поведала ему о строительстве храма и о том, что пригласила монахов.

Император сказал:

– Через несколько дней я приеду посмотреть на храм!

Бадрулагчи джанджин подготовила все необходимое для встречи императора. Осмотрев статуи будд император произнес:

– Неповторимо искусно возведенный удивительный храм будд! Совершите равнай[1]! – сказал он и вместе Бадрулагчи джанджин отправился [к себе во дворец].

– Моя дева истинно мудра в двух традициях! – сказал он и одарил ее многочисленными драгоценностями и товарами. Бадрулагчи джанджин, поклонившись, приняла награду и отправилась в свой дворец.

В один из дней император созвал своих чиновников **[39a]** и приказал:

– Необходимо устроить торжество в честь того, что благодаря милости Будды и Тенгриев-небожителей, а также защите святых предков нам удалось завоевать страну Тангнун! Поскольку строительство храма и укрепление религии оказали мне большую пользу, то пусть это событие увековечат на каменной стеле и установят ее у входа в храм! Пусть напечатают об этом [эдикт] и распространят по всему миру! Пусть наградят всех новых, больших и малых чиновников в соответствии с их рангом!

Потом всех чиновников поочередно удостоили милости зреть императора, после чего пригласили в императорский дворец Байсхалунгтай для участия в пиршестве. Во время пира один из старейших чиновников обратился с вопросом к остальным чиновникам:

[1] Равнай (тиб. *rab-gnas*) – обряд подношения духам-хозяевам местности, где предполагается строительство культовых сооружений.

– Знаете ли вы, молодые люди, о том, что прежде армия страны Тангнун неоднократно брала верх над нашим войском, и в чем причина того, что теперь Нарану Герел победила их?

– Это нам неведомо. В чем же причина? Поведайте нам, мы послушаем!

Вот что поведал им старец:

– Просвещенные чиновники, поведаю вам вкратце [эту историю]. Вы же внимайте! Об этом сказано в шастрах и книгах.

«В прежние времена в пещере горы Тенгедабадра созерцал один великий отшельник. Он денно и нощно произносил заклинания, а потому вся нечистая сила не находила себе места. Отшельник уже был близок к концу своей практики и пятнадцатого числа «белого месяца» на смене дня и ночи должен был обрести святость Ваджрадхары. Всесильный дьявол, узнав об этом, принял облик старшего дяди человека по имени Очир, который доставлял [отшельнику] топливо и, явившись на поклонение к ламе-отшельнику, произнес следующее пожелание:

– Отшельник, насколько станешь ты всесильным в усмирении всех живых существ, да стану и я настолько же всесильным **[40a]** в сотворении вреда!

Услышав это, девушка по имени Алтан Цецег, которая готовила еду для отшельника и всегда поклонялась Белой Таре, произнесла такое пожелание:

– Всесильный дьявол, когда ты станешь чинить преграды деяниям моего учителя-ламы, да смогу я мгновенно их распознать и разрушить!

Один из донаторов отшельника, старик по имени Одебту, услышав ее слова, произнес:

– Дева Алтан Цецег издавна, говорят, пребывает в этом мире, да сотворю я тебе вред!

Алтан Цецег в ответ произнесла следующее пожелание:

– Расправившись с темным дьяволом, да отправлю тебя, грешного, в дальние края и раздам твое имущество другим!

Говорят, что лама-отшельник того времени – это наш теперешний император, перерожденец Хаягривы. Дева Алтан Цецег того времени – это теперешняя Нарану Герел, перерождение Белой Тары. Одебту того времени – это теперешний **[40b]** несчастный Люго. Очир, сборщик топлива того времени, – это теперешний чиновник Джоу».

[Выслушав это наставление и] осознав неотвратимость закона причинно-следственной связи, одни [из чиновников] вступили на путь спасения, другие приняли обеты, третьи стали читать мантры, а некоторые приняли отречение от лишения жизни живых существ.

Вскоре широко распространилась религия, укрепилось государство, люди зажили счастливо и в благоденствии.

* * *

Однажды император призвал Нарану Герел и сказал ей:

– Оказавшая мне благодеяния любимая моя дева, в каком бы месте моей страны ты хотела бы поселиться? Здесь или в другом месте, поведай мне. Будет так, как ты пожелаешь!

Нарану Герел поклонилась, с почтением восприняла его предложение и без боязни сказала святейшему императору, подобному грозному Мангале – защитнику живых существ:

– Будучи под милостью святейшего отца-императора, **[41a]** неважно, где я буду находиться. Единственная моя мечта – совершать подношения в храме Арьябало Хонгшим-бодхисаттвы, что находится в моем родном поселении.

– Пусть будет так! – сказал император.

– Если хан-отец соизволит, то вместе со мной будут Унен Огулегчи и Доналджингуа, – попросила она.

– Ради оказавшей мне благодеяния любимой моей девы почему же не позволить? Возвращайся к себе и приготовь все, что тебе будет нужно! В начале следующего месяца поезжайте в родные края! – повелел император.

«Если что-то понадобится еще, то попрошу об этом позже», – решила она и, поклонившись императору, отправилась к себе во дворец и известила Унен Огулегчи и Доналджингуа о решении императора разрешить им через месяц вернутьсяв родные края.

Пока они отправляли свои вещи в город Наньчен уртоном, подошел срок отъезда. Когда они пришли к императору и поприветствовали его, он сказал:

– Моя любимая дева, не забывай навещать меня. Если возникнет какая-то надобность, **[41b]** сообщай мне посланием. Я отдам нужное распоряжение!

Затем он щедро одарил ее разными драгоценностями и товарами. Не остались без императорской милости Унен Огулегчи и Доналджингуа. Поклонившись ему, они сели в приготовленную повозку и отправились в путь.

Когда они подъезжали к реке Наньди, [увидели, что] большие и малые чиновники Наньчена, а также старец Джоу со своими людьми возвели большой шатер для встречи и приготовили яства. Прибыв на место, они обменялись приветствиями и втроем угостились приготовленными блюдами.

– Вы, чиновный люд, отправляйтесь к себе! – сказала Нарану Герел и, взяв с собой старца Джоу с его людьми, отправилась домой. Потом втроем они отправились поклониться в храм Арьябало Хонгшим-бодхисаттвы.

Унен Огулегчи сказал:

– Со времени моего отъезда этот город стал еще краше!

Стали они угощаться вкусными яствами и вести приятные беседы.

На следующий день втроем отправились на могилу матушки. Возжгли благовония, помолились и совершили омовение. По дороге домой Унен Огулегчи сказал:

– Это место **[42a]** наполнено благостью!

Подготовив все необходимое, они устроили прием у себя дома. Нарану Герел пригласила на торжество дядюшку Джоу, который [в трудное для нее время] был ей вместо отца. Во время празднества, на котором и произносилось много речей, Нарану Герел обратилась [к присутствующим]:

– Что вы скажете по поводу моего предложения, рожденного в силу моей веры, возвести Арьябало Хонгшим-бодхисаттве еще один храм, установить в нем статуи шестнадцати будд трех времен и множества других будд?

Все выразили согласие. Вскоре, подготовив все необходимое для строительства, возвели они большой храм, установили в нем статуи шестнадцати будд трех времен и множества других будд, пригласили со всех окрестностей монахов для несения службы.

Нарану Герел отправила сообщение императору о том, что ради десяти тысяч благоденствий отца-императора, распространения **[42b]** желтой религии, ради блага всех живых существ возвела большой храм, в котором установили статуи шестнадцати будд трех времен, множества других будд, утвердила проведение богослужбыений и попросила дать название храму.

Получив послание и узнав о строительстве храма, император сказал:

– Это прекрасно, что моя любимая дева построила храм и возвела статуи будд!

Назвав его «Чудесным храмом Будды, украшенным неисчерпаемым драгоценным знанием», он отправил ей щедрое вознаграждение. Получив ответное послание, она приняла его с поклоном и по традиции громко возвестила о милости императора.

* * *

Прошло около года. Однажды пришло послание от императора. Приняв его с поклоном, она ознакомилась с его содержанием. Император сообщал о том, что прошло **[43a]** около года со дня ее отъезда и поскольку они так и не увиделись за это время, он очень скучает по ней и просит срочно прибыть во дворец. Нарану Герел, отправившись уртоном, вскоре прибыла к императору.

– Оказавшая мне благодеяния любимая моя дева, приветствую тебя! – произнес император. Нарану Герел, преклонив колено, предстала перед ним.

Три месяца по желанию императора она гостила у него. Провожая ее, он прослезился, просил посещать его и щедро вознаградил.

Нарану Герел ответила:

– Буду посещать вас по вашему соизволению!

Поклонившись, она отправилась в путь. Когда подъехала к дому, приветствовать ее вышли Унен Огулегчи и Доналджингуа. Взявшись за руки, они отправились во дворец, где она **[43b]** подробно поведала им о своей поездке. Стали они угощаться вкусными яствами и вести приятные беседы. Так провела она долгие счастливые годы, временами посещая императора и вновь возвращаясь к себе.

* * *

Для усмирения враждебных сил трое бодхисаттв иногда предстают в виде хана и ханши, иногда в виде чиновников, беспрестанно усмиряющих живых существ. Унен Огулегчи – перерождение Хонгшим-бодхисаттвы, Нарану Герел – перерождение Белой Тары, а Доналджингуа – Зеленой Тары.

Они будут посещать втроем **[44a]** этот мир, пока он не опустеет в разных своих формах проявления. В наш период проявление матушки Белой Тары было таковым.

Да распространится благоденствие,
Да увеличатся благие деяния,
Да исполнится прекрасное наше благопожелание,
Десять тысяч благоденствий воплощающее,
Признаки благополучия утверждающее!

Ом мани пад ме хум!
Сарва мангалам!

ПЕРЕВОД

«ЦАһАН ДАРА ЭКИН НАМТР ОРШВ»

Условные знаки, используемые в переводе:

В квадратные скобки [ ] заключены слова, уточняющие перевод.

[1a] ЦАҺАН ДАРА ЭКИН НАМТР ОРШВ

[1b] Ом мани пад ме хум! Эрт урд нег цагт Наңди һолын дергд Наңчен балһснд Байн Сартаваки Һо Байн гидг хойр байн бәәсн болдг. Тер Байн Сартавакин гергн кү илгәһәд Һо Байна гергиг:

– Цә у! – гиҗ үрн авч ирәд, зочлдг[1] бәәшңгдән суулһв. Амтта идәһән тәвәд, амргта үгән келлцн бәәх завсрт Байн Сартавакин гергн Һо Байна гергнд:

– Чи бидн хойр шарата[2] бәәнәвидн. Чамас күүкн һарв – нанд бер болтха, нанас көвүн һарв – чамд күргн болһсв! – гив.

Һо Байна гергн:

– Кен кенәс көвүн күүкн һархла, худ-худнр боллцый! – гиһәд, өндгн үсән келлцәд, гер гертән хәрв.

Байн Сартаваки:

– Аа, гергн,эн өдр нәр нәәрләд соньн ю келлцвтә? – гиҗ асуув[3].

Гергнь:

– Кенәс көвүн һарв, кен биднәс күүкн һардг болхла, худ-худнр боллцый гиҗ өндгн үсән келлцн тарвидн, – гив.

Сартаваки:

– Энтн сән белгтә болҗ! – **[2a]** гив.

Бас Һо Байн гергнәсн эн йосар асуухла, гергнь мөн келлцән келснд:

– Энтн зөвтә, сән! – гиҗ.

Сууҗ бәәтл Байн Сартавакин гергн арвн сар дүүрәд, нег сән көвү нирәлв[4]. Сартаваки ик байрлн:

– Аа, гергн, эн сарин шин тавн сән өдр төлә, эн хотна ик баһ бүгдиг цуглулн, нәр нәәрлүлҗ көвүндән нер өгий! – гив.

Ик баһ бүгдт эн сарин шин тавнд нәәрлҗ, көвүндән нер өгнә гиҗ зарлв. Мөн шин тавнд ик баһ цуглрн күрч ирснд, элдв зүүлин идә-җимс тәвәд нәәрлүлв. Үнн Өгүлгч гидг нер өгәд, амргта үгән келлцәд тарв. Мөн дарунь Һо Байна гергнь нарна герл туссн әдл сәәхн үзсклңтә окиг нирәлв. Һо Байн ик байрлн:

– Аа, гергн, хүрмин юман белд! – гив.

[1] Зочлдг гер – гиичлүлдг гер.
[2] Шарата – (йогт үг) саата.
[3] Асуух – сурх.
[4] Нирәлх – үр һарһх.

Ик баһ күү зарҗ, эн хөрн хойрт ик баһ цуглрн күрч ирхлә, элдв зүүлин **[2b]** амтта идәһән тәвҗ нәәрлдв. Эцкнь күүкндән Нарна Герл гидг нер нерәдәд, өлзәтә үгән өгүллцн тарцхав.

Эдү-тедү он болтл тус-тустан җирһлцн суув. Тер цагт көвүн күүкн хойр арвн тавн нас күрв. Хойр байн ниилəд, амтта идәһән идн, амргта үгән келлцв. Бас Байн Сартаваки [Һо Байн хойр]: «Мана гергдин өндгн үсәр сольлдсн белг бүтв. Ода сарин сән өдрин өлзәг үзүлҗ хойр күүкдән буулһн богтлый[1]!» – гиҗ келлцв. Зурхачнр сар өдринь суңһн үзхлә, эн сарин хөрн дөрвн бер буулһхд, окан өгхд сән гив. Хойр байн цаглань кергтә юмиг токарлҗ бәәтл, күүкдән мордулх цаг күрв.

Һо Байн күүкән элдв зүүлин эрдньсәр чимглсн тергнд суулһад, хойр луусыг[2] көлгләд хөрн дахульта [йовулв]. Элдв зүүлин эрдньс **[3a]** зун лууст ачад, экнь нег зун күүнтә күргв. Мөн өдртнь буулһҗ богтлв.

Долан хонг болтл нәәрләд буцхднь, экднь җиндмн эрднь, зун лаң алт, миңһн лаң мөңг, элдв зүүлин эрдньс, эд-таврар белг өгв. Бас күргҗ ирсн зун күүнд тәвн тавн лаңгин ямб[3] нег негднь өгч тархав.

* * *

Эдү-тедү он болтл җирһлцн сууҗ бәәтл Байн Сартаваки наснь гүүцгдж йүүдв[4]. Бас экнь көвүндән иигҗ өгүлв:

– Эр һанцхн күүнд эрдм кергтә, эрдм сур! – гив.

– Ээҗин әәлдсн үнәкр[5] зөв бәәнә, дахҗ сурий! – гиһәд, долан хонг болтл кергтә юман токарлад йовхдан күрв. Экдән баралхад, йовхан келəд, амриньэрхлә:

– Чи эрдм сән сурҗ ир! – гиһәд, эрднь өгв. Мөргн һарад, гертән ирəд, Нарна Герлтә улзҗ:

– Ээҗән сән өргүтхн[6] бә. Би эрдм сурад ирнәв! – гиҗ келв.

Нарна Герл:

– Тиигий! – гиһәд, сән **[3b]** сәәнән эрлцн йовв.

Наңчен балһсна өмн үзгт, долан хонад күрх нег хотд, олн багшнр бәәдг бәәҗ. Тер дотр нег ахмд багшд ирəд баралххла:

– Көвүн, чини нерн кемб? Кенәвч? Нутгчн хама бәәдв? – гиҗ асуув.

[1] Богтлх – әрк орулх, худ бәрх.
[2] Луус – мул, лошак.
[3] Ямб – эд (бязь).
[4] Насн гүүцгдҗ йүүдх – өңгрх.
[5] Үнәкр – йосндан.
[6] Өргүтх – асрх, тежәх, хәләх.

– Би Наңди һолын дергдк Наңчен балһсна дотрк Байн Сартавакин көвүмб. Нерм Үнн Өгүлгч. Суһульд орхар ирләв! – гиҗ медүләд, эрднь бәрүлв.

– Эрдм сурсн – сән! Би зааҗ өгнәв, дарунь арвнд [багшнрт] зааль! Эн эрднән теднд хадһлҗ бә. Бичг заахднь бәрүл! – гиһәд буцаҗ өгв. Хөөт бәәшңгд су гисәр, одҗ сууһад юман токарлв. Мөн арвнд [багшнрт] ирәд, эрднән бәрн зааль.

Тер цагт Нарна Герл Җоу өвгәр бичг уха медх эрдм зааль. Үнн Өгүлгч тавн җил болтл сууҗ бичг бүгдиг сурв. Багшнрнь:

– Эрдм бүгдиг чи үнәр сән сурвч. Өөр[1] зааль **[4a]** бичг уга. Чи буцҗ ээҗән өргүтх! – гилдв. Үнн Өгүлгч [ахмд] багшдан баралхад, эрднән бәрүлн буцхин амулң әәлдхв. Багшнь:

– Менд йовж, гертән сән күр! Хөөннь ирҗ зоольһн йовх биший?! – гиснд [Үнн Өгүлгч] мөргн йовв. Мөн долан хонгт гертән күрч ирв.

Экдән баралхн амринь эрхлә:

– Сән! Көвүн, чи сән менд йовҗ ирвч? Эрдм кедү чинән сурҗ ирвч? – гиҗ асуув.

– Ээҗин әәлдсәр, сән багшин ачар нетүл биш[2] сурҗ ирүв, – гив.

– Сән, көвүм, ээҗнь ик байрлв! – гив.

Суудг харшдан ирн, Нарна Герлтә амр амран эрлцв. Нарна Герл:

– Тавн җил болтл йовҗ эрдм кедү чинән сурҗ ирвч? – гиҗ асуув.

– Бичг бүгдиг сурҗ ирүв! – гиҗ өгв. Нарна Герл:

– Җоу авһар [зааль], би чигн ухани эрдм сурув, – гиснд Үнн Өгүлгч ик байрлв.

Амтта идәһән идн, амргта үгән келлцн, **[4b]** җирһлцн суув.

* * *

Тер цагт Җиң нертә хотд Чиң гүрнә[3] ик хан нег өдр сәәд түшмлмүдән баралхулн:

– Мини гүрнд түшмл тәвх ик цергин йосллынь засулх, түшмлин эрдм бүгдиг сурсн сән күн кемб? Тадн меднт? – гиҗ зәрлг болв.

Тер түшмлмүдин дотрас нег ик ахмд түшмл:

– Наңчен балһснд Байн Сартавакин көвүн Үнн Өгүлгч түшмлин эрдм бүгдиг сурсн [бәәнә]. Түүг баралхулҗ түшмлин кишгт күртәхлә сән [болх билә], – гиҗ әәлдхв.

[1] Өөр – нань.
[2] Нетүл биш – му биш.
[3] Гүрн – орн-нутг.

– Түүг хурдн ирүлҗ баралхултха. Би шинҗләд, сән болхла – түшмл тәвсв! – гиҗ зәрлг болснд Бочң түшмлиг зарад арвн хонгар йовулҗ.

Үнн Өгүлгчин харшин үүднд күрч ирмцәнь, хаальһ[1] сәксн күн:

– Ик хаана зарсн түшмл күрч ирв! – гиҗ медә бәрүлхлә, Үнн Өгүлгч угтн һарв. Бочң түшмл:

– Ик **[5a]** хаана зәрлгәр, Үнн Өгүлгч, чамаг баралхтха гиҗ намаг зарсн билә! – гив. Үнн Өгүлгч:

– Мөргҗ баралхий! – гиҗ байрлн, түшмлин һарас бәрн, амр амран эрлцн, зочлдг бәәшңд хамт орад суув.

Амтта идәһән тәвн, амргта үгән эдү-тедү болтл келлцн суув. Сууҗ бәәснә сүүлд:

– Ая, ик түшмл, цеврлн белдсн бәәшңд мөрлҗ суутн! – гиҗ өгәд, һарад одхднь Үнн Өгүлгч бәәшңд күргүлҗ суулһв. Буцад экиннь герт ирхлә, экнь Нарна Герлтә хоюрн хамту бәәсн бәәж. Үнн Өгүлгч:

– Ик хаана зәрлгәр Бочң түшмлиг зарж, намаг баралхул гиҗ ирүлсн бәәнә! – гиҗ өгүлв.

Экнь Нарна Герл хойр:

– Ик хан баралх гисн бәәтхә, баралхий гивв чигиг күсх болв чигн олдх уга ик байр эн өдр болв. Һарад юман токарулн, дарунь баралх! – гилдв.

[5b] Арвн хонг болтл юман токарулҗ дүүрәд, йовхдан күрч экдән баралхад:

– Нарна Герлиг мини асрҗ тедкн суутн! – гиҗ закв.

Экнь:

– Би Нарна Герлиг асрн тедкҗ суунав. Һахц – мини насн элә болсн төлә энд удан сууҗ чадх уга биз. Тиим болв чигн, чи мини, күмнә зергд орҗ, ик хаани күнд кишгт күртсн хөөн би яһв чигн, гем уга. Чи мини, одад олнд эвтә нәәртә су! – гиҗ суһад, ик үнтә эрднь өгв.

Үнн Өгүлгч:

– Би одх болв чигн, уга болв чигн амр эрҗ белг бичг бәрүлнәв! – гиҗ мөргәд, амринь эрн һарв. Эврә гертән ирн, Нарна Герлд иигҗ өгүлв:

– Эртни сән йөрәләр бидн хойр учрсн биший. Чи мини көгшн ээҗиг асрҗ су. Би одх эс одхнь медх уга төләд, белг бичг өгүлнәв! – гиҗ келв.

Нарна Герл:

– Би көгшн ээҗән хойр нүднә цецгәс **[6a]** үлмжд[2] санад тедкҗ асрн сууcв. Һахц нас сүүдрнь неләд болсн төлә зовньҗ бәәнәв! – гив.

[1] Хаальһ – үүдн.
[2] Үлмжд санх – икд санх.

Үнн Өгүлгч:

– Олн бүгдин йосн [тиим] болдг төлә бичә зов! – гиһәд, амр амран эрлцв.

Үнн Өгүлгч эврә медән дөрвн күүһән дахулн, Бочң түшмлтә хамт йовв. Арвн хонгин дотр Җиң хотд зүн хаалһар орад, урд бийин һудамҗин[1] барун өмн нег харшд Бочң түшмлтә хамт хонв. Мөн маңһдуртнь өрлә эрт босад, цә идә ууҗ идәд, мөн Бочң түшмл дахулн йовв.

– Эн суңһгдҗ бәәсн ик орд харш юн билә? – гиҗ түшмләс асуув.

– Хаана орд харш! – гиҗ келлцн тенд күрв.

Зочин сәд каанрт баралхад, Үнн Өгүлгч баралһхан улмҗлн әәлдхснд, баралхтха гисн зәрлг болв. Хан эн өдр Өлзә Цогцулгч ордд залрҗ бәәнә гисәр дахулҗ баралһхла, **[6b]** Үнн Өгүлгч ик хаана амр эрн мөргв.

Ик хан:

– Чи кенә көвүмбч? Наснчн кедү күрв? Бичг хама сурвч? – гиҗ зәрлг болв.

– Наңди һолын дергдк Наңчен балһсна дотрк Байн Сартавакин көвүмб. Нерм –Үнн Өгүлгч, хөрн настав. Эрдм, Наңчен балһсна урдк нег хотд багшнр бәәдг, тенд күрч баһ эрдм сурлав, – гиҗ әәлдхв.

Хан түшмлмүдин эрдм бүгдиг сурад, шинҗләд, төгссинь әәлдәд, сәәшң байрлад, түшмлин кишгт күртәҗ цергин керг дааллһв. Үнн Өгүлгч һурв үй сөгдҗ, йиснд мөргн һарад, суудг харшдан ирв.

Цергин харвх, намнх, буудх юминь тавн сар болтл сурһад, хаанд әәлдхв. Хан цергиг бәәцүлн[2] үзәд шалһдг болсн төлә сәәшң байрлад, [Үнн Өгүлгчиг] гүңгин[3] һурвн сүринкишгт күртәҗ, зүн һудамҗин урд бийин харшиг шаңнв. **[7a]** Үнн Өгүлгч һурвн үй сөгдҗ йиснд мөргв.

– Чамд гергн бәәдг билү? – гиҗ зәрлг болв.

– Билә, – гиҗ әәлдхв.

– Түүгичн авч иржҗ өгий! – гиҗ зәрлг болв.

– Көгшн эәҗм асрн сууҗ бәәнә, – гиҗ сөгдн әәлдхв.

– Түүнлә бәәтхә! Түшмл Лүгән күүкиг чамд герг болһсв. Лүгәг баралһтха! – гив.

Лүгәг баралһхла:

– Үнн Өгүлгч мини гүрнд тус болхин күн төлә чи күүкән эн Үнн Өгүлгчд өг! – гиҗ зәрлг болв.

[1] Һудамҗ – уульнц.

[2] Бәәцх – шинҗлх.

[3] Гүңг – түшмлин деедг зерг.

Лүгә:

– Тиигий! – гиһәд мөргв. Мөн Үнн Өгүлгч мөргәд хамт һарв. Лүгә нойн арвн хонгт кергтә юман токарлад, Үнн Өгүлгчд Доньлҗин-һоог күргҗ буулһад гергинь болһҗ өгв. Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо хойр җирһлцн суув.

Үнн Өгүлгч **[7b]** эк болн Нарна Герлд: «Би ачта экин евәләр, хаани өршәләр гүңгин һурвн сүүрт сун, харш бәәшңгәр болн Лүгә нойна Доньлҗин-һоһар шаңнулгдн гергән болһн, кишгт күрн байрта сууҗ бәәнәв. Тадн менд сууҗ бәәнү?» – гиҗ амринь эрн бичг бичҗ, эрдньсәр белг өгүлв.

Өгүлснә дару күрхләнь, экнь болн Нарна Герл олад үзн байрлцхав.

* * *

Эдү-тедү он болад җирһлцн сууҗ бәәтл, экнь эвдв. Нарна Герл эмчнрт үзүлн эм уулһхла, баһ эвтә болв чигн дотран: «Би энд [удан] сууҗ чадшгов, эднд нег сурһал сурһий!» – гиҗ седхәд, Нарна Герлд:

– Эн насндан Үнн Өгүлгчлә золһҗ эс чадув. Хөөт насндан аль байртаһар золһий! – гиҗ йөрәл тәвв. Бас:

– Энд сууҗ чадх уган төлә, мини хөөн юман Җоу өвгәр закрулад, Үнн Өгүлгчин хөөнәс эркн уга од! – гиҗ **[8a]** сурһв.

Бас Җоу өвгиг дуудулҗ ирүләд:

– Би энд [удан] сууҗ чадшго болув. Җоу, чи эн күүкиг харһлзн[1] бә! Йилңһу[2] Нарна Герл мини юмнд одх болхла, харш бәәшң, тәрәг сәкн су! – гиһәд тәвн лаң ямб өгв.

– Тиигий! – гиһәд, [Җоу өвгн] һарв. Экнь һурвн хонгин сүүлд йүүдҗ, мөңк бишиг үзүлв. Нарна Герл:

– Хәәрн ээҗ мини хәрв! Яһҗ би суудг болхв?! – гиҗ үкдхн бәәв.

Җоу өвгн күрч ирәд:

– Иим йоста бүкн төләд, үүнә ном буйинь үүлдх кергтә болвза! – гиҗ сурһв.

– Җоу өвгнә зөв бәәнә, – гиһәд, буйна номин юм токарлв. Сән шинҗчиг залҗ шинҗлүлхлә: «Хөөт Арслң уулын өврт цог заль делгрсн һазрт тәвтн!» – гив. Һорш зандар хәәрцг келһүләд, экиннь күүриг кеҗ, тер һазр деер бичкхн бәәшң бәрәд, герин медә күүнд мөңг **[8b]** өгч үрглжд сәкүлв.

Бас Нарна Герл Җоу өвгиг нег өдр үржҗ ирүләд:

[1] Харһлзх – хәләх, туслх.

[2] Йилңһу – нурһлж.

– Ачта ээҗин туст нег сүм бәрий! – гив. Җоу өвгн:

– Сән! – гиһәд, дарудньсүмин кергтә юмиг зерг зерг белдв. Сүмән бәрәд Арьябало Хоңгшим-бодьсадин, хойр Дара-экин бийинь босхн, равнай[1] үүлдж тәкүлв.

Нег өдр Нарна Герл давхлдтаһар Җоу өвгиг үрж ирүләд:

– Би ачта ээҗин әәлдсәр Үнн Өгүлгчин хөөнәс однав. Җоу авһа, та Арьябалын сүмиг болн харш бәәшң, тәрә, герин медә улсиг закрж суутн! – гиһәд, миңһн лаңгин эрдньс өгв. Җоу өвгн седкл һуньглн[2] эвдрәд:

– Нарна Герлин заксиг чадн ядн дахий! – гиһәд хәрв.

Нарна Герл арвн хонгт кергтә юман токарлн йовхин цагт күрәд, эврә медән күүнәс хөрн кү дахулв. Шидр **[9a]** дахульчнран хөрн хойр лууст көлглүләд, эрднәр чимглсн тергнд сууһад, Җиң нертә хотыг чиглв.

Эдү-тедү хонгт йовад, Таңгнун гүрнд одх сала замар эндүрәд йовтл, нег ик тәрл цецрлгтә һол бәәхин дергд хонв. Маңһдуртнь Таңгнуна хаана Җиң гүрнтә дәәлдхин төлә цергиг авч йовх хар мөртә, кирв хар сахлта, улан хоңһр чирәтә күн зун һару кү дахулсн, Нарна Герлин аср күрәни өөр күрч ирәд иигж дуудв:

– Эн көк күрә аср дотр кен гисн бәәнә? – гиж асуув. Нарна Герлин ухата цецн иктә нег герин дарһ бәәсн бәәж. Тер һарч [ирәд]:

– Җиң хаана ик түшмл Үнн Өгүлгчин хатн! – гиж келв.

– Хама одж йовна тер? – гиж асуув.

– Түшмл Үнн Өгүлгчин хөөнәс одж йовна! – гив.

– Түшмл хама бәәнә? – гиж асуув.

– Ик хаана дергд бәәнә. Та маниг юунд ойл-тойл күртл **[9b]** асуунат? – гив.

– Чи эн үгән зогса, тадн цөөкн күн, бидн – олн улс. Таниг яһв чигн чадхвидн! – гив.

Герин дарһ:

– Тадн олн болв чигн, оңһц угат. Бидн цөөкн болв чигн, тадниг яһна гивв чигн мана дурн! – гиж келв.

Нарна Герл герин дарһиг дуудулж ирүлн:

– Би шүтән Арьябало Хоңгшим-бодьсаддан зальврад, тедниг нег сүрәрн дарсв! – гиһәд, көк күрәни һаза, үүднд сандл засад түүн деер суув. Сүр живхлңгнь ик төләд түшмл зун цергчнртәһән сүүртнь гилвлн доңгдад,

[1] Равнай (тиб. *rab-gnas*) – сүм сувр һ тәвх һазрин эзн-сәкүсдт өргсн тәкл.

[2] Һуньглх – зовньх.

зәрмнь мөрнәсн бун, зәрмнь көср унв[1]. Нарна Герл: «Иим, күүнә чирә харн чадх уга бәәтл, юнд хорта үг келнә?» – гиж дотран седхн, аср өргәдән орв. Тедн сергәд, чи яһв, би яһв гиж асуулцад, зәрмнь нарна герл нүдндньтусс әдл харж чадл уга, зәрмнь һалд бийснь **[10a]** түүмрдж бәәх әдл, зәрмнь олн церг элдв зүүлин мес бәрсн әәх мет давшлж[2] күрч ирсн болв гиж һәәхлдв.

– Әәх мет ик буйнта төләднь бидн буйн муутаһар ичртә болсн бәәтл үүнәс юн болх болзшгон төлә, күндлхин нег сән үг келсн арһар, замарн йовий! – гиж түшмл зарлв. Түшмл иигж дуудн келв:

– Тана Чиң хаанд одх зам энтн биш, буру замар ирсн бәәнәт. Та барун талд йовхла замдан орнат! – гиж келв. Сүрдснь һархла:

– Тана хатн мана хаана хатн болж суухла зүүтә[3] болх билә! – гив.

Нарна Герл герин дарһан дуудад келн илгәв:

– Чини хан мини мет замар йовх шивгчн авх тиим ядмг һууйрч хан бәәнү? Авнав гивв чигн, заян уга! Ая, бармстн, һанцхн килһсн шилврин ә **[10b]** гүүцх болвт, батхна шимүлин бириг гүүцх чигн уга, көөркс та мини, замарн йовтн кетүдн болвза! – гихлә, тедн буру доңгдсан медәд маш әәх седкл төрж, сем[4] йовв.

Мөн Нарна Герл аср күрәһән буулһж ацалн, чиңха барун үзгт йовж замдан орв. Эдү-тедү хонад йовж, Җиң хотын зүн хаалһар орхла, хаалһ сәксн улс гүүж ирәд:

– Кемб? – гилдв.

– Түшмл Үнн Өгүлгчин гергн бәәнә. Түшмл Үнн Өгүлгч хама бәәнә, маниг күргж өгтн! – гиснд, нег күүһәр күргүлв. Нарна Герл тер күүнлә герин дарһан зарад:

– Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо хойрин аминь эрн, намаг ирв гисн медә өг! – гиж йовулв. Герин дарһ хаалһ хадһлгч күүтә улзж:

– Нарна Герл күрч ирв. Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо хойрин аминь эр гиж намаг зарсн билә! – **[11a]** гив. Тер күн:

– Үнн Өгүлгч Эңк хаана дергд бәәнә. Доньлҗин-һоод медүлий! – гиһәд, гүүж күрч ирәд:

– Нарна Герл амритн эрн, күрч ирсн медә бәрүлв! – гиж медүлв. Доньлҗин-һо:

– Тер күүһән хурдн ирүл! – гив. Күн һарч ирәд:

[1] Көср унх – һазрт унх.

[2] Давшлх – дәврх.

[3] Зүүтә – зөвтә.

[4] Сем – болһах, сег бәәх.

– Таниг хурдн баралхтн гинә! – гиһәд, дахулн ирв. [Герин дарһ] Доньлҗин-һоод баралхн:

– Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо хойр амр ю? Нарна Герл сән күрч ирсн медә баралхулв! – гив.

– Хама күрч ирв, өөр бәәнү? – гиҗ асуув.

– Өөр! – гив. Нег күүг дуудад:

– Ярвчлн[1] Нарна Герлин амринь эр! – гиһәд зарад йовулв. Тер күн герин дарһта хамдан йовҗ Нарна Герлд күрәд:

– Доньлҗин-һо ик хатн Нарна Герлин амр эрв! – гив.

– Би менд йовҗ ирүв. Та бүгд менд сууҗ бәәнү? – гив.

– Менд сууҗ бәәнә! – гив. Тер күн урдлх гитл:

– Һәәвһә, **[11b]** чи урдлх керг уга. Манла хамт йов! – гив.

– Тиигий! – гиһәд эднлә хамт йовв. Үнн Өгүлгчин ик хаалһар орад хойрдуһар хаалһин һазань күртл, Доньлҗин-һо күрч ирсинь медсәр ярвчлн, дахульчнрта гүүҗ ирн сөгдәд, [Нарна Герлин] амринь эрн золһв.

– Би менд йовҗ ирүв. Та менд сууҗ бәәнү? – гив [Нарна Герл].

– Менд сууҗ бәәнә! Авай, иим өөрәс медә хәәрлдвт, ууҗмас медә эс хәәрлдг угай? Иим бачмг болв! – гив [Доньлҗин-һо].

Нарна Герл:

– Һәәвһә! – гив.

Һар һарасн көтчн, суудг бәәшңдән өндр сәәхн девскр деер суулһн, амтта идәһән тәвн, амргта үгән келлцв. Сууҗ бәәх завсрт Доньлҗин-һооһин дахуль тавн күүкн дотран иигҗ келлцв:

– Мана Доньлҗин-һо сәәхн гидг билә, үүнәс сәәхн күн бәәдгҗ! – гиҗ һәәхлдв.

Нарна Герл Лүгә нойна амринь эрий гиһәд, кү зарҗ йовулв. Тер күн [йовад]:

– Нарна **[12a]** Герл Лүгә нойна амринь эрв! – гив.

– Нарна Герл амр мөрлҗ ирв? Би менд сууҗ бәәнәв! – гиһәд, кү зарад Нарна Герлин амринь эр гиҗ, зака закҗ йовулв. Тер күн Нарна Герлд баралхад:

– Лүгә нойн амритн эрәд, кедү хонгин сүүлд күүкдтән бийәрн одҗ золһад, цә бәрнә! – гиҗ медүлв. Һарад ирхләнь, Лүгә нойн мөн тер күүнәс:

– Нарна Герл сәәхн күмб, ямаран күн бәәнә? – гиҗ асуув.

[1] Ярвчлх – адһх, шулудх.

– Нарна Герлтә әдлцх күн уга. Доньлҗин-һоог кедү сәәхн гивв чигн, Нарна Герлин ишксн шорад чигн күрх уга. Би гилвднь унн алдн, әрә гиҗ ярвчлн һарч ирүв! – гиҗ келв.

Нарна Герл Доньлҗин-һо хойр шатр-мигмән тәвҗ, кедүн хонг болтл жирһлцн сууҗ бәәв.

Дарунь Лүгә нойн дотран седхв: «Нарна Герл мини күүкнәс үлмж төлә, Үнн Өгүлгч ирәд, **[12b]** мини күүкиг оркхиг болшгон төлә, ирхин урд нег хор кесв!» – гиһәд, хойр әдлхн хундгт юм келго цеврлн өврлв. Бас тавн кесг земс боож, нег бутңд[1] әрк кеҗ дахулсн күүндән бәрүлв. Үнн Өгүлгчин харшин өөр күрәд ирхлә, Үнн Өгүлгчин хаалһ сәксн күн, Нарна Герл Доньлҗин-һо хойрт шатр-мигмән тәвҗ бәәтл:

– Лүгә нойн мөрлҗ ирв! – гиҗ медә бәрв. Нарна Герл дотран: «Доньлҗин-һоон эцк төлә угтҗ һарий!» – гиҗ седхн:

– Би Лүгә нойиг угтҗ һарнав! – гихлә, Доньлҗин-һо дахлцн һарад, Лүгә нойнта амр-амран эрлцв. Лүгә нойн Нарна Герлд:

– Намаг юунд угтҗ һарвч? Би һазрин холас ирсн чамаг золһий гиҗ ирсн биший! – гив. Нарна Герл:

– Доньлҗин-һо бидн хойрин эцк йилһәтә биш. Би эцкән ирхлә, **[13a]** яһҗ тесн сууҗ чадхв! – гив.

– Нарна Герлин зөв! Хойр күүкн, шатр-мигмән тәвҗ суутн! – гиһәд, земсән тавгт кеҗ тәвәд, бас хорта хундгт әрк кеһәд, Нарна Герлд бәрүлв.

– Чи мини, һазрин холас ирсн төләдчн, чамдан алтн хундгт әрк кеҗәнәв. Амр су гиҗ белглн, алтн хундгиг бүр өгий! – гиҗ өгүлв. Нарна Герл авад уух гитлнь, Доньлҗин-һо:

– Тәвҗ әәлд! – гив. Нарна Герл Доньлҗин-һоог күләһәд [хундган] ширә деер тәвв. Бас Доньлҗин-һоод нөгә хундгт әрк кеһәд:

– Мини төрсн күүкн болв чигн, ик хаана түшмлин гергн болсна төрнь күндлн, чамдан алтн хундгт әрк кеҗ белглн, бас алтн хундгиг бүр өгий! – гив.

Тиигҗ өгснд Доньлҗин-һо дотран: «Мини эцкиг хар саната гидг билә. Нарна Герлин әркд му юм кеҗ өгснь болз уга?!» – гиҗ седхәд:

– Нарна Герл, мини **[13b]** хундгта әрк та зоглтн, тана хундгта әркиг би уусв! – гиһәд [хундгинь] авхар седв. Лүгә нойн Доньлҗин-һоог килвлзәд:

– Эцкин белглҗ өгсн урмд нег негәр уһад, хөөт дуһрудан сольҗ ууҗ болх угай! – гив. Нарна Герл:

[1] Бутң – сав.

– Лүгә авһан зөв! – гиһәд, [Доньлҗин-һо хундгинь] булаҗ авн гитлнь, боллго зооглҗ оркв. Мөн дарунь өңг зүснь буурн:

– Гем уга бәәтл иим болна гисн сана уга билә, тиигвчн кетүтдән болдг болвза?! – гиҗ келәд, Доньлҗин-һоод – Мини төлә бичә зов! Даруднь байрта учрий! – гиһәд йүүдв. Доньлҗин-һо толһаһаснь теврн, үкдхн үс-зүсән зулһад[1]:

– Чи мини, иим болна гиҗ кен санла?! Хар саната шулмс хәәрн көөрк миниг иигдг билү?! – гиҗ [ууляд,] Лүгәд – Чи Нарна Герлин ишклин шорад күрх угач! Үнн Өгүлгч ирәд, чамаг оркна[2]! – гив.

– Намаг оркхнь бәәтхә, шивгчән **[14a]** кенд хулдна?

– Би һундхн угав! Хар нүүлтә чамаг тиигсиг медүлв чигн медүлн эс тиигв чигн нүл чини дару болвсрна! Хар шулм, һар! – гив.

– Чи намаг гем уга бәәтл ю кесиг медүлхмч? Өвчн дарҗ үксн күн төлә, дарунь юминь токарулҗ күүрнь һарһ! – гив.

– Урд чини кесн гем уга болхла, ода ямр сәәхн болх билә, хәр! – гихлә, Лүгә гемшх седкл төржҗ үкдхн хәрв.

Доньлҗин-һо Нарна Герлин күүринь, ном буйнь дүүртл, нег цеврхн бәәшңд тәвв.

* * *

Нарна Герлин шүтсн хойр бурхн бодьсадин дүрәр хүвлҗ ирәд, хойр һараснь көтләд цааран йовв. Нег ик көндә хавчулд мөр унсн арвад чөткр төмр ташур бәрсн, үтүмн әмтиг хураҗ бәәсинь үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ямр юм кесн әмтиг иигҗ хураҗ бәәдв? – гиҗ **[14b]** асуув.

– Эн зуурдар үксн әмтн иигҗ бәәдг! – гив.

– Зовлңта әмтн зовлңгасн хаһцх болтха! Арьябало Хоңгшим-бодьсад! Ом мани пад ме хум! – гиҗ маань умшад цааран йовв.

Нег һалбрвс модыг элдв өңгин үтүмн хорхас, үндснәснь күҗ хумхартл үзүр күртлнь идҗ йовхинь үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн модыг олн хорха илдмг һартл идҗәхнь юмб? – гив.

– Эн чөләтә йиртмҗд ик җисәни хурлын нирва йовхдан амрг садан байсахин төлә [хурлын юм] өгч йовсндан үүлән эдлҗ бәәдг! – гив.

[1] Зулһах – татх, таслх.
[2] Оркна – ална.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад! Ом мани пад ме хум! – гиҗ зальврад, мөн цааран йовв.

Нег хөн толһата чөткр нег бичкиг көтлҗ йовад:

– Эцк-экчн тер бәәнә! Эцк-экдән золһ! – гиҗ келв. **[15a]** [Тер бичкн] модыг өөдлҗ һартл [тер модна бүчр] барс өтг хойр болн деерәснь самрдад[1], доргшан унтл җид утх болн яснь һартл хаһ-хаһ татад, махинь кесг-кесг алдснь үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, ямр үүлтә күүкдиг иигнә? – гив.

– Эдн әмд цагтан эцк-экән хараҗ, лам хуврги элглн дормҗлсар үүлән эдлҗ бәәхнь эн! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад! Ом мани пад ме хум! – гиһәд, цааран йовв.

Ма нертә балһснд Эмк нертә эмгн лах[2] шаң бәрәд, үслсн улан цәәһән самрн бәәҗ:

– Күүкд мини, ундасч ирвтә? Цә хантлан уутн! – гиҗ дуудв.

Нарна Герл:

– Ундасч бәәнәв, эн цәәһәс уухм! – гив.

Хойр бодьсад:

– Эн цәәһәс уухла һурвн му заятнд унна, керг уга! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-**[15b]** бодьсад! Ом мани пад ме хум! – гиһәд, цааран йовв.

Нег ик ө-шуһу дотр элдв зүүлин әмтн икнь баһан бәрҗ иджәхинь, өтн-шумулнь икән цоолҗ нүклн иджәхинь, бас зәрминь күн унад, ачаддәәр сөрв һарһн орлулн чирүлҗ бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ю кесн элдв әмтмб? – гив.

– Эн – адусна орн. Урд үүлдсн үүлән бартха гиһәд иим зовлң эдлҗ бәәнә! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! Зовлңта әмтн зовлңгасн хаһцх болтха! – гиҗ зальврад цааран [йовтл], нег элстә һөв дәәрһ чолун давад нег сәәхн цецрлг бәәҗ. Зах көдәднь килһн үсн чинән хоолта, герин чинән гестә, дерсн чинән шилвтә, көквтр өңгтә, һо биш дүрстә олн әмтн тер цецрлгт орхла, элдв зүүлин мес **[16a]** бәрсн эрлгүд элдн көөҗ халһах уга бәәнә. Зәрмнь золин[3] эркәр, му сән юман олх болв

[1] Самрдх – хумсардх.
[2] Лах – ик, күнд.
[3] Зол болад – мөр болад.

чигн идн ун чадх уга, зәрмнь үчүкн идх болв чигн шиңгән чадх уга. Элдв зүүлин зовлңгд нирмгдсн, деңгслн hаслҗ бәәхинь үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн мууха дүрстә әмтн ямр үүлин эркәр иигҗ бәәнә? – гив.

– [Эн] бирдин орн. Чөләтә йиртмжд урд йовхдан зәрмснь бәәтл уга гиҗ ам алдҗ йовсн. Зәрмснь – күүнд үлү үзҗ йовсн, зәрмснь – байн бәәтлән ядуд нег бурцгин тедү чигн юм өглго йовсн үүлин эркәр иигҗ бәәнә! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв. Нег өндр хар уулын дабаһар давҗ йовад, тер уулын бел шахмд күрң, ноһан, **[16b]** көк өңгтә утан манрн тоосн һарч бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн харгджасн юмб? – гив.

– Тенд күрхлә медгдх! – гиһәд йовв. Күрхлә, һурвн күн келән һурвн һурв алд суңһн, хадас шаһад андсхар [мет һазр] хаһлн, тәрә тәрҗ бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн һурвн күн ямр үүләр иигҗ бәәдмб? – гив.

– Эдн чөләтә йиртмжд йовхдан, зәрмнь худл келҗ йовсн, зәрмнь хов келҗ йовсн. Тиим үүлин эркәр иигҗ бәәдг! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв. Нег ширмн тамин хажуд дөрвн күүг дөрвн мөчнь утлн, келнь дегәһәр дегән, амнь аңһалһад хәәлсн ширмн ус амнднь цудххла, йисн нүкнәснь тосн, усн, цусн сәврн шаржңнад һоожҗ бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, ямр үүлтә әмтн иигдг билә? – гив.

– Эдн чөләтә йиртмжд түшмл йовхдан, хойр заһта **[17a]** күүнә заһиг бурута [күн] кеел[1] өгхлә түүг зөвтә болһҗ, зөвтә күн кеел эс өгхлә түүг бурута болһҗ йовсн. Зәрмнь өшәтә күүһән хууляр шалтглн гемтәҗ йовсн үүлин эркәр иигҗ бәәдг! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв. Нег чөткр нег күүг уурт кеһәд, нүдхлә:

– Лам, Һурвн эрднь, ях! Евәлтә эцк-эк, амр садн мини, ях! – гиҗ баркрхла, тус боллго хәрнь улм немгдҗ бәәхиг үзв.

– Ая, хойр бодьсад мини, ямр үүлтә күүг иигҗ тамлдв? – гив.

– Эн чөләтә йиртмжд йовхдан, эртин үүлин эркәр өвдсн. Амрг саднь лам, Һурвн эрдньд сүзлн, лам хуврг залҗ ирүлий, ном гүрм келһий гихләнь, тертн юн тус болх билә, бәг, үүләр болвза гиҗ келсн үүлин эркәр нермгдҗ бәәнә! – гив.

[1] Кеел – алв.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв. Нег кедү **[17b]** күүнә махинь, му ду һарһн, талх болтл татҗ дәкн әмдрүлн бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ямр үүлтә күүг иигҗ бәәхмб? – гив.

– Эдн чөләтә йиртмжд йовхдан зәрмнь килнцтә үүлиг соңссн болв чигн, медә бәәҗ олн гөрәс алсн. Зәрмнь тоглм наадмар тошурхҗ олн әмтиг көнәсн үүлин эркәр иигҗ бәәнә! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв. Нег ик тамд нег ламиг мууха ду һартл кеҗ оркхла, «мацг, мацг» гиҗ шуугх дун тасрхлань, деерәснь «әмдр» гиҗ дуудхлань, мөн әмдржҗ дәкн үүлдҗ бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн юн үүлтә ламиг иигҗ бәәхмб? – гив.

– Эн чөләтә йиртмжд йовхдан [бийән] ик дүвчн[1] гиҗ олн эргүл мөргүл келһүлсн. Очрт лам багшан хуургсн[2], **[18a]** номиг хурдн дүүргхин эркәр худл хуурмг умшҗ, сүзгтнә өгсн эд идән юмиг деегшән зөрлүлго эрмкәлн идҗ йовсн. Гүжр үгәр олыг зовасн. Олн тачал кесн үүләрн баргдх уга тамд кесәд, сүүлднь очр тамд оркгдх! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв. Нег шалв хар күүг нег ик тамд оркхла, көңгшү кирәңглн, мөн тернь «әмдр» гиҗ дуудхла мөн дәкн әмдрн дәкн орсн бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ямр үүлтә күүг иигҗ тамлдмб? – гив.

– Эдн чөләтә йиртмжд йовхдан Бурхна эд хулхалҗ, лам хувргин юминь булаҗ авсн тиим үүлин килнцәр нермгдҗ, бас киитн тамд одх! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран **[18b]** // йовв.

Нег ик тамд нег шавһнциг эрлгүд хайҗ оркхла, агчм дотр ниш-таш гиҗ то тоомш уга кесг-кесг келдүржҗ унхла, мөн «әмдр» гиҗ деерәснь дуудхла, мөн әмдрн дәкүлгсн бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ямр үүлтә шавһнциг иигҗ тамлдв? – гив.

– Эн чөләтә йиртмжд залу [наста] эм йовх цагтан йовдсн күүнә эд хулхалҗ йовсн. Һалд унад көлән шалвалхларн, хөн ямаг әмдәр хаһлҗ севслсн. Шавһнц болсн хөөн әрүн биш йовдлар йовсн. Эрин хөөт йовсн эмтә йодр[3] болҗ, ном буйнд сүзг уга, лам багшдан буру үзл төрсн. Таңгрта

[1] Дүвчн – сид, илв төгссн даянч лам.
[2] Хуурах – меклх, эргүлх.
[3] Йодр – омг, деегүр санан.

нөкрән басмҗлҗ[1] йовсн. Иим эмиг үүлин эркәр иигҗ тамлдг. Үүгәр дүүрх уга, олн тамд кесәд сүүлднь очрт тамд оркх. **[19a]** Үүнә кемҗән һалв дүүртл биший! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв.

Очрт тамд нег лам уульн мууха ду һарн ууляд чимә уга болн бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ямр үүлтә ламиг иигҗ тамлдв? – гив.

– Эн чөләтә йиртмҗд йовхдан, ном эрдмд сән бүгд хуврг тойдыг ном эс меднә гиҗ басмҗлҗ йовсн. Тәрнин номиг буру үзәд, багш ламан дормҗлсн. Эвтә хоорнд хов келҗ хаһцулсн, экнр күүкдинь му муухай гиҗ йилһмҗлн келҗ йовсн. Сүзгтни эд-идәг эврә чидл күчәрн булаҗ, омгта седкләр идҗ йовсн. Иим үүлин эркәр мана дәврҗ ирсн тамд цөм кесүлҗ, сүүлднь очрт тамд оркх. Үүнә кемҗән һалв дүүртл биший! – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – **[19b]** гиҗ зальврад, цааран йовв.

Нег эмгиг нег үйд заһсн болһн, нег үйд әмд бийәрнь улалһсн тоһнд түлтл хуурад, мөн әмдрүләд дәкн хуурч бәәхиг үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн [эмгиг] нег үйд заһсн болн, нег үйд әмдәр улалһсн тоһнд хуурдгнь юмб? – гив.

– Эн чөләтә йиртмҗд йовхдан хойр көвүтә байн эмгн билә. Хөн үкрин махиг хату амтн уга гиҗ, имгт[2] заһс бәрүлн, элдв амтта юмар хольн хуурн идҗ йовсн үүлин эркәр иигҗ бәәнә, – гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд, цааран йовв.

Нег күүкн ус буслһҗ бәәх ик тоһнта уснд эврән орҗ одхла, махнь шалврад үүлин салькар көөгдҗ яснь һархла, күүкн болн махан идәд, дәкн орҗ бәәхинь үзәд:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ямр үүлтә күүкиг иигҗ тамлдв? – гив.

– **[20a]** Эн чөләтә йиртмҗд йовхдан байн күүнә һахц окн билә. Уулд суусн аршд экнь бинәд[3] идә өдр болһн бәрүлдг бәәҗ. Нег өдр бәрүләд, ирхләнь:

– Арш ламд күрглго чи зууран сууһад идчквч?! – гиҗ экнь асуув.

[1] Басмҗлх – му үзх, дормҗлх.

[2] Имгт – даңгин, бүр болһн.

[3] Бинәд идә (Бинавад идә) – идәни өглһ.

– Би идсн угав. Идсн болхла махан иднәв! – гиҗ ам алдсн үүләр [ода] махан идҗ бәәнә гив.

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд цаашлв.

Нег дававһар давад нөгчн йовад, ик дөрвн үүдтә төмр хотын урд хаалһар орад ирхлә, элдв олн сәәхн бәәшңгүдинтөв дунднь бәәсн зурһан зурһа давхрлсн хәәштә[1] сәәхн орд харшин үүд неехлә, түүнд Эрлг Номин-хан алтн сандл деер залрсн бәәҗ. Элдв зүүлин дүрстә эрлгүдәр күрәлгдсн, сүр жывхлңгнь әәх мет гилвлзсн бәәхиг үзәд:

– Ая, Номин хан мини! – гиҗ зальврв. **[20b]** Цааран хойр бодьсад көтлҗ авч ирәд, ордын үүднә зүн хажуд нег аср дотр күләлһүлн суулһв.

Сууҗ бәәтлнь, хойр эрлг нег Цаһан Линҗуа нертә күүкиг Эрлг Номин хаанд баралхулв. Номин хан:

– Күүкн, чини килнц икий? Нанд ямр кергтә ирвч? – гиҗ зәрлг болв.

– Би арвн һурвн настадан эцк-экәсн хаһцсн биләв. Түүнәс хөөн ик хурлын хувргудин күрәд сууҗ, әм хоолан теҗәҗ суусн биләв. Бурхна номд сүзгләд, күрә киидиг эргн мөргҗ йовлав.Нег сө миңһн маань умшдг биләв. Һучн һурвн нас күрхлә баралх гиснд энд баралхв, – гиҗ әәлдхв.

Эрлг Номин-хан:

– Үүнә килнциг эрлгүд, даңсд[2] үзтн, тольд үзтн, чиңнүрт үзтн! – гиҗ зәрлг болв. Эрлгүд дарандтнь үзәд:

– Үүнә килнц әрлҗ, буйиг ик олсн бәәнә. Умшсн **[21a]** маань һурвн бум күрч! – гиҗ әәлдхв.

– Нег бум мааниг арвн нәәмн тамин орнд өгий. Нег бум мааниг биш зурһан зүүлин әмтнд өгий. Нег бум мааниг чамд эврә бийдчн өгий. Чи әрүлгсн бурхдын орнд саатлго күр! – гиҗ зәрлг болв.

– Ая, Эрлг Номин-хан, чөләтә йиртмҗд одх күн бәәхлә, маань умшсн күн бурхн болв, маань эс умшсн килнц кесн күн арвн нәәмн тамин удан зовлң эдлҗ бәәнә! – гиҗ закхиг һууҗ әәлдхв.

Эрлг Номин хан:

– Би бодҗ бәәһәд, закҗ илгәнәв! – гиҗ зәрлг болв.

Цаһан Линҗуа күүкн оһтурһуһар ном маанин айлһар солң татулад, нисәд йовҗ одв. Эрлг Номин-хан:

– Әәх мет рагнин бий олсн чамла дару учрх болтхав! – гиҗ йөрәл тәвв.

[1] Хәәш – шивән дерс.

[2] Даңсд – энд дегтрт гисн үг.

Бас хойр эрлг нег экнриг өмссн зүүснтәһнь Эрлг Номин **[21b]** хаанд баралхулв. Эрлг Номин-хан:

– Чини килнц икий, нанд ямр кергтә ирвч? – гив.

– Эрлг Номин-хан мини, намаг буца! Би урд үүлдсн буйн деер дәкн үүлдсв гиҗ бәәтл, баралх гиснд баралхв. Эн өмссн зүүсәрн буй кеһәд ирий! – гиҗ әәлдхв. Эрлгүд:

– Ха, ха, ха! – гиҗ инәлдв. Номин хан:

– Даңгсд үзтн! – гиҗ зәрлг болв. Эрлгүд дарандтнь үзхлә, энүнд кесн буйн негн чигн уга бәәҗ.

– Нег эрд одхдан зурһан хө нег үкр алулсн, нег ик килнц чини тер! Бас хойрдад эрд одхдан арвн хө алулсн, нег ик килнц чини тер! Бас һурвадуһар эрд одхдан дөрвн хө нег үкр алулсн, нег ик килнц чини тер! Хойр уда нүңнә сәкхдән[1] әрүн биш йовдл кесн, нег ик килнц чини тер! Эрин **[22a]** аваль эмтә йодр болҗ йовсн, нег ик килнц чини тер! Таңгртгта нөкдән элдв зүүләр хов келҗ йовсн, нег ик килнц чини тер! Хойр эрлг,үүг авад, һалв дүүртл очрт тамд орктн! – гиҗ зәрлг болв.

Нег эрлг цалмдад, нег эрлг ташурар: «Ая, халаг хохой!» – гиһәд, му ду һартл ташр ташр һуйдад авад йовв.

Бас Эрлг Номин хаана харшин барун хөөнәс нег диңваһан[2] делсүлсн, оркмҗан немрсн[3], миңһн түмн эр эм әмт дахулсн, нег ик лам ном маанин айлһар дүркрн һарч йовхиг Эрлг Номин-хан соңсн әәлдәд:

– Нег ик буйнтна чимән һарв, үзтн! – гиҗ зәрлг болв. Толь бәргч эрлг тольдан үзәд:

– Энткгин ик бүтәлч[4] йоһачари бәәнә! – гиҗ әәлдхв.

– Бодьсадын мөн чинр олсн әәх мет чамла **[22b]** дару учрх болтхав! – гиҗ йөрәл тәвв. Бас зәрлг болв:

– Ик буйнтад хавчлдҗ йовх нүүлтн бәәхнь болз уга. Цалмдтн, шүүртн! – гиҗ зәрлг болв. Арслң толһата барс толһата хойр талын эрлг һарч ирәд, неҗәд неҗәд цалмдад:

– Зун үлү эр эм күн цалмд күлгдҗ ирв! – гиҗ әәлдхв. Эрлг Номин хан:

– Тамин засгт авч одад үүлиг зерг зерг засглтн! – гиҗ зәрлг болв. Эрлгүд элдв зүүлин мууха ду һарлдад, цүүгүлн цүркрүлн шивт-шивт цокад авн одв.

[1] Нүңгнә сәкх – мацг, цер бәрх.
[2] Диңва – хуврг күүнә хувцин нег зүүл.
[3] Немрх – ээм деерән өлгх.
[4] Бүтәлч – бишрлч, сәмдч.

Нарна Герл:

– Ая, хойр бодьсад мини, эн ямр хүвтәнь ламан дахн йовв, ямр му хүвтәнь цалмд күлгдҗ ирв? – гиҗ өгүлв.

– Ламин зәрлгиг йослн дахснь, таңһрган иткмҗтә сүзглснь, эн болн хөөтдән хаһцлго даххин йөрәл тәвсн күчәр ламан дахҗ тоньлв. Ламин зәрлгиг йослн дахсн угань, ламан **[23a]** буру үзснь, таңгрган эвдснь, үүлин үрд иткмҗлсн угань, бат йөрәл эс тәвсн гемәр цалмд күлгдәд үүлән эдлхнь тер! – гив.

[Нарна Герл]:

– Арьябало Хоңгшим-бодьсад мини! Ом мани падме хум! – гиһәд зальврҗ йовтл, хойр бодьсад Нарна Герлиг Эрлг Номин-хаана дергд баралхулв.

Эрлг Номин-хан иигҗ әәлдхв:

– Нарна Герл, чамаг күүнә хорта седкләр нирмгдҗ [авч] ирсн бәәнә. Дарунь буцҗ әмтнә тус үүлдәд, йирн долан нас күрсн хөөн ирҗ учр! Та хойр бодьсад, агчм дотр күүртнь орултн!

Би нег зака закнав! Тендк эндк хойр йиртмҗин дунд сууҗ, килнц кесинь тамд оркҗ, үүлинь элдвчлн эдлүлҗ бәәгч заята Эрлг Номин-хан би, эврәннь эркәр бусу әмтнә буйн килнциг йилһҗ суутха гисәр, килһснә тедү чигн сән му үүлиг **[23b]** эндүрлго йилһҗ бәәхиг, Нарна Герл чи мини, үзсн биший. Иимин төләд чинаду йиртмҗд эн учр негт нег ухалһулҗ зарлтха! – гиҗ зәрлг болв. Нарна Герл:

– Тиигий! – гиҗ мөргв.

Хойр бодьсад Нарна Герлин күүринь Доньлҗин-һо хәәрцглх гиҗ бәәтл, авч ирҗ оркв. Нарна Герл урдас үлмҗ сәәхн өңг зүстә босв.

Доньлҗин-һо ду алдн теврәд:

– Чамаһан ирх гиҗ кен санҗала! Эн йиртмҗд өңгрсн күн босч ирдгнь уга! Сәәхн лиңхуа мет Нарна Герл мини, туңһлг болҗ ирәд маниг байсхн сууснчн – нең үлмҗ байр! – гиҗ һәәхҗ, һар һарасн көтчн, суудг бәәшңгдән авч ирәд, өндр сәәхн девскр деер суулһв. Һашудлин ик һурвн хонг болтл нүр һаран уһалго бәәсн, уһан цеврлҗ засҗ, сәәхн хувцан өмсн, земсән **[24a]** зүн, амтта сәәхн идәһән тәвҗ, цә юман бәрв.

Доньлҗин-һо:

– Мини шулм эцк әркд му юм хольҗ бәрсн болз уга гиҗ [тана хундг] авн гитл, өөр бәәсән зооглҗ оркдг тиим зокъяс уга болв. Хөөннь кедү

хонгт түгшин[1] зовлңгд нирмгдҗ бәәсн болв чигн, нег бат йөрәл тәвсиг медлго шүтҗ зальврсар бәәтл, эн өдрин бah үдин цагт[2] иим ик байр болсн нег насндан мартхий би?! – гив.

Нарна Герл:

– Нең чи мартшго сәәхн һәәхмҗтә байр болв. Лүгә авһа чинагши йиртмжд тегш уга үүлтә бәәнә. Әмтн муңхгин эркәр хөөткән медлго килнц кедг юмн, көөрк! – гив.

Нарна Герл тер йиртмжд йовад үзсән, буйн килнцтә әмтн үүлән эдлҗ бәәхиг негнд нег тоолн өгәд, амргта үгән келлцн, кедү хонг **[24b]** болтл шатр мигмән тәвҗ җирһлцн суув.

* * *

Тер цагт Чиң хаанта Таңгнун гүрн дәәлдхәр церг белдҗ бәәнә гисиг соңсад, хан шүтсн бурхндан залврҗ хонв. Хаана зүүднд, эн хотын зүн урд үзгәс[3] нег бүскә[4] эн хотнд ирәд, арв хонҗ. Түүг цергин нойнд тәвәд мордулхла агчм дотр маһд дарх гисиг зүүдлн хонҗ. Хан өрлә эрт босад зүүдән шинҗлхлә, урд кедү уда Таңгнуна хаанта дәәлдхд, кениг чигн мордулхла даргдх гиҗ зүүдлсн билә. Тер үнн болсн төлә, хан сәд түшмлмүдән баралхулад:

– Эн хотд зүн өмнәс нег бүскә ирәд арв хонсн кемб? Түүг олҗ авч баралхултха! – гиҗ зәрлг болв.

– Тиигий! – гиҗ һарад хүвәрлдн, та бүгд меднү гиҗ асуулцв. Зәрм **[25a]** түшмлмүд Үнн Өгүлгчин ик гергнь ирсн билә гилднә, зәрм түшмлмүд ирсн болв чигн кетрксн билә гилднә. Лүгә авһ өөрхнәр медх болх гиҗ асуухла, ирсн билә гинә, даруд өвчн күртҗ өңгрсн билә гинә. Түшмлмүд Үнн Өгүлгчәс асуй гиһәд кү илгәхлә, ирсн үнн гиҗ келҗ. Нег түшмл ярвчлн Нарна Герлиг авч ирн хаанд баралхулв.

Хан:

– Чини нутг хама бәәнә? Нернчн кемб? Хааран йовнч? Кенә гергн болдмч? – гиҗ зәрлг болв.

– Наңди һолын дергдк Наңчен балһсна түшмл Үнн Өгүлгчин гергн биләв. Хөөнәс ирәд, кедү хонг өвдәд сән һәәвһә болҗ бәәтл баралх гиснд баралхҗ мөргв. Нерм Нарна Герл, – гиҗ әәлдхв.

[1] Түгшх – седкл амр уга бәәх.
[2] Бah үдин цаг – үдин өмнк цаг.
[3] Зүн урд үзг – юго-восток.
[4] Бүскә – гергн.

Хан шинҗ төгссн, бүгд шүтсн бурхд зааҗ вивңгрид[1] үзүлсн төлә, **[25b]** үүг цергин нойнд тәвҗ йовулсв гиһәд, «Чинадушин сүүриньагчмд даргч туңһлг Нарна Герл Бадрулгч жанҗн» гидг цол хәәрлв. Элдв зүүлин эрдньсәр үүдсн дуулх, көхуйг, зер-зевсг, шинҗ төгссн цаһан мөр, эрднин эмәл хазарта шаңнад:

– Һурвн түмн церг авч одад, мини дәәсиг дарад ир! – гиҗ зәрлг болв.

– Ик хаана сүлдд зальврн шүтҗ дарий! – гиһәд, һурвн үй сөргдҗ, йисн то мөргәд һарч одв.

Хооһарнь Лүгә дотран седкв: «Эн Нарна Герл жанҗн болхла намаг эрк уга борлх[2]», – гиҗ сежглн әәһәд, гүн күрч ирәд хаанд баралхн сөгдәд, иигҗ әәлдхв:

– Экнр күүһәр жанҗн тәвн йовулхла хол өөр нернд му бәәнә. Ода гүрнд нег чидлтә күн юунд эс олгдх билә. Дарунь нег сән күүг суңһҗ олад жанҗн тәвәд йовултн. Эс болхла намаг илгәх бииз? **[26a]** Би хаана сүлдд зальврҗ чадхин чинрәр даржҗ ирий! – гив.

– Чи урднь үчүкн дәәснд од гихлә, аph мек келәд болдг уга, өдгә юн гиҗ иим ик күчтә дәәснд одый гихлә чи ду болвч? – гихлә, Лүгә шантрад хәржҗ одв.

Бадрулгч жанҗн дөрвн түшмлд, һурвн түмн цергт тус-тустнь цергин йосллынь зааҗ сурһад, йовв. Замдан хонсн һазр бүгдт өртң тәвәд, эдү-тедү хонг болтл йовад, тендәс: «Таңгнуна хаанд медә өг!» – гиһәд нег түшмлиг тавн зун цергтә [йовулад] зака закалҗ. Урагшлулн довтлһад хөөнәснь арһул йовтл тедн Таңгнуна хаанд күрәд:

– Мана Чинадушин сүүриньагчм дотр даргч туңһлг Нарна Герл Бадрулгч жанҗн һурвн түмн цергтә чини толһаг авхар аашна. Чи одх цергән белдсн болхла, хамаһан зеснә седкләнхурдн келҗ илгә. Хожмдж[3] туң эс болна гиҗ **[26b]** әәлдхүлв!– гиҗ келәд буцв.

Таңгнуна хан маш ик әәх седкл төрж:

– Урднь би иим әәх седкл төрж үзәд уга биләв, эннь ямр учртав?! – гиҗ догдлн тегш уга болв чигн, түшмлмүдтән келҗ, урд белдсн церг деерән немәд дөрвн түмн церг болһв. Таңгнуна хан:

– Сәд түшмлмүд мини, нег белгтә үгән өгүлтн! – гив.

Зүн бийин сәдүд:

[1] Вивңгрид, биңгрәд (*binggired*; *vivenggeirid*) – шинж, әәлдхл.
[2] Борлх – алх.
[3] Хожмдх – оратх, хоцрх.

– Чинадушин сүүриньагчм дотр даргч туңһлг Нарна Герл Бадрулгч җанҗн гих нериг соңсхд әәх мет сүркә бәәнә. Теднә ирсн цергин сүр-җивхлң сән бәәнә, мана цергин сүр му бәәнә! – гиснд, түшмлмүдән бурушаҗ оркад, Бадрулгч җанҗниг угтв.

Эдү-тедү хонгт йовад, Бадрулгч җанҗна цергин түрүн йовхин бараг харв. Таңгнуна хан дотран урдас нең ик әәх болв чигн, болх уга цаг болсн болв. Учрхла Бадрулгч җанҗн:

– Өшәтә му хан, чини **[27a]** толһа авхар ирүв! – гиһәд, барун мөрәснь ул күртлнь чавчв. Мөн бийдән тохрв. Бадрулгч җанҗн зүн мөринь нег чавчхла даалһсн уга. Йисн йис чавчлдад бий бийән диилсн уга. Завсрт амрч бәәтл, Таңгнуна хан салькин күрд бүтәсн күчәр салькн ик болҗ, уулын оран модыг булһ-булһ киискҗ бәәхиг үзв.

Бадрулгч җанҗн: «Арьябало Хоңгшим-бодьсад аха!» – гиҗ зальврхла салькна күрд буру эргәд, киисснмодн [Таңгнуна хаана] эврә цергинь цокҗ дарв. Тер дотрас тавн күн дутад һарв. Таңгнуна хан һахцар дутв. Бадрулгч җанҗн олн цергдән:

– Энд бууһад бәәҗәтн! – гиҗ закад, Таңгнуна хааг олн усн, мод, чолу кесүлн көөв. Бадрулгч җанҗнТаңгнуна хааг дал хоорндаһурнь харвв. Мөрнәсн унхлань толһаһинь утлҗ авад мөрндән монцг кеһәд, буулһсн олн **[27b]** церг деерән ирв. Цергнь Бадрулгч җанҗнд күрә засад, түшмлмүд церг бүгдәрн хойр талар җигсәлн угтҗ авв.

Җанҗн өртңдән күрч ирәд, Таңгнуна хаана толһаг хәәрцгт кеһәд хадад, түшмлдән хадһл гиҗ түшәв. Бас цергән бәәцәҗ үзхлә нег чигн күн мал гемтсн угад ик байр һәәхн хүрм тәвҗ нәр-наад кевв. Мөн тендәсн әәлдхл әәлдһхв: «Хаана сүлдд зальврҗ, ярвчлн өөд хонгтан йовҗ Таңгнуна хаанла улзлдҗ, дөрвн түмн цергтәһинь дарв. Мөн Таңгнуна хаана толһаг хәәрцгт кеҗ хадад нег түшмләр, тәвҗ ирсн өртңгәр, күргүлв. Соңсхулхас һаза, Таңгнун гүрниг әрүдхн цеврлҗ авхар цааран мордв. Аңхн байрин әәлдхл!» – гиһәд түшмлиг, тәвҗ ирсн өртңгәр, мөрнә дел деегүр **[28a]** довтлулад, мөн тендәс цааран йовв.

Тавн хонгин дотр күрч баралхн әәлдхлинь өргхлә, хан әәлдхлинь нееҗ үзв. Таңгнуна хааг дөрвн түмн цергтәһинь дарсн илркәлн һарһҗ әәлдхсиг хан тодрха негнд нег әәлдәд, Бадрулгч җанҗнд байрлн сәәшн ик шаң хәәрлн буулһв. Ирүлсн түшмлд шаң шаңнв. Нег түшмлән ирсн түшмлтә хамт зарҗ, мөн цаг дотр довтлулв.

* * *

Тер цагт Таңгнун гүрнин дутаҗ һарсн тавн күн гүрндән күрч ирәд, түшмлмүдтән баралхн:

– Мана хаана салькна күрд буру эргәд, киисснмодд эврә цергимдн дарв. Тер дотрас бидн дутн һарч ирвидн! – гиҗ делгр медүлв. Хаана төрлин нойд болн хатд авһнр, түшмлмүд бүгдәрн цуглржҗ келлцв. Зәрм түшмлмүд мана хан эс чадсн хөөн бидн яһҗ чадхв, танд арһ бәәнү **[28b]** гилдв. Зәрм түшмлмүднь дәкн арвн түмн церг мордулхла юнд эс болх билә гилдв.

Тер дотр нег ахмд Җоу нертә ик түшмл:

– Мана хаана салькн күрд бурудад, киисснмодд эврә цергимдн дарсн болдг. Хөннь бидн яһад кевв чигн, чадн седҗ саншго. Орҗ өгий! Нег түшмл одулҗ орхин медә бәрүлий! – гив.

Төрлин нойд болн хатд авһнр, түшмлмүд бүгдәр цөм негнт бурудсн хөөн, кедү олн церг одулв чигн горь[1] уга гилдв. Җоу түшмл авһан келсәр болый гилдҗ келлцв. Биш түшмлмүднь чи од, би од гилдцхәв.

Җоу түшмл:

– Авай, кен кентн бәг, би одий! – гив.

– Та оддг болхла, түмн цергтә одҗ орхин медә бәрх болвза? – гилдв.

– Намаг олн церг авч одхла сежглх, болз уга төлә нег зун цергтә ярвчлн одҗ, **[29a]** орхин медә бәрий! – гиһәд, нег зун цергчнр авад, Бадрулгч җанҗиг угтн йовв.

Тер цагт Бадрулгч җанҗн Цоу һолд ирәд хонх гиҗ бәәтл, урднь зарсн түшмлнь деерән зәрлгин бичгәр шаң шаңгнх түшмллә хамт ирв. Элдв зүүлин шаң хәәрн буулһн ирснд ик йосллар мөргн күлән күртв. Шаңнсн бичгинь үзхлә, сәәшң өршәлтә зәрлг буулһснд байрлн күлән күртсн, йовдлынь соңсад әәлдхлин бичг бичәд зәрлгәр заргдсн түшмлд тушан өгн йовулҗ.

Мөн маңһдуртнь тендәсн йовҗ, нег даваһар давад нег ик һолин захд бууҗ хонх төр засҗ дүүрмгцә, Таңгнун гүрни Җоу түшмл күрч ирв. Чиң гүрнин ик цергин күрән барун хөөт[2] бийд бууһад, хөрн күүнтә дөрвн түшмлмүдин дергд күрч, дөрвн түшмлдт зуулчлн баралхад:

– **[29b]** Таңгнун гүрнәхн биләвидн, мана хаана төрлин нойд болн хатд авһнр, түшмлмүд бүгдәрн Чиң гүрнлә бәәлдҗ чадшгон төлә, орҗ боол болхин медә бәр гиҗ намаг зарҗ баралхулсн билә. Энүг эркм дөрвн түшмлмүд улмҗлн гүүцлдүлх болвза! – гив.

[1] Горь – иткл уга, ицл уга.

[2] Барун хөөт – северо-запад.

– Эн чини үнн болхла сән, худл болхла тесх уга бишит! – гив.

– Худл биш, үнн! – гиҗ медүлв.

Дөрвн түшмл җанҗнд әәлдхий гиһәд һарв. Җанҗнд баралхад, Таңгнун гүрн бүгдәрн орҗ өгхин медә бәр гиҗ түшмл зарснь делгрңгү һарһҗ әәлдхлә:

– Тер түшмлиг ирүлтхә! – гив. Түшмлмүднь баралхулхла, Җоу түшмл:

– Үчүкн Таңгнун гүрн бүгдәрн Чиң хаана боол болхиг күсч, намаг зарҗ баралхулсн билә. Яһҗ өршәхинь ик җанҗн әәлдмү! – гиһәд, махлаһан авч мөргв.

– Тана гүрнин бүгдин сана бәәнү, **[30a]** һахц чини сана болв? – гиҗ асуув.

– Мини чигн мана гүрнин бүгдин чигн санан! – гиҗ өгүлв.

– Хан көвүн тана кедү бәәнә, төрлин нойд, тәәҗнр олн бәәнү? Чи аль зерг түшмл болдвч? Чамас деегш түшмл кедү бәәнә, чамта әдл түшмл кедү бәәнә, чамас доргш түшмл кедү бәәнә? – гиҗ асуув.

– Нанас деегш түшмл уга, ик түшмл гиҗ орулдгнь – би биләв. Нанла әдл түшмл бас уга. Доргш түшмл – зу һару. Үлдсн церг – җирн түмн болв. Хан тәәҗ уга, хойр авһта, нәәмн хатнта, төрлин нойд гидгнь һурвн, – гиҗ өгүлв.

– Эн тана үнн болхла – үнәкр өршәсв, худл болхла – угтҗ буудя теермдсн мет болһнав! – гив.

– Худл биш, үнн! – гиҗ мөргв.

Бадрулгч җанҗн:

– Җоу түшмлиг урагшлҗ одултн, түшмлмүдиг цергтә хамт одултн, гүрнин **[30b]** цагдаг шүүрдҗ, хаана харшд күләлһҗ бәәтхә! – гиҗ тушав. Һархлань, түшмлмүд тенд одҗ цә уутн гисәр, һарад, тенд одн, цә уун күссн деерән хәрв.

Маңһдуртнь Бадрулгч җанҗн дөрвн түшмлд зака закҗ ухаһулн, тавн миңһн цергтә, Җоу түшмлтә хамт йовулв. Мөн тендәс [хаанд] әәлдхл әәлдхв. Таңгнун гүрнин Җоу түшмл зун цергтә ирҗ [Чиң] гүрнин боол болхиг күсҗ ирсиг орулҗ авад, цааран йовсн йовдлан илркәлн һарһҗ, хойрдуһар байрин әәлдхл гиҗ өртңгәр мөрнә дел деегүр довтлулв. [Бийнь] цааран хойр түмн тавн миңһн цергтә арһул мөрлв.

Тер цагт дөрвн түшмл тавн миңһн цергтәһән тенд күрч, ор орна цагда шүүрдн хурамҗлн, хаана хотнд авч ирн белдхв. Бас хаана харшиг арчншүрдн цеврлҗ бәәтл, Бадрулгч җанҗн эн өдр орҗ ирхин медә күрч

ирв. Таңгнун хаани төрлин **[31a]** нойд, түшмлмүднь хотас һарад, көдәд аср-гер, цә-идә белдн бәәхин завсрт дөрвн түшмл Таңгнуна түшмлмүдтә Бадрулгч җанҗиг угтн баралхв. Тер орна цагдаг шүүрдҗ ирсн учран тоолн һарһҗ медүлн өгв.

– Һаза Таңгнуна хаана хатд авһнр, төрлин нойд, түшмлмүд бүгдәр амулңнь эрҗ, цә бәрх гиҗ энд белдхҗ бәәнә! – гив.

– Би медүв! – гиҗ әәлдәд, мөрлв.

Таңгнун хаана хатд авһнр, нойд, түшмлмүд бүгдәр Бадрулгч җанҗниг һарч ирхин бараг харад, угтҗ көдән замин хажуд күләв. Күрч ирмгцә цөмәр сөгдҗ амулңгинь эрәд:

– Үчүкн бидн Чиң хаана боол болхинь күсч бәәдгинь ик җанҗн гүүцлдүлх болвза! – гиҗ мөргв.

– Би медүв, тана яһна гисәр түүгәр шиидий! – гиһәд, цааран белдсн аср өргәд бууж, цә-идәнәс амсн мордв. Хотнд орад, хаана цеврлсн **[31b]** харшд ирҗ сууһад, теднә улсинь, нойдынь, түшмлмүдинь, алвтынь, цергинь хөрн хонгт бәәцәҗ даңслулад,җирн зурһан түмн улсинь зурһан муҗ[1] болһулн эмкәлв. Түшмлмүдт тушал олһад, дахулҗ ирсн дөрвн түшмләсн хойринь миңһн цергтә суулһҗ, теднәр төр йосиг закрһж, җил күрглго төвшидхн сууһад, хәртхә гиҗ тушав.

Мөн тендәс [хаанд] әәлдхл әәлдхв: «Таңгнун гүрнд күрч, цагдаг бәәцәҗ әрүдхн орулҗ авад, зурһан муҗ болһулв. Хойр түшмлиг хойр миңһн цергтә теднә төр йосиг харһлзн йос залһхар суулһв. Бас эднә эркн түшмл – Җоу түшмл болн ик, бах түшмл ниит арвн һурвн түшмлиг би бийәрн баралхулсн цагт дахулн авч одҗ кишгт күртүлнәв. Буцна гихлә, һаза шиидҗ әәлдхсн әәлдхлин хәрү ирхиг күләҗ суунав!» – гиҗ һурвдуһар байрин әәлдхл бичҗ мөн өртңгәр йовулв.

[32a] Теднә төр йосиг төвшидхн аль сәәхнәр аҗ төрүлн, җирһлүлн суулһсн цагт әәлдхл күрв. Хан неехәд үзхлә, Таңгнун гүрн бүгдәр боол болсн, бәәцәһәд авсн тонь делгр ирсиг хан негнд нег тодрха әәлдәд, өршәлтә зәрлг болсн:

– Бадрулгч җанҗн зүдкн йовҗ шиидсн йосар болтха! Ик санҗ бәәнәв, хурдн ирҗ баралхтха! – гисн зәрлг ирмцә, мөргн күлән күртв. Түшмлмүдт:

– Хойр миңһн цергтә, җил күрглго теднә төр йосиг мини сууси кевәр сууҗ засад, дару буцтха! – гиҗ дәкн закв, – Нег түмн нәәмн миңһн цергән авч арһул хөөнәс иртхә! – гиһәд, Таңгнуна арвн һурвн түшмлиг авад,

[1] Муж (кит.) – әәмг.

өртңгәр һазр иквчлҗ йовв. Хан түшмлиг угтулн зарж, баралхтха, санув гиҗ зәрлг буулһҗ ирсиг мөргн үзәд:

– Тадн арвн һурвн түшмл нанта цуг йовж чадшгон төлә, **[32b]** сүүлд бийин амрар иртн! – гиҗ закад, хурдн йовж күрв.

Хан ямба йосна ик түшмләр бас олн төрин түшмлмүдәр күрәлн угтҗ ирв. Бадрулгч җанҗн шидр өөр ирәд, мөрнәсн бууҗ өмннь зогсв. Хан һурвн хундгт әрк кеж Бадрулгч җанҗнд нег-негәр суврһҗ өгхлә, ууҗ оркад, хундгинь өврлҗ оркад, мөргәд амулңгинь эрв. Хан:

– Чи нанд ач-туста болсн төлә золһ! – гихлә, ик йосллар мөргәд, хаана өвдг түшҗч баралхв. Хан бара болһн Өлзә цогцлгч орднд залрв. Хан нег тавчң деер залрв, Бадрулгч җанҗниг:

– Нег сандлд су! – гиҗ әәлдхв.

– Үчүкн би тесн сууҗ чадшгов, кишгт мөргий! – гиҗ мөргн зогсв. Болсн уга:

– Заавл, су! – гиҗ әәлдхснд, мөргәд сууһад, Таңгнун гүрнд йовсн учр бүкниг илркәлн һаһҗ **[33a]** әәлдхв.

Хан негнд нег әәлдәд:

– Эврә төрсн күүкдәс үлмҗ заята мини күүкн Нарна Герл! – гиҗ сәәшң магтад, тархал тәвж, элдв зүүлин хәәр элвг-делвг буулһв. [Нарна Герл] ик йосллар мөргәд һарв.

Нег харшд ирәд, Таңгнуна түшмлмүдиг хойр хонгтан күлән сууҗ бәәтл, күрч ирәд, җанҗнд баралхв. Хаанд баралххин йосллнь зааж, дахулн хаанд баралхулн мөргүлв. Хан теднә учрас нег кедүн зәрлг бууҗ, тедн нег кедү зәрлг бууҗ, теднд нег кедү әәлдхл әәлдхв. Хан негнд нег әәлдж, маш ик байрлн сәәшн Җоу түшмлиг теднә гүрниг закрх нойн тәвв. Зурһаг ик түшмлд тәвв, зурһаг деед түшмлд тәвв. Элдв зүүлин эрдньс болн эд-тавр шаңнад, Байсхлңта орднд одж элдв зүүлин хүрмд күртәд йовхднь күрв.

Бадрулгч җанҗн хаанд баралхн:

– Таңгнуна хаана төрлин нойд болн хатд авһнр, тендк зун арвн түшмлмүд, бас **[33b]** тедниг закргсн хойр түшмл, хойр миңһн цергтә ирсн хойр түшмл, хойр түмн нәәмн миңһн цергт деед деедәр шаң хәәр буулһхиг күсмү! – гиҗ әәлдхв.

– Мини күүкн, санулсн үннхн зөв, сән сәәхн! – гиҗ зәрлг буулһн, тер бүгдт деед деедәр шаң хәәр буулһв. Бас тедниг закрсн хойр түшмлин зерг девшүлн хойр миңһн цергтнь шаң хәәр буулһв. Түшмл зарж аянталн[1]

[1] Аянталх – баран болһх, дахулн йовулх.

Таңгнуна арвн һурвн түшмлиг күргүлв. Бас энд ирсн хойр түшмлд зерг девшүлн хойр түмн нәәмн миңһн цергтәһинь деед деедәр шаңнв. Бас хан:

– Мини хәәртә күүкн, чи мини шин, хуучн даргдсн керг бәәх болхла шүүҗ һаһ! – гиҗ зәрлг болв. Бадрулгч җанҗн мөргәд һарв.

Эврәннь харшд күрхин шахмд, Доньлҗин-һо угтн һарч сөгдж, амринь эрв. Һар-һарасн көтчн, суудг сәәхн бәәшңдән өндр сәәхн девскр **[34a]** деер суулдв. Амтта сәәхн идәһән тәвн, амргта үгән келлцн суухин завсрт Нарна Герл Таңгнун гүрнд йовсн учр бүгдинь тоолн келв.

– Доньлҗин-һо чи мини, соңс! Хаана зәрлг – шин, хуучн даргдсн керг бәәх болхла шүүҗ һаһ гиҗ зәрлг болснд Лүгәа вһаг эрк уга һаһх юмн бәәнә. Үүг би яһҗ кехнь аһ юмб? – гиҗ асуув.

– Хар нүүлтәг кен барам[1] гих билә, һаһ! Мини нүр харад керг уга, йосн ямр болв түүгәр болһ! – гив.

Нег түшмлиг:

– Хөрн хуягта одад, маңһдур өрлә эрт бәрж авад, керг шүүх бәәшңгин һаза Лүгәг күләлһҗ бә! – гиҗ келәд, түшәһәд йовулв.

Мөн маңһдуртнь Бадрулгч җанҗн керг шүүх бәәшңд одад, урдарн көшг татулж, Лүгәг көшгин цаад баралхулн:

– Наңди һолын дергд Наңчен балһсн дотрк Үнн Өгүлгч[ин ик гергнь Нарна Герл] Донилҗин-һоота шатр- **[34b.]** мигмән тәвж суутл ямр күн хор өгв? – гиҗ асуув.

– Тер үйд би кергәр оралдҗ чөлән уга йовсн, медх уга бәәнәв, – гиҗ келв.

– Тер үйд Үнн Өгүлгчд одж Доньлҗиң-һоод золһхар одсн билч? – гиҗ асуув.

– Одсн билү, уга билү – би сән медх уга бәәнәв, – гив.

Бадрулгч җанҗн тиигхләнь:

– Хату асуулһар асуутн! – гиҗ чаңһ ду һархла, Лүгә нүүлт үннкв.

– Урд би нег түшмлиг эн мет кемтүлсн биләв. Түүндән амтшч йовсар әрәхн кетүрв би! – гив.

– Тер түшмл кемб? Чи тер түшмлтә өшәтә билч? Юунд хорлсмбч? – гиҗ асуув.

– Түүг Тоу түшмл гидг билә. Би түүнд өшә уга бәәсн. Тер хаанд олн то баралхҗ кишг күртж бәәхд, хөөннь нанас үлмж болхла болзшго гиҗ му санув. Нег өдр цә бәрх **[35a]** гиһәд, мөңг һаһад, мөн түүг эврә цә идәһәр

[1] Барам – дольг.

цәәлүлн, әркдн нәәрлҗ суулав. Тер түшмлиг шеех гиһәд хуурч һарһад, белдсн нууһад авч йовсн хоран хундгта әрк деернь үрҗ оркад, ярн һарч шеех болув. Түшмлтә хамт ирәд, зерглн сууҗ, әркән ууҗ оркв. Би бас әркән ууҗ оркв. Түшмл удлго өңг зүснь буурад кетүрв. Теднә герин улс нааран-цааран гүүхлә, би медә уга согтснла әдл болҗ бәәһәд, хуурч хәрсн биләв, – гив.

– Тер түшмлин көвүн билү? Тер үйд хама бәәсмб? – гиҗ асуув.

– Билә. Хүрмин юман токарҗ бәәсн төлә медх уга, – гиҗ медүлв.

– Түүнә нернь кемб? Ода хама бәәнә? – гив.

– Өдгә Люхоу түшмл гидг билә, Җиң хотыг дааҗ бәәнә, – гиҗ медүлв. Бадрулгч җанҗн түшмлмүдәсн:

– Тоу нертә түшмл үнндән билү? **[35b]** Өңгрәд кедү җил болсмб? – гиҗ асуув. Зәрм түшмлмүд билә, өңгрәд арвн тавн җил болв, зәрм түшмлмүд тер үйд насн бах болсар медх уга гиҗ медүлв.

– Җиң хотд Шои нертә түшмлиг одулж, Люхоу түшмлиг халаж[1], цаг мөчн дотр ирүлтхә! – гиҗ тушаһад, – Лүгәг нег түшмл хөрн хуягта сән хадһлж бәәтхә! – гиҗ тушав.

Тер цагт Таңгнуна арвн һурвн түшмлиг күргсн түшмл, эврәннь хойр түшмлиг болн хатд авһнриг, төрлин нойд, түшмлмүдиг, цергиг деед деедәр шаңнад буцв. Таңгнуна арвн һурвн түшмл, хатд авһнр, төрлин нойдуд бүгд цуглрҗ нәр хүрм кев. Хатд авһнр түшмлмүдәсн:

– Тер хан ямр таалта күмб, орнь ямр кевтә ормб? – гиҗ асуув.

– Хан – бурхна мөн чинртә, әәх мет түшмлмүднь олн. Орнь элдв зүүлин чимг болн навч делгрсн, **[36a]** эд элвг-делвг тиим сәәхн орн бәәнә. Бас мана гүрниг эвдгч тер җанҗн күүкд күн бәәнә. Хаана төрсн авһнрас үлмҗ хәәртә өргмл авһа бәәнә! – гиҗ келснд бүгдәр эм күн тиигҗ йовна гисн нег ик буйнта мөн бәәсн бәәҗ гиҗ һәәхлдв.

Тер үйд Шои нертә түшмл күрч, Люхоу түшмлиг халаж, цаг мөчн дотр ирүләд, җанҗнд баралхулв.

– Чи кенә көвүмбч? Чини нернчн кемб? – гиҗ асуув.

– Би Тоу түшмл гигчин көвүмб. Нерм Люхоу, – гив.

– Эцкчн яһҗ үксмб? Кедү җил болв? – гиҗ асуув.

– Әрк ууҗ бәәһәд генткн дарлһн даржҗ үксн билә. Арвн тавн җил болв! – гив.

– Кентә ууҗ бәәсмб? Чи бәәсн билч? – гиҗ асуув.

– Лүгә түшмлтә әркдҗ бәәсн. Би бәәсн болв чигн, оңдан бәәшңд идә келһҗәләв.

[1] Халах – кергәснь сулдхх, һарһх.

– Яһҗ үкв гиҗ санвта? – гив.

– Тер үйд **[36b]** насн бах болад, аль керг ухаллго йовсн биләв, күүнә келсн үгәр үквлә гиҗ йовсн биләв, – гив.

– Чамд өвр медүлх үг бәәнү? – гив.

–Уга! – гив.

– Тоу түшмлин ясинь уудлҗ һарһад, шинҗләчнр шинҗлтхә! – гиһәд, түшмлмүдтән тушав. Тоу түшмлин ясинь уудлҗ һарһад шинҗлхлә, хорар үкснь – үнн гиҗ медүлв. Лүгәг авч ирүләд:

– Чини шиидхл – алгдх күн бәәсн билә, һахцхн хаана ик байр токалдсн төлә чамаг өршәҗ, хамг бәәхичн талад, һахц хар бийичн кизәр һазрт күргх! – гив. Түшмл хөрн хуягта авад, хот-хотар дамҗулхар белдхв. Бас:

– Люхоо түшмлиг гемәр үксн эцкән күүнә хоорнд орҗ гем угад тооцгсинь санулад, кергт ухамср уга, даңгч муңхгин тулд күрсн төләд, **[37a]** зерг тушалынь эвдҗ зүдкүлх бәәсн билә. Һахцхн хаана ик байр токалдсн төлә чамаг өршәҗ, һурвн җиләр харулд зүдкүлтхә! – гиҗ тушав.

Лүгән хамг бәәх юмиг саңд хурахар бәәцәҗ белдхв. Әәлдхлин бичг зокаһад: «Хуучн, шин даргдсн кергиг һарһтха гисн зәрлг буулһснд кецәлн дааһад, Лүгә болн Люхоог бәәцәҗ һарһснь үзх болн шүүсн учриг, Лүгән аль бәәх элдв зүүлин эрдньсин, алтын, мөңгнә, эд-таврин то, бас зун хөрн һурвн өрк күүг мөнхн[1] Таңгнун гүрниг әрүдхн тогтан зүткснд деед деедәр боол болһн шаңний, бас Лүгән гергн түшәһәс хаһцсн төлә көвүдтнь өгч асрулый!» – гиҗ әәлдхл бичәд, бийәрн авч одҗ хаанд бәрүлв.

[Хан] негнд нег тодрха әәлдв:

– Хәәртә күүкн шиидсн маш сән болҗ. Шиидсн йосар болһтн! – гиҗ зәрлг болснд, **[37b]** мөргәд һарч. Урднь белдсн йосна дараһар шиидҗ йовулв.

Эврәннь харш бәәшңд күрч ирхлә Доньлҗин-һо һарч ирн, һар-һарасн көтчн, суудг бәәшңдән орн, амтта идәһән тәвн, эмкн шиидсн учран өгүлв.

– Соңсад бәәхлә,[мини эцк] ик килнцтә күн мөн бәәҗ. Бүр шиидхлә болх бәәсн! Һахцх хаана байр токалдсн төлә көндә һарч бәәнә! – гив.

– Доньлҗин-һо, ачта эцкән бичкә тииг! Хәрнь хөөнәс йовх аянтал күн бәәх болхла, юм тедкм илгәҗ өг! – гив.

– Урдын кесн йовдлынь үзсн бүгд даңгч сансн һарх уга. Юм өгх бәәтхә, нернь чигн бичә соңсгдтха гиҗ саннав! – гив.

Кедү хонг болтл шатр-мигмән тәвҗ нәәрлн суув.

[1] Мөнхн – саахн, шидр.

* * *

Нег өдр Бадрулгч җанҗн хаанд баралхн, сөгдәд иигҗ әәлдхв:

– Хан эцкин түмн өлзә батудх болн шарин шажн телн делгрж эн уда оршх, **[38a]** бас эк хамг әмтнә тусин төлә нег ик сүм бәрүлн шажиг тогтаж болх болв! – гив.

Хан иигҗ зәрлг болв:

– Мини хәәртә күүкн сүм бәрүлхиг санулн әәлдсньүнәр маш сән керг! Саңгас тәвн түмн лаң мөңг haphад, дарунь сүм бәрүлтхә! – гиж әәлдхснд, мөргәд hарч.

Хойр миңhн урчудыг авч ирәд шалhв. Хөөтин хөөтк Цообу hолын дергд hазр шинҗлн тиг татв[1]. Зәрминь моднд haphн, мод зөөлhв. Зәрминь тосхврт, зәрминь сүмин бахн нурhнд, зәрминь чолунд, зәрминь сиилврт, зәрминь цоңх[2], хаалhд, аль бүкн юмиг зерг-зерг элвг-делвг белдхв. Өдрин сәәг суңhн үзж hурвн давхр, хойр давхр, давхр уга эн зергин зерг олн сүмиг нег мөсн зерг-зерг белдхв. Hурвн цагин бурхдын түрүлн **[38b]** арвн зурhан бәәх шүтәг, олн зүүлин шүтәг босхн, чимг тәклинь цөм белдв. Локешвара пандидиг миңhн хуврга суулhн тогтнулв.

Бадрулгч җанҗн хаанд баралхад, сүм бәәhүлсн, ламнриг ирүлсн болн нань чигиг делгр әәлдхв. Хан:

– Кедү хонгас одж үзий! – гиж зәрлг болв. Бадрулгч җанҗн хан залржк ирхин төлә юм токарн тиг йослл тогтаж бәәв. Хан залржк ирәд, бүкниг үзәд, гегән hол зууд[3] залрад:

– Әдлцшго эрднәр үүдсн hәәхмшгтә бурхдын орд харш! – гиж сәәшн магтад, – Равнай үүлд! – гиhәд, Бадрулгч җанҗниг баран болhн залрв.

– Мини күүкн хойр йоснд үнәр мергн сән! – гиж сәәшн зәрлг буулhн, элдв зүүлин эрдньс болн эд-таврар шаңнснд, Бадрулгч җанҗн мөргн күртәд харшдан хәрв.

Хан нег өдр сәд түшмлмүдән **[39a]** баралхулн:

– Өдгә нег байр буулhхинь: Урд Таңгнун гүрниг кедү үй доратулн даргч учрнь – Бурхн теңгрин өршәл болн богд эцк-экин евәләр болсн. Бас сүм бәрн шарин шажиг делгрүлхиг санулсн нанд ик ач-туста төлә байрулн чолунд эн учр бүкниг делгр бичж сиилүлн сүмин үүднд босхтн! Бас делкә дәкнд дармл даржк, түгән тархатн! Гүрнин шин, ик, баh түшмлмүдиг деед деедәр шаңнатн! – гиж зәрлг болв.

[1] Тиг татх – hазр темдглх.
[2] Цоңх – терз.
[3] Зуу – Бурхн-багш.

Дараhарн үүлдәч түшмлмүдиг ирүлж хаанд баралхулн кишгт мөргүлхлә:

– Хаана Байсхлңта орднд одж нәәрләд буцтн! – гиж зәрлг болснд түшмлмүд Байсхлңта орднд баралхв. Нәәрлж сууси цагт тер түшмлмүдин дотрас ахмд нег өвгн номта түшмлмүдәс:

– Та күүкд, Таңгнун гүрни урд мана цергиг кедү үй дарсн, өдгә Нарна **[39b]** Герл иржк дарснь учрта бишиг меднтә? – гиж асуув. Тедн бүгдәр:

– Бидн медх уга бәәнә. Тер ямр учрта бәәнә? Түүг өгүлтн, бидн соңсий! – гилдв. Тер өвгн:

– Номта түшмлмүд, товчлн өгүлсв! Таанр сәәтүр соңстн! Шастр болн девтрт чигн бәәнә, – гив.

Өгүлснь: «Эрт урд нег цагт Тенгдабадара нертә уулын аhуд суусн нег ик арш бәәсн бәәж. Тер арш тәрниг өдр сө уга маш хату тоолж бәәхд, шулмс тәрнин күчәр көөгдж юм олж чадлго бәәж. Тер бүтәлч арш тәрнин эцүст күрәд, цаhан сарин арвн тавна сөөд өр сө хаhцхин кирд Очрдаран хутг олн гисн бәәж. Күчтә хар шулмс медәд, аршин түлә түүдг Очр гидг күүнә наhц ах болж күрч ирәд, арш ламд мөргий гиж одв.

– Арш, чамаг хөөннь кедү күчтә болад әмт номhудхин цагт, би тедү күчтә **[40a]** болж хор хумс кех болтхав! – гиж йөрәл тәвв.

Ламин зоог гүүцгж бәәсн, Цаhан Дара экд үргljд шүтсн Алтн Цецг күүкн түүгинь соңсад:

– Күчтә хар шулм, чамаг ламинм үүлд хор хумс кехд агчм дотр шиидхәд тоньлhх болтхав! – гиж йөрәл тәвв.

Аршин нег өглhин эзн Одебту нертә өвгн соңсад:

– Алтн Цецг күүкн кезәнә яhв чигн бәәдг юмб гиж, чамд тер цагт хор кех болтхав! – гиж йөрәл тәвв.

Алтн Цецг:

– Тер цагт би хар шулмиг шиидхәд, сүүлднь чини хар бийичн кизәр hазрт илгәhәд, хамг бәәх юмичн бусдт эдлүлх болтхав! – гиж йөрәл тәвв.

Тер цагт тер учрдг бүтәлч арш – мана Богд хан, Хаягриван хүвлhн эн. Тер цагт учрдг Алтн Цецг күүкн, өдгә Нарна Герл – Цаhан Дара экин хүвлhн эн. Тер цагт учрдг Одебту **[40b]** – саак Лүгә эн. Тер цагт учрдг түлә түүдг Очр – өдгә Таңгнуна Җоу түшмл!» – гиж өгүлв.

Тедн бүгдәр үүлин үрәс әәж зәрмнь мөр көтлв, зәрмнь нүңгнә сәкв, зәрмнь маань умшв, зәрмнь әм таслх мацгт орв. Эдү-тедү болтл хаана шажн телн делгрәд, төр батудж, әмтн бүгд амрн сәәхн жирhлдв.

* * *

Нег өдр Нарна Герлиг хан баралхулн иигж зәрлг болв:

– Мини ач-туста болсн хәәртә күүкн, чи мини энд суунав гинү, хамаһан сууна гинү, мини гүрн дотр хама суунав гих дурта һазр бәәдг болхла, нанд әәлдх. Әәлдхсн йосар болһий! – гиж зәрлг болв. Нарна Герл сөгдж мөргәд, өршәлтә зәрлг буулһсндһ кецәңгүлн дахж, әәмшг уга әәлдхв:

– Әмтнә иткл хойр көлтни әәх мет маңһла болсн Богд хан-эцкд илт әәлдхсв. Богд эцкин кишгәр **[41a]** хама суув чигн, йилһл уга билә. Һахцхн нутгт Арьябало Хоңгшим-бодьсадын сүм бәәдг билә. Түүг шиндхн селвн тәкж суухиг күссн бәәнәв! – гиж әәлдхв.

– Болна! – гиж зәрлг болв.

– Хан-эцк өршәхлә, Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо хойриг нанта хамт хәрлцүлж болх болв? – гиж әәлдхв.

– Нанд ач-туста болсн хәәртә күүкнә мини төлә юн төлә эс болна?! Хәрнь эврә юн керглцх бүгдиг гүүцтхә. Хөөт сарин шинәр хәртн! – гиж зәрлг болснд биш юмиг хөөннь әәлдхж күртий гиһәд, мөргәд харшдан одв.

Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо хойрт:

– Хаана өршәләр нег сар болад хәрнә биший! – гив.

Юман токаржқ, Наңчен балһсн күртл өртңгәр тәвүлв. Юман зөөлһж дүүрәд йовх цагтан күрв. Һурвулн хаанд баралхн, амулңгинь эрв. Хан:

– Мини хәәртә күүкн, чи мини [нанд] ирж баралхсар бәәх биший. Керг бәәх болхла, **[41b]** әәлдхл әәлдхж бә. Би зәрлг буулһсар бәрий! – гиж әәлдәд, элдв зүүлин эрдньс болн эд-таврар шаңнав. Бас Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо хойрт хаана шаң хәәр буулһв. Һурвулн мөргәд, һарч белдхсн өртңгәр йовв.

Дарунь Наңди һолыг һартл Наңчен балһсна дотрк ик, баһ түшмлмүд бас Җоу өвгн эврәннь медә улста аср бәрн, цә белдхж бәәтл күрч ирәд, амр-амран эрлцәд, белдсн цә-идәнәс һурвулн амсв.

– Таанр түшмлмүд, бүгдәрн үүнәс амсад тарцхатн! – гиһәд, Җоу өвгнтә, эврә медә улстаһан йовж харшдан ирв. Һурвулн Арьябало Хоңгшим-бодьсадын сүмд мөргв.

Үнн Өгүлгч:

– Нанас хөөш иим сәәхн орн болсн бәәнә! – гиһәд,а мтта идәһән идн, амргта үгән келлцн хонв. Маңһдуртнь экиннь күүрт һурвулн одв. Саң тәвн, мөргәд уһал кев. Буцхин замд Үнн Өгүлгч:

– Шинж төгссн **[42a]** һазр бәәнә! – гиж келлцн йовв.

Харшдан нәр-наадмин юм токарлн нәәрлх цагт Нарна Герл эцк угад эцк болсн Җоу авһиг үржқ ир гиж ирүлв. Нәәрләд, элдв үг келлцн суух завсрт Нарна Герл:

– Арьябало Хоңгшим-бодьсадын өмн нег сүм бәәһүлн, һурвн цагин бурхна арвн зурһан бәәх шүтәнәс эклн, олн зүүлин шүтәниг босхий гиж шүтж сансн мини ямр бәәнә? – гиж асуув.

Бүгдәрн:

– Болна! – гиж сән келлцв. Мөн даруднь сүмин бәрхин туст кергтә юмиг зерг-зерг белдхәд, нег ик сүм бәәһүлж. Һурвн цагин бурхна арвн зурһан бәәх шүтәнәс эклн, элдв эүүлин шүтәниг [босхад], өр өрчмин ламнриг суулһж, ном умшулв. Әәлдхл әәлдхәд, хан-эцкин түмн өлзә батудхд болн шарин шажн **[42b]** делгрхд, әмтнә тусд нег ик сүм бәәһүлж, һурвн цагин бурхна арвн зурһан бәәх шүтәнәс эклн, олн зүүлин шүтәниг босхн, умшхиг тогтаһад, [сүмин] нер һууж әәлдхл йовулв.

Дарунь күрснд хан нееж үзхлә, сүм бәрсн тергүтни негнд нег тодрха әәлдж:

– Мини хәәртә күүкн сүм бәәһүлн бурхиг босхсн – үнн маш сән. «Аль кизәлшго эрдмәр маш үзсхлңтә болсн һәәхмшгтә Бурхна харш»! – гиж сәәшн магтад, ик шаң хәәр буулһн йовулв.

[Нарна Герл] дарудн күрхләнь, мөргн күлән күртәд, йослн мөргн күртсн йовдлыг соңсхн әәлдхв.

Җил шахм сууж бәәтл, нег өдр хаана зәрлгин бичг күрч ирв. Мөргн үзхлә: «Мини хәәртә күүкн хәрсәр **[43a]** жил шахм болв, ирж учрсн уган төләд маш ик санж бәәнәв, хурдн ирж баралх!» – гисн зәрлг болсн бәәж. Мөн даруд Нарна Герл өртңгәр йовн, күрч баралхн мөргхлә:

– Ач-туста күүкн мини, золһий! – гиж зәрлг болв. Нарна Герл өвдг түшч баралхв. Хан һурвн сар болтл аль зөргәр сәәхн суулһад, буцх цагтнь ууляд:

– Нанд ирж баралхн хәржқ бә!– гиж ууляд, элдв зүүлин шаң хәәр буулһв.

Нарна Герл мөргәд:

– Зәрлгәртн баралхж бәәнәв! – гиж һарад йовв. Харшдан күрч ирхлә, Үнн Өгүлгч Доньлҗин-һо угтн һарч, амр-амран эрлцв. Һар-һарасн көтчн суудг сәәхн бәәшңдән орн сууж, йовсн **[43b]** учр бүкнән тоолн келж, амтта идәһән идн, амргта үгән келлцн, зәрмдән хаанд баралхн, зәрмдән ирж, олн он болтл жирһлцн суув.

* * *

Кевчг догшниг номһудхин төлә, һурвн бодьсад зәрмдән хан, хатн болад, зәрмдән түшмлмүдин дүрәр хаһцлго әмтиг номһудсн бәәнә. Үнн Өгүлгч – Хоңгшим-бодьсадын хүвлһн, Нарна Герл – Цаһан Дара экин хүвлһн, Доньлҗин-һо – Һоһан Дара экин хүвлһн. Эн һурвн **[44a]** орчлң хоосртл ямр-ямр дүрәр йовхнь маһд уга. Эн үйд Цаһан Дара экин номлһн эн болв.

Өлзә хутг оршх болтха! Сән буйн делгрх болтха! Түмн өлзә бүрдсн төвшүн учрлдх белгтә сән йөрәл мана бүтх болтха!

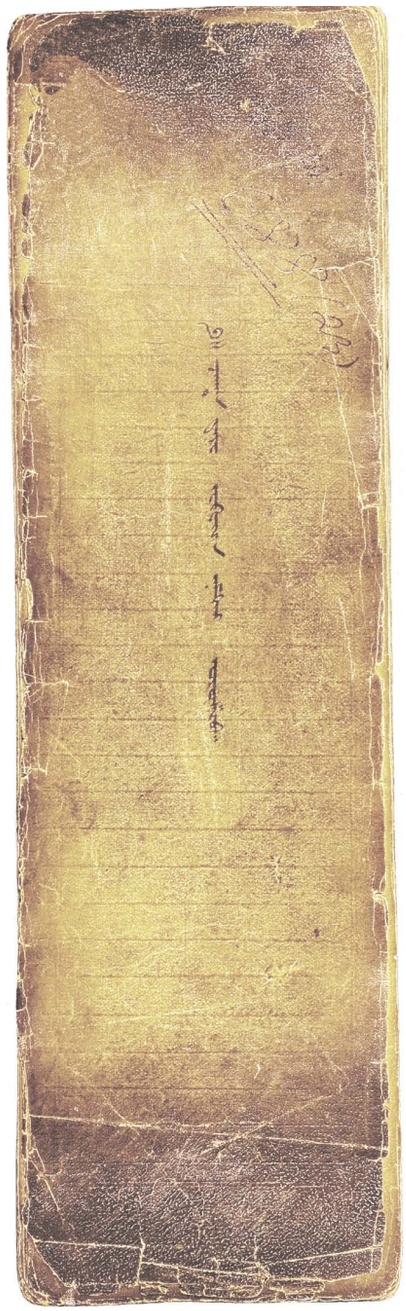
Ом мани пад ме хум!
Сарв маңһалам!

ФАКСИМИЛЕ

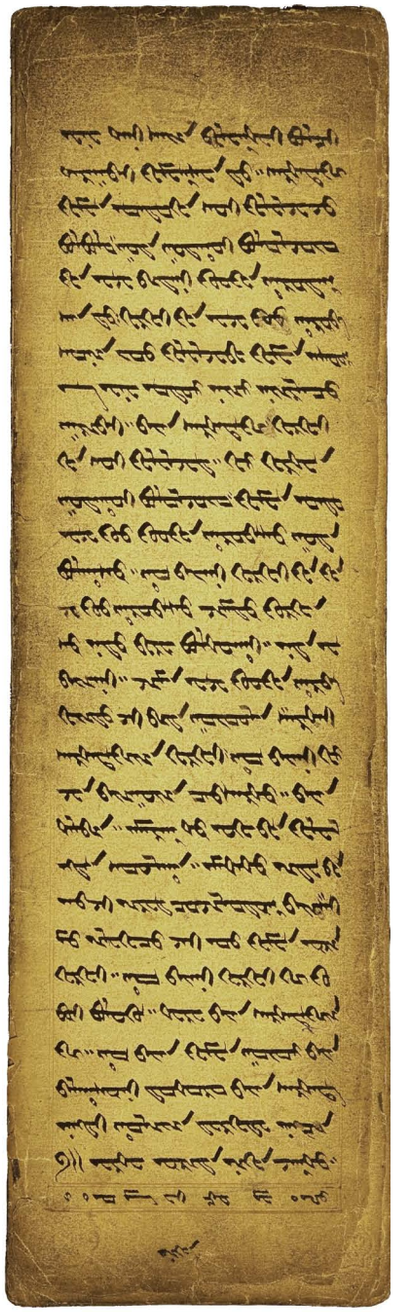
«Саγān Dāre ekeyin namtar orošibo»

Ойратская рукопись, 22 л., 34 × 9.5, 29 стк., черная тушь,
бумага с рельефным штемпелем «Фабрика Сумкина № 7»,
Институт языка и литературы АН Монголии
(шифр – № 688 [23])

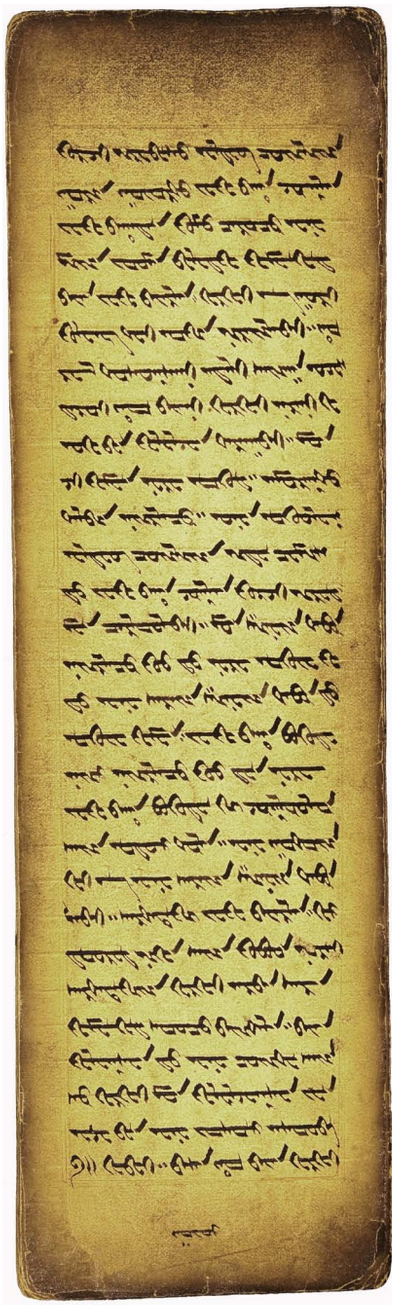
1a



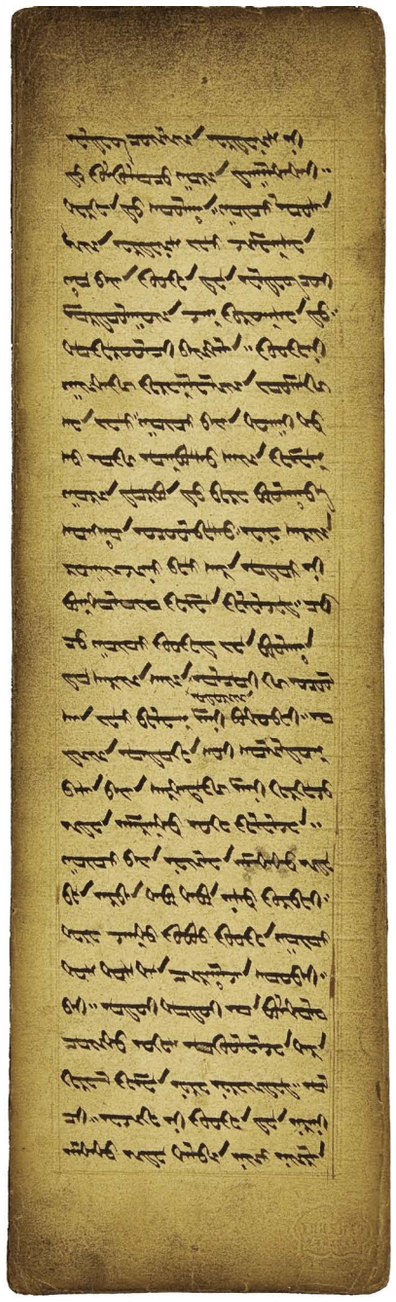
1b



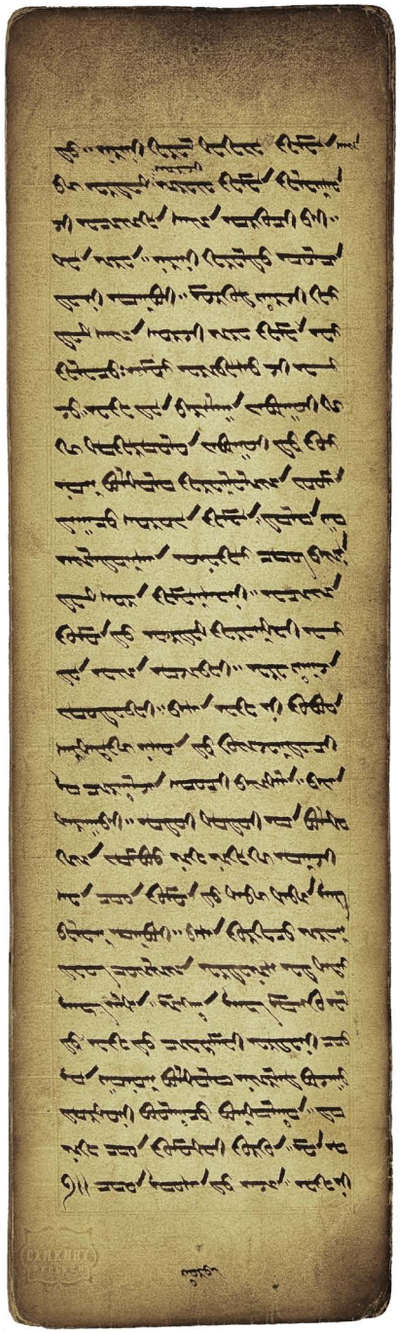
2a



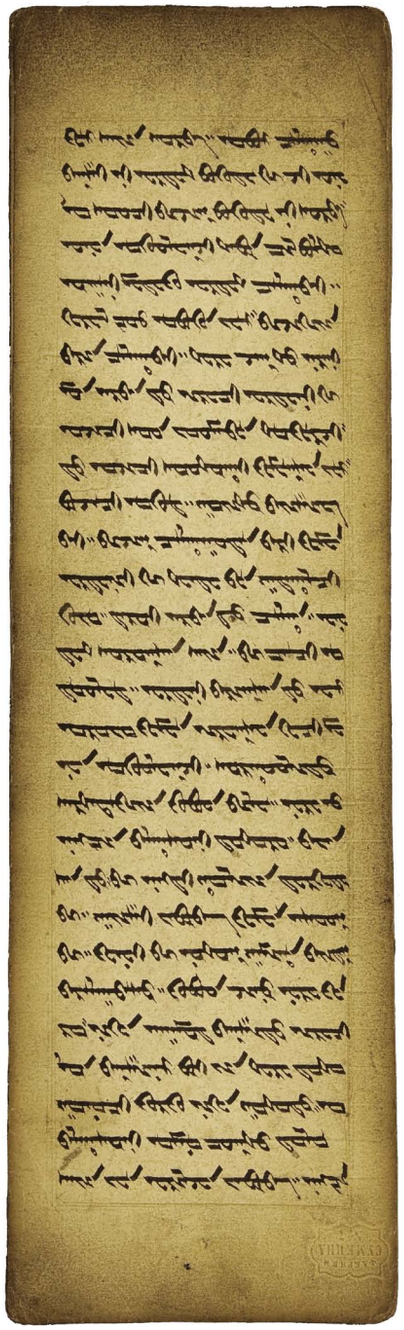
2b



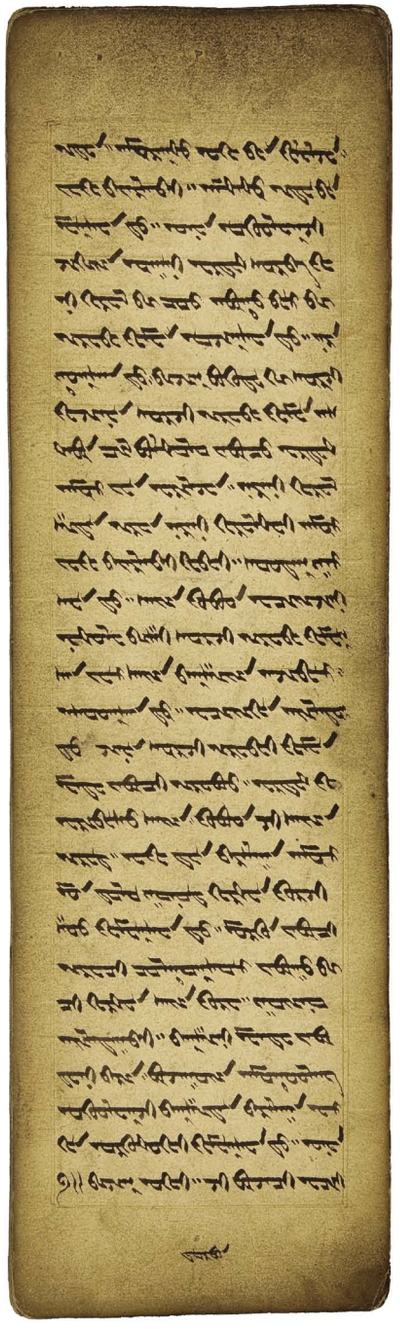
3a



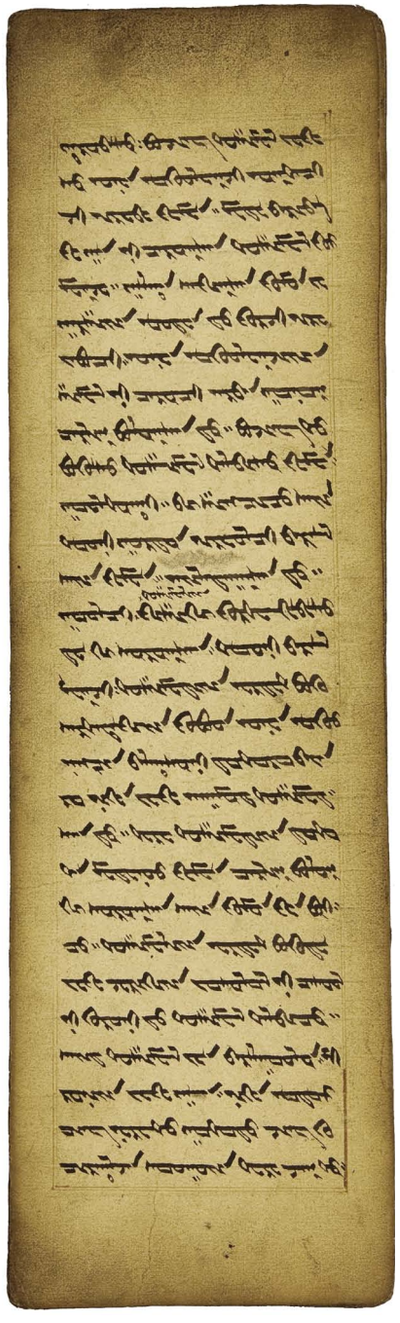
3b



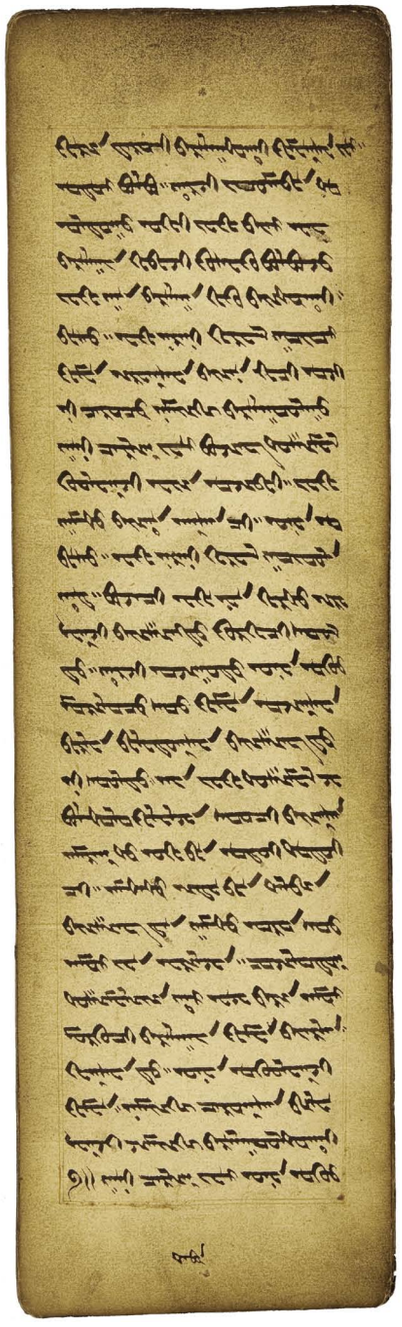
4a



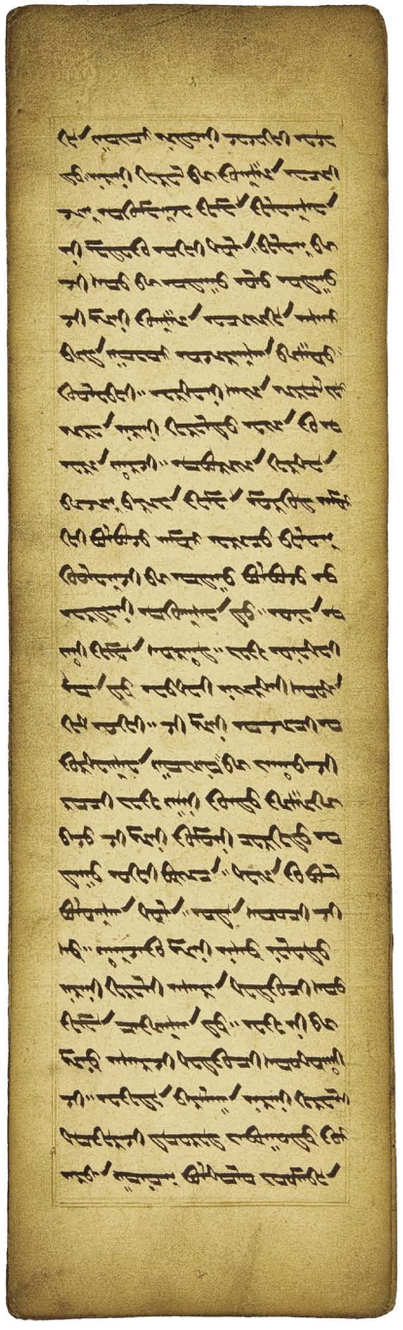
4b



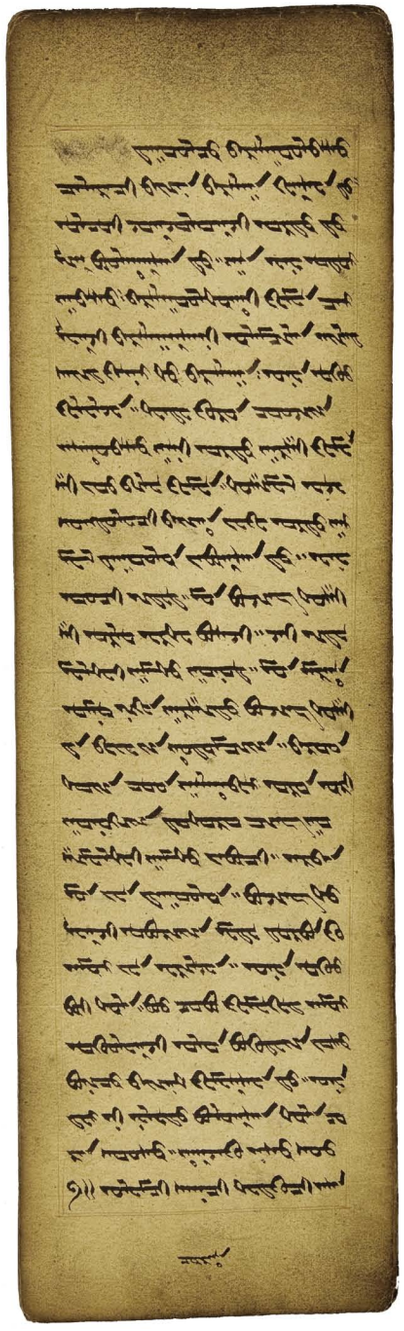
5a



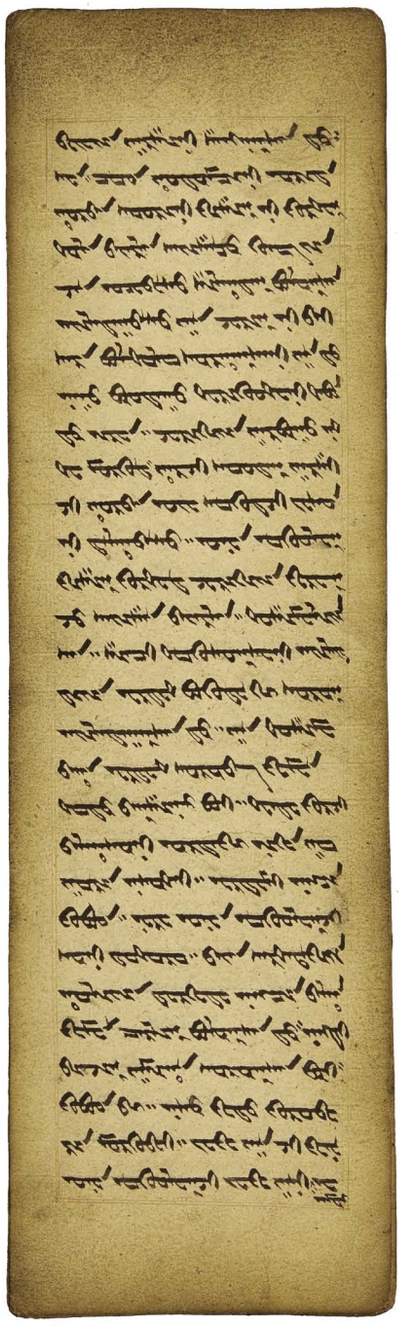
5b

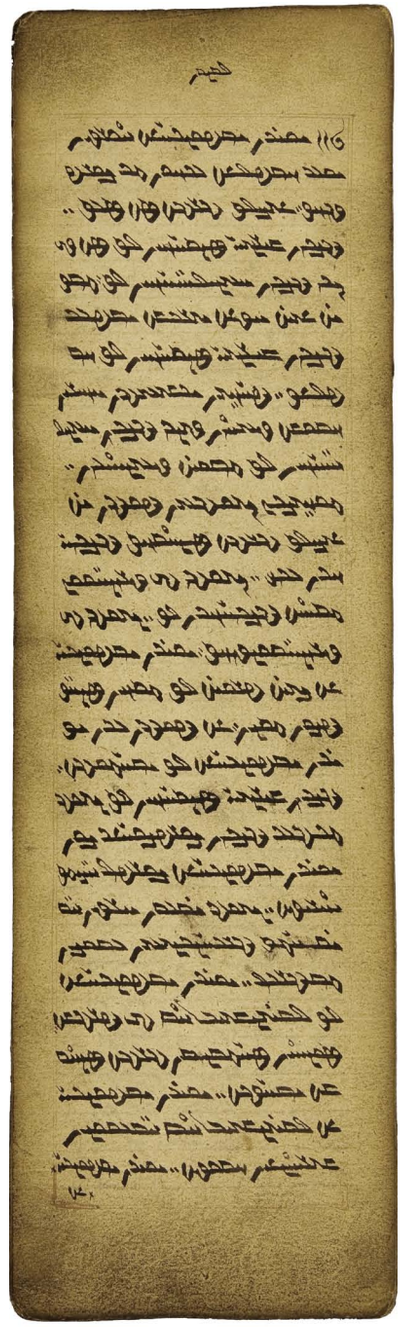


6a

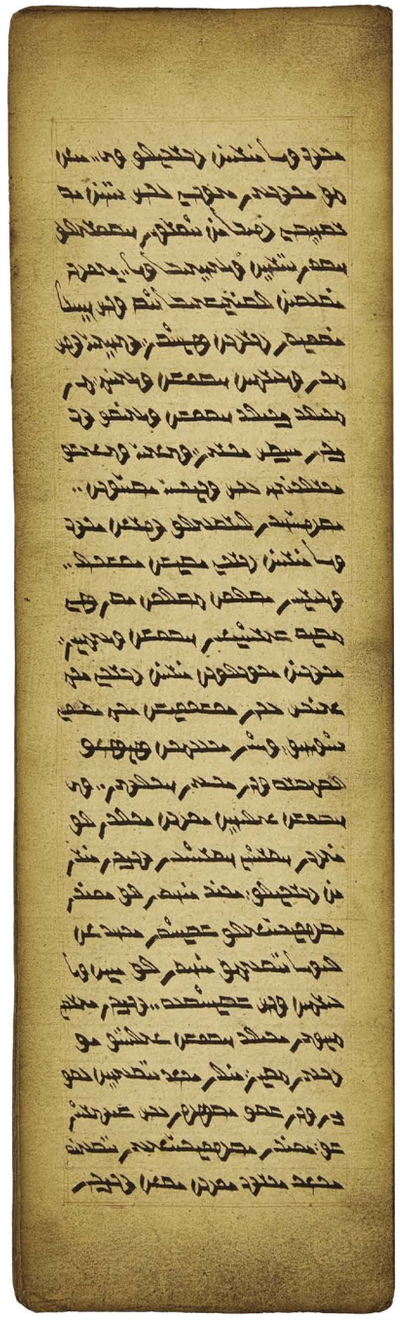


6b

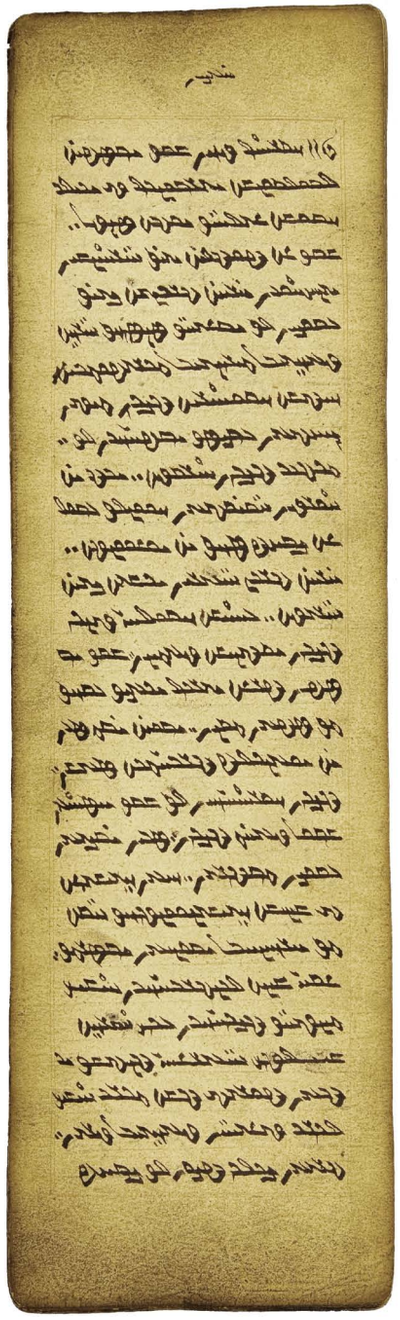




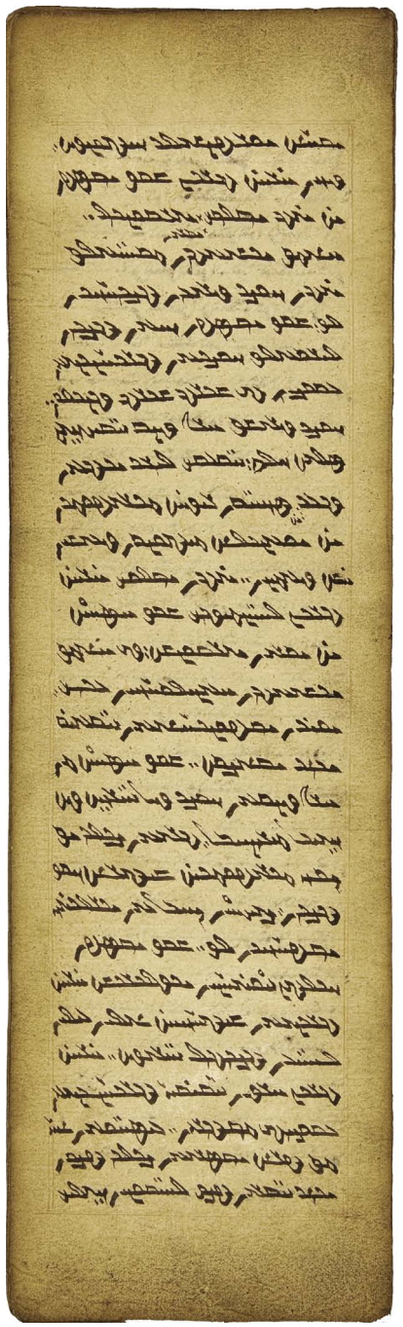
7a



7b

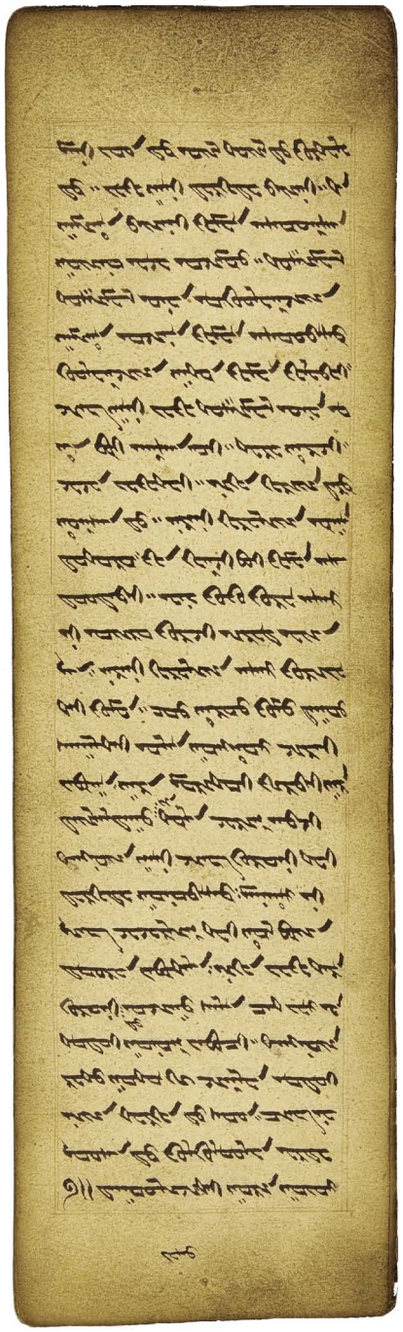


8a

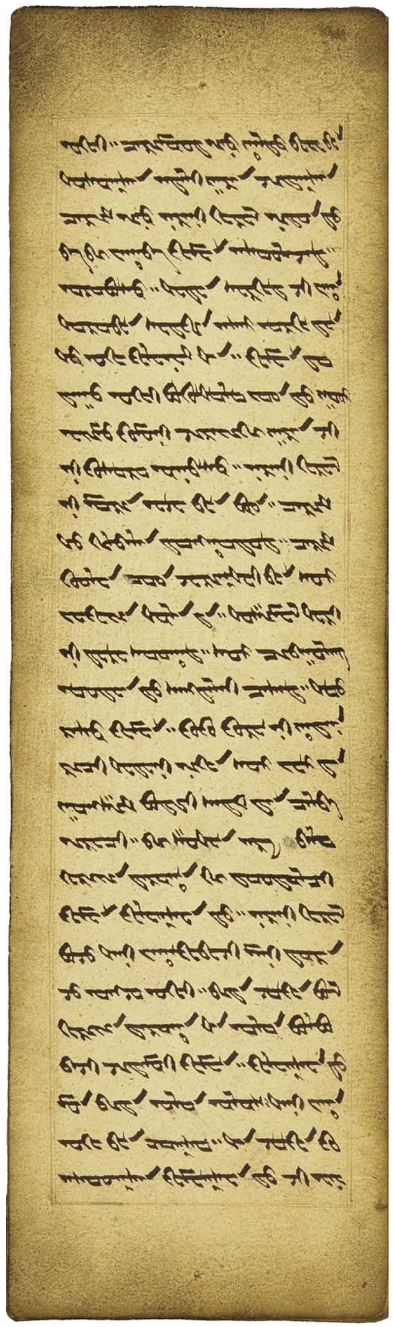


8b

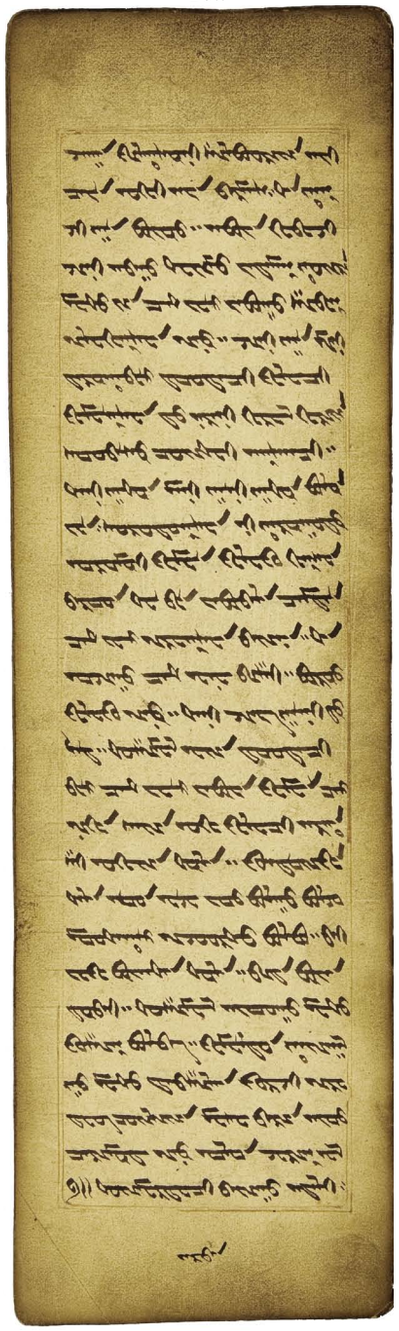
9a



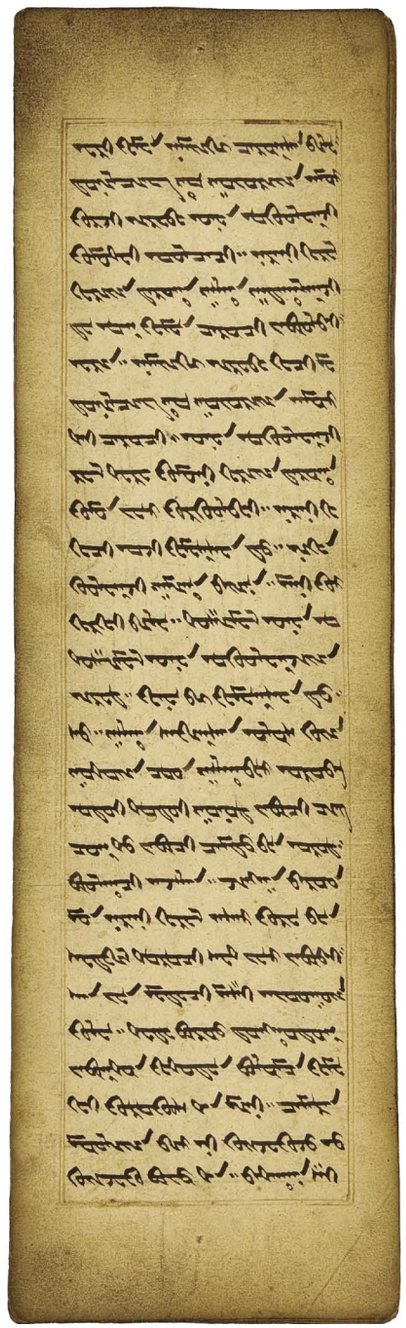
9b



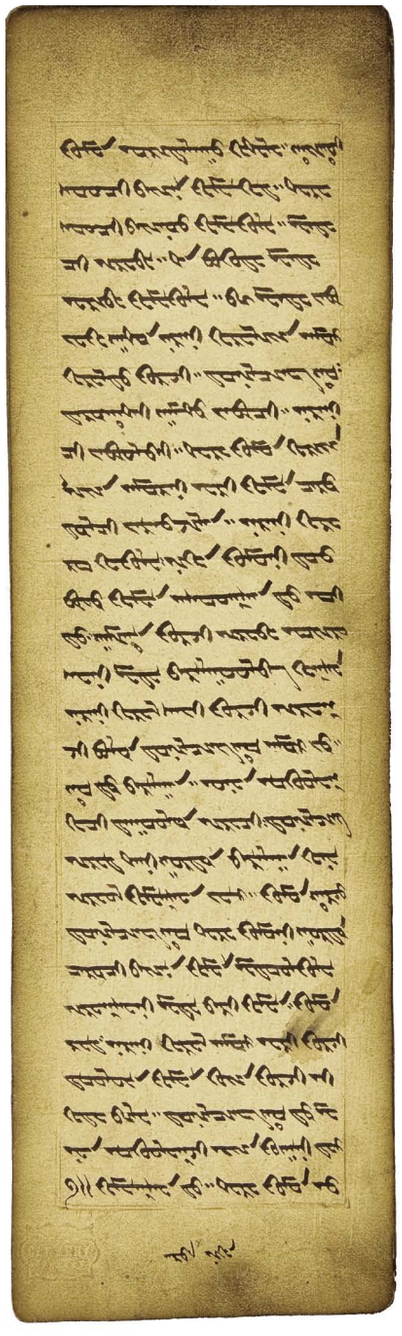
10a



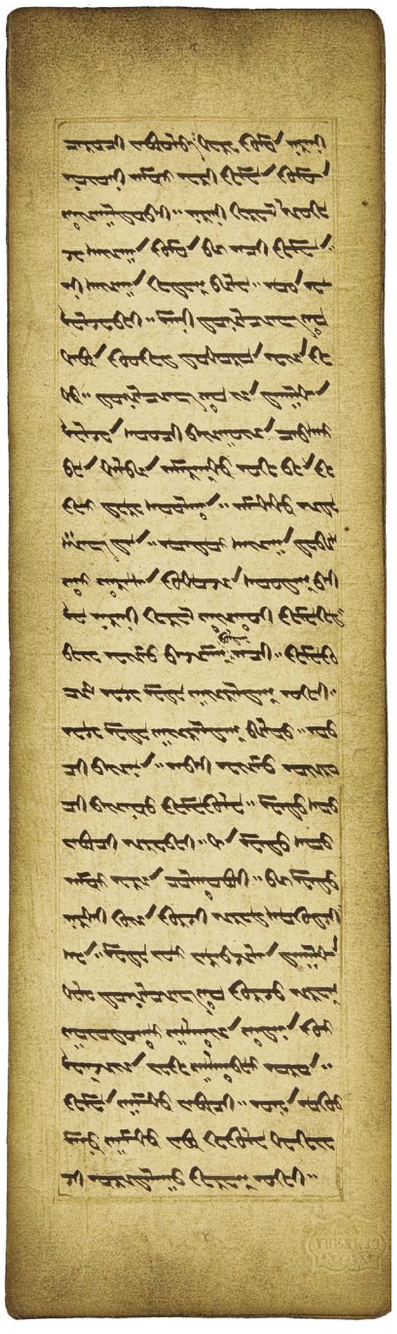
10b



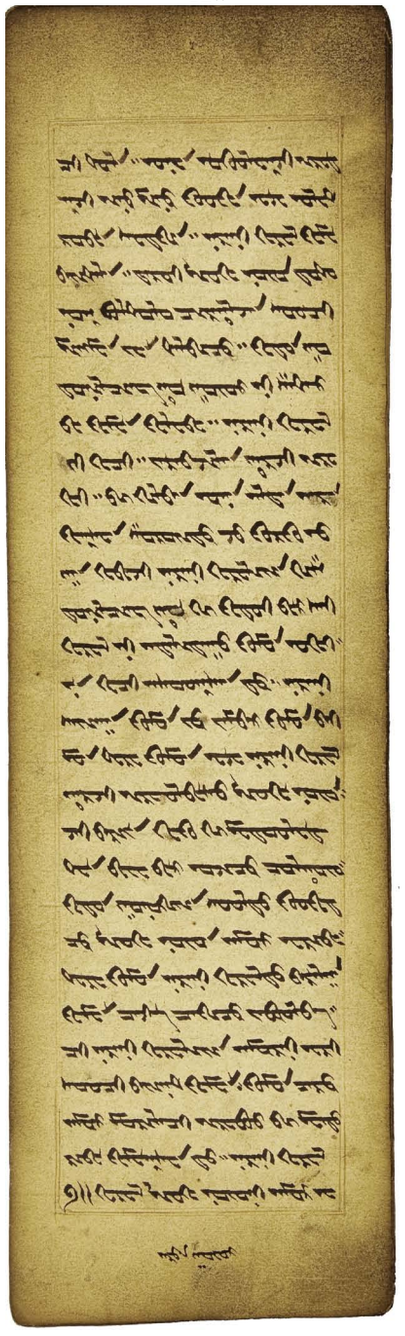
11a



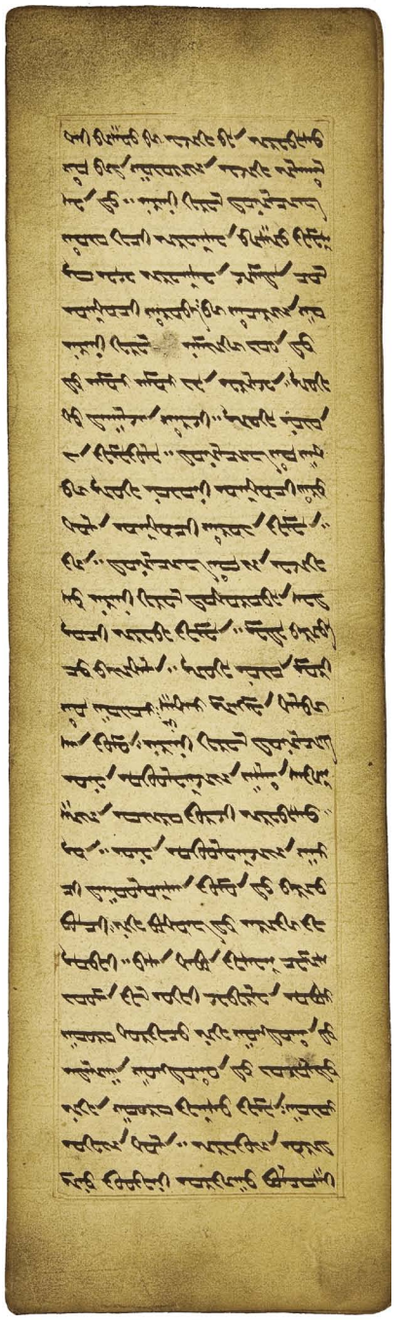
11b

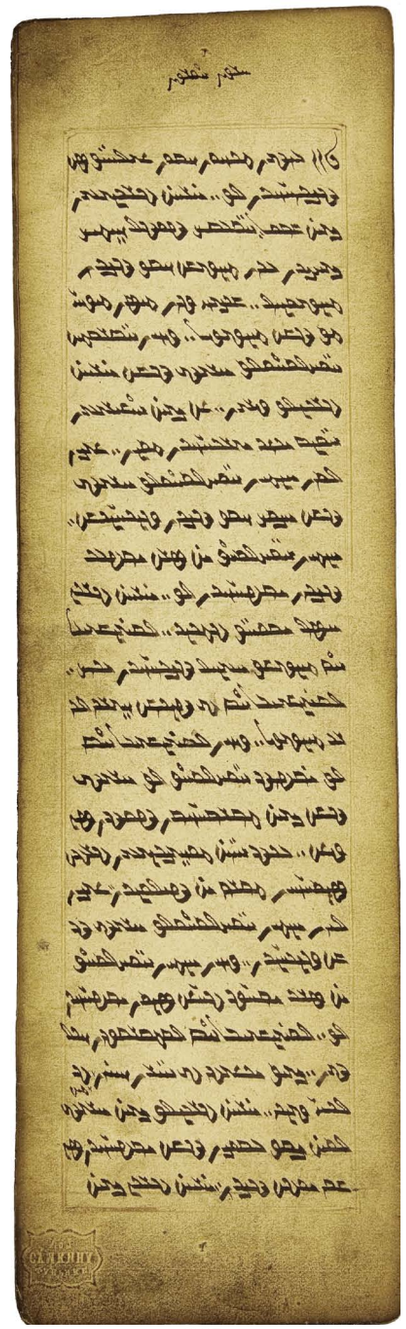


12a

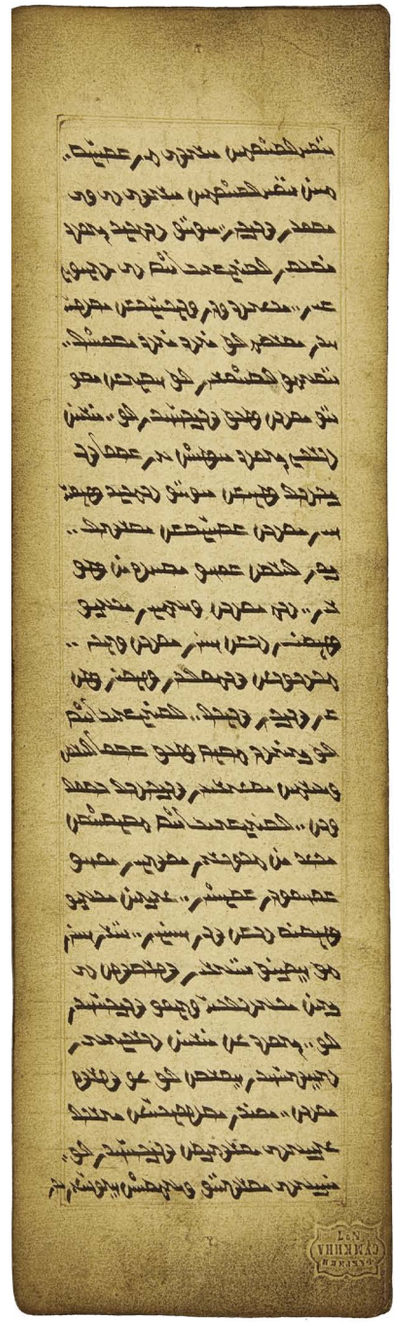


12b

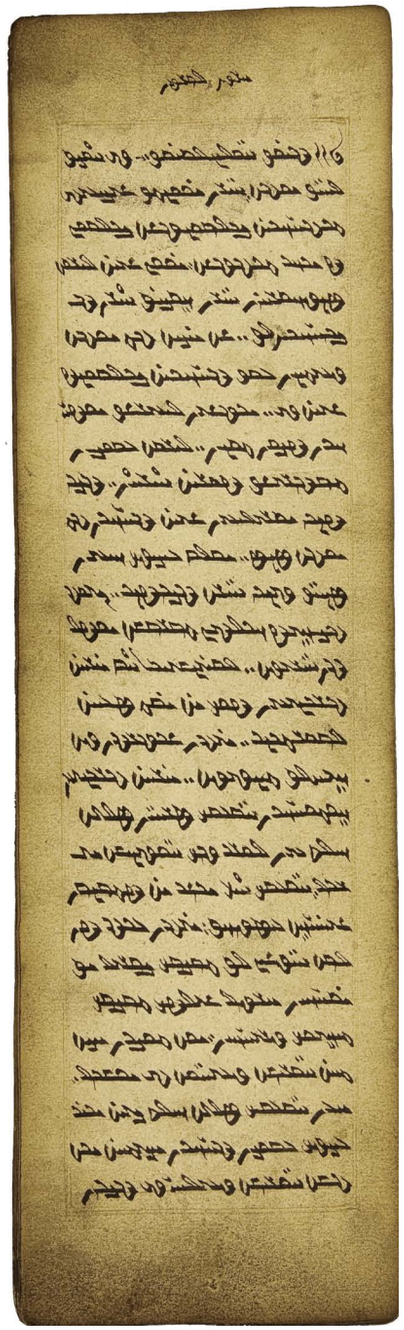




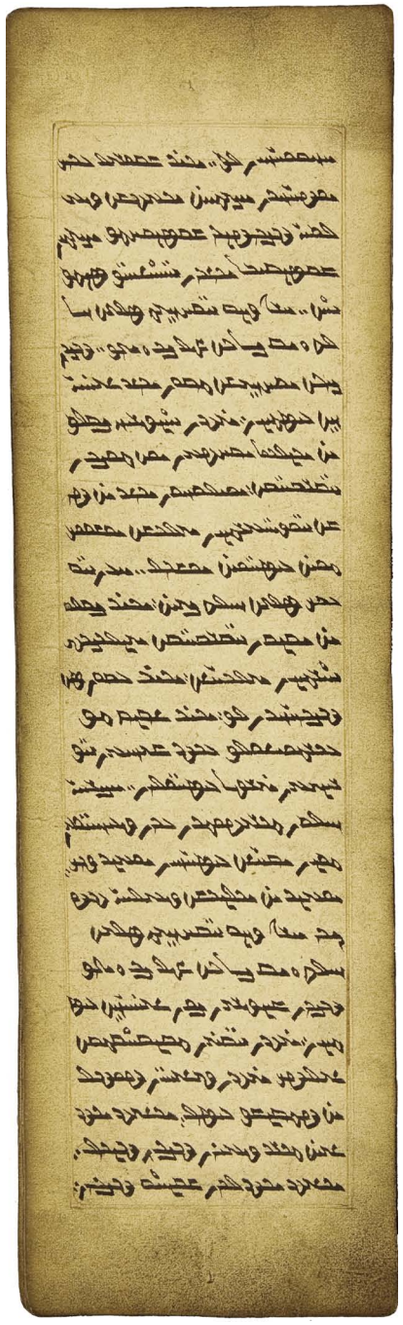
13a



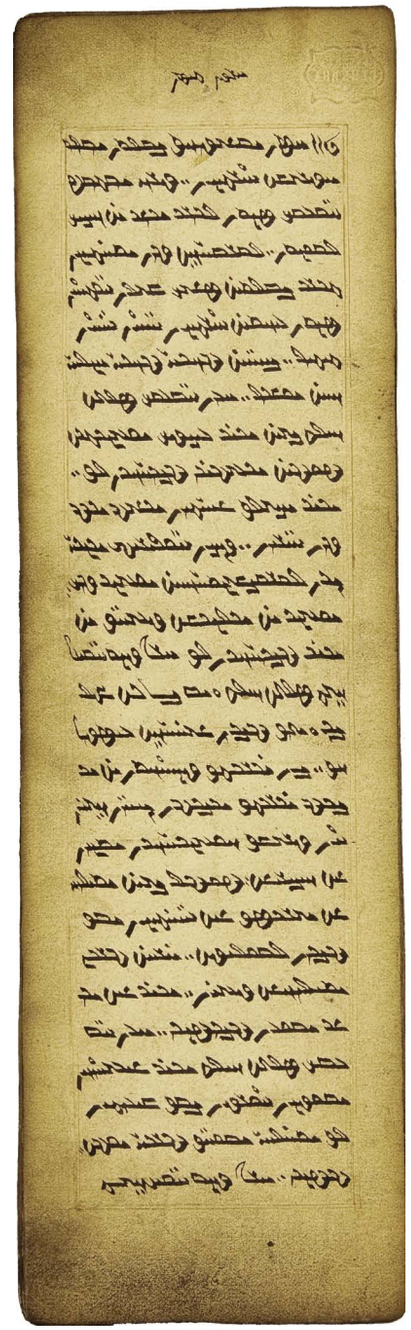
13b



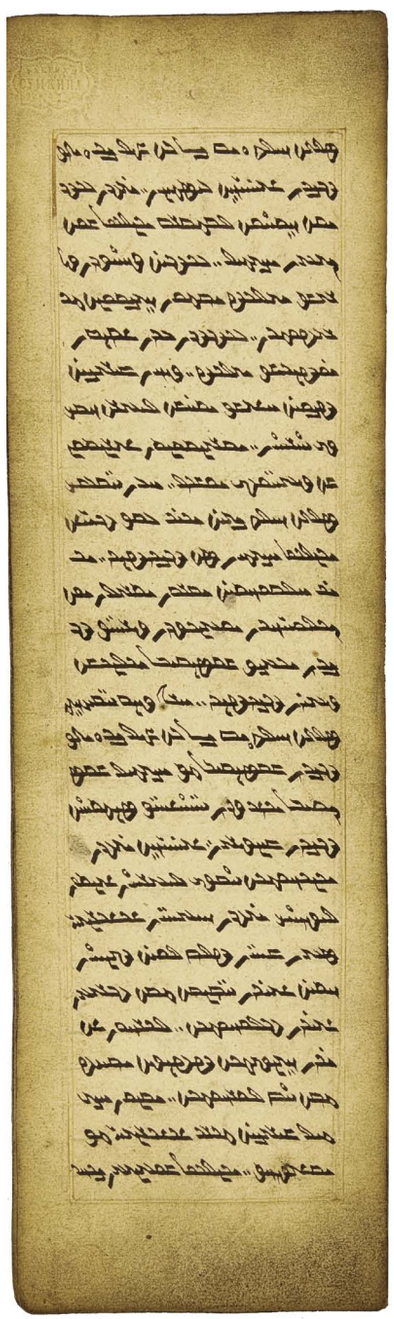
14a



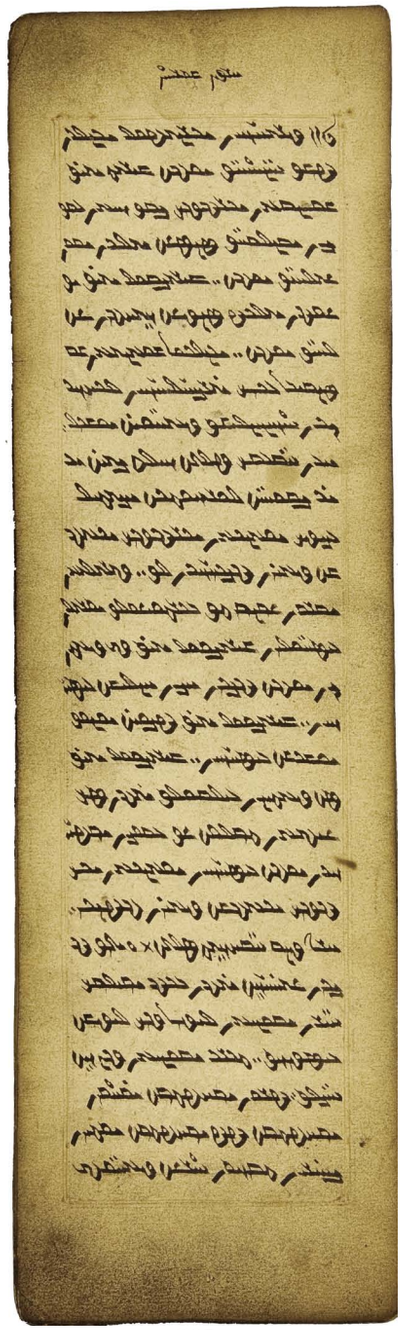
14b



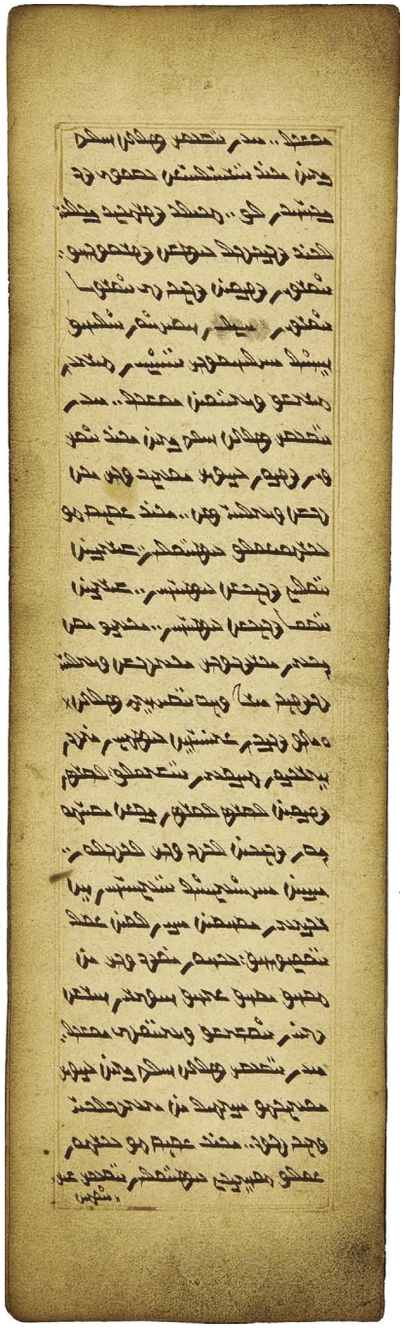
15a



15b

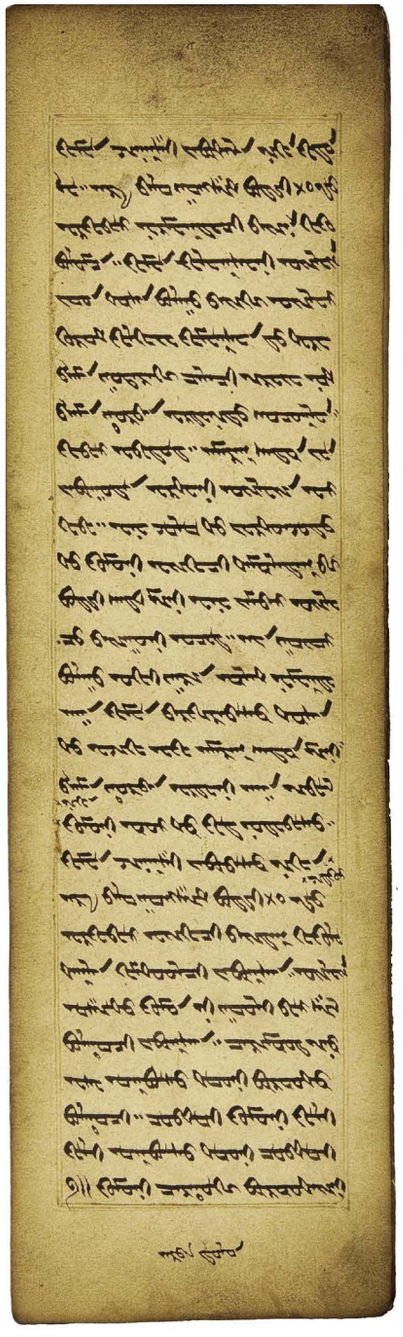


16a

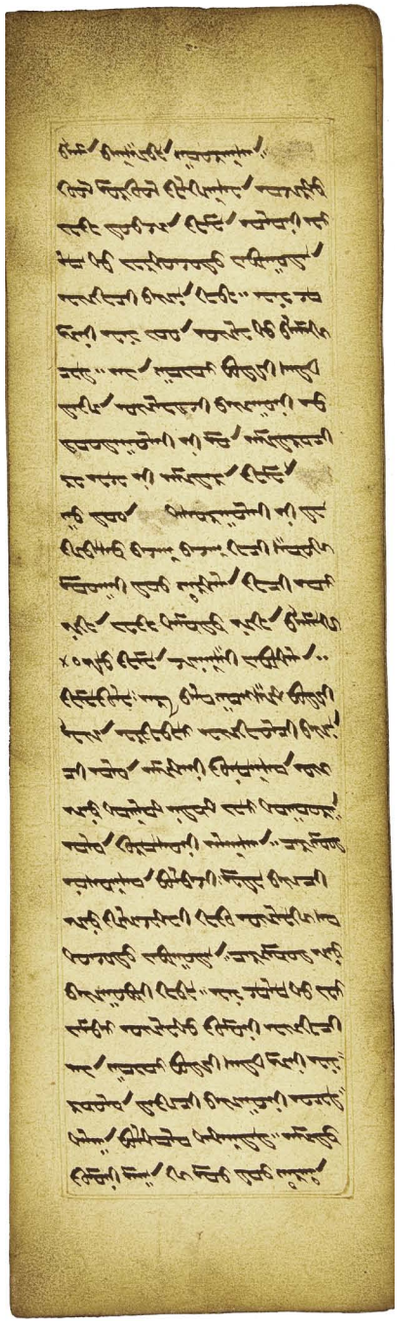


16b

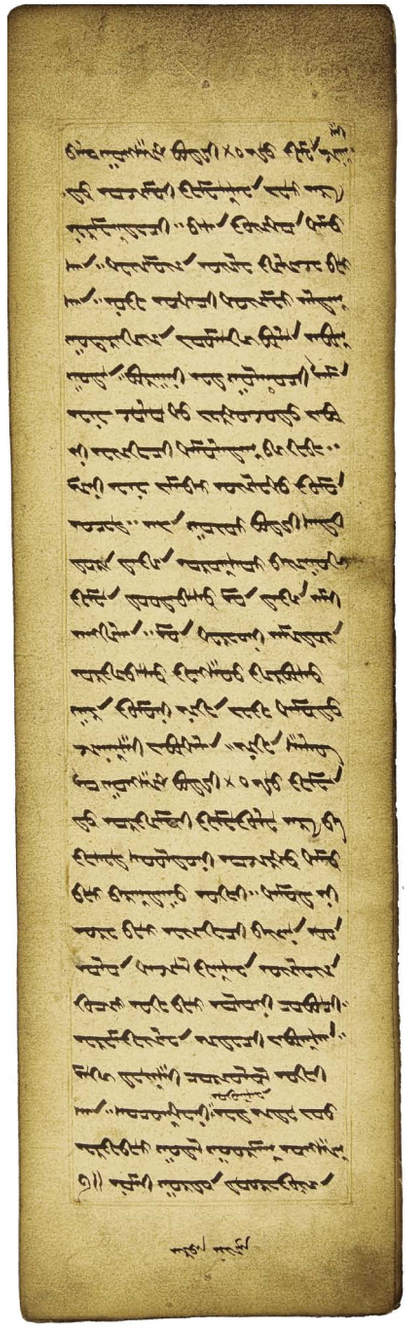
17a



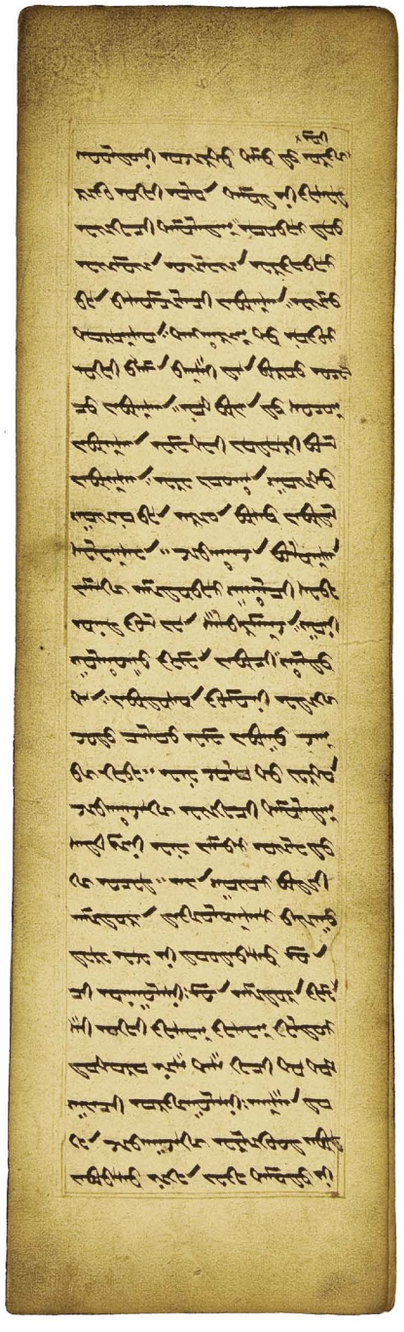
17b



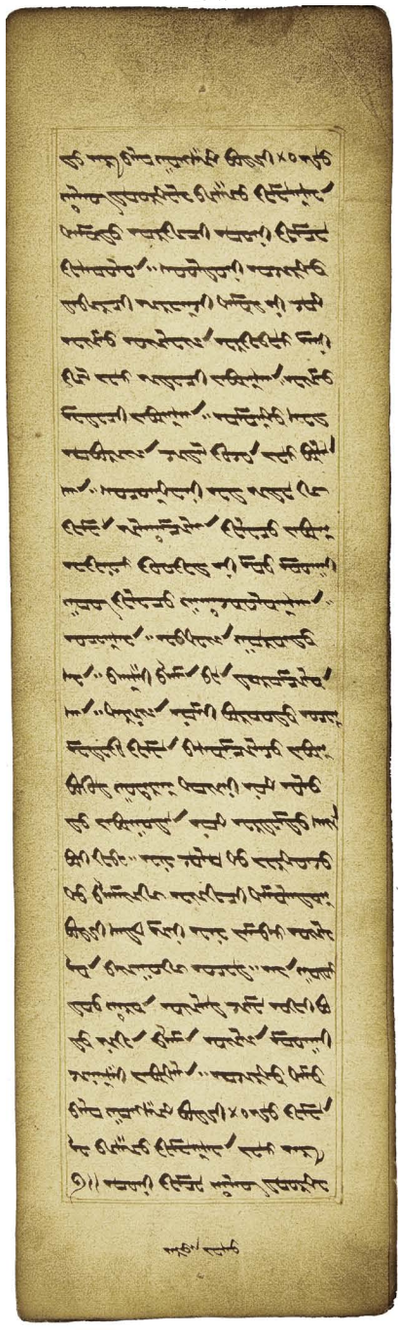
18a



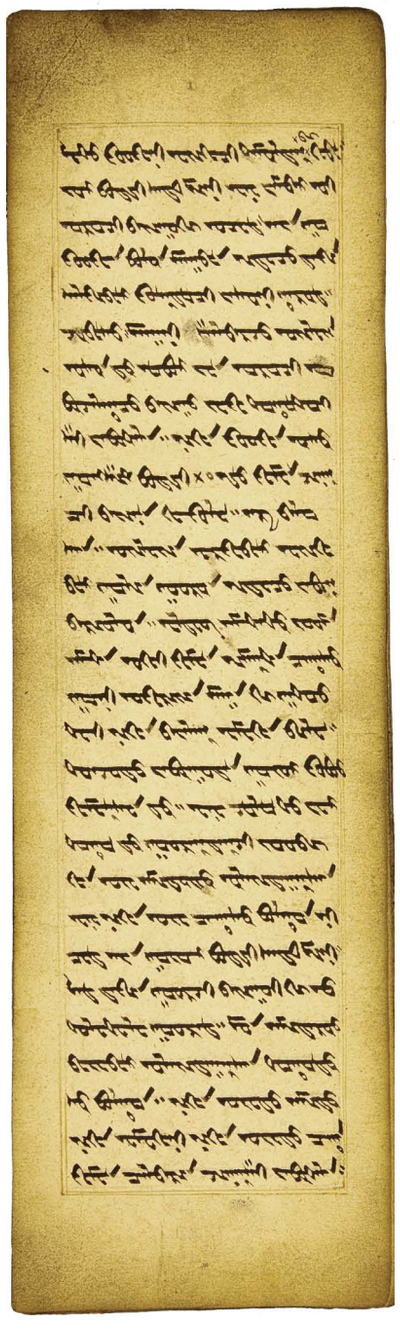
18b



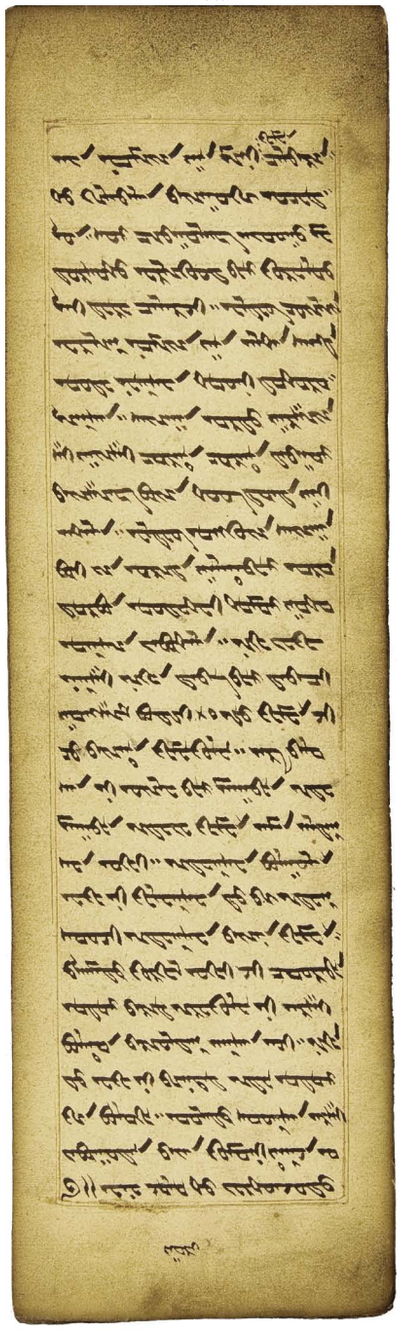
19a



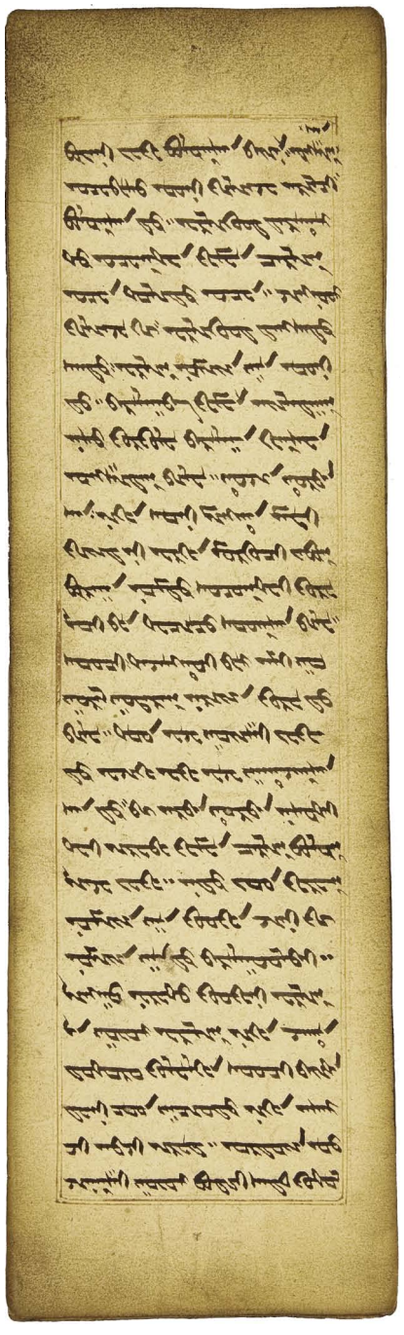
19b



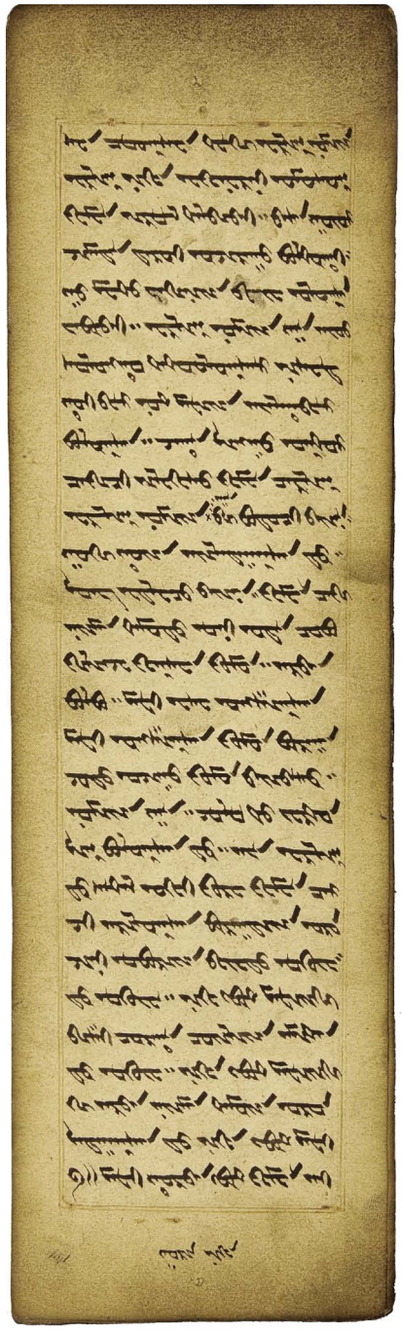
20a



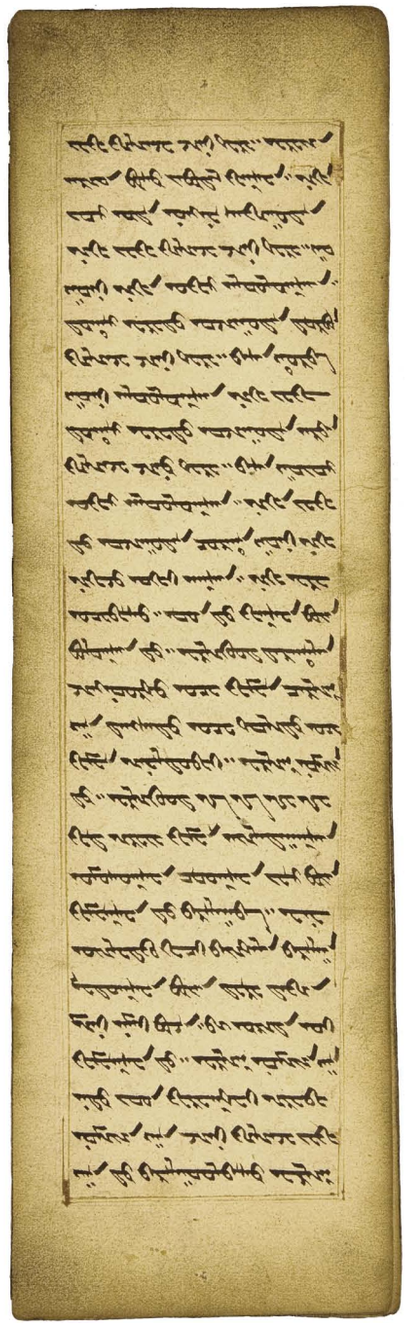
20b



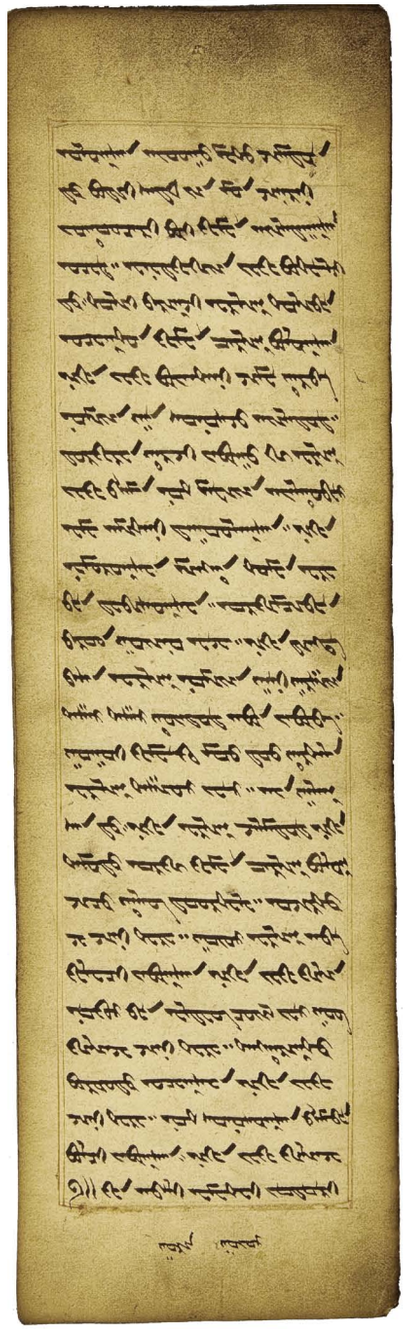
21a



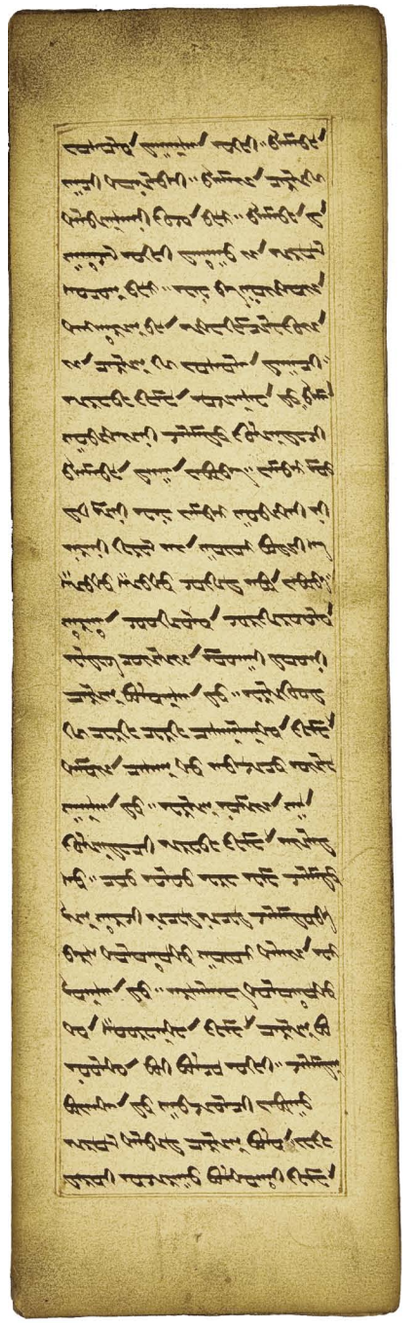
21b

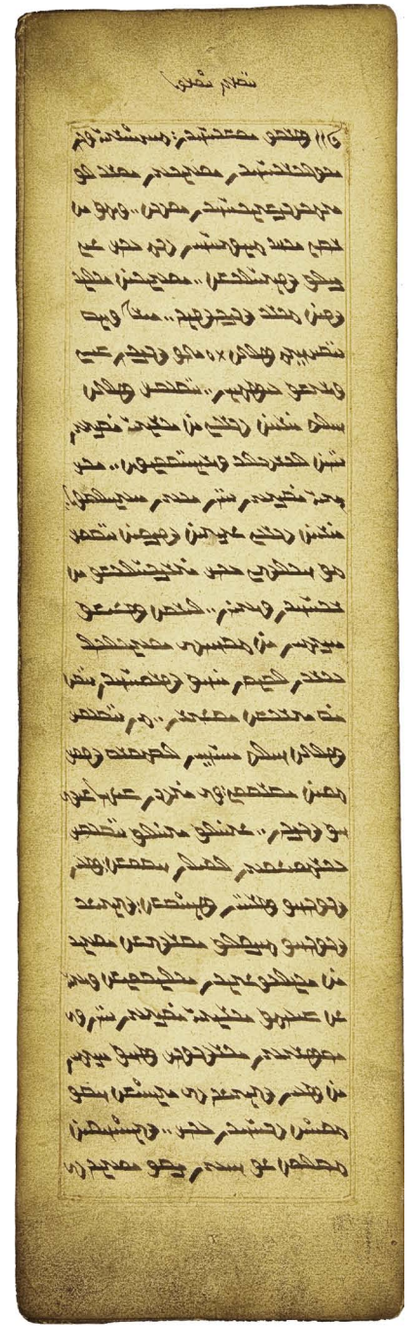


22a

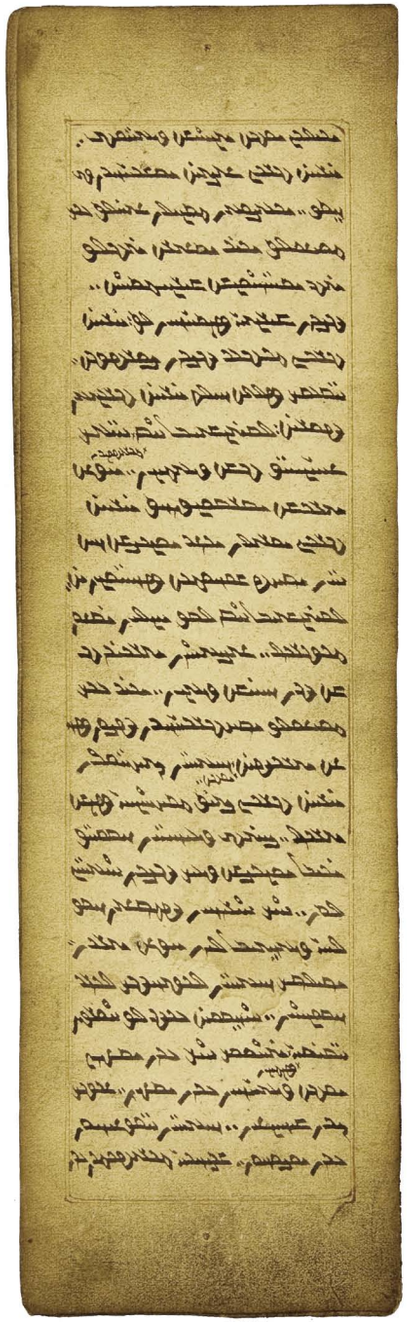


22b

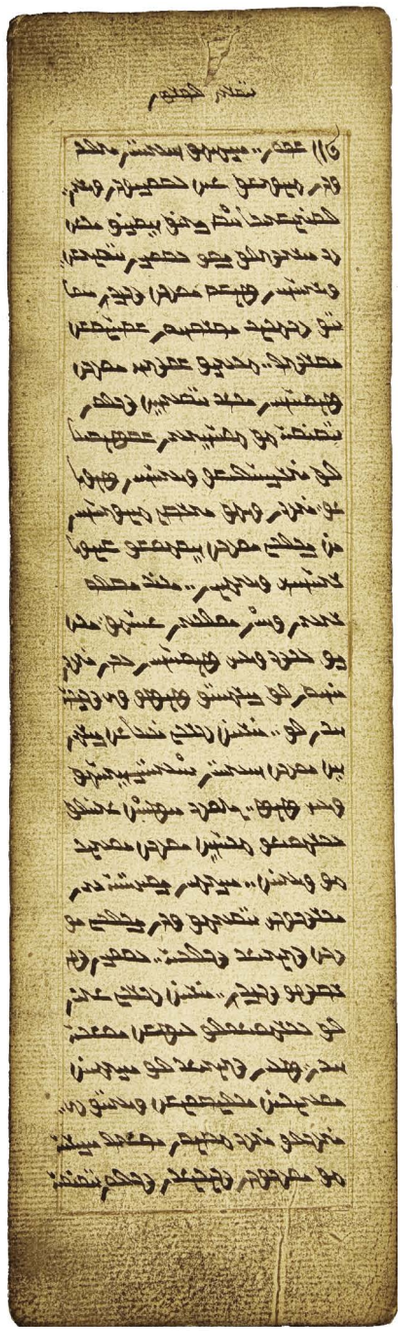




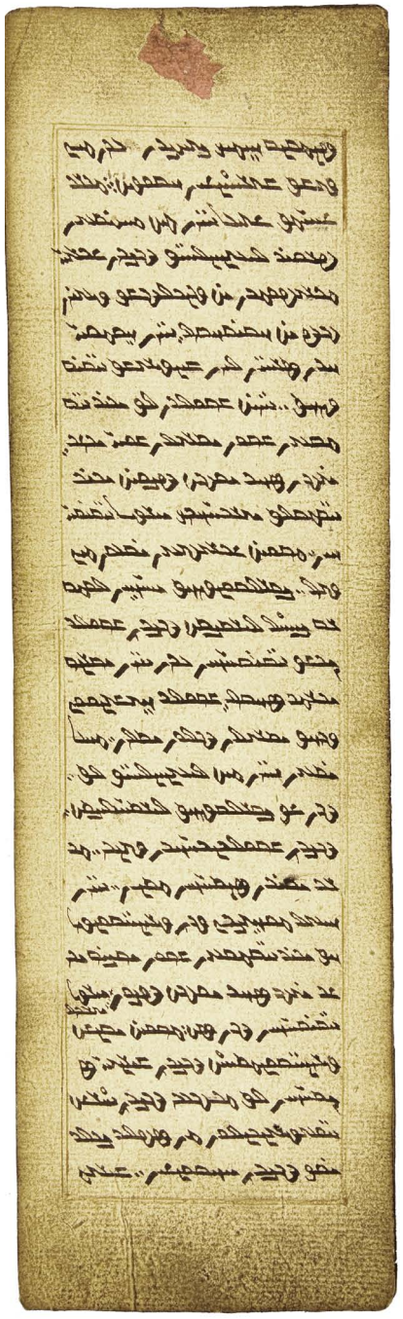
23a



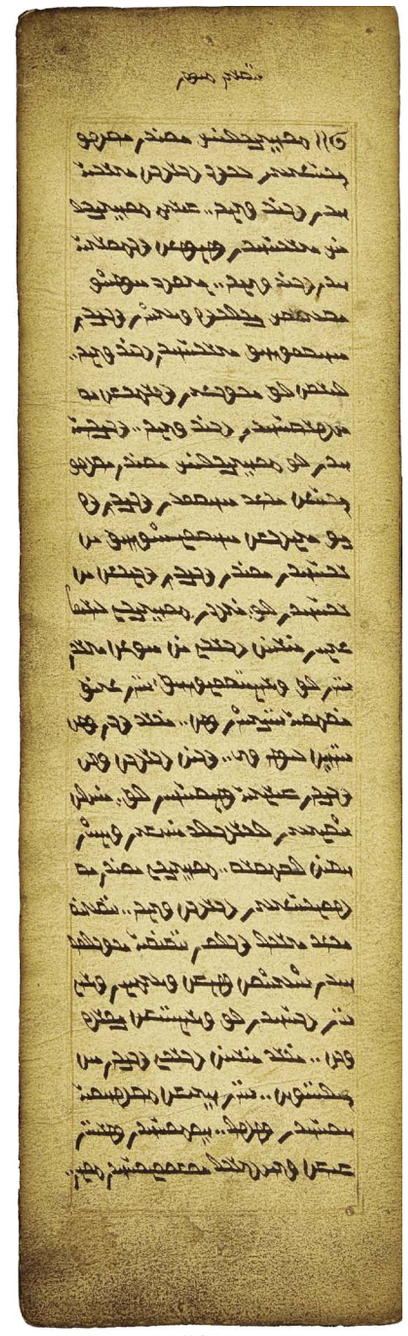
23b



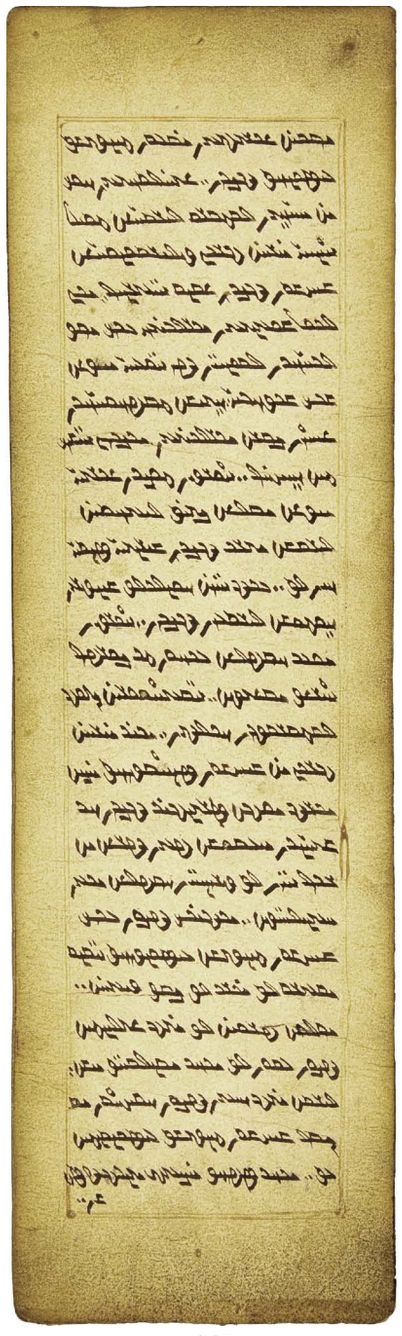
24a



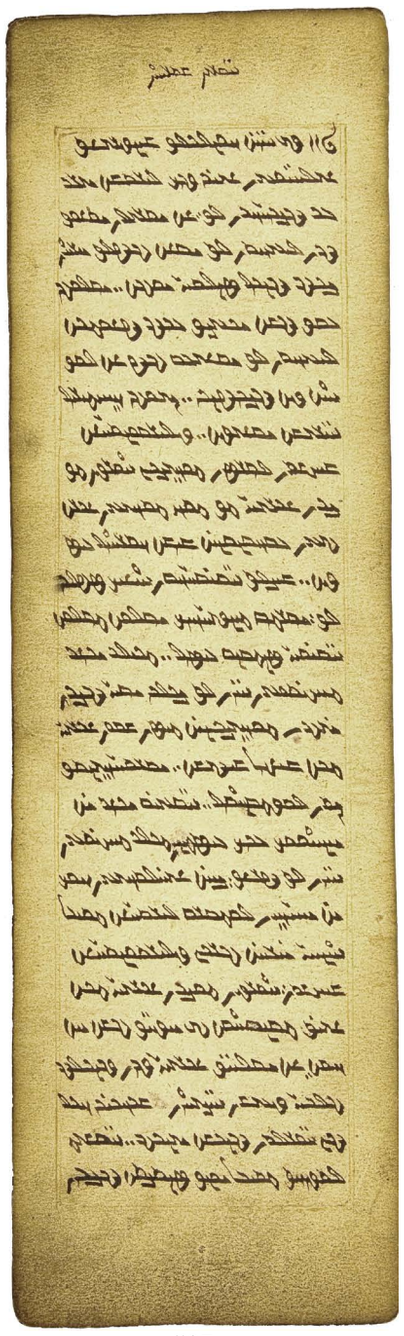
24b



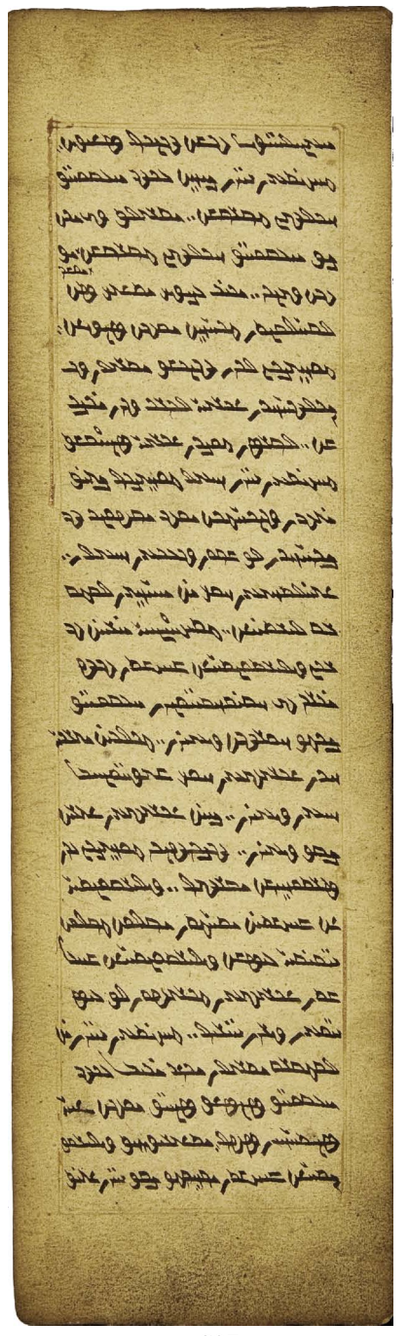
25a



25b

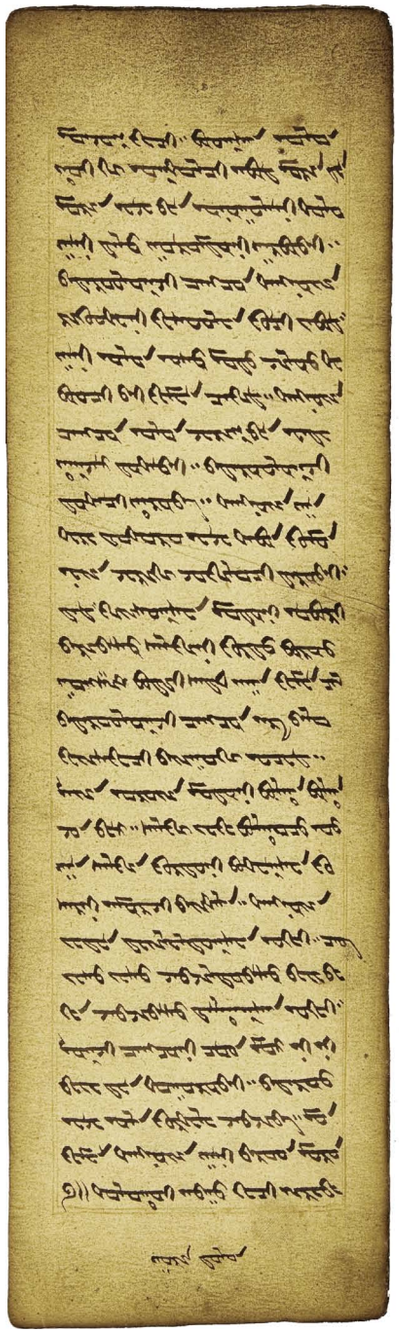


26a

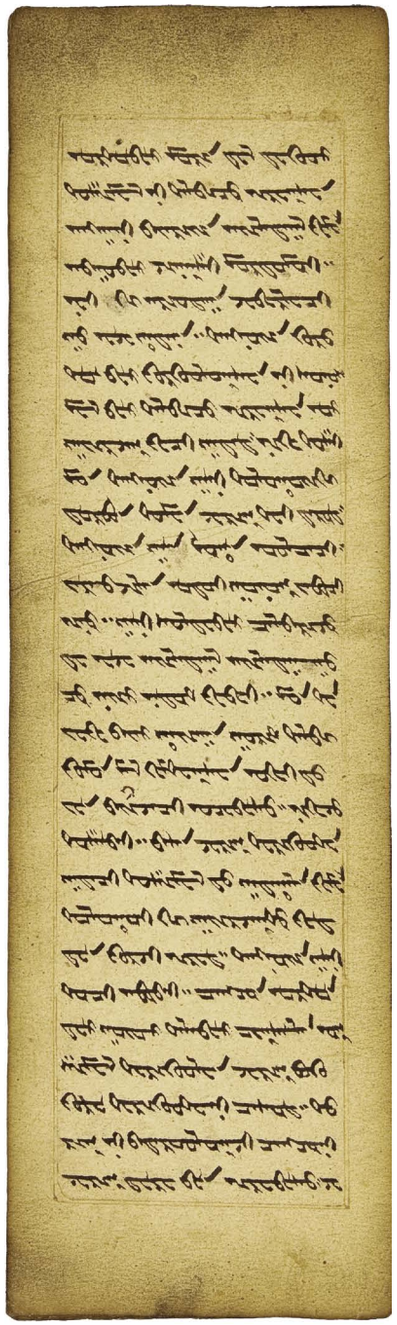


26b

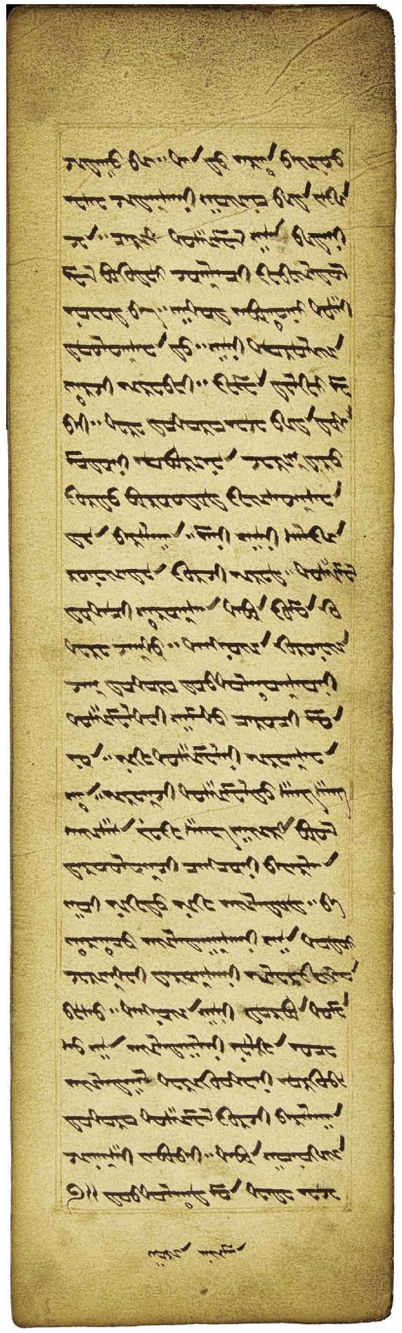
27a



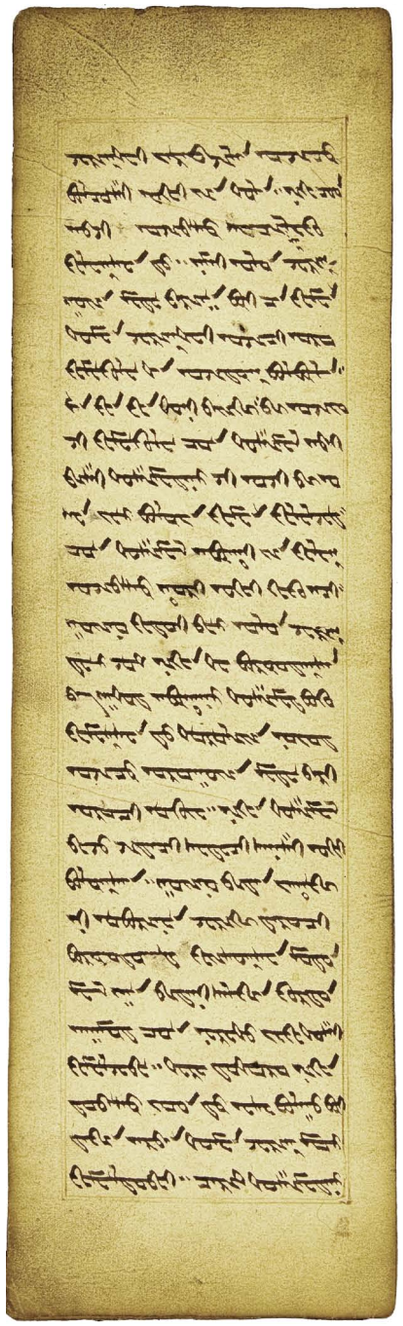
27b



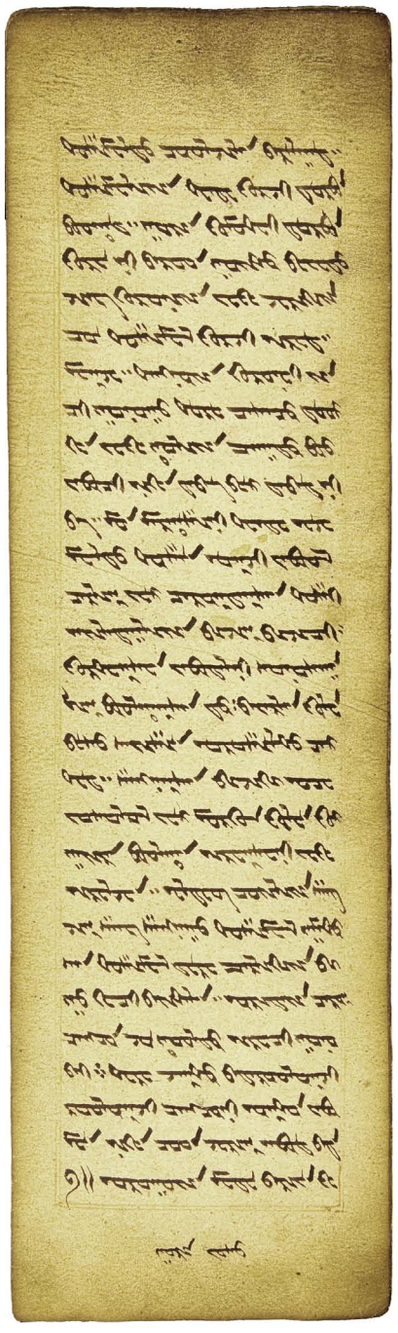
28a



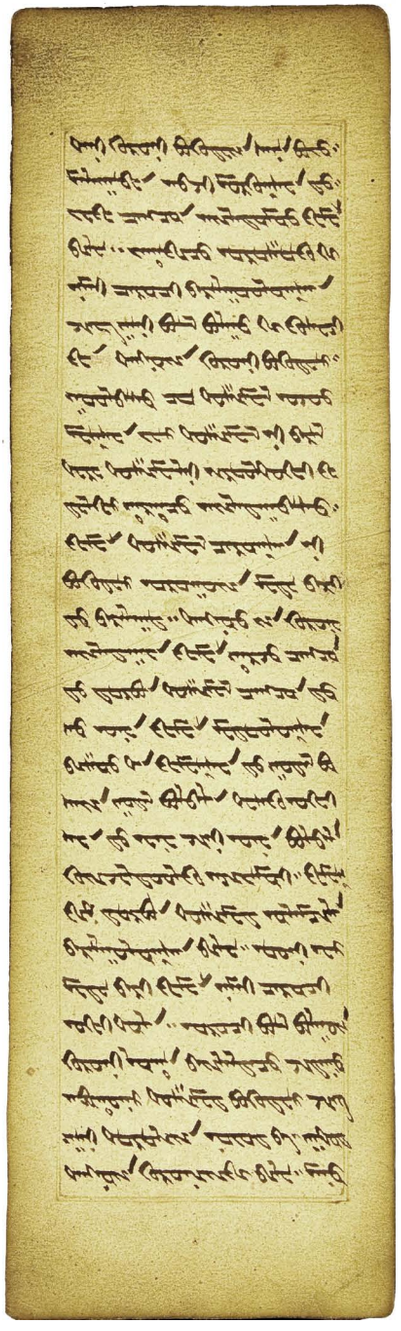
28b



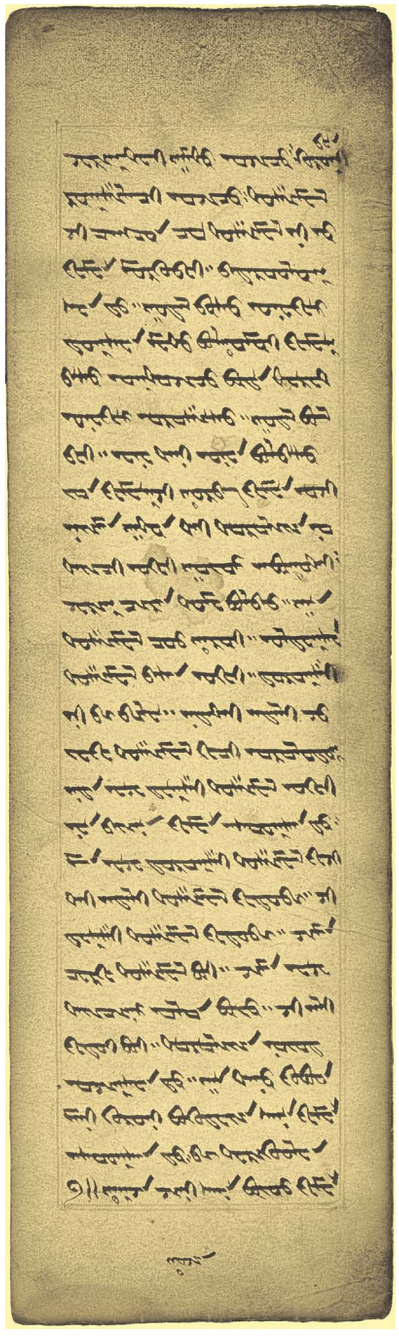
29a



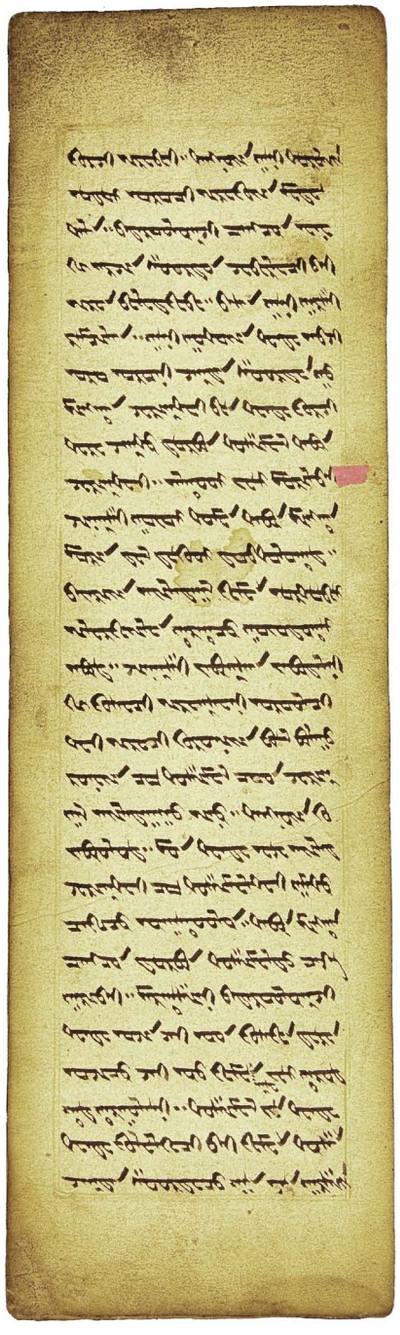
29b

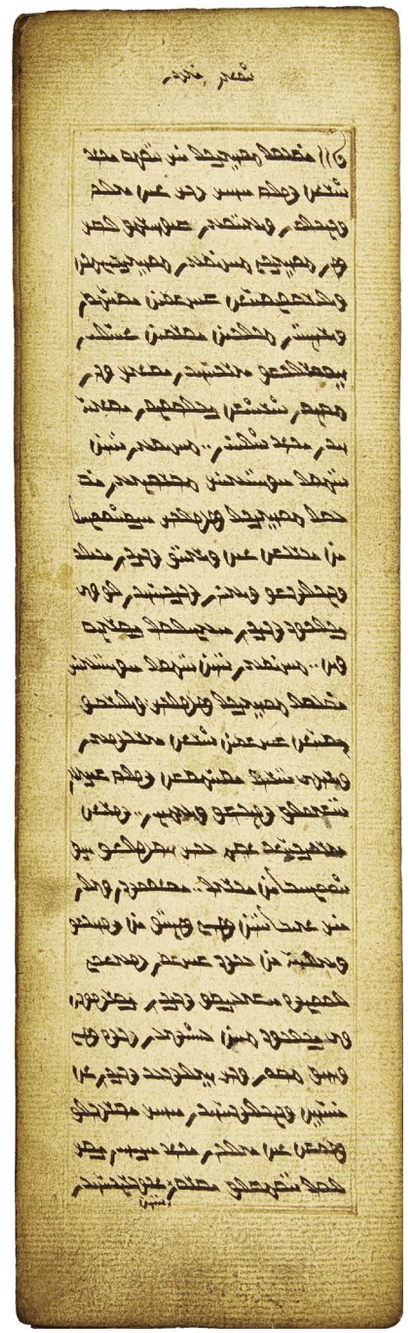


30a

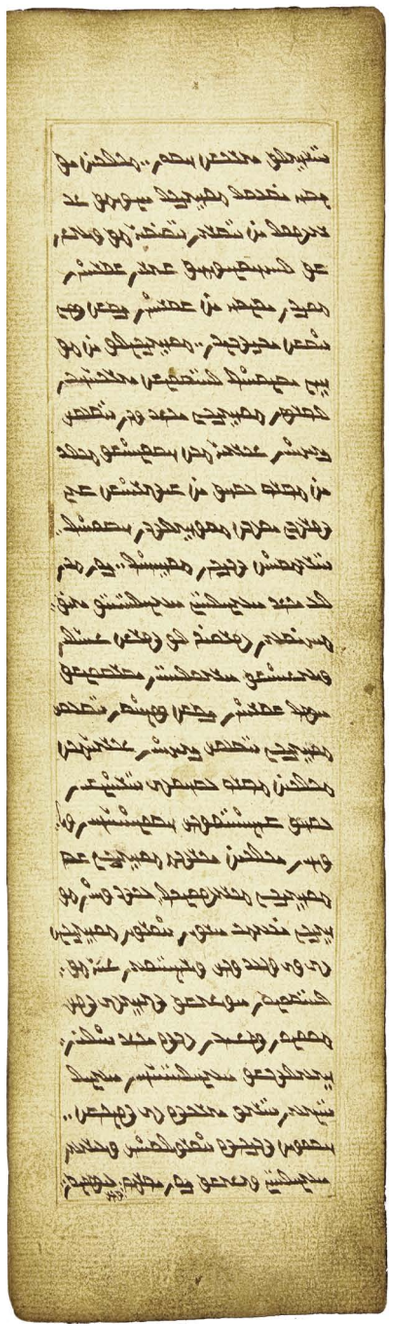


30b

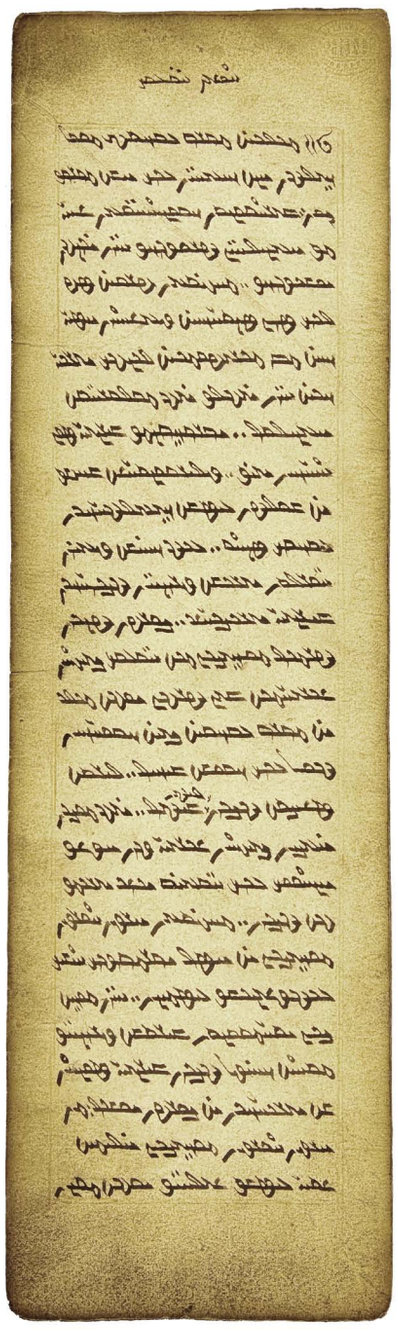




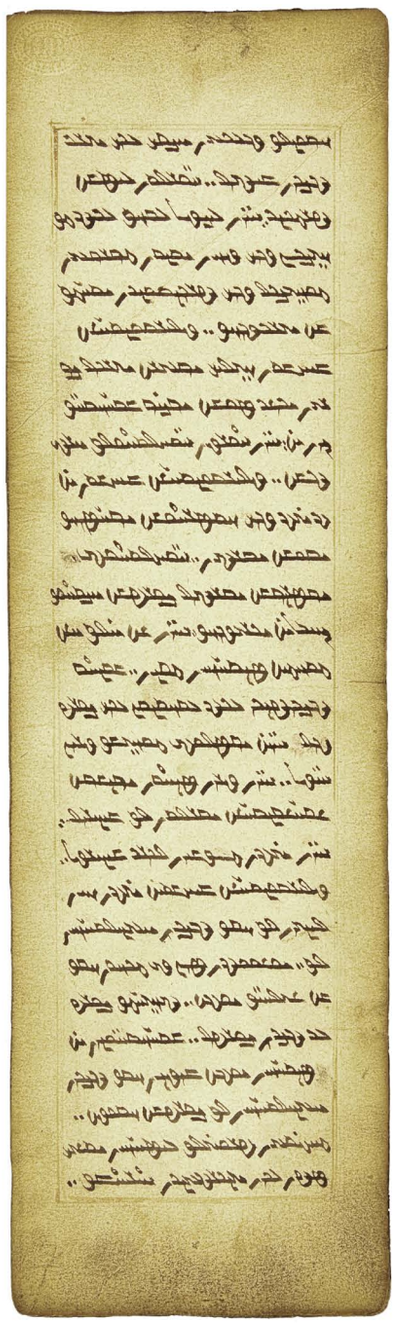
31a



31b

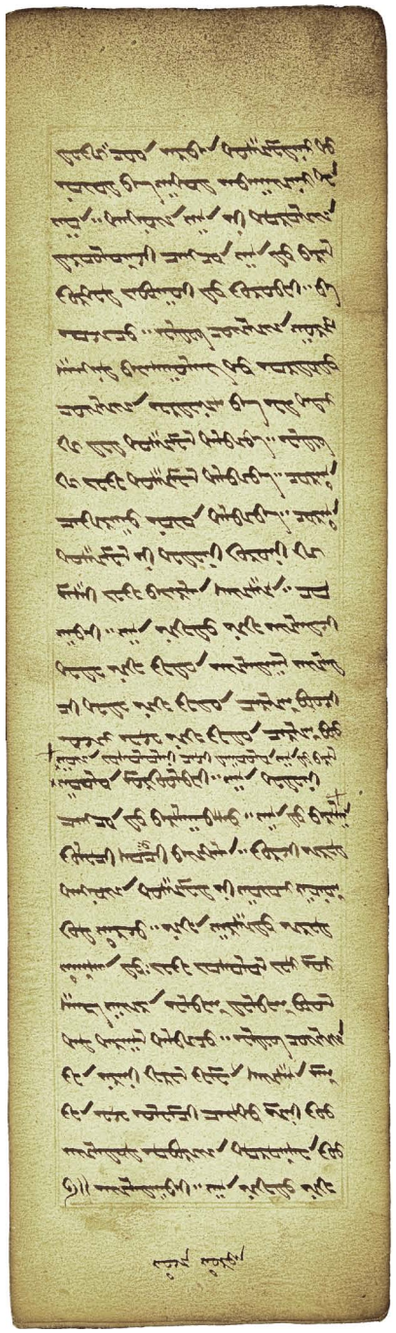


32a

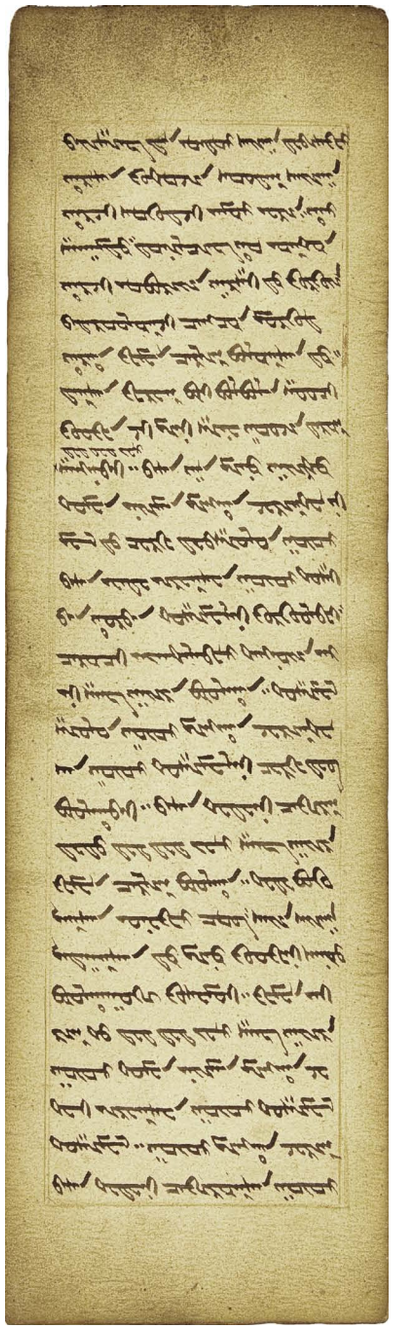


32b

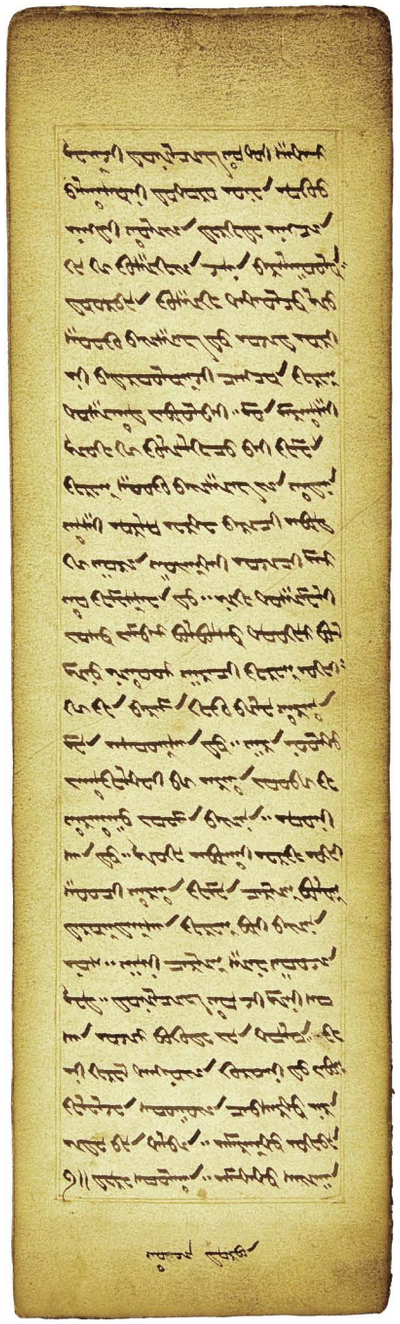
33a



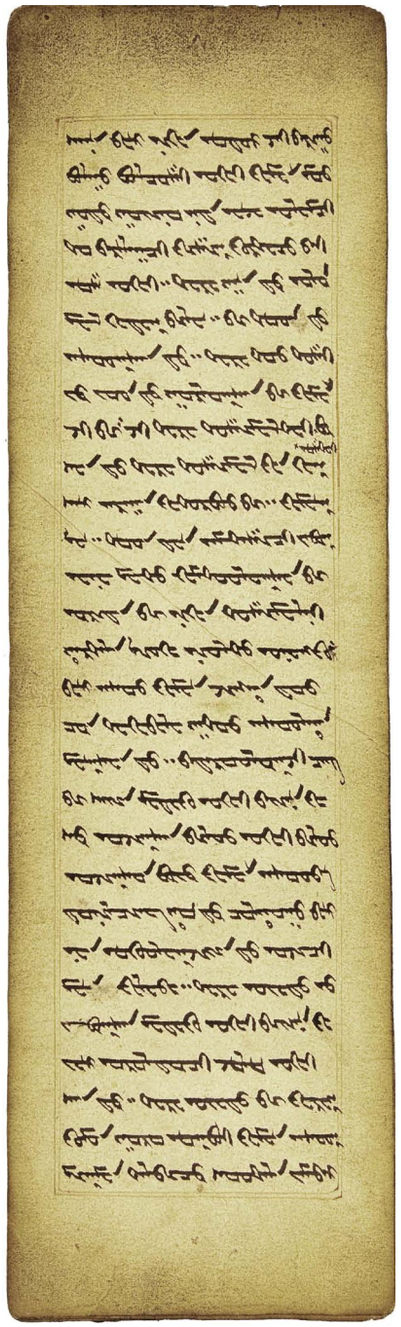
33b



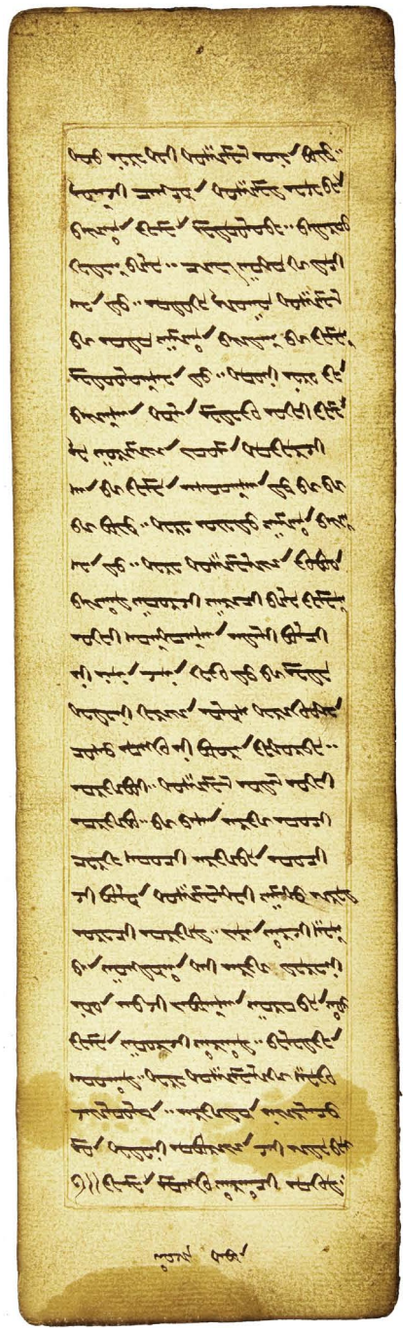
34a



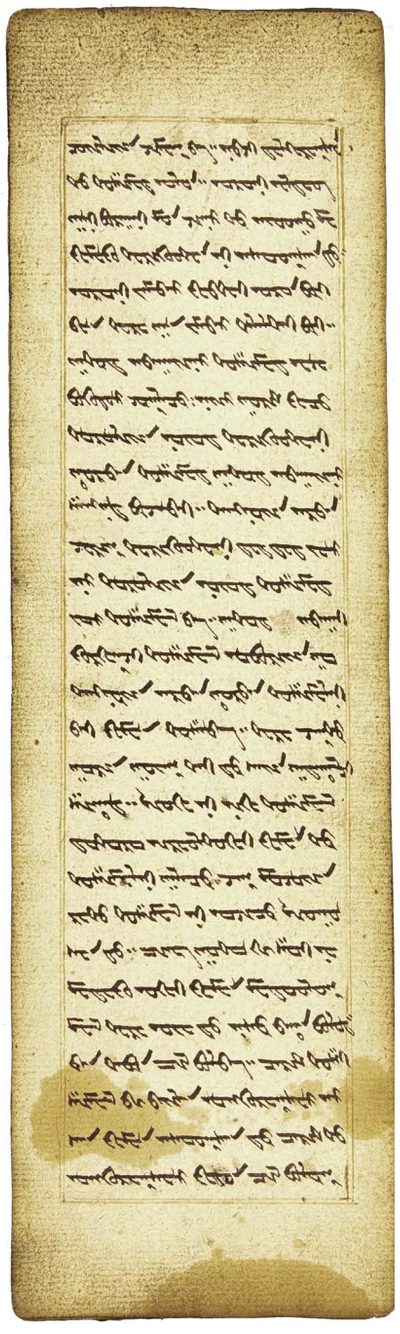
34b



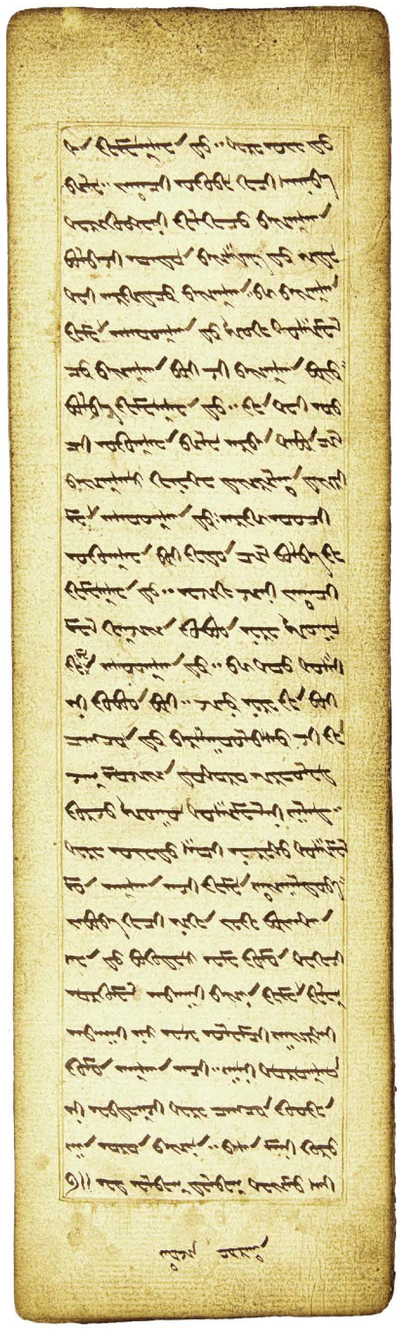
35a



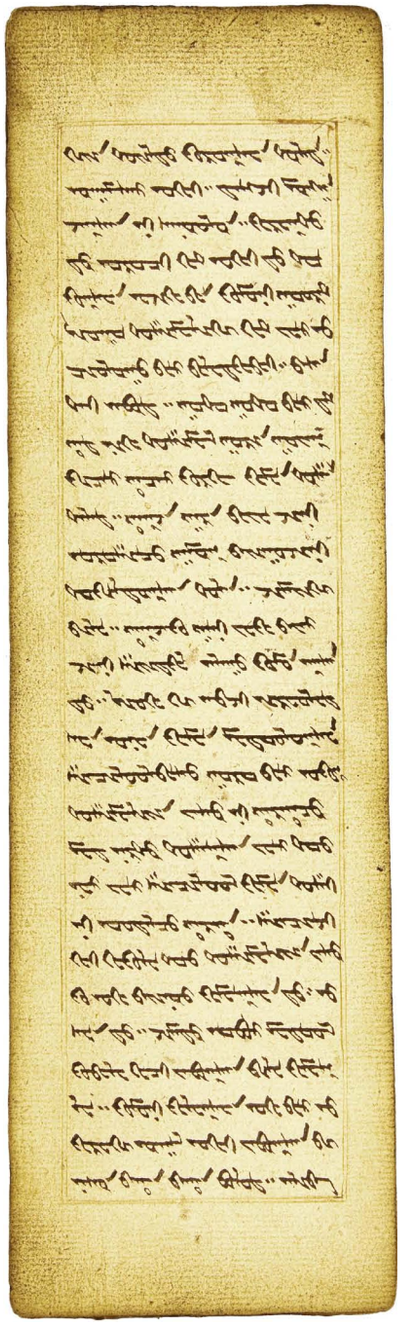
35b



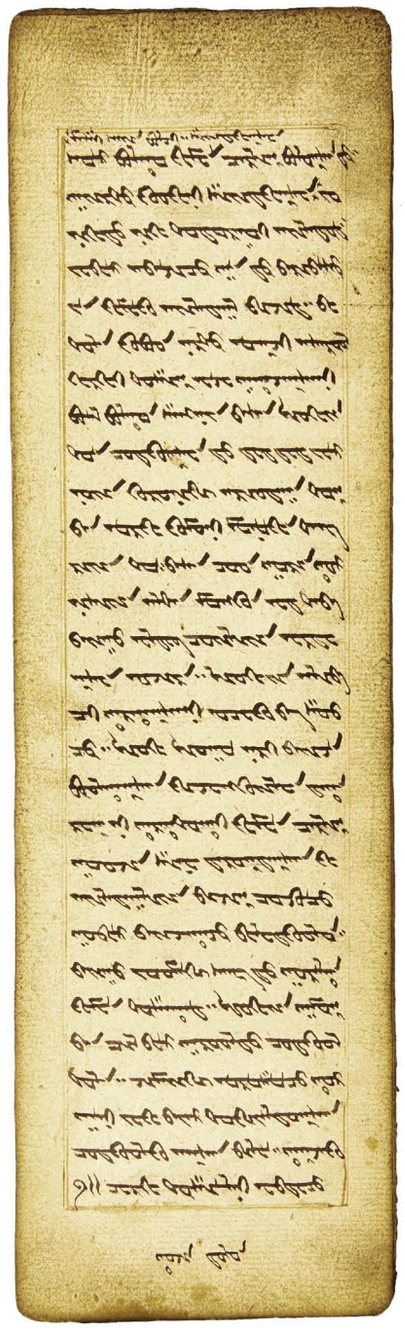
36a



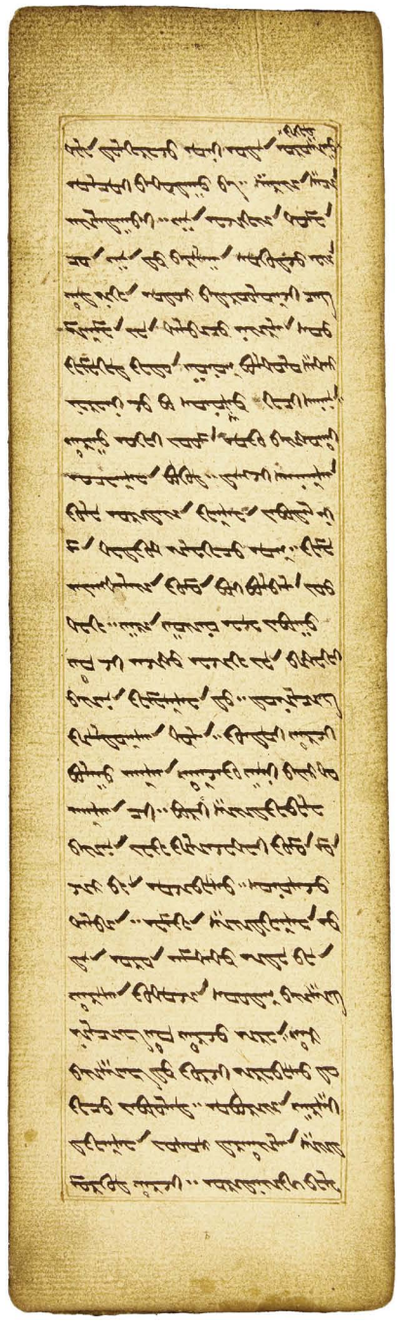
36b



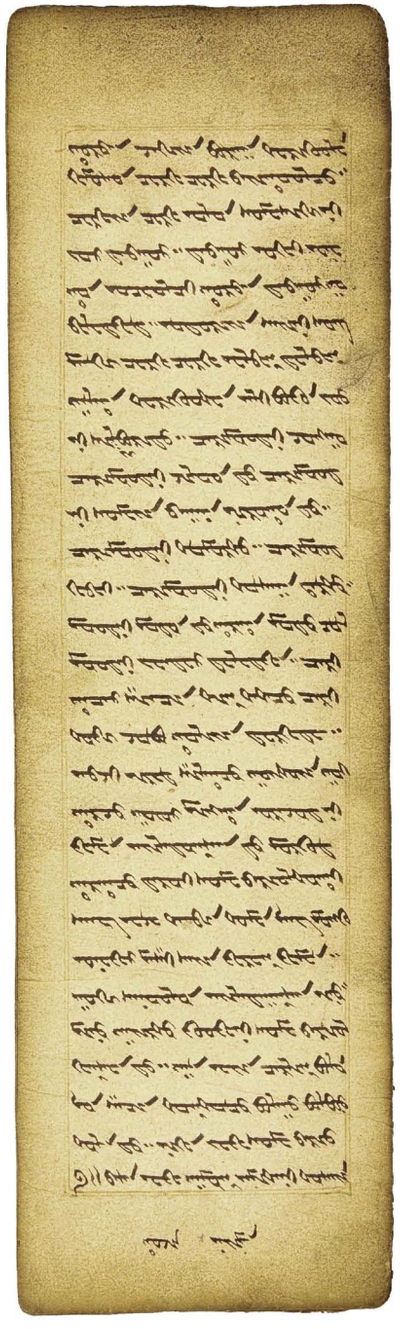
37a



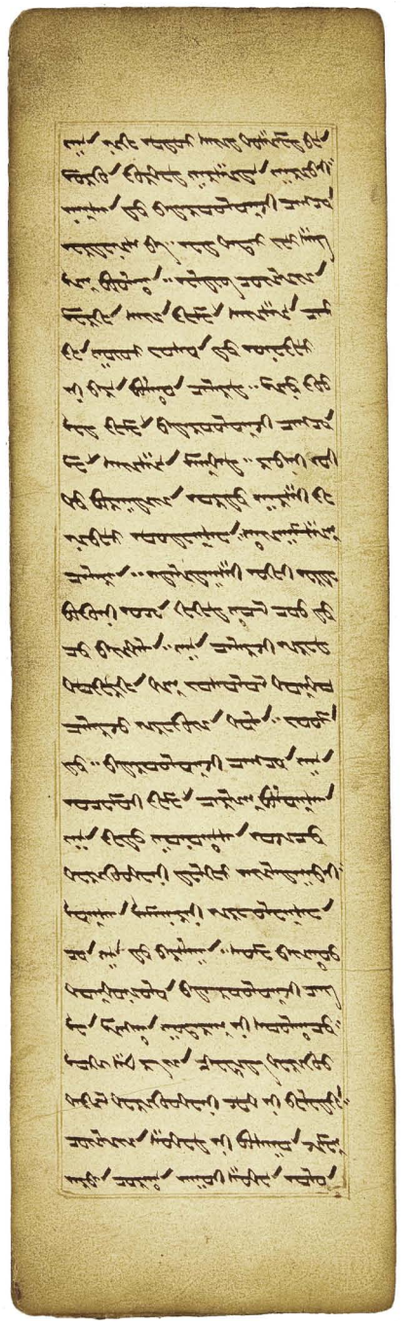
37b



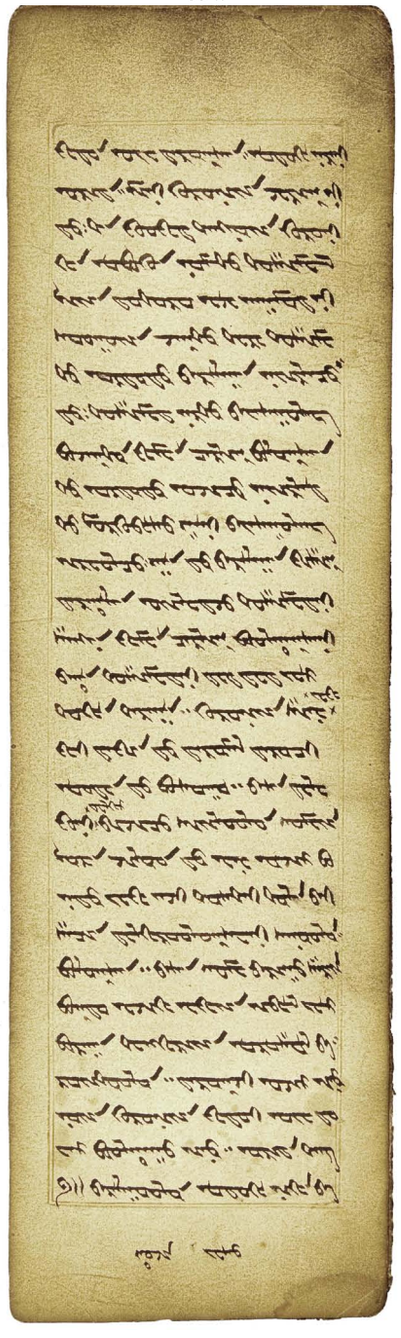
38a



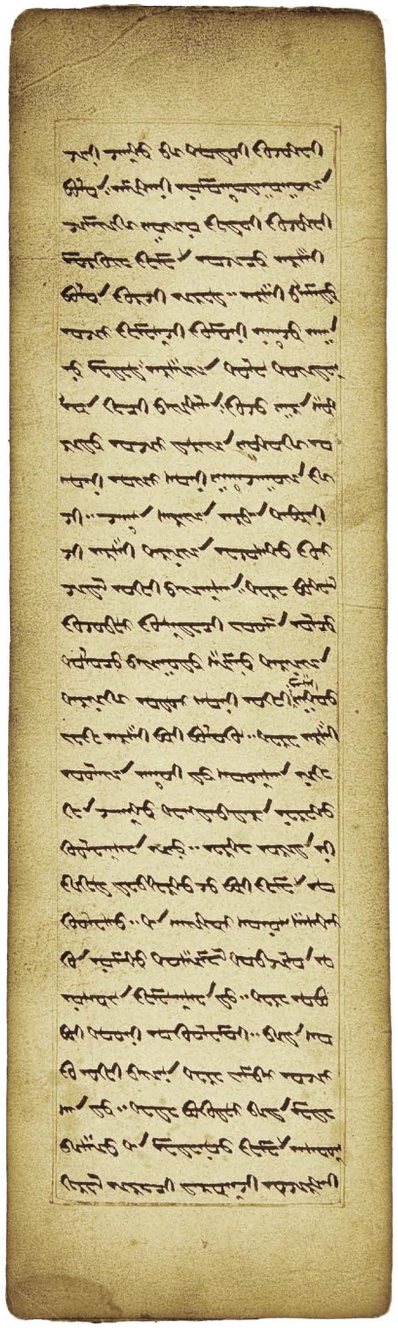
38b



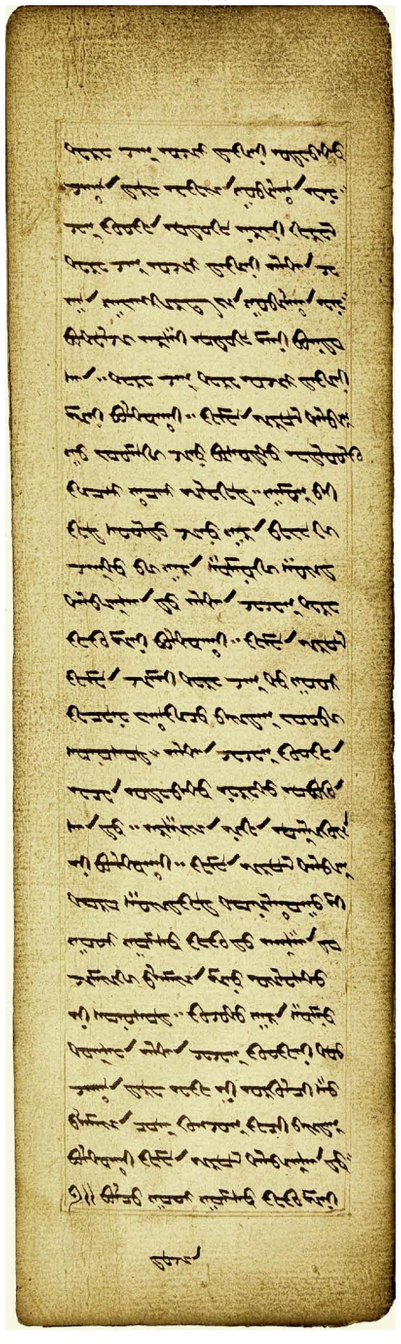
39a



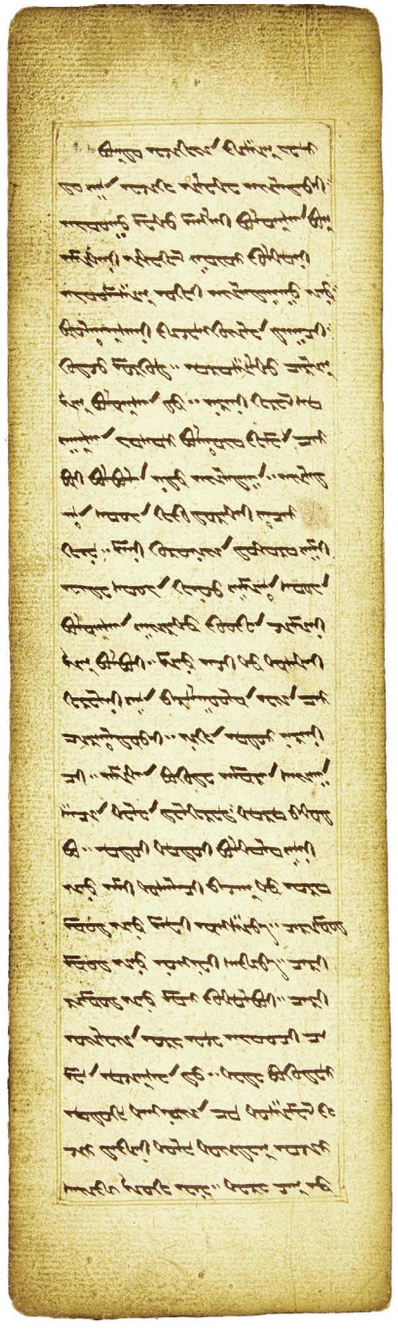
39b



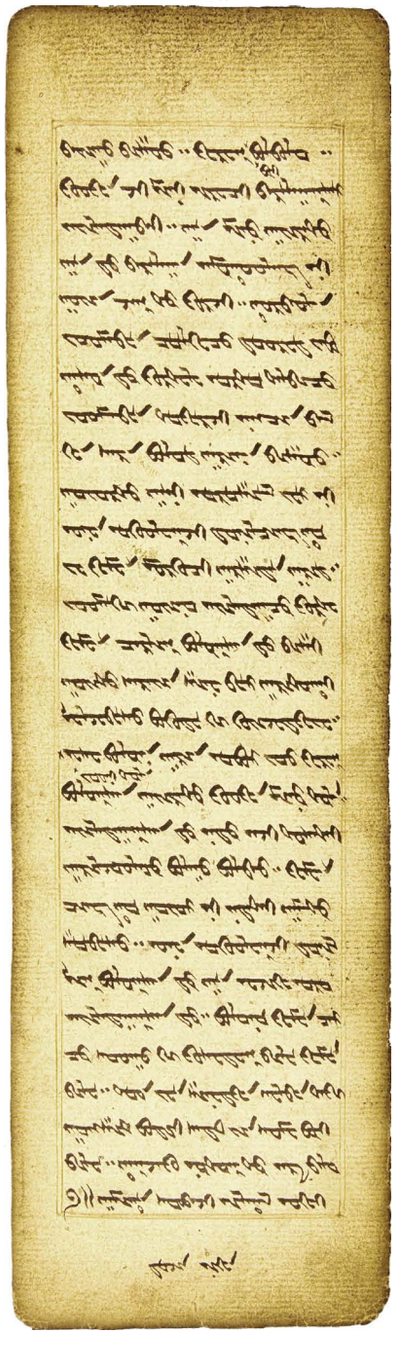
40a



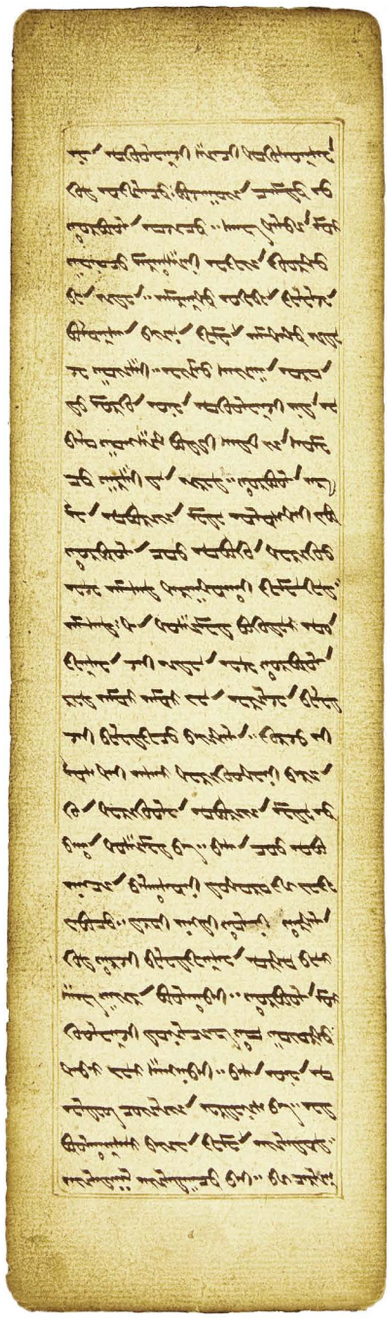
40b



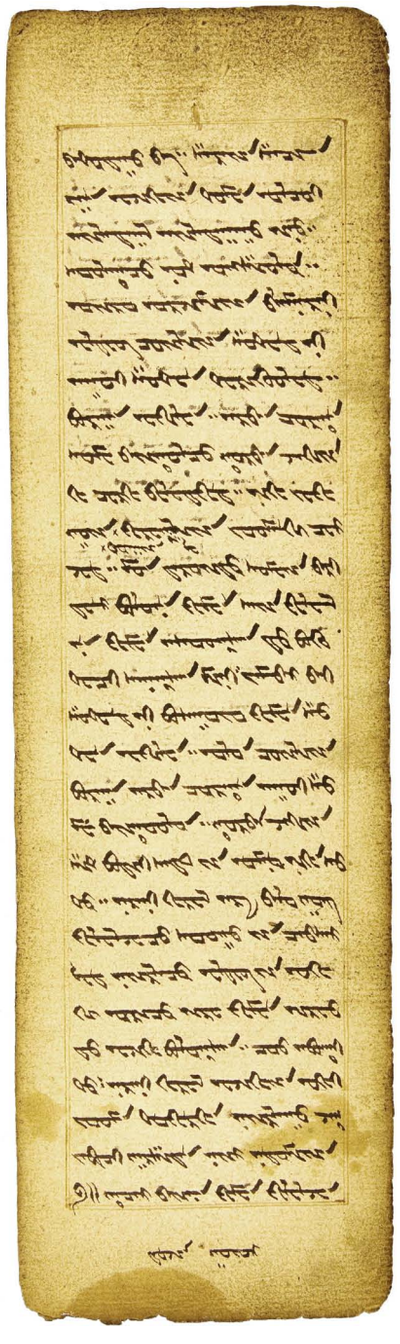
41a



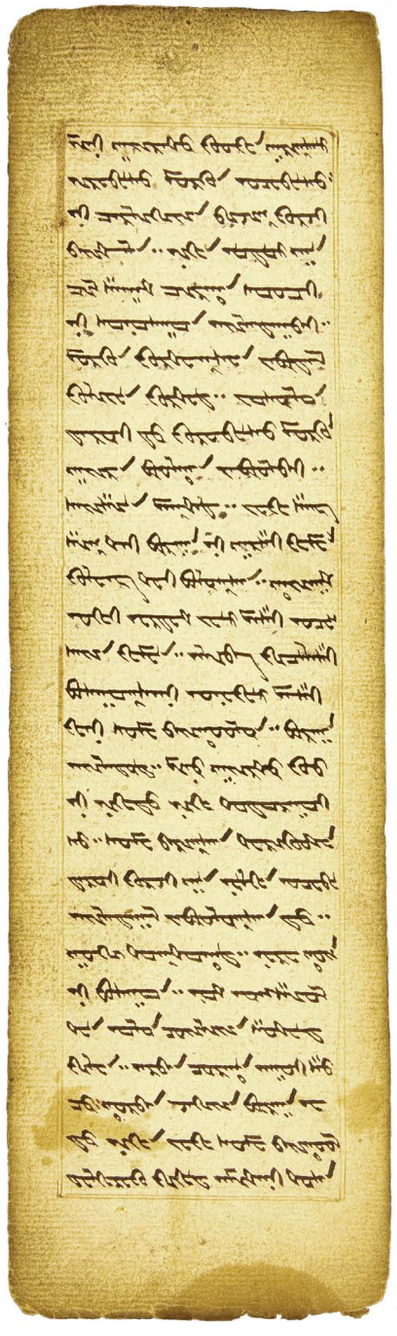
41b

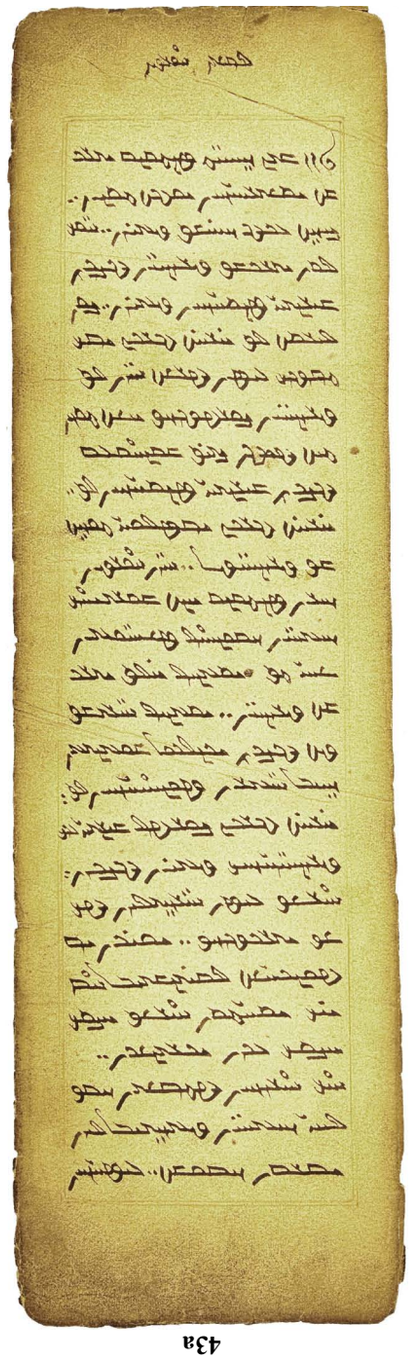


42a

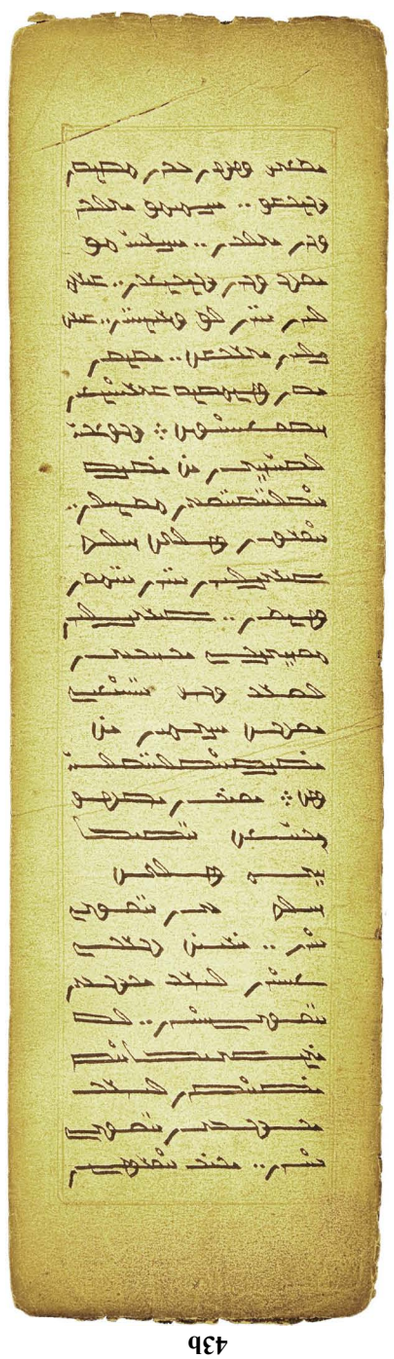


42b

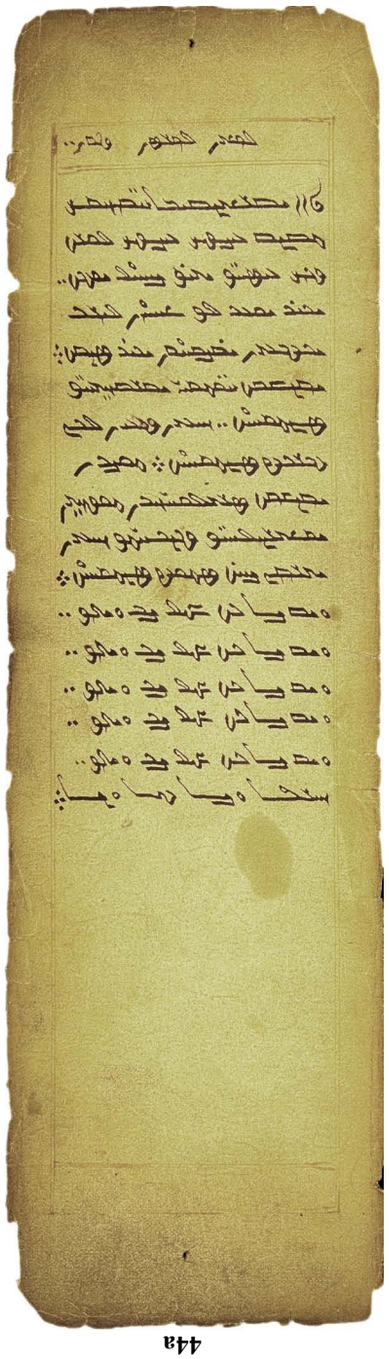




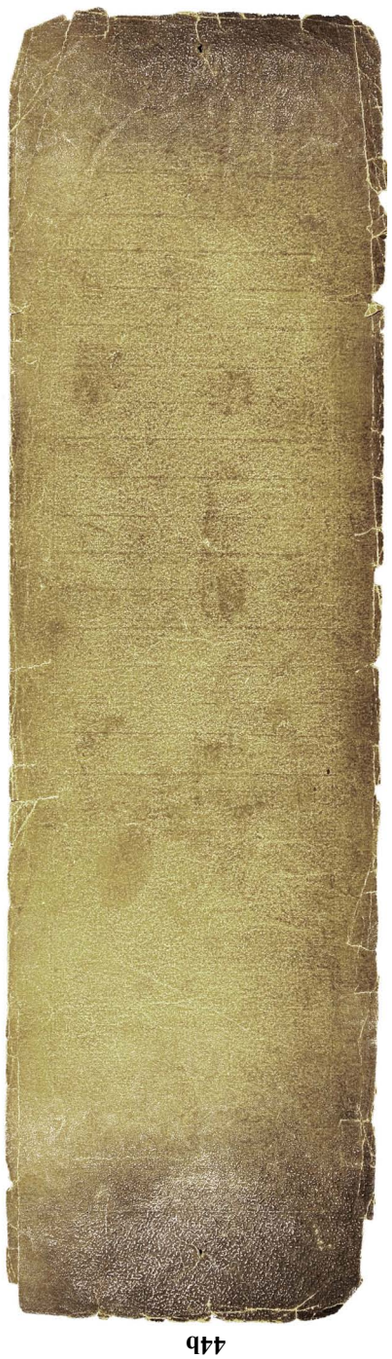
43a



43b



44a



44b

Рисунок из ойратского ксилографа
«Xutuqtu Dare ekeyin xorin nigen maqtal kemēkü orošibo» (л. 4a)

Приложение I

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

«Getülgegči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuγuǰi-un sudur orošiba»

Монгольская рукопись, сшитая тетрадь,
16 л., 11 х 22 см., черная тушь,
Национальная библиотека АРВМ КНР (г. Хух-Хот)
(Шифр – 02148)

Условные знаки, используемые в транслитерации текстов:

В квадратные скобки [ ] заключены слова или буквы, исправляющие ошибки, имеющиеся в рукописи;

В круглые скобки ( ) заключены межстрочные вставки в тексте рукописи;

Знаком = обозначены переносы в тексте рукописи.

[1] Getülgegči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuγuǰi-un sudur orošiba:

[**2**] Tedeger burqan-u kalab-un segül-dü Šaγǰimuni burqan kalab-un terigen-dü**:** ayi-a eke Basamani qatuni arban ǰiruγan nasun-ača ekelen nibte nayan negin nasu-yi kürtel dayan kigsen bui**:** ǰun-u teregün sar-a-yin šin-e-yin nayimun gegči edür-tü burqan γurban erdeni-yin gegen dürsü-yi üzeǰü**:** burqan-du urdaki minu qoldaba: qoyidaki minu oyiridaba: geǰü ür-e γuyuba**:** ebül-ün terigün sar-a-yin qorin tabun gegči edür-tü qaš erdeni metü šidütei kalbar-us modun-u niγürtei [**3**] qoyor dala-daγan toor-a-nar bütügsen γurban köke mengetei**:** ara-daγan bičigtei**:** Ayuqu bodisadu-yin neritü köbegün ǰayaγaǰi γaraγaγad eǰigen čaγaγan sün-ača γuraban qonoγ kökeged ügei bolǰi odba**::**

Ayi-a Basamani qatun eke bolugsan ǰiruγan ǰüyil qamug amitan-ača asaγuba**:** Čaγaγan Dar-e eke minu ene oron-du yaγuma irigsen ügei gebe: Erliγ nom-un qaγan-du očiǰu küreged**:** ayultu araban nayiman tamu-yi keseǰü**:** mavṇi-yin küre-yi deldeǰü**:** nigen badaraγulǰu umšiba tere čag-tur 18 tamu-yin amitan [**4**] ganida sukavadi-yin oron-du očiǰu töröbe: 18 tamu-yi daγaγsan araslan niγurtei negen köbegün Erlig qaγan-du ayilidqaba: ayi-a man-u ene ayul-tu 18 tamu-yin amitan yambar učira-yar ganida sukavadi-yin oron-du očiǰü töröbe: geǰü asaγuba: Erliq nom-un qaγan-tan 16 dabaqur kürel bayišang-ača köke buqu-yan kölgelǰü 72 alda čalma-yan abaču ögede qandaǰu qarabai: qatun Dar-e eke-yi üzeǰü bolγaγun**:** teregüi-yen segseriǰü: qoγolai-ben tataǰu**:** alda caγan qadag bariǰu [**5**] Čaγaγan Dar-e eke amur bayinou geǰü asaγuba**:** ta qamiγ-a-ača qayiši ǰalran yabuǰu baγuma geǰü asaγuba**:** bi 16 nasun-ača ekelen 81 nasu-yi küretel nibte dayan kele bi: γurban erdeni-ača ür-e γuyugsan-dou**:** qaši erdeni metü šidütei: kalbarvs modu metü niγür-tei: qoyar dalan daγan toor-a-yar bütügsen 3 köke menge-tei: arda-daγan bičig-tei: Ayuqu bodisadu nertei köbegün ǰayaγaǰi γaraγad eǰigeyin [**6**] caγaγan sün γurban qonog kökeged ügei bolǰu očibi**:** tan-u ene orun-du yaγuma irebüü geǰü asaγuba: getülgegči yaγuma iregsen ügei geǰü ayiladqaba: eke Čaγaγan Dar-e eke ta: tüdesegeǰü qayiril bei nigen üge todoqanuu ögülesügi bi kečin-e čag-tuu erte-yin maγu üyile-ün ür-e-ber: ǰaγun ǰeba yertemči-yin ǰaruγ-a šigüiǰü saγudaγ amu: yeke ǰobolang-tu qaγan bile: nadudur ǰiruγan ǰüyil-ün qamug amitan-u tusa-yin tula ǰiruγan üsüg mani-yan kögeǰigeǰü [**7**] badaraγulǰu qayiral gegsen-dü: ayi-a ene bei-e minu toγu ügei bayin-a: ečüs qoyin-a bei eregeǰü ireǰü erikebiši mani-yi nigen badaraγulǰu bariy-a: kemen ayilidan tngger-yer yisün önge-yin solongγa tataγulǰu key aγar-yar ögede bolun

γaruγad sayin čag-un mingγan buryan-ača asuγuba: ayi-a Čaγaγan Dar-e eke minu ende iregsen ügei gebe: qoromusta tnger-ner-ača asuγuba: ayi-a ene oron-du irigsen ügei gebe Šakǰimuni [**8**] burqan-ača asaγuba: ayi-a getülgegči ene oron-du iregsen ügei gebe: tegün-ača ǰambutib deger-e ireǰü ǰiruγan ǰüyil qamug amitan kilaγan-a čaγaγan ebesün-ača küretel asaγuba: ayi-a [Čaγaγan Dar-e eke] min-u ene oron-du irigsen ügei gebe: yabuǰu yabutal yirin yisün ǰil dayan kigsen arši blam-a ayui-yin egüde-dü čaγaγan qara ǰiruγai ǰuruǰu qara caγaγan čiluγu talbaču bayiqui-yi üǰeged tere blam-a [**9**]-du mörgübe: baraγun γar-yar čiglečikü qar duldui-bar adis talbaču qayiralba: ayi-a Čaγaγan Dar-e eke ta qamiγa-ača qayiši ögede bolču yabuba gebe: bi 16 nasun-ača 81 nasu küretel-e dayin kiged burqan 3 erdeni-ača üri-e γuyugsan-du minu qaši (erdeni metü) šidütei: kalbarvs modun metü niγur-tai: qoyor dal-a daγan toor-a-yar bütügsen 3 köke menge-tei: aru daγan bičigtei: Ayuqu bodisadu neretei köbegün ǰiyaγaǰi γaruγad eǰigen čaγaγan [**10**] sün γuraban qonog kökegün ügei bolǰu očiba: tan-u ene oron-du yaγuma irebüü gebe: ayi-a [Čaγan Dar-e eke ene] oron-du iregsen ügei gebe: ayi-a blam-a ta belgeči tölgeči bögesü belge tölge bariču qayiril gebe: tere blam-a altan qumaγana-ban erigegülǰü: altan šoγa-ban orakigad: sayin čag-un mingγan buryan-u dumda mingγan dabaqur altan bumban dotur-a bayin-a: Ayuqu bodisadu köbegün čini: aγui yeke medeltei: arilugsan nom-un bey-e-tei: [**11**] 11 niγürtai: Abida buryani titemtei: ariγun tegüs laqšin (bey-e)-tei: tegeši mingγan mutur-tai: aliq-a bürin nidütei: amitan üǰegiči ǰalaγu ider dürtei: ǰandan küǰisün ünürtei: eldeb kib-ün qubčis-tei: eldeb erdeni-sin čimig-tei: γalbinka-yin egšigtei: eldeb erdem tegüsügsen: ariγun üsüg tarani-tai: γurban čuqag deged ayiladugči belge bilge-ün iroitei: egeril bügüde-yi qanγaqči čindamani erdeni [**12**]-ber bütügsen: čab čaγan dürtei: ǰandun qoorlon neretei: čaglaši ügei gerel-tei: qutuq-tu Qongšim bodisadu-yin bey-e-tei: baril mön yeke boluqsan ǰiruγan ǰüyil-ün qamuq amitan-u ǰobulang yeke bolugsan tula sayin čag-un mingγan buryan ǰalaǰu abačiγad mingγan dabqur altan bumban dotur-a kiged takiju bayin-a gebe: ayi-a Basamani qatun: bögsen bey-e-ni miq-a-yi šulaju čab kejü: qoyar [**13**] köke-ni sün-yi saγaǰu blam-a-du manǰu čanaǰu bariγad: qoyar melmei-ni nilbusun bilig-un qur-a bolju togtaba: ene beyin-du bolbal yirin yisün ǰil dayan kigsen yirin yisün kele-yi medekün bodisadu ba gegen bolju törüqsen bayin=a: ečüs qoyitu sünüsün-dü badm-a linqui čečeg-ün-ača qubilju törüged: Abida-yin bey-e-yi olǰu törökü geǰü irügel talbiγad: tnger-dü yisun önge-yin solongγ-a [**14**] tataγulun garaγad sayin čaq-un mingγan buryan-

ni tende očiǰu baraγun γar-daγan ereyin taqar-yi bariju: ǰegün γar-taγan qubaqai tayig bariču γuyilaγanči emegen bolun qubilǰu yabuba: burqan Šaγǰimuni ǰarlig bolun alidγaba: ta tegüni eng-ün γuyilaγanči emegen geǰü sananuu qamug yaγum-yi endegüü bolqu boloǰu: Ayuqu bodisadu köbegün-ni eke tere mön geǰü ayiladba: Ayuqu bodisadu köbegün čis kitel daγun γaruγad [**15**] čagatai yaγum čag-taγan: kemǰi-e-tei yaγuma kemǰi-e-tei geǰü ayiladun mingγan dabqur altan suburγ-a-yi nuraγaǰu orakiγad eke-yen örülüge-yin mandaqu naran-du teberin maγuraǰu: unuqsan bey-e-inu üdüši-yin oruqu naran-du sergiǰü bosuγad: Erlig nomun qaγan-u-du očiǰü ayul-tu arban nayiman tamu-yi kesečü mavni nigen badaraγulǰu umšiba: arban nayimin tamu-yin amitan gente [**16**] sukewadi-yin oron-du očiǰu törübe: dorǰi nilba nertü tamu dotor dörben ǰaγun yirin yisun ekener kümün nigen qara kümün üldüǰü qočarba**::**

Erliq nom-un qaγan: ayi-a Basamani qatun: Ayuqu bodisadu: Molom toyin dörbegülün: ǰaγun ǰiba yertemǰi-un ǰaruγ-a-yi šigüǰü saγuba: tegeǰü bayital baraγun γar-taγan badir-a ayiγ-a barigsan ǰegün γar-taγan duldui barigsan γurban nom-tu [**17**] debel-tei laqšin tegesügsen gelong kümün oruǰu irebe: Erliq nom-un qaγan qamiγa-ača irebe: geǰü asaγuba: bi ǰambutib-un nertü sangsar turu nertü qoǰiǰu yertemǰi-ača endeke-dü baralqa kemegsen-dü baralqaǰu irebe: namai-yi yaγun-du daγudaqsan bolba geǰü ayildqaba: ǰa-a či buyan you kebe: kilinče you kebe: kemen asaγuba: ayi-a bei buyan kilinče kegsen yaγuma ügei: qadan-du saγuǰu [**18**] amitan tusalqu-yi sanaǰu qalaga ideǰü aγui-du saquǰu amitan-ni tusalaǰu yabuba gebe: Erliq nom-un qaγan altan toli-ben abaču üǰüged: činu kelegsen-inu ünen bolbaču: γuraban sar-a-yin ǰerge-dü ünen qudal sanal sanaǰu ünen qudal sedkil-yer süsügelǰü qoor čuγluqsan bayin-a: egüni abaču γaruγad ken kümün-ü γaqca abaγai-yin töröl-yi olaγ-a gebe: tegeǰü bayital er-e dumda nasutai qoa šara čarai-tai gecül kümün [**19**] eme-un manquga saba-ben egüreǰü irebe: ǰa-a či qamiγ-a-ača qayiši yabuǰu baγama gebe: bi ǰambutib neretü sangsar-doru neretü qočiǰü tere yertemǰi-ača endegedü baralq-a gigsen-dü irebe: ayi-a či buyin kilinče you kebe geǰü Erliq nom-un qaγan asaγuba: qara bag-a-ačayin inaqši nom suraγuli keǰü amitan-u tusalǰu yabuba gebe: Erliq nom-un qaγan altan toli-ben abaču üǰeged či nom-un ubidusun-u γučin ǰiruγan boti surugsan-inu ünekü [**20**] eligen töröl-ün kümün medeǰü bayiǰi γuraban qara qoor-a-yin eme-yi ögeǰü alaǰi geǰei bayin-a: egüni abaču γaruγad qooratu γaltu qalaγun tamu keged: γuraban qara qoor-yin usun-ni ögeǰü tamal kemen γarγaba: tegeǰü bayital dalan qoyar nasutai ebügen baraγun γar-taγan dorǰi ǰodba bariǰi

ǰegün γar-taγan erike küredü bariǰi irebei: či qamiγ-ača irebe: mön urda kümün [**21**]-ni yosu-yi kelebe ǰa-a či buyin kilinče you kebe: geǰü asaγuba: bi nige ǰaγun naiman ǰegeri tabin nigen buγu γurban ǰaγun qoni doloγan kümün alba dorǰi ǰodba nige gbum mavni nige dungšuur unšib-a gebe: Erlig nom-un qaγan altan toil-ban abun üǰeged činu kelegsen ünen bayin-a: egüni abaču γaruγad altan šar-a ǰam ǰasaǰu öge: Altan dusaltu burγan-u qutug-yi oluluγ-a gebe: [**22**] tegeǰü bayital urtu qara giǰigetü küren qara čarai-tai tegüreg qara nidütei γučin čaγan šidütei göge ǰalaγu: Wačir neretü köbegün irebe**:** či qamiγ-a-ača irebe: mön urdu-yin kümün-ni üge kelebe: ǰa-a či buyan kilinče you kebe: geγsen-dü yaγuma kegsen ügei qoni qariγulǰu yabuqu-daγan mavni-yi egüleǰü yabubai geǰü ayiladqaba: Erlig qaγan altan toli-ben abaču üǰeged: činu kelegsen ünen bayin-a eserün qormusta tngeri-yin törül olg-a gebe: tegeǰi bayital [**23**] qan kümün-ü törö-yi barigsan Nangil nertü ǰakirugči tüšimül-ber beke bire bariǰi irebe: či qamiγ-a-ača irebe geǰü asaγuba: mön urdu-yin kümün-ni üge kelebe: ǰa-a či buyan kilinče you kebe: geǰi asaγuba: bi törü yosu-yi bariǰu ǰaraγu ünen-yer šigübe quli ünen-ber bariǰu yabuba gebe: Erlig nom-un qaγan altan tol-ben abun üǰeged: či ǰaraγu qudal-yar šigüǰü [**24**] buǰar kümün-ni ariγun bolγaǰu ariγun kümün-ni buǰar bolγoǰu önge möngge tataǰu buruγu šidkesen bayin-a: egüni abaču γaruγad tabun ǰaγun törül dakin küčütei köldügsen (tamu-yin) usun bolǰi törü geǰi γarγabai: tegeǰü bayital qorin qoyar nasutai Nomun ǰula nertei küken baraγun γara-daγan erike küredü ǰegün γara-daγan dorǰi ǰodba bariǰu üde-yin γaǰar baraγ-a γaraču [**25**] üǰeged Erlig nom-un qaγan alda čaγan qadag-yi bariǰai üde-yin γaǰar sögedǰü amur-yi ayildqaba: ayi-a Nomun ǰula dagini qamiγ-a-ača qayiši ögede bolǰu yabuba: geǰü asaγaba: mön ögülebei: ayi-a dagini buyan kilinče you kebe geǰü asaγaba: bi ǰaγun nayiman nügeni sakiba: ǰaγun nayiman quwaraγ-tu orikimǰi uyuǰi qayičai bariba: quwaraγ kümün-ni üde-yin γaǰar ugtaǰu noqai [**26**] qoriǰu ögeǰi yabuba: tegün-yer qoǰilagdaǰu kelegdeǰü yabuba gebe: ene kelegsen ünekü ǰambutib-du bučaǰu tegüs nom-un debel laqšin tögüsügsen gelong bolǰu mingγan quwaraγ-un terigün degere adis talbiǰu amitan-ni tusalǰu yabu geǰü γarγaba: tegeǰü bayital 3 nomtu debel-tei gelong kümün altan sil tngeri ögede bolǰu: arban önge-yin solongai-a tataγulun nisiǰü yabuqui-yi üǰeged: dorǰi nilba dotoraki dörbin ǰaγun [**27**] ǰirin yisun ekener nige gečül kümün-ü orikimǰi-ača bariγad oqturγui-dur γarču očiba: Molom toyin ayiladqaba: ene gecül quwaraγ yambar üyile üyildügsen kümün bui: ende ülü baralqaqu-anu (učir) yaγuma bui gebe: tere Qomšim bodisadu-yin ǰam geǰü düri

gegen-inu üǰügsen qoyin-a: ende ayildaqu kereg ügei gebe: basa Molom toyin asaγuba: ene tamu-yin dörbin ǰaγun ǰiran yisun ekener-yi [**28**] tere nigen gečül kümün-ni orikimǰi-ača bariγad oqturγui-dur γaraǰu yabuqu učir yaγuma bui geǰü asaγuba: ayi-a tere blam-a-yi ǰambutib dora yabuqu čag-tu čab manǰa orikimǰi tergüiten-ni erigüqsen buyan ba: tere blam-a-ača van ǰinan abugsan tere irügil küčildeged: dorǰi nilba-ača γarči očiba gebe: basa Molom toyin asaγuba: ede amitan qamiγ-a očiba: [**29**] yambar törül olaqu bi geǰü asaγuba: tere ogmin teǰin kaldan sukawadi-(yin oron)-du očiǰu Qonšim bodusadu-un nökör selte bolon törübe geǰü ayiladba: basa Molom toyin asaγuba ene qara er-e nigen kümün yambar učir-yar dorǰi nilba-dur kebteǰü qočarabi geǰü asaγuba: tere blam-a-ača van ǰinan abugsan següldeni daginis ekenertei bile geǰü qobulǰu kelegsen ba: blam-a [**30**] quwaraγ-yi daγariqsan tere tangγaraq ebderisen-yer γurban kalab-yi nögčitel vačir tamu dotur kibetekü geǰü ayiladba**::**

Ayi-a Basamani qatun Ayuqu bodusadu köbegün-ben ǰambutib degeri abaču γaruγad sem süm sayiqan nayirldun saγataba: getülgegči Čaγaγan Dar-a eke-yin teregün bölüg tögesebei: eke čaγan dar-a ǰarlig bolorun ǰalraba: eke Čaγaγan Dar-a ǰarliq bolorun ǰalraba: eke bolugsan [**31**] ǰiruγaγan ǰüyil-yin qamug amitan erike biši buyan-u yabudal-yin kečeyigtun: ilangγuy-a ekener kümüs minu: erdemtü toyid quwaraγ-nar-yi kündelǰü čab manǰa-yan qarman-a ügei bariγaγad orikimǰu barintaq-nar uyun bariγad oqmin šigemuni-yin oron-du očiqu iregel-yi ulum-a yeke talbigtun kemeged ǰalran odba: om dare dudare dure suha:

Приложение II

ПЕРЕВОД

СУТРА-ПОВЕСТЬ О ЦАГАН ДАРА-ЭХЭ

Условные знаки, используемые в переводе:
В квадратные скобки [ ] заключены слова, уточняющие перевод.

[1] Сутра-повесть о Цаган Дара-эхэ

[2] В конце кальпы всех будд прошлого, в начале кальпы Будды Шакьямуни матушка Басмани-хатун с шестнадцати лет и до достижения ею восьмидесяти одного года провела в беспрерывной медитации. Восьмого числа первого летнего месяца узрела она лучезарные облики будд, Трех драгоценностей и обратилась к буддам:

– Прошлое мое отдалилось, будущее мое приблизилось! – сказала она и просила даровать ей ребенка. Двадцать пятого числа первого зимнего месяца

с зубами, подобными драгоценной яшме,
с ликом, [сияющим] подобно дереву калпаврикша, **[3]**
с тремя синими пятнами меж двух лопаток,
с письменами на спине мальчик по имени Аюха
с благословения [будд] родился.

Всего три дня вкушал он матушкино белое молоко и исчез. Басмани-хатун спрашивала о нем у шести видов живых существ.

– Матушка Цаган Дара-эхэ наша, в этот мир никто не приходил! – отвечали они.

Дошла она до Эрлик Номун-хана, прошла по устрашающим восемнадцати отделениям ада, крутя молитвенный барабанчик-кюрде и вдохновенно распевая мантру. В тот же миг все существа восемнадцати отделений ада **[4]** переродились в стране Сукхавати.

Наблюдающий за адом львинолицый парень спросил у Эрлик-хана:

– По какой причине живые существа устрашающих восемнадцати отделений ада переродились в стране Сукхавати?

Эрлик Номун-хан [покинув свой] шестнадцатиэтажный железный дворец, сел на своего синего оленя (быка), взял свой семидесятидвухсаженный аркан и направился навстречу [Дара-эхэ]. Увидев хатун-матушку Дара-эхэ, затряс головой, откашлялся, поднес хадак длиною в сажень и молвил:

– **[5]** Во здравии ли матушка Цаган Дара-эхэ? Откуда и куда вы шествуете?

– Я с 16 лет и до достижения 81 года провела в беспрерывной медитации. Обратилась к Трем драгоценностям с просьбой о даровании ребенка и у меня

с зубами, подобными драгоценной яшме,
с ликом, [сияющим] подобно дереву калпаврикша,

с тремя синими пятнами меж двух лопаток,
с письменами на спине мальчик по имени Аюха
с благословения [будд] родился.

Всего три дня вкушал он матушкино **[6]** белое молоко и исчез. Не приходил ли кто в вашу страну? – спросила она.

– Спасительница, никто не приходил! Матушка Цаган Дара-эхэ, соблаговоли задержаться намгновение, хочу молвить слово. Я – тот несчастный владыка, который вследствие неблагих деяний вынужден в течение многих времен вершить суд над ста миллиардами миров. Ради блага всех шести видов живых существ соизволь **[7]** пропеть мантру из шести слогов! – попросил он.

– Я обладаю бессчетным количеством [рождений]. В последующем своем возвращении непременно прочту! – пообещала она. Протянув в небе девятицветную радугу и поднявшись в верхний мир, она спрашивала у Тысячи будд счастливой кальпы.

– О, матушка Цаган Дара-эхэ наша, сюда он не приходил! – отвечали они.

Спрашивала у Хурмусты-тенгрия.

– О, в этот мир он не приходил! – отвечал он.

У Будды Шакьямуни **[8]** спрашивала.

– О, Спасительница, в этот мир он не приходил! – отвечал он.

Затем она пришла в Дзамбутив и спрашивала у всех шести видов живых существ, даже у ковыля-остреца.

– О, в наш мир он не приходил! – отвечали они. Пошла она дальше и увидела ламу-отшельника, девяносто девять лет проведшего в медитации. Сидя у входа в пещеру, он гадал на черных и белых камнях. Поклонилась **[9]** ему, и он благословил ее звонкозвучным черным монашеским посохом, который держал в правой руке.

– О, матушка Цаган Дара-эхэ, ты откуда и куда направляешься? – спросил он.

– Я с шестнадцати лет и до достижения восьмидесяти одного года провела в беспрерывной медитации. Обратилась к буддам и Трем драгоценностям с просьбой даровать ребенка, и у меня

с зубами, подобными драгоценной яшме,
с ликом, [сияющим] подобно дереву калпаврикша,
с тремя синими пятнами меж двух лопаток,
с письменами на спине мальчик по имени Аюха
с благословения [будд] родился.

Всего три дня вкушал он матушкино белое **[10]** молоко и исчез. Не приходил ли кто в вашу страну? – спросила она.

– О, в этот мир никто не приходил! – ответил он.

– О, лама, вы искусны в гадании, соизвольте погадать мне! – попросила она. Лама в золотом сосуде золотые камешки-шо покрутил, выложил их и сказал:

– В стране Тысячи будд счастливой кальпы замурован он в тысячеслойную золотую бумбу. Сын твой Аюха-бодхисаттва многими знаниями преисполнен, чистой дхармы тело у него, **[11]** одиннадцать ликов у него, на маковке Амитабха у него, совершенны признаки тела его. Тысяча равных рук у него, на каждой ладони глаз у него. Молодым видом привлекает он, запах сандала источает он. Разнообразными одеяними и драгоценностями украшен он, калпинке подобным гласом совершенные дхарани исполняет он. Три драгоценности восхваляющим благопожеланием мудр он, все желания исполняющему чиндамани **[12]** подобен он. Белоснежный «зандан хорол» называемый лик у него, беспрерывного сияния тело Хонгшим-бодхисаттвы у него!

Из-за того что слабосильных шести видов живых существ страдания великими стали Тысяча будд счастливой кальпы забрала его, поместила в тысячеслойную золотую бумбу и совершает ему поклонение!

Басмани-хатун, срезав мясо со своей конечности, приготовила кушанье-цав. Нацедив **[13]** молока из грудей своих, сварила чай-манз и поднесла ламе. Слезы из двух очей ее благодатным дождем обратились. Произнесла она благопожелание:

– В этой жизни родился ты девяносто девять лет в созерцании проведшим, девятьюстами девятью языками владеющим драгоценным бодхисаттвой. В последующем своем рождении да появишься ты из цветка лотоса и обретешь тело Амитабхи!

Протянув в небе девятицветную радугу, **[14]** направилась она в страну Тысячи будд счастливой кальпы,обратившись в нищую старушку с пестрой котомкой в правой руке и сухим посохом в левой. Будда Шакьямуни, узнав ее, молвил:

- Вы думаете, что это обыкновенная нищая старушка? Все существующее следует воспринимать как иллюзорное. Это мать Аюха-бодхисаттвы!

Аюха-бодхисаттва, воскликнув:

– **[15]** У всего есть время, у всего есть срок! – разрушил тысячеслойный золотой субурган. На восходе солнца обнял мать и держал ее в объятиях до скончания сил и лишь на закате солнца пришел в себя.

Отправились они к Эрлик Номун-хану. Прошли по всем устрашающим восемнадцати отделениям ада, распевая мантру. Живые существа восемнадцати адов **[16]** переродились в стране Сукхавати. В отделении Ввеликого ада осталось 469 женщин и один черный человек. Эрлик Номун-хан, Басмани-хатун, Аюха-бодхисаттва, Молон-тойн вчетвером стали вершить суд над [существами] ста миллиардами миров.

Тем временем вошел [к ним] гелонг с совершенными признаками тела в трех духовных **[17]** одеяниях[1], держа в правой руке патру[2], а в левой – посох.

Эрлик-хан спросил [у него]:

– Откуда ты пришел?

– Я пришел из Дзамбутива – нижнего великого мира сансары, мне было сказано явиться сюда. Зачем меня позвали? – спросил он.

– Что ты сделал благого и что греховного? – спросил у него [Эрлик-хан].

– Я не совершал никаких благих и греховных деяний. С думой о благе живых существ я созерцал в глухой **[18]** пещере, питаясь крапивой.

Эрлик Номун-хан посмотрел в свое золотое зерцало и молвил:

– И хотя ты говоришь правду, но в течение трех месяцев, праведно и неправедно размышляя, праведно и неправедно благоговея, собрал ты прегрешения ума. Выведите его и дайте ему рождение единственной женой простого человека!

Затем пришел среднего возраста светлолицый гецуль **[19]** с мешочком для лекарств, перекинутым через плечо.

– Откуда и куда ты идешь? – спросил [Эрлик-хан].

– Я пришел из Дзамбутива – нижнего великого мира сансары, мне было сказано явиться сюда. Зачем меня позвали? – спросил он.

– Что ты сделал благого и что греховного? – спросил [он].

– С самого раннего детства и до настоящего [времени] я практиковал учение ради блага живых существ! – ответил он.

Эрлик Номун-хан посмотрел в золотое зерцало и произнес:

– Ты действительно усвоил тридцать шесть томов наставлений. **[20]** Однакоты лишил жизни близкого родственника, дав ему три яда под ви-

[1] Три духовных одеяния (санскр.: *cīvaratraya*; тиб.: *gsumchosgos*): одеяние для публичных мест (сангати); для духовных собраний (уттарасангати); одеяние, в котором монах находится в келье (интаравасака).

[2] Патра (санскр. *pātra*; тиб. *lhangbzed;* монг. *badir*) – монашеская чаша для сбора подаяния.

дом лекарств. Заберите его и отведите в ад ядовитого пламени и поите его тремя ядами!

Потом пришел семидесятидвухлетний старик, который в правой руке держал «Дорджи джодва»[1], а в левой – четки и молитвенный барабанчик.

– Откуда ты пришел? – спросили у него [Эрлик-хан]. Он отвечал, как и те, **[21]** кто был здесь до него.

– Что ты сделал благого и что греховного?

– Я убил сто восемь диких коз, пятьдесят одного оленя, триста овец и семь человек. «Дорджи джодва» я прочитал сто тысяч раз, мантру – триллион раз! – ответил он.

Эрлик Номун-хан посмотрел в золотое зерцало и сказал:

– Ты сказал правду. Выведите его и постройте ему желто-золотистый мост! Пусть он обретет святость Будды Алтан Дусал! – повелел он.

[22] Затем пришел юноша по имени Очир с длинной черной косой, со смуглым коричневым лицом, карими круглыми глазами, тридцатью белыми зубами.

– Откуда ты пришел? – спросил у него [Эрлик-хан]. Он отвечал, как и те, кто был здесь до него.

– Что ты сделал благого и что греховного? – спросил он.

– Я ничего не делал. Когда пас овец, все время читал молитву! – поведал он.

Эрлик-хан посмотрел в золотое зерцало и сказал:

– Сказанное тобой – правда. Пусть он обретет рождение тенгрием Хурмусты и Эсруа! – повелел он.

Потом явился **[23]** ханский чиновник по имени Нангил, держа в руках калам и чернила.

– Откуда ты пришел? – спросил его [Эрлик-хан]. Он отвечал, как и те, кто был здесь до него.

– Что ты сделал благого и что греховного? – спросил он.

– Я, держа правление, творил справедливый суд и соблюдал закон! – ответил он.

Эрлик Номун-хан посмотрел в золотое зерцало и вынес решение:

– Ты творил несправедливый суд! **[24]** За взятки виновныхты признавал невиновными, а невиновных обвинял в преступлении. Выведите его! В течение пятиста рождений пусть он пребывает в аду вновь и вновь замерзающей ледяной воды!

[1] «Дорж жодв» – краткое название известной буддийской сутры «Ваджрачхеддика».

Увидев на расстоянии полудневного пути двадцатидвухлетнюю девушку по имени Номин Зула, которая в правой руке держала четки с молитвенным барабанчиком-кюрде, а в левой – «Дорджи джодва», **[25]** Эрлик Номун-хан встретил ее на расстоянии полудневного пути. Преклонив колена, поднес ей белый хадак в сажень длиной и справился о ее здравии.

– О, Номин Зула-рагини, откуда и куда ты шествуешь? – спросил он. Она отвечала так же, как и те, кто был на суде до нее.

– О, рагини, что благого и греховного совершила ты? – спросил он.

– Я соблюдала сто восемь постов. Сшила и поднесла ста восьми монахам одеяние-оркомджи. Священнослужителей я встречала на расстоянии полудневного пути **[26]** и отгоняла собак. Из-за этого [люди], подшучивая надо мной, давали мне разные прозвища! – отвечала она.

– Сказанное тобой – правда. Вернешься в Дзамбутив ради блага живых существ и переродишься гелонгом с совершенными признаками в совершенных духовных одеяниях, раздающим благословение тысячам монахов!

Потом показался гелонг в трех духовных одеяниях, который, протянув девятицветную радугу летел по золотисто-хрустальному небу. Четыреста шестьдесят девять женщин из отделения ада Дорджинилва **[27]** ухватившись за край его накидки-оркомджи, взлетели в небо.

Молон-тойн спросил:

– Что совершил этот монах-гецуль? По какой причине он не явился сюда и куда он направляется?

– Это путь, ведущий к Хоншим-бодхисаттве. Тому, кто узрел его сиятельный образ, нет нужды являться сюда! – ответили ему.

Молон-тойн опять спросил:

– По какой причине эти четыреста шестьдесят девять женщин **[28]** из отделения ада Дорджинилва, ухватившись за край накидки-оркомджи гецуля, взлетели в небо?

– Во время пребывания в Дзамбутиве они подношением кушанья-цав, чая-манз и монашеского одеяния накопили благие деяния. Также они приняли обеты у этого ламы и придерживались их. Поэтому они сумели вырваться из ада Дорджинилва! – ответили ему.

Молон-тойн опять спросил:

– Куда направились эти существа, **[29]** какое они обретут рождение?

– Они направились в страну Сукхавати, где переродятся среди сонма, окружающего Хоншим-бодхисаттву! – ответили ему.

Молон-тойн опять спросил:

– По какой причине этот черный человек остался в аду Дорджинилва?

– После того как он принял у этого **[30]** ламы наставления, он всячески оскорблял и унижал монахов и хвалился, что в женах у него была дакини. Из-за нарушения принятого им обета до скончания трех кальп он будет находиться в великом аду! – ответили ему.

Басмани-хатун поднялась вместе с сыном Аюха-бодхисаттвой в Дзамбутив, где они стали пребывать в благополучии и благоденствии.

Первая часть о СпасительницеЦаган Дара-эхэ закончена.

Матушка Цаган Дара-эхе сказала:

– Матери подобные **[31]** шесть видов живых существ, непременно проявляйте усердие в благих деяниях. Женщины мои, в особенности почитайте драгоценных монахов-тойнов, не жалейте ничего для совершения подношениякушаньем-манз и чаем-цав. Шейте и подносите им монашеское одеяние. Как можно чаще произносите благопожелание о достижении обители Шакьямуни!

Приложение III

ПЕРЕВОД

«ГЕТЛҺГЧ ЦАҺАН ДАРА ЭКИН ТУУЖ СУДР ОРШВ»

Условные знаки, используемые в переводе:
В квадратные скобки [ ] заключены слова, уточняющие перевод.

[1] Гетлһгч Цаһан Дара экин тууҗ судр оршв

[2] Тер бүгд бурхдын һалвин сүүлд, Шагҗмуни бурхна һалвин түрүнд, ая, эк Басмани хатн арвн зурһан наснас эклҗ невт[1] найн негн насн күртлән даяг кесн бәәҗ. Зуни түрүн сарин шинин нәәмн гигч өдрт бурхдын, Һурвн эрднин гегән дүриг үзәд, Бурхнд:

– Урдкм мини холдв, хөөткм мини өөрдв! – гиҗ үр һуув.

Үвлин түрүн сарин хөрн тавн гигч өдрт
хаш эрднь мет шүдтә,
һалбурвс модн нүүртә, **[3]**
хойр дал хоорнднь торар[2] бүтсн
һурвн көк меңтә, ардан бичгтә

Аюху бодьсад нертә көвүн заягдҗ һарад, ээҗиннь цаһан үсинь һурвн хонг көкәд, уга болҗ одв. Ая, Басмани хатн эк болсн зурһан зүүл хамг әмтнәс асуув.

– Цаһан Дара эк мана, эн орнд юмн ирсн уга! – гив.

Эрлг Номин хаанд одҗ күрәд, аюлта арвн нәәмн тамиг кесҗ[3], маанин күрд делдҗ, негн бадрулҗ умшв. Тер цагт арвн нәәмн тамин әмтн **[4]** һаньдн[4] Суквадин орнд одҗ төрв.

Тамиг дааcн арслң нүүртә негн көвүн Эрлг хаанд әәлдхәд:

– Ая, мана эн аюлта 18 тамин әмтн ямр учрар һаньдн Суквадин орнд одҗ төрв? – гиҗ асуув.

Эрлг Номин хан 16 давхр күрл бәәшңгәсн [һарад], көк бухан күлглҗ, 72 алд цалман авч өөд хандҗ һарв. Хатн Дара экиг үзн болһаһад, толһаһан сегсрҗ, хоолан татҗ, алд цаһан хадг бәрҗ:

– **[5]** Цаһан Дара эк амр бәәнү? Та хамаһас хааран залрн[5] йовҗ бәәнәт?– гиҗ әәлдн асуув.

– Би 16 наснасн эклн 81 насн күртлән невт дая келәв. Һурвн эрднәс үр һууснд
хаш эрднь мет шүдтә,
һалбурвс модн мет нүүртә,

[1] Невт – тасрлт уга, завср уга.
[2] Тор – гөлм.
[3] Кесх – эргх.
[4] Һаньдн – байсхлңта, өлзәтә.
[5] Залрх – зүглх, өөдлх.

хойр дал хоорнднь торар бүтсн
һурвн көк меңтә, ардан бичгтә

Аюху бодьсад нертә көвүн заягдҗ һарад, ээҗиннь **[6]** цаһан үсинь һурвн хонг көкәд, уга болҗ одв. Тана эн орнд юмн ирсн угай? – гиҗ асуув.

– Гетлһгч, юмн ирсн уга! Эк Цаһан Дара эк, та түдс гиҗ хәәрлтн, би нег үг тодхн өгүлсв. Би кезә цагт эртин му үүлин үрәр зун жува йиртмҗин зарһ шүүҗ суудг иим ик зовлңта хан бәәнәв. Нанд зурһан зүүлин хамг әмтнә тусин төлә зурһан үзг маань көгҗүлж **[7]** бадрулҗ хәәрл! – гиҗ әәлдхв.

– Ая, эн бий мини то уга бәәнә. Эцс хөөт би эргҗ ирхдән эрк биш мааниг нег бадрулҗ бәрнәв! – гиҗ әәлдхв.

Теңгрт йисн өңг солңһ татулҗ, ки аһарар өөд болн һарад, Сән цагин миңһн бурхдас асуув.

– Ая, Цаһан Дара эк мини, энд ирсн уга! – гив.

Хурмуста теңгрәс асуув.

– Ая, эн орнд ирсн уга! – гив.

Шагҗмуни бурхнас **[8]** асуув.

– Ая, Гетлһгч, эн орнд ирсн уга! – гив.

Түүнәсн Замбутив деер ирҗ зурһан зүүл хамг әмтнәс, килһ цаһан өвснәс[1] күртл асуув.

– Ая, мана эн орнд ирсн уга! – гив.

Йовҗ йовтлнь, йирн йисн жил дая кесн арш[2] лам аһун үүднд цаһан, хар зурха зуурҗ, хар цаһан чолу тәвҗ бәәхиг үзәд, тер ламд **[9]** мөргв. Барун һарарн цеңглзх хар дулдуһар[3] әдс тәвҗ хәәрлв.

– Ая, Цаһан Дара эк, та хамаһас хааран өөд болҗ йовнат? – гив.

– Би арвн зурһан наснасн найн негн нас күртлән дая кеһәд, Бурхн Һурвн эрднәс үр һууснд
хаш эрднь мет шүдтә,
һалбурвс модн мет нүүртә,
хойр дал хоорнднь торар мет бүтсн
һурвн көк меңтә, ардан бичгтә

[1] Килһ цаһан өвсн – цаһан өвснә нег зүүл.
[2] Арш – даянч (санскр. *ṛṣi*).
[3] Дулд – лам күүнә тайг.

Аюху бодьсад нертә көвүн заягджң һарад, ээжиннь цаһан **[10]** үсинь һурвн хонг көкәд, уга болҗ одв. Тана эн орнд юмн ирсн угай? – гиҗ асуув.

–Ая, эн орнд ирсн уга! – гив.

– Ээ, лам, та белгч телгч болсар белг телг бәрҗ хәәрлтн! – гив.

Тер лам алтн хумх[1] эргүлҗ, алтн шооһан оркад:

– Сән цагин миңһн бурхдын дунд миңһн давхр алтн бумб дотр бәәнә! Аюху бодьсад көвүнчн аһу ик медлтә, әрүлсн номин бийтә, **[11]** 11 нүүртә, Әвд бурхна титмтә, әрүн төгс лагшин[2] бийтә, тегш миңһн мотрта[3], альхн болһнь нүдтә, әмтн үзгч залу идр дүртә, зандн гүүцсн үнртә, элдв кевин хувцта, элдв эрдньсин чимгтә, һалвңгин эгшгтә, элдв эрдм төгссн әрүн үзг тәрнтә, һурвн цухг деедиг әәлдгч белг билгин йөрәлтә, **[12]** эрл бүгдиг хаңһагч җиндмаань эрднәр бүтәгсн цаб цаһан дүртә, зандн хорлин[4] нертә, цаглшго герлтә хутгт Хоңгшим-бодьсадын бийтә. Бәрл муута[5] болсн зурһан зүүлин хамг әмтнә зовлң ик болсн төлә Сән цагин миңһн бурхд залж авч одад, миңһн давхр алтн бумб дотр кеһәд тәкҗ бәәнә! – гив.

Ая, Басмани хатн бөгс бийин махиг шулж, цав[6] кеж, хойр **[13]** көкиннь үсән сааж, ламд манз[7] чанҗ бәрв. Хойр милмәннь[8] нульмснь билгин хур болж тогтв.

– Эн бийдән болхла, йирн йисн җилд даян кесн, йирн йисн кел меддг, бодьсад болн гегән болҗ төрсн бәәнәч! Эцс хөөт сүмсндән, бадм линхуа цецгәс хүвлҗ төрәд, Әвдин бийиг олҗ төрх болтхач! – гиҗ йөрәл тәвәд, теңгрт йисн өңг солңһ **[14]** татулн һарад, Сән цагин миңһн бурхдт одхдан барун һартан эрән таарг бәрж, зүн һартан хумха тайг бәрж, һуульһнч эмгн болн хүвлҗ йовв.

Бурхн Шагҗмуни зәрлг болн әәлдхв:

– Таанр түүг эңгин һуульһнч эмгн гиҗ санвт? Хамг юмиг эндү болх гихлә болна. Аюху бодьсад көвүнә эк тер мөн! – гив.

[1] Хумх – сав.
[2] Лагшин – төгссн бий.
[3] Мотр – һар.
[4] Хорл – номин күрд.
[5] Бәрл муута – арһ муута.
[6] Цав – лам күүнә иддг хол.
[7] Манз – мөргүлин цагт лам күүнә уудг цә.
[8] Милмә – нүдн.

Аюху бодьсад көвүн чис[1] гитл дун һарад:

– **[15]** Цагта юмн цагта, кемҗәтә юмн кемҗәтә! – гиҗ әәлдн, миңһн давхр алтн сувргиг нураҗ оркад, экән өрләһин мандлх нарнд теврн, муурч унсн бийнь үдшн орх нарнд сергҗ босв. Эрлг Номин хаанд одҗ, аюлта арвн нәәмн тамиг кесҗ, маань нег бадрулҗ умшв. Арвн нәәмн тамин әмтн һаньдн **[16]** Суквадин орнд одҗ төрв. Доржнилва нертә там дотр дөрвн зун җирн йисн экнр күн, нег хар күн үлдҗ хоцрв.

* * *

Эрлг Номин хан, ая, Басмани хатн, Аюху бодьсад, Молм төөн дөрвүлн зун жува йиртмҗин зарһиг шүүҗ суув.

[17] Тиигҗ бәәтл барун һартан бәдр[2] аah бәрсн, зүн һартан дулд бәрсн, һурвн номта девлтә, лагшин төгссн гелң күн орҗ ирв.

Эрлг Номин хан:

– Хамаһас ирвч? – гиҗ асуув.

– Би Замбутив нертә сансрас, нертә күчтә йиртмҗәс энд баралх гиснд баралхҗ ирүв. Намаг юн гиһәд дуудсн билә? – гиҗ әәлдхв.

– Җа, чи буйнта ю кевч, килнцтә ю кевч? – гиҗ асуув.

– **[18]** Ая, би буйн, килнц кесн юмн угав. Хадд сууж, әмтнд туслхиг санҗ, халһа[3] идҗ, аһуд сууж, әмтнд туслҗ йовлав, – гив.

Эрлг Номин хан алтн толян авч үзәд:

– Чини келсн үнн болв чигн, һурвн сарин зергд үнн, худл санл санҗ, үнн, худл седкләр сүзглҗ хор цуглулсн бәәнәч. Энүг авч һарһад, кен күүнә һанц авһан төрлиг олһ! – гив.

Тиигҗ бәәтл эр дунд наста, хо шар чирәтә гецл күн **[19]** ээмдән маңхг[4] саван үүрсн ирв.

– Җа, чи хамаһас хааран йовнч? – гив.

– Би Замбутив нертә сансрас, нертә күчтә йиртмҗәс энд баралх гиснд баралхҗ ирүв, – гиҗ әәлдхв.

– Ая, чи буйнта, килнцтә ю кевч? – гиҗ Эрлг Номин хан асуув.

– Хар бахасн авн инагши[5] ном сурһуль кеж, әмтнд туслҗ йовлав, – гив.

Эрлг Номин хан алтн толян авч үзәд:

[1] Чис гих – чишкх.
[2] Бәдр – ламин сав.
[3] Халһа – көгсн.
[4] Маңхг – эм хадһлдг уут.
[5] Инагши – эн күртл.

– Чи номин увдьсин[1] һучн зурһан боть сурсн – үнн. **[20]** Элкн төрлин күүг медн бәәж, һурвн хар хорын эмиг өгч алсн гисн бәәнә. Энүг авч һарад, хорта һалта халун тамд һурвн хар хорын ус өгч тамлтн! – гиж һарһв.

Тиигж бәәтл далн хойр наста өвгн барун һартан «Дорж җодв»[2] бәрсн, зүн һартан эрк, күрд бәрсн ирв.

– Чи хамаһас ирвч? – гихлә, мөн урдк күүнә йосиг **[21]** келв.

– Җа, чи буйнта, килнцтә ю кевч? – гиж асуув.

– Би нег зун нәәмн зеерң, тәвн негн бүһ, һурвн зун хө, долан кү алув. «Дорж җодв» нег бум[3], мааниг нег дуңшур[4] умшув! – гив.

Эрлг Номин хан алтн толян авч үзәд:

– Чини келсн үнн бәәнә. Энүг авч һарһад алтн шар зам засч өгтн. Алтн дусалт бурхна хутг олулһтн! – гив.

[22] Тиигж бәәтл ут хар гижгтә, күрң хар чирәтә, төгрг хар нүдтә, һучн цаһан шүдтә көк залу Очр нертә көвүн ирв.

– Чи хамаһас ирвч? – гихлә, мөн урдк күүнә үг келв.

– Җа, чи буйнта, килнцтә ю кевч? – гив.

– Юм кесн угав. Хө хәрүлж йовхдан маань өгүлж йовлав! – гиж әәлдхв.

Эрлг хан алтн толян авч үзәд:

– Чини келсн үнн бәәнә. Эсрүн[5], Хурмуста теңгрин төрлһ олулһтн! – гив.

Тиигж бәәтл **[23]** хан күүнә төр бәрсн Нангил нертә закргч түшмл бек, бир бәрж ирв.

– Чи хамаһас ирвч? – гиж асуув. Мөн урдк күүнә үг келв.

– Җа, чи буйнта, килнцтә ю кевч? – гиж асуув.

– Би төр йос бәрж, зарһиг үннәр шүүж, хуулиг үннәр бәрж йовлав! – гив.

Эрлг Номин хан алтн толян авч үзәд:

– Чи зарһ худлар шүүж, **[24]** бузр күүг әрүн болһж, әрүн күүг бузр болһж, өңг мөңг татж, буру шүүсн бәәнәч. Энүг авч һарһад, тавн зун төрлд дәкн күчтә көлдсн тамин усн болһж төрүлтн! – гиж һарһв.

[1] Увдьс – авшг.
[2] Дорж җодв – судрин товч нерн.
[3] Бум – арвн түмн.
[4] Дуңшур – сай түмн.
[5] Эсрүн (санскр. *Brahma*; тиб. *tshams)* – Деед орна теңгрин эзн.

Тиигж бәәтл хөрн хойр наста Номин Зул нертә күүкн барун һартан эрк, күрдтә, зүн һартан «Дорж җодв» бәрсиг үдин һазрт бараһинь харж **[25]** үзәд, Эрлг Номин хан алд цаһан хадг бәрж, үдин һазрт сөгдж, амринь әәлдв.

– Ая, Номин Зул рагни, хамаһас хааран өөд болж йовнач? – гиж асуув. Мөн өгүлв.

– Ая, рагни, буйнта, килнцтә ю кевч? – гиж асуув.

– Би зун нәәмн нүгн[1] сәкүв. Зун нәәмн хувргт оркмж уйж бәрүв. Хуврг күүг үдин һазрт угтж, ноха **[26]** хөрж өгч йовлав. Түүгәрн хочлгдж[2] келгдж йовлав! – гив.

– Эн келснчн – үнн. Замбутивд буцж төгс номин девлтә, лагшин төгссн гелң болж миңһн хувргин толһа деер әдс тәвж, әмтнд туслж йов! – гиж һарһв.

Тиигж бәәтл һурвн номта девлтә гелң күн алтн шил теңгрт өөд болж, арвн өңг солңһ татулн нисч йовснь үзгдв. Доржнилва дотрк дөрвн зун **[27]** жирн йисн экнр нег гецл күүнә оркмжас бәрәд, оһтрһуд һарч одв.

Молм төөн әәлдхв:

– Эн гецл хуврг ямр үүл үүлдсн күмб? Энд эс баралхх учрнь юмб? – гив.

– Тер Хоңгшим-бодьсадын зам гидг. Дүр гегәһинь үзсн хөөн энд әәлдһх керг уга! – гив. Бас Молм төөн асуув:

– Эн тамин дөрвн зун жирн йисн экнриг **[28]** тер нег гецл күн оркмжасн бәрүлн оһтрһуд һарч йовх учрнь юмб? – гиж асуув.

– Ая, тер ламиг Замбутивд йовх цагт цав, манз, оркмж өргсн буяр болн тер ламас ван жинән[3] авсн тер йөрәләр күцәгдәд, Доржнилвас һарч одв! – гив.

Бас Молм төөн асуув:

– Эн әмтн хама одхв, **[29]** ямр төрл олхв? – гив.

– Тедн өгмин тэчин һалдн[4] Сукавадин орнд одж, Хоңгшим-бодьсадын нөкр селт болн төрх! – гиж әәлдхв. Бас Молм төөн асуув:

– Эн хар эр нег күн ямр учрар Доржнилвад кевтж хоцрв? – гив.

[1] Нүгн – мацг.
[2] Хочлх – нер хадгдх.
[3] Ван жинән – увдьс, номин таңһрг.
[4] Һалдн – Байсхлңгта.

– Тер ламас ван җинән авсн сүүлд рагнис экнртә биләв гиҗ ховлҗ келсн болн лам **[30]** хуврагудта дәәрхгсн[1]. Тер таңһрган эвдсәр һурвн һалвиг нөгчтл очр там дотр кевтх! – гиҗ әәлдхв.

Ая, Басмани хатн Аюху бодьсад көвүһән Замбутив деер авч һарад сэм сүм сәәхн нәәрлдн саатв.

Гетлһгч Цаһан Дара экин түрүн бөлг төгсв.

Эк Цаһан Дара зәрлг болн залрв:

– Эк болсн **[31]** зурһан зүүлин хамг әмтн, эрк биш буйнта йовдлыг күцәтн. Йилңһу, экнр күмн мини, эрдмтә төөн хуврагудыг күндлҗ, манз хармнлго бәрәд, оркмҗ, бәрнтг[2] уйн бәрүләд өгтн!

Шагҗмунин орнд одх йөрәлиг улм икәр тәвтн! – гиһәд залрн одв.

ОМ ДАРЕ ДУДАРЕ ДУРЕ СУХА

[1] Дәәрхг – эв уга бәәх.

[2] Бәрнтг – ламин хувцн.

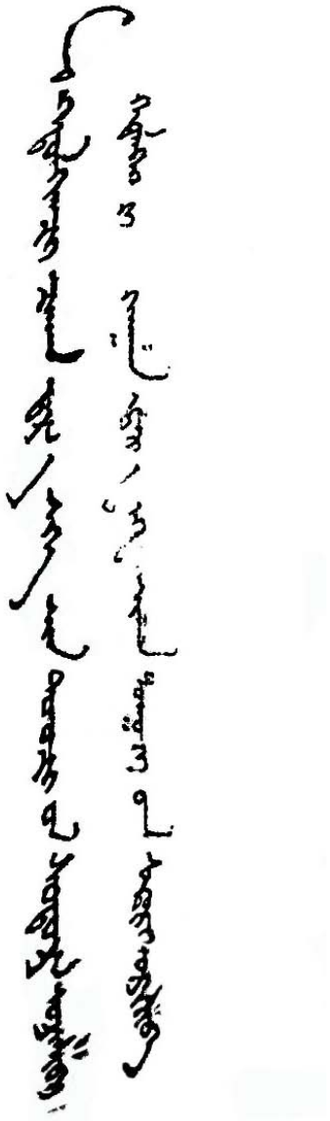
Приложение IV

ФАКСИМИЛЕ

«Getülgegči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuuǰi-un sudur orošiba»

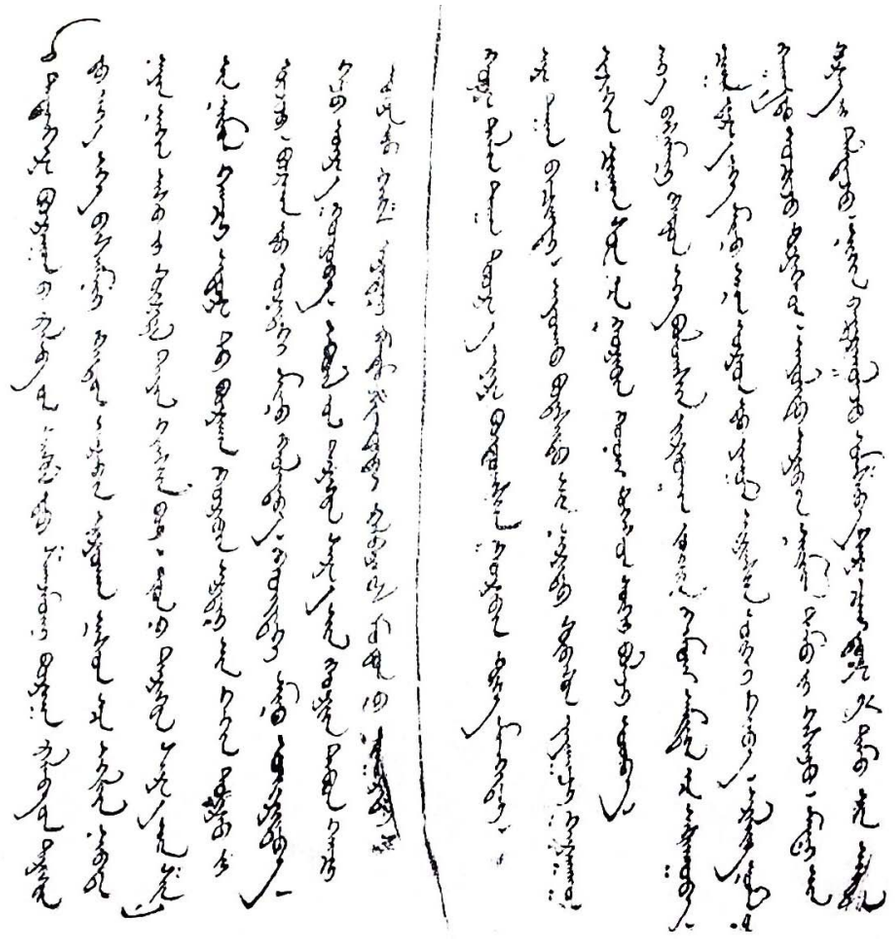
Монгольская рукопись, сшитая тетрадь,
16 л., 11 х 22 см., черная тушь,
Национальная библиотека АРВМ КНР (г. Хух-Хот)
(Шифр – 02148)

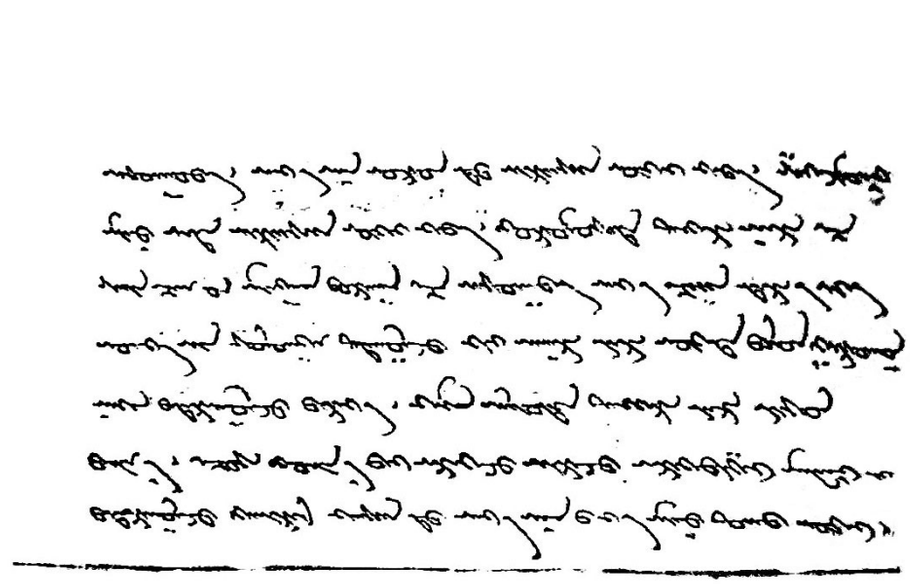
1

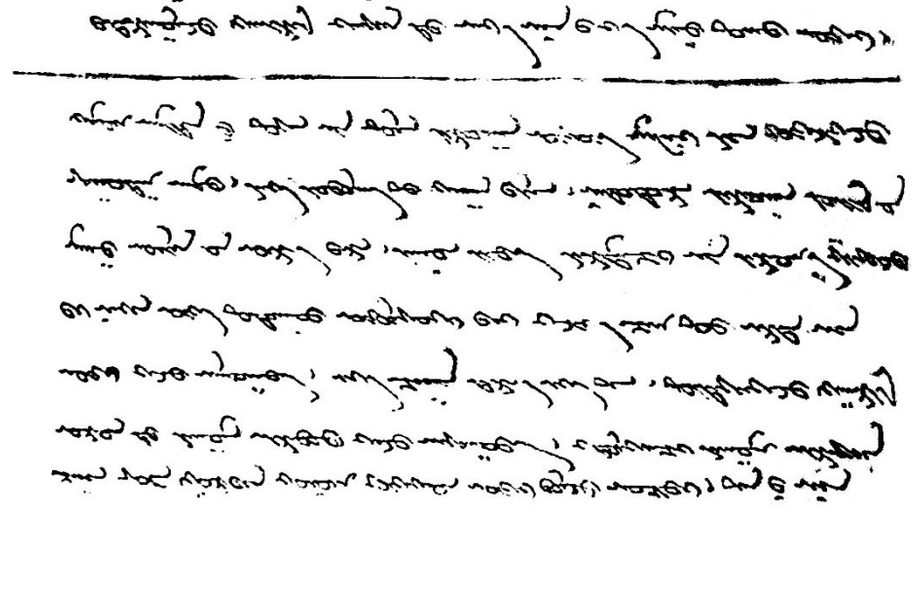


2

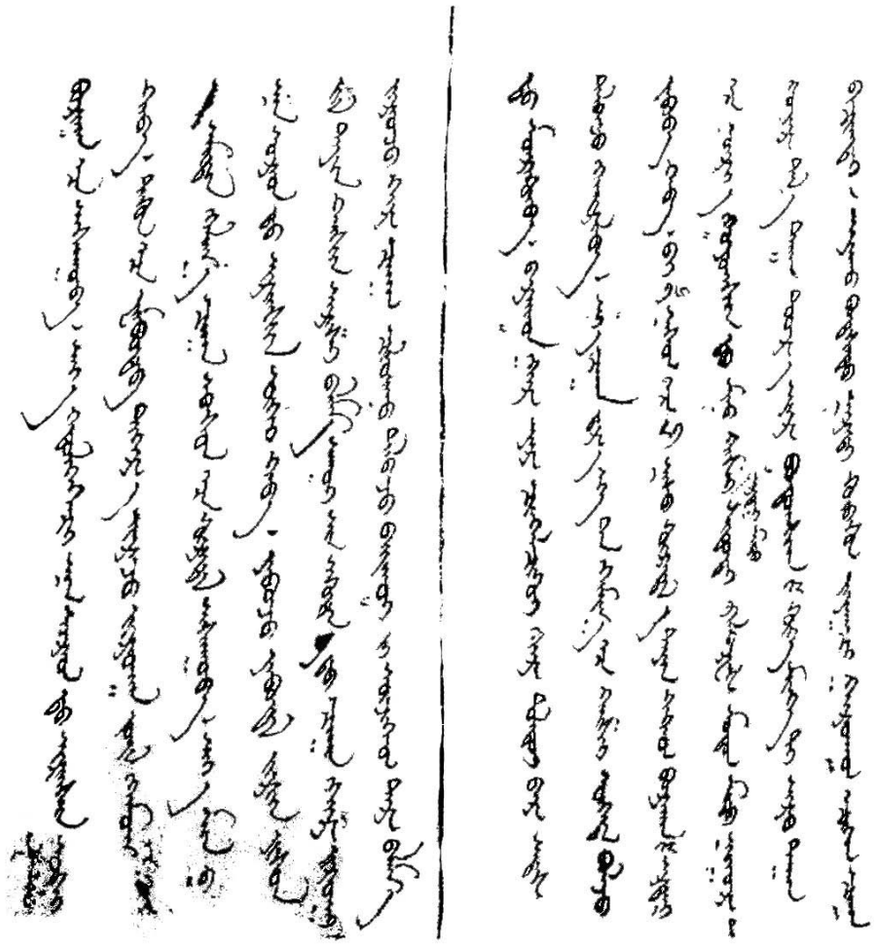
3



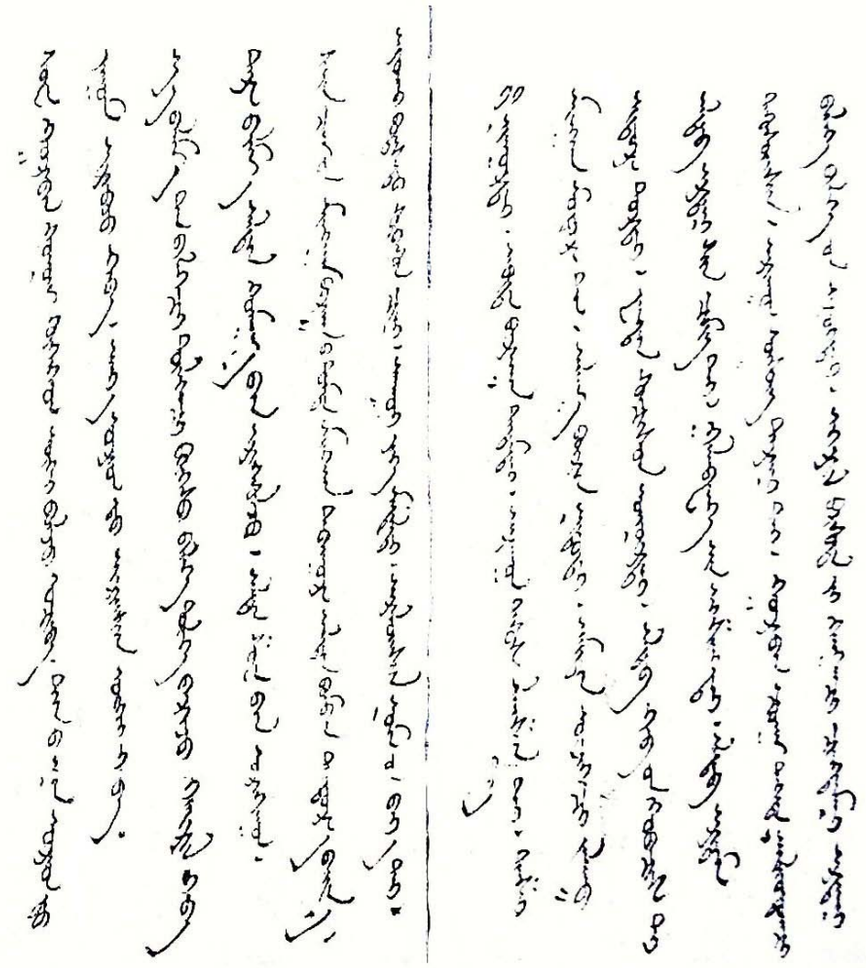




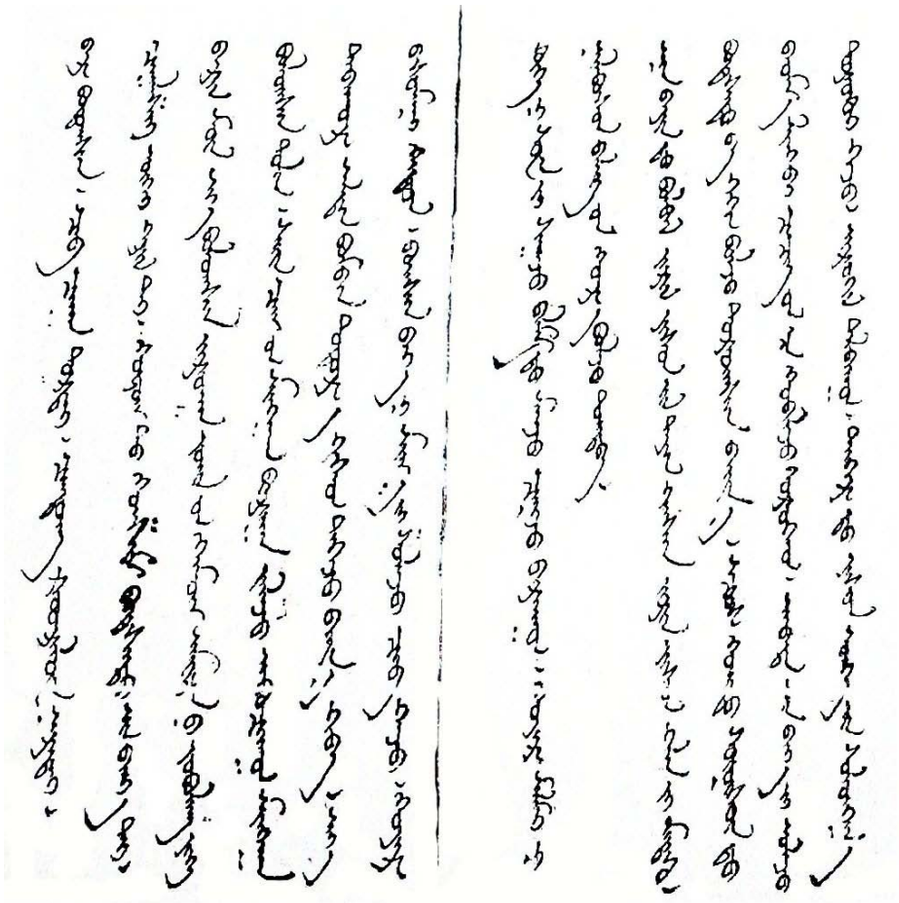
8 9



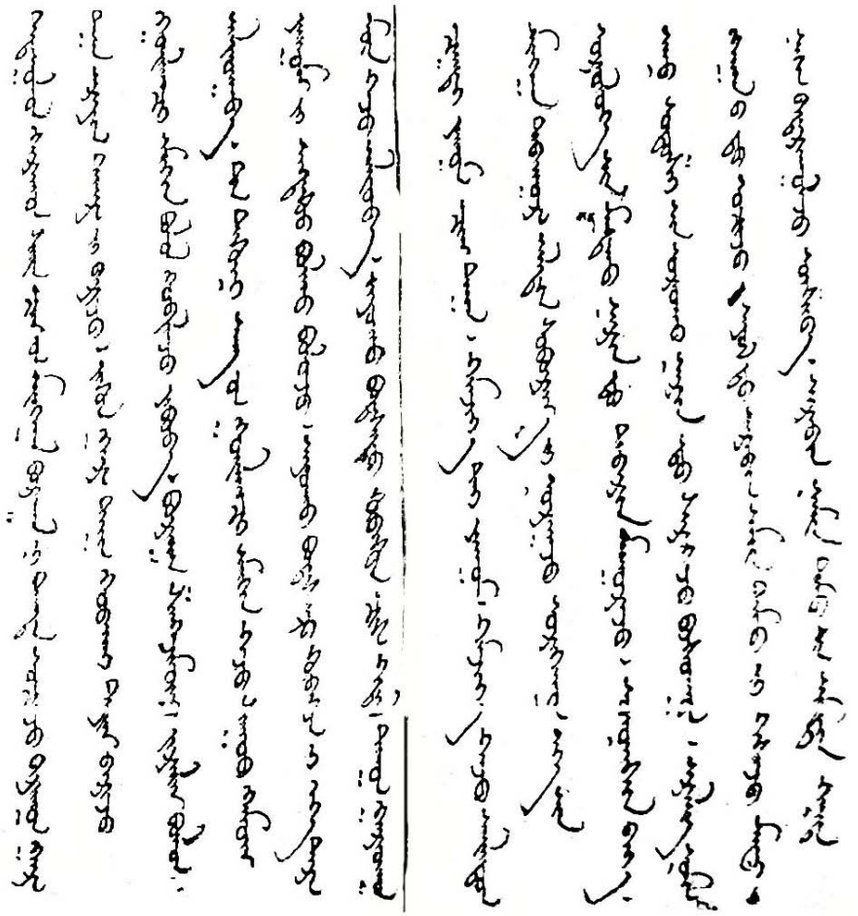
10 11

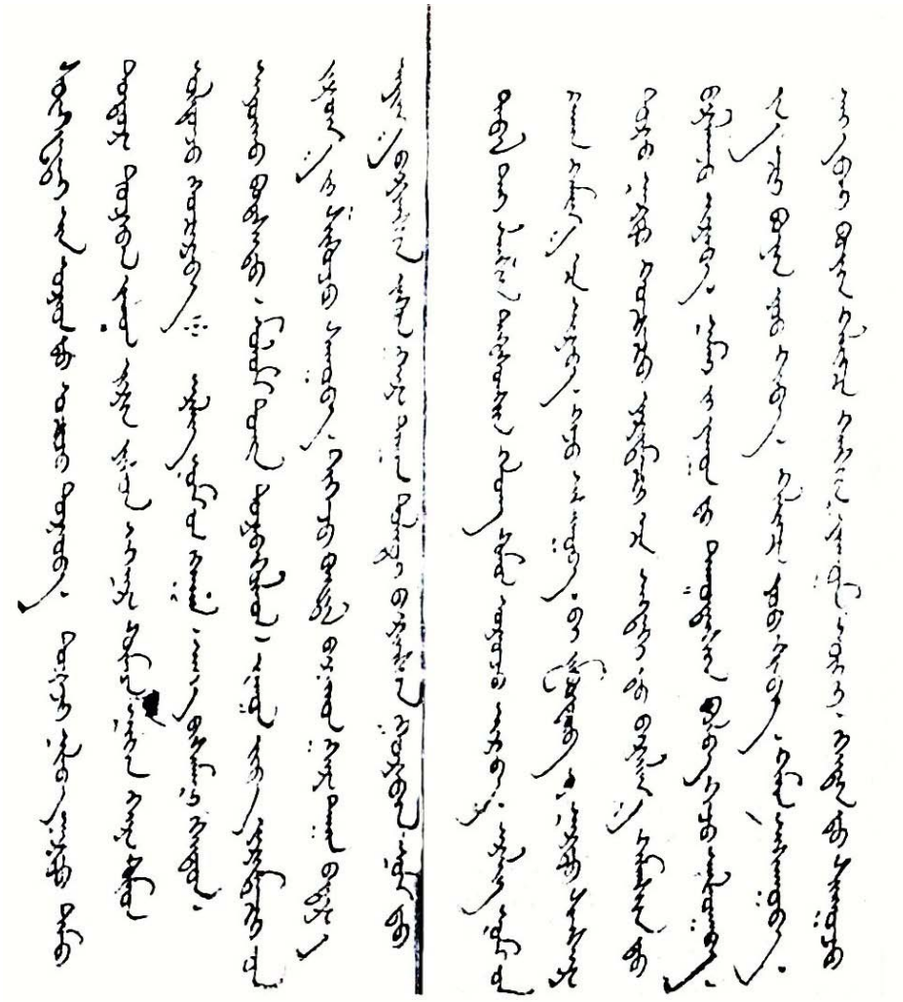


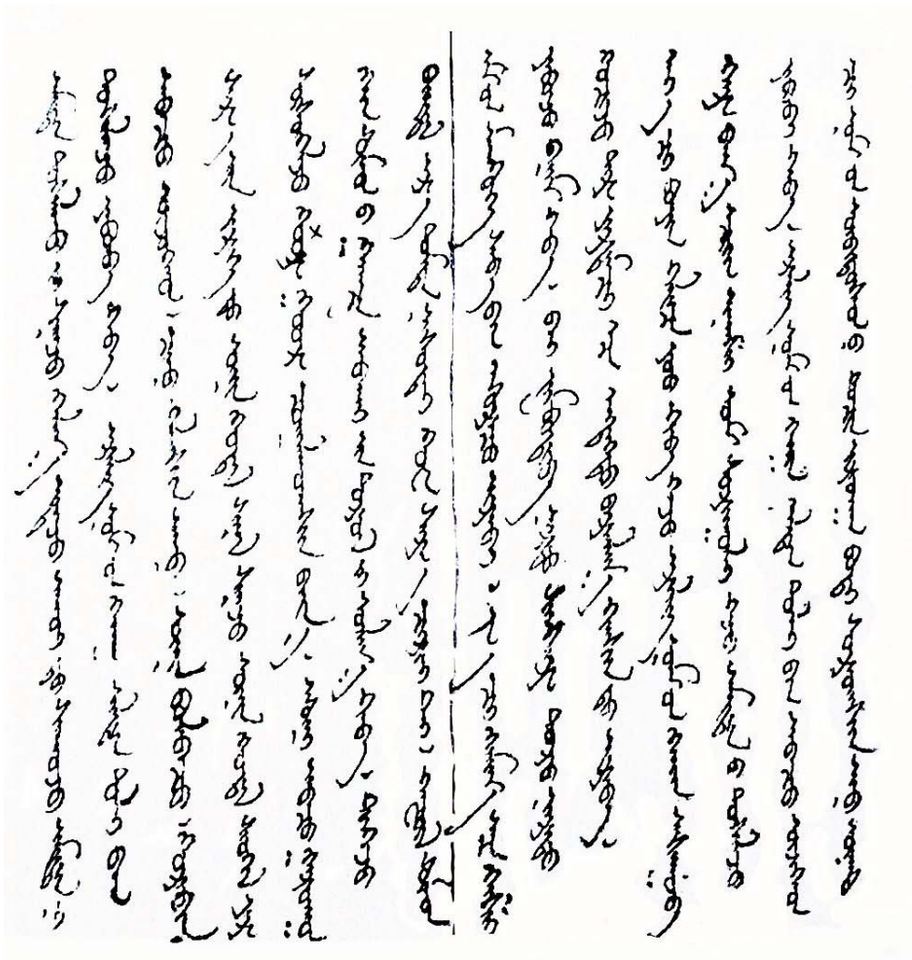
12 13

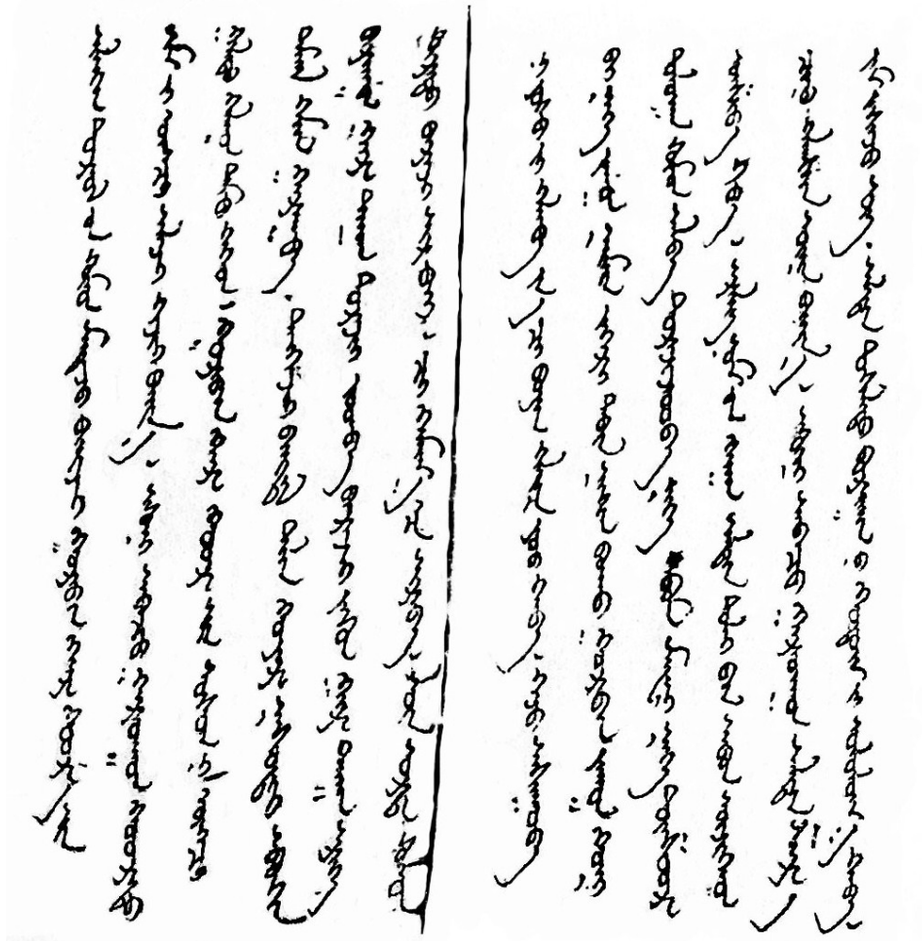


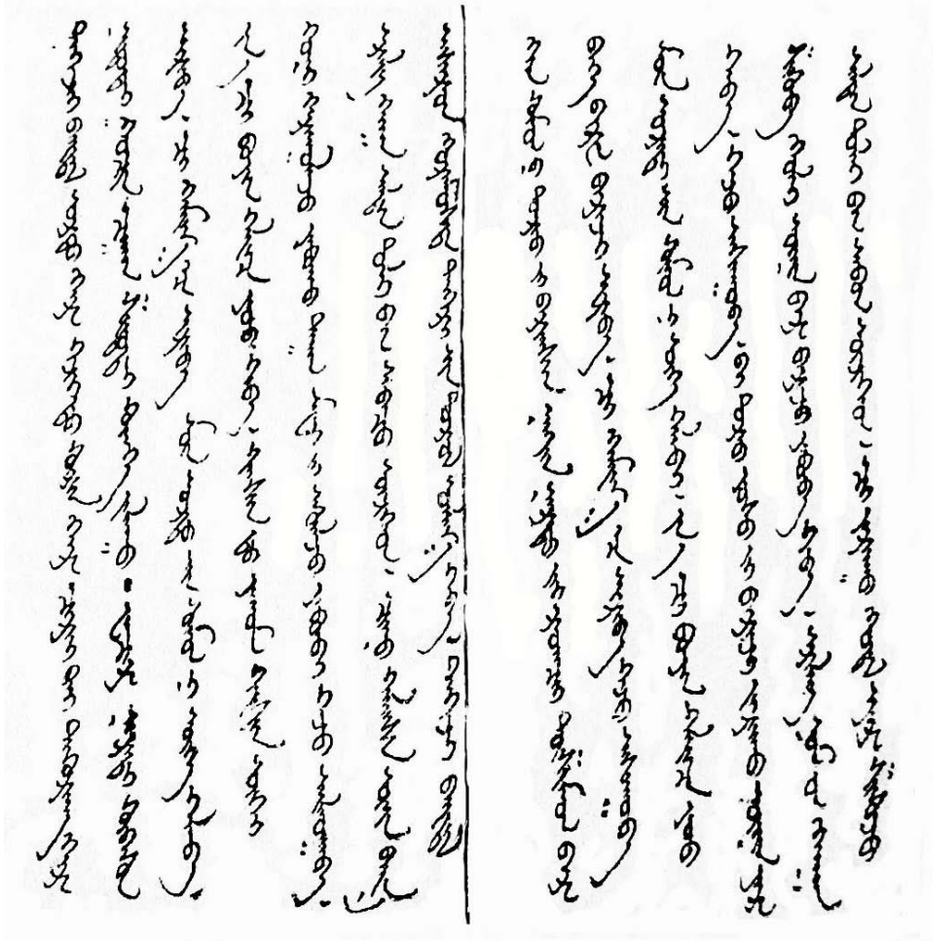
14 15

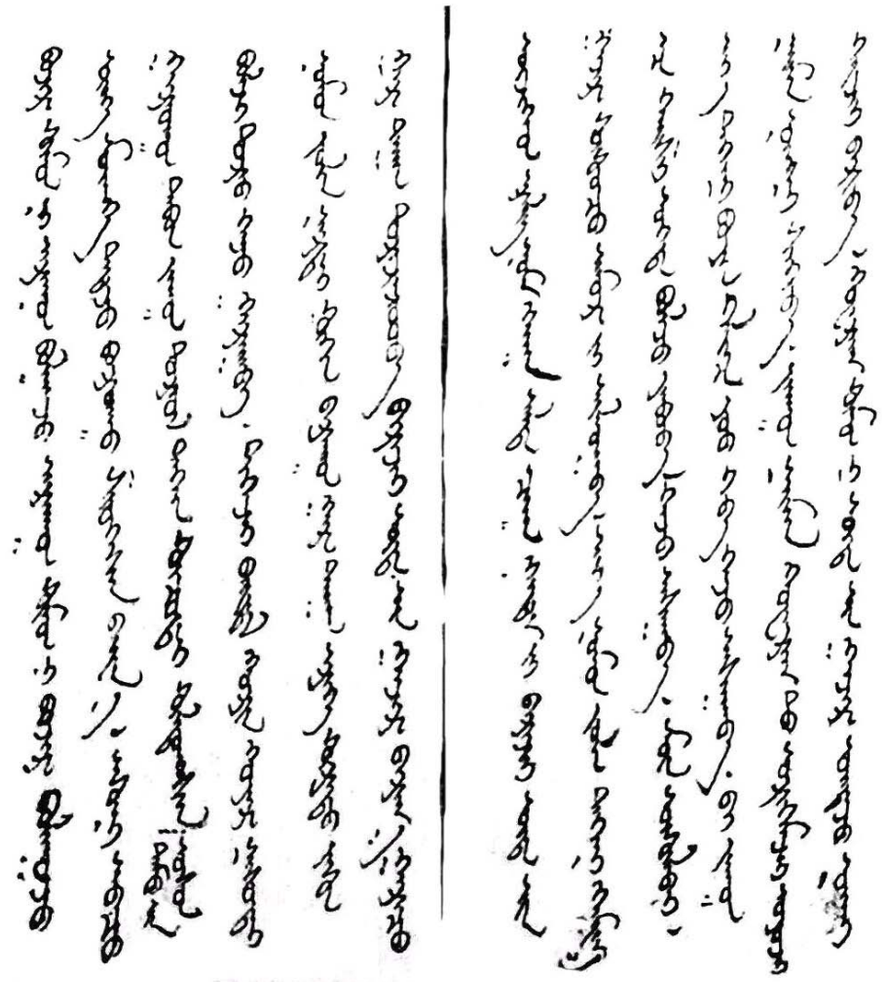


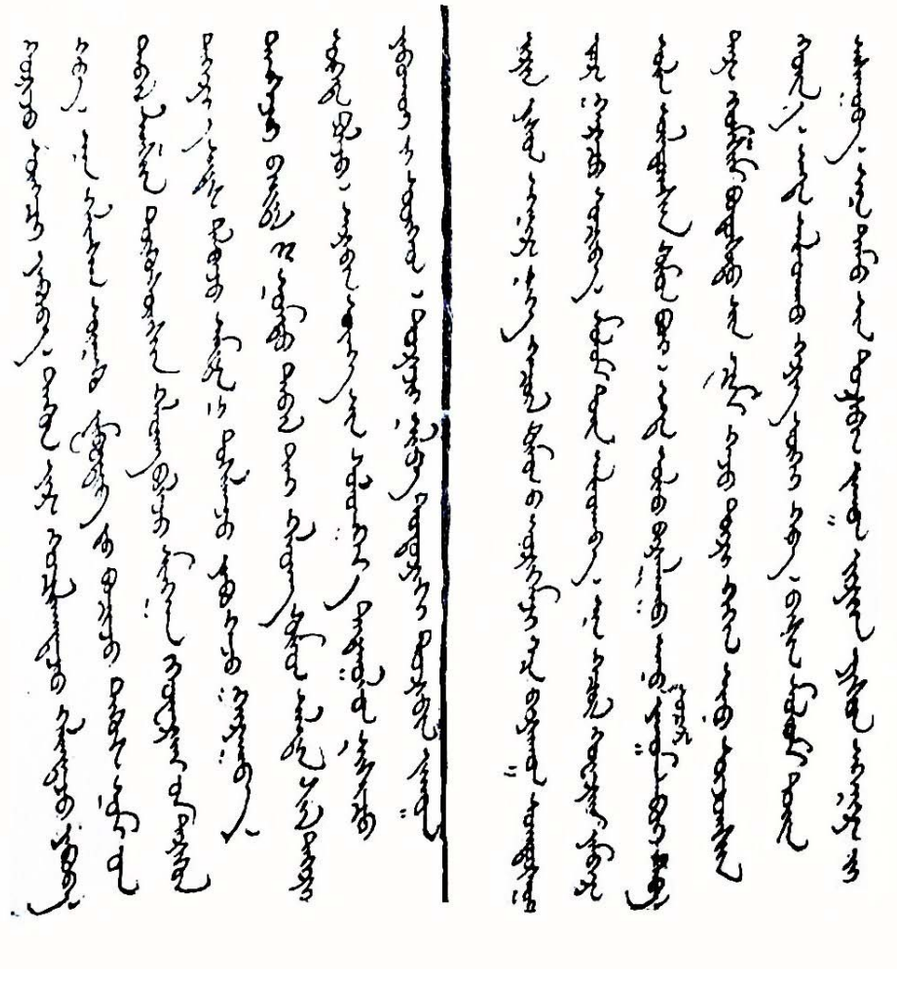




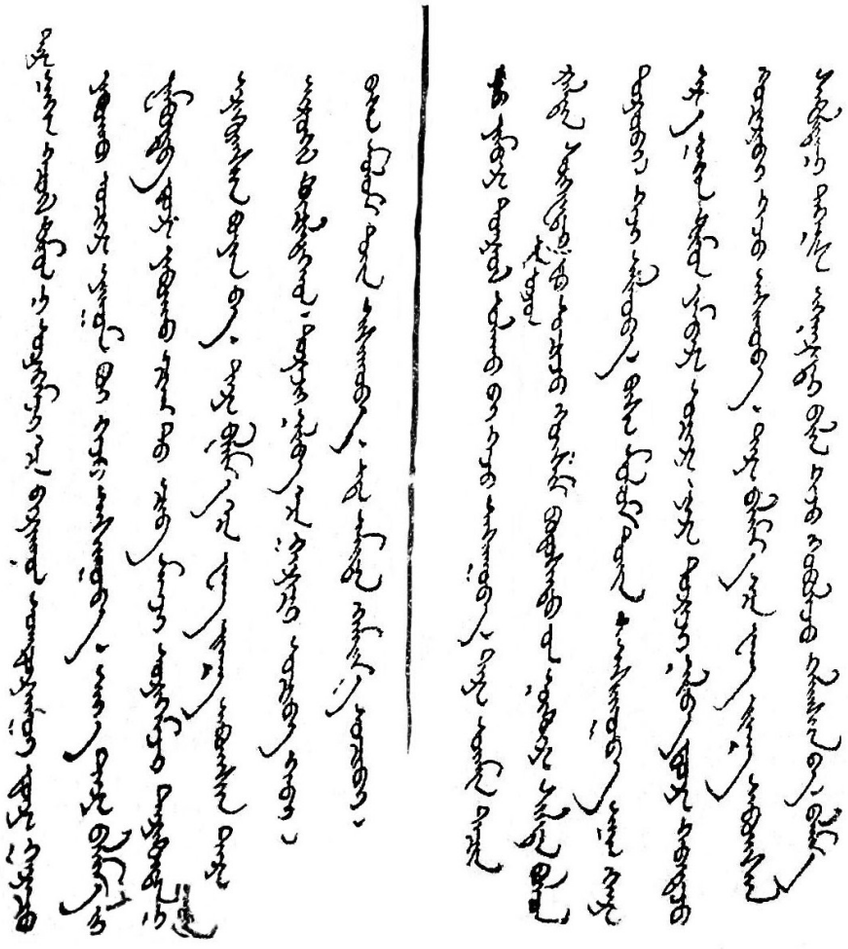




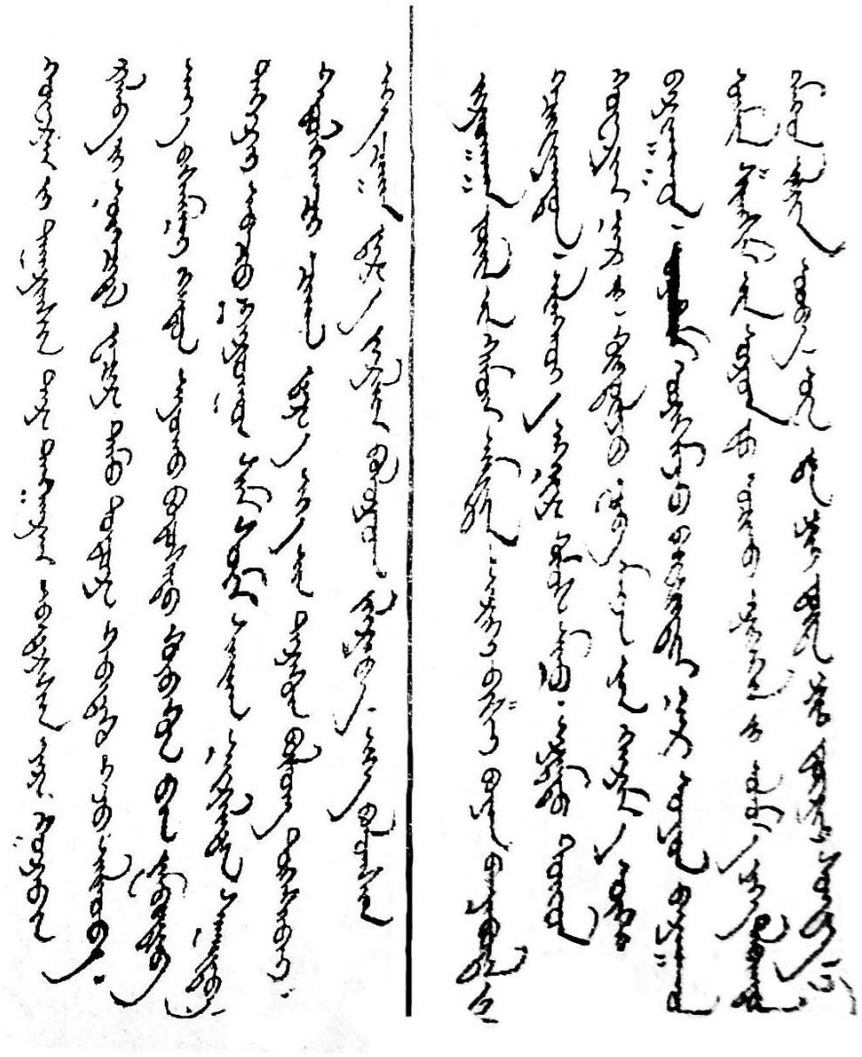




28 29



30 31



Приложение V

Рисунок из калмыцкой рукописной книги

Таблица соотношения редакций
«Повести о Нарану Герел»

Таблица соотношения редакций «Повести о Нарану Герел»

	Монгольские тексты		Ойратские тексты	
	«Четвертая часть о том, как Нарану Гэрэл судили у Эрлик-хана и как [она] возвратилась в мир живых»		«Жизнеописание Белой Тары» («Повесть о Нарану Герел»)	«Повесть-наказ Цаган Дара эке» («Повесть о Нарану Герел»)
	I (ранняя) редакция	II (ранняя) редакция	III (поздняя) редакция	Особая редакция
	Публикация Ц. Дамдинсурэна	Публикация А. Г. Сазыкина, Д. Ёндона	Публикация Б. А. Бичеева	Публикация А. Г. Сазыкина
1	Выпив отравленный напиток, предложенный нойоном Чан-ха-лю, Наран-гэрэл умирает.		Выпив отравленный нойоном Люго напиток, Наран Герел умирает.	В прежние времена скончалась перевоплощение Цаган Дара эке по имени Нарану Герел.
2	Два черта Асар и Исар приходят за душой Наран-гэрэл. Хонгшим-бодисатва велит им доставить её душу Эрлик Номун-хану.		Два будды-хранителя, перевоплотившись в бодхисаттв, прибыли к Нарану Герел и повели ее за руки.	
3	Войдя во врата ада, Наран-гэрэл увидела красномедную собаку, которая добросердечных людей пропускала беспрепятственно, а жестокосердных людей проглатывала.			
4	Потом она увидела высокую крепость, в которую были заключены преждевременно умершие люди.		В одной местности (в большом ущелье) она увидела с десяток слуг Эрлик-хана на железных конях, которые железными плетьми гнали множество преждевременно умерших людей.	

5	Затем она пришла к реке, в которой текла кровь. В этой реке наказывали женщин, кто, в мире живых рожая детей, капнул кровью на место жертвоприношения буддам, кто клал грязные одежды возле священных книг, кто стирал замаранные пожитки свои в проточной воде.	
6		Нарану Герел увидела, как множество разноцветных червей точили дерево Галварас от корней до самой вершины. Этим деревом стал монастырский казначей, который, пребывая в мире живых, раздавал монастырское имущество своей родне.
7		Затем она увидела, как человек (ребенок) подошел к дереву и влез на него. Ветви и сучья, превратившись в ножи и копья, стали кромсать на части его кожу, мясо и кости. Так его наказывали за то, что, пребывая в мире живых, ругал своих отца и мать, а также порочил и унижал лам и хувараков.
8	Затем они прибыли в город, в котором старуха по имени Мэн-джи, звала всех выпить чаю. Всякий, кто выпивал этот чай, забывал о возвращении в мир живых.	Нарану Герел увидела старушку, которая звала всех попить чай. Выпивший этот чай, обретал три вида дурной участи.
9	Следуя дальше, она пришла к ледяной горе, на которой страдали от ветра и стужи те, кто при жизни, будучи богатыми нойонами, погубили множество живых существ, унижали лам-учителей, с коварными намерениями вносили смуту в управление государством.	

I (ранняя) редакция	II (ранняя) редакция	III (поздняя) редакция	Особая редакция
10		В области животных Нарану Герел увидела, как крупные звери пожирали меньших животных. А меньшие впиваясь в тела крупных животных, поедали их. На некоторых животных люди ездили верхом и перевозили грузы, оставляя на их спинах рубцы и раны.	
11	Пройдя дальше, она увидела как многих людей, привязали к одному большому столбу и отрезали им языки, а собаки слизывали кровь. Так наказывали тех, кто при жизни лгал, крал, грабил, присваивал чужие вещи, разлучал людей и отбирал вещи у монахов.		
12		В области претов Нарану Герел увидела множество существ с шеей, подобной полому камышу, и чревом, размером с котловину, с ногами, похожими на ковыль, с телом синюшного цвета, которые страдали от голода и жажды. Ими становились те, кто, пребывая в мире живых и обладая имуществом, клялся, что ничего не имеют, завидовали чужому богатству и не давали подаяния бедным и нищим.	
13	Затем они увидели огненный ад, в котором наказывали тех, кто убил родителей, дерзил мужу, противоречил матери и отнимал вещи у монахов.		
14		Переходя через высокий горный перевал, она увидела, как по склону той горы поднимались густой дым и пыль. Когда [они] приблизились, то увидели, как три человека, высунув на три маховых сажени языки с насаженными гвоздями, словно плугом распахивали ими землю и засевали [пашню]. Будучи в мире живых, некоторые из них лгали, некоторые сплетничали.	

15	Они пошли дальше и увидели высокий помост. Когда взошли на него, увидели людей в мире живых. Увидели, как совершают похоронные обряды, оплакивают умерших, совершают воскурения и сжигают бумагу.		
16	Спустившись с помоста и осмотрев все 18 адов, они подошли к вратам Эрлик Номун-хана. Пройдя ворота, она встретилась с Эрлик Номун-ханом. Раскрыв книгу судеб, Эрлик-хан поведал Наран-гэрэл о том, что ей суждено дожить до 81 года. Затем Эрлик Номун-хан приказал чертям доставить душу Наран-гэрэл к Хонгшим-бодисатве.		
17	Наран-гэрэл испросив разрешения у Эрлик Номун-хана, встретилась со своей свекровью, страдающей в аду. Свекровь попросила невестку, вернувшись в мир живых, пригласить ламу и заказать чтение священных книг ради ее скорейшего избавления от адских мук.		
18	Черти отправились с Наран-гэрэл в мир живых и прибыли в столицу государства Джин. Тэнгрии устроив сильный дождь и молнию, раскололи землю и извлекли останки Наран-гэрэл. Хонгшим-бодисатва произнес благословение, созидающее жизнь и Наран-гэрэл воскресла.		

	III (поздняя) редакция	Особая редакция
19	В преддверии кипящего ада она увидела, как каждому из четырех людей отрубали четыре конечности, крюками вытягивали им языки, а в раскрытые рты заливали расплавленную жидкость и как у них из девяти отверстий журчащими струйками вытекали маслянистые вода и кровь. Находясь в мире живых, они, будучи чиновниками, получив взятку, невиновным признавали виновного, а не давшего взятку невиновного человека объявляли виновным.	
20	Нарану Герел пошла дальше и увидела, как в ступе толкли человека, который вопил: «Мой лама и Три драгоценности! Отец мой и матушка! Родные мои!». Этот человек, находясь в мире живых и однажды заболев, сказал: «Какая же польза от лам и хувараков!» – и тем самым унизил их.	
21	Отправившись дальше, увидела, как тела нескольких человек разрывали на части и толкли в порошок, а они вопили [от боли] страшными голосами, потом их вновь оживляли. Их наказывали за то, что, находясь в мире живых, некоторые из них, зная, что совершают греховное деяние, все же убивали много диких животных, некоторые ради увеселения и забавы подвергали насилию живые существа.	[Нарану Герел] пошла дальше и увидела, как эрлик с громкими криками сокрушал в прах какого-то человека, а затем вновь оживлял его. [Этот человек], пребывая в мире живых, выслушивал греховные речи и [всем] пересказывал их. Убил множество диких зверей. Многим причинил вред своими шутками и насмешками.
22	Нарану Герел увидела, как в огромный ад ввергали какого-то ламу. Когда он уже переставал издавать звуки, его окликали сверху, и он вновь оживал. Так он был наказан за то, что, пребывая в мире живых, выдавал себя за святого хубилгана и порочил своего драгоценного ламу. Возгордясь, бегло прочитывал священные книги. Одинаково охотно совершал и греховные и безгрешные деяния.	
23	[Нарану Герел], пошла дальше и увидела, как одного совершенно черного человека ввергали в великий ад. Когда появлялся запах гари и грязи, его окликали, он оживал, но его вновь ввергали в ад. Пребывая в мире живых, он воровал вещи, принадлежавшие буддам, отбирал их у лам и хувараков.	Нарану Герел проследовала дальше и увидела, как еще более ста человек были брошены в ад, и запахло гарью. Пребывая в мире живых, они крали имущество Будды. Отбирали вещи у хувараков. Устраивали повсюду пожары.

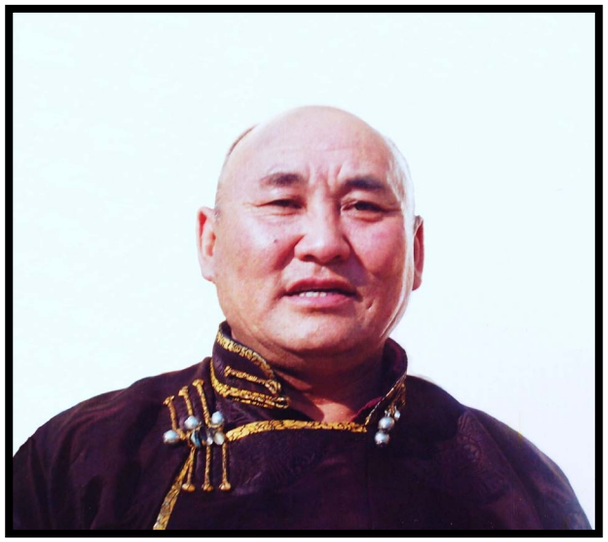
24	Нарану Герел увидела, как эрлики привели монахиню и сбросили ее в ад. Она с треском рассыпалась на бесчисленное множество частей, но по велению свыше вновь ожила. Так ее наказывали за то, что находясь в мире живых, крала вещи у людей. Жила неправедно даже после того, как приняла обет. Оскорбляла лам и хувараков. Своими сплетнями ссорила смиренных хувараков.	
25	[Нарану Герел] в аду Очирту увидела, кричащего страшным голосом и рыдающего ламу. Будучи в мире живых, он оскорблял имевших лучшие познания хувараков и тойнов, утверждая, что не они знают дхармы, имел превратное представление о дхарани, презирал своего ламу-наставника. Дружных между собой людей разлучал с помощью сплетен, порочил их жен и детей.	
26	Нарану Герел пошла дальше и увидела, как какая-то старая женщина, в один миг превращаясь то в рыбу, то в человека, варилась в раскаленном котле. Так она была наказана за то, что, находясь в мире живых и будучи богатой, говорила, что баранина и говядина жестки и невкусны. Поэтому ловила рыбу и, сварив, ела ее.	
27	Нарану Герел отправилась дальше и увидела, как какая-то девушка сама залезала в котел с кипящей водой. Когда мясо ее разваривалось и отставало от костей, она съедала это мясо и вновь забиралась в котел. Так она была наказана за то, что, находясь в мире живых и будучи единственной дочерью богатого человека, относя пищу живущему в пещере отшельнику, съедала по пути эту пищу. Когда ее спросили об этом, она поклялась, что съест свое собственное мясо, если ела пищу отшельника.	
28	Нарану Герел вошла через ворота в огромный двор с железной оградой и стала ожидать в оденой из построек. Во дворце на золотом престоле восседал величественный и грозный, испускавший сияние Эрлик Номун-хан.	
29	Два эрлика привели к Эрлик Номун-хану девушку по имени Цаган Линхуа. Когда проверили в зерцале и взвесили на весах результаты ее деяний, то добрых деяний у нее оказалось великое множество. Номун-хан повелел сто тысяч прочитанных ею мани отдать шести видам живых существ. Еще сто тысяч отдать в область восемнадцати адов. Остальные сто тысяч мани оставить ей самой и повелел отправить ее в священную область Будды.	

	III (поздняя) редакция	Особая редакция
30	К Эрлик Номун-хану привели разодетую и разукрашенную женщину. Когда проверили и взвесили, то добрых деяний у нее не оказалось вовсе. Когда она впервые выходила замуж, то велела забить шесть овец и корову. Когда выходила замуж второй раз, то приказала забить десяток овец. Выходя замуж в третий раз, она велела забить четыре овцы и корову. Дважды во время соблюдения обета она совершала неправедные деяния. Имела превратное представление о своем ламе-наставнике. Законного мужа своего порочила сплетнями. Эрлик Номун-хана повелел отвести ее в ад Очирту в котором ей суждено пребывать до окончания кальпы.	
31	С северо-западной стороны ко дворцу Эрлик Номун-хан под распевы мантр шествовал лама, в монашеском одеянии и в сопровождении множества мужчин и женщин. Эрлик Номун-хан повелел вылавливать арканами и выхватывать крюками порочные существа, которые пытались затеряться среди добродетельных существ. Два эрлика с головами льва и тигра вылавили более ста мужчин и женщин, каждого из которых по приказу Владыки ада наказали в зависимости от степени совершенных ими дурных деяний.	
32	Бодхисаттвы подвели Нарану Герел к Номун-хану. Он поведал всем, что Нарану Герел, прибыла сюда преждевременно, в результате козней злонамеренного человека. Затем он повелел ей вернуться в мир живых и содействовать пользе живых существ до достижения 97 лет. Эрлик Номун-хан наказал ей поведать обо всем увиденном и услышанном в аду всем живым существам.	
33	Бодхисаттвы водворили ее душу обратно в труп в тот момент, когда Доналджингуа собиралась поместить ее тело в гроб. Нарану Герел ожила и стала еще прекраснее прежнего.	Нарану Герел поведала всем о том, что, будучи воплощением Цаган Дара-эхэ, станет появляться в различных обличьях. Она пожелала всем живым существам не порицать ни обладающих речью, ни бессловесных живых существ и очиститься от греха.

SUMMARY

A History of White Tara (A Tale of Naranu Gerel) is one of the most popular works of the Old Mongolian written literature. Three editions of this story are known to researchers.The first (early) edition, written in the form of prose and poetry, dates back to the 17th–18th centuries; it is known through the publication of the famous Mongolian scholar Ts. Damdinsuren.The second edition of the story is almost identical in its content to the early one but differs from it in one aspect: it is much inferior in terms of the text verification. The original copy of this manuscript is part of the collections of the Institute for Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

The third edition of *The History of White Tara (A Tale of Naranu Gerel)* is known both in the Old Mongolian script and in «Clear Writing». This edition differs from the first and second ones: its content is much richer and it has a number of artistic features, which allows to identify it as a distinct version of the tale.



Когда к изданию готовилась вторая книга нашей серии из Китая пришла печальная весть. В ночь на 18 октября 2014 года покинул этот мир религиозный и общественный деятель, духовный лидер монголов СУАР КНР Шалу Ринпоче XIV (Галсантубден Перлейджамцо). Он был одним из основателей и духовным наставником серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM».

Досточтимый Шалу Ринпоче родился 15 февраля 1942 года в округе Хобуксар. В раннем возрасте был признан XIV перерождением Шалу Лэг Чжалцана, великого буддийского учителя, настоятеля одного из древнейших монастырей Тибета. В 1956 году Его Святейшество Далай-лама официально признал его XIV перерождением по линии настоятелей монастыря Шалу.

Получив начальное духовное образование в родовом монастыре, досточтимый Шалу Ринпоче в 1957 году уехал на учебу в Гумбум. В годы культурной революции был отправлен в трудовую колонию. Светское образование он получил в Университете национальностей (г. Пекин).

В начале 1980-х годов Шалу Ринпоче становится признанным духовным лидером буддистов Синьцзян-Уйгурского автономного района. В те же годы он был избран членом Консультативного совета Всекитайского собрания народных представителей.

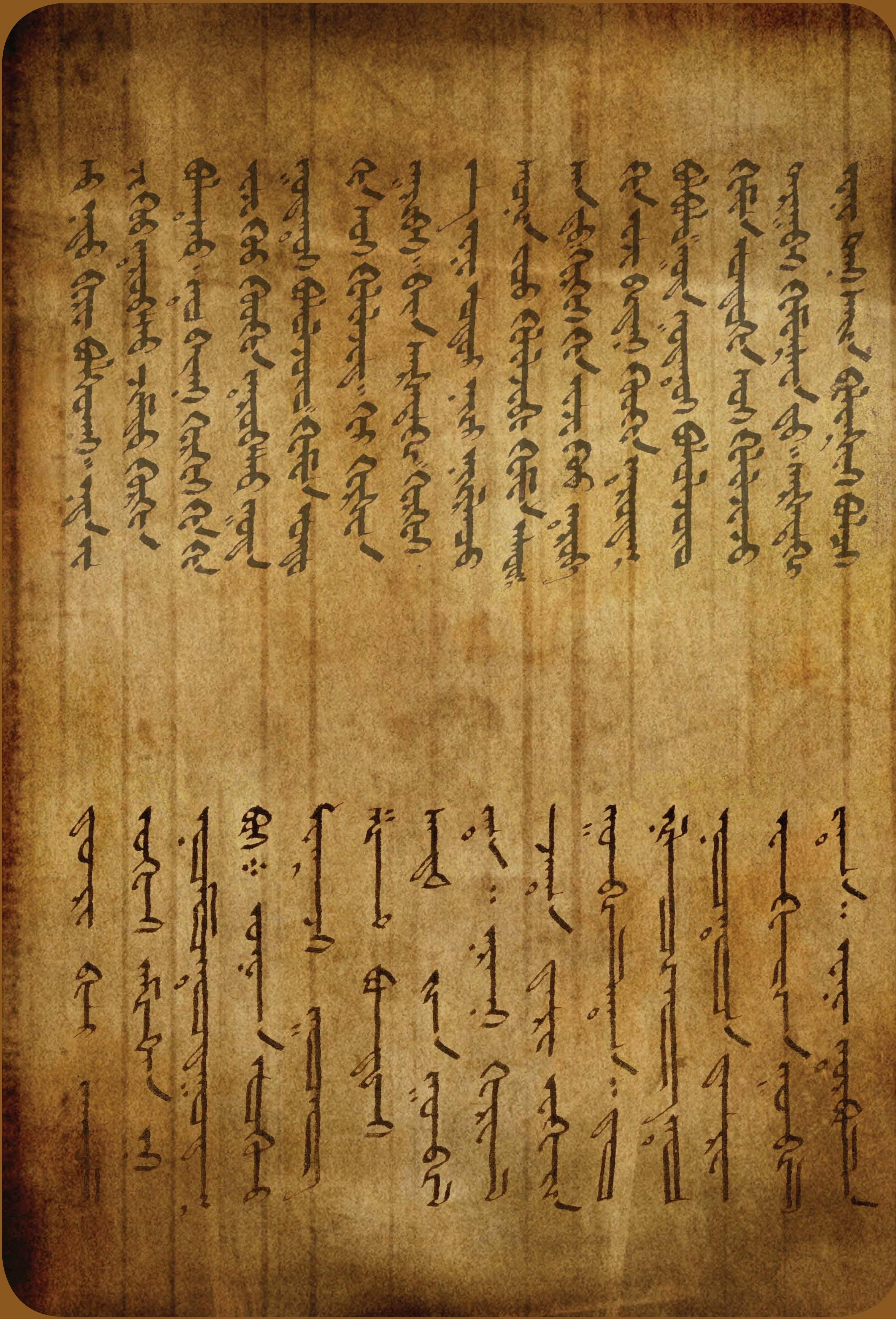
Досточтимый Шалу Ринпоче активно участвовал в культурной, научной и общественной жизни своей страны, искренне способствовал ее сотрудничеству с Россией и Монголией. Высокий мастер буддийской практики, досточтимый Шалу Ринпоче всю свою жизнь посвятил духовному служению и снискал глубокое почтение и искреннюю любовь своего народа.

Научное издание

ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ
«ИСТОРИЯ БЕЛОЙ ТАРЫ»
(«Повесть о Нарану Герел»)

Утверждено к печати
редколлегией серии
«CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM»

Редактор
Т. А. Михалева
Компьютерная верстка
Д. В. Татнинов

Подписано к печати 16.04.2015.
Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 20,64. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ЗАОр «НПП «Джангар»,
358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 245.